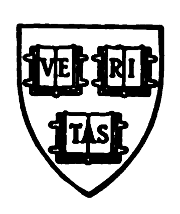

VE RI
TAS

ЗАКАЗ № 161

Шифр или наименование издания

Ленинградский филиал ЛАФОКИ

МИКРО репродукция | **ФОТО** репродукция

(ненужное зачеркнуть)

Стр., рис.

Исполнитель ______ (подпись)

ИЗГОТОВИТЬ ФОТООТПЕЧАТКИ:

Формат ______ **по** ______ **экз.**

Дата поступления оригиналов в ЛАФОКИ

Тип. БАН, з. 746, т. 30 000 21-VII-61 г.

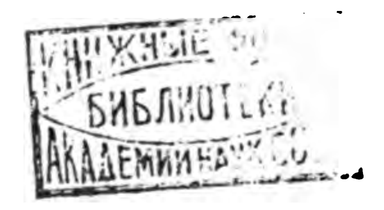
СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ЧИТАННЫХЪ

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9 лин., № 12.)

1867.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Декабрь 1867 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Съ 1854-го года издавались «Ученыя Записки Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ»; въ 1862-мъ году началось совокупное изданіе, на русскомъ языкѣ, трудовъ по всѣмъ тремъ Отдѣленіямъ Академіи.

При всѣхъ несомнѣнныхъ преимуществахъ такого изданія, время показало однакожъ, что для бо́льшаго удобства лицъ, спеціально слѣдящихъ за учеными трудами по русско-славянской филологіи и литературѣ, необходимо сверхъ того собирать въ особыя книжки тѣ статьи «Записокъ» Академіи, которыя исходятъ изъ названнаго Отдѣленія.

Появляющимся нынѣ томомъ начинается выполненіе этой потребности. Кромѣ статей, уже напечатанныхъ въ «Запискахъ», въ настоящую книжку *Сборника* допущены также нѣкоторые труды, не вошедшіе въ общее академическое изданіе.

Къ книжкѣ приложены подробные алфавитные указатели упоминаемыхъ въ ней именъ и предметовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1866 Г.

До свѣдѣнія Отдѣленія дошло, что надъ могилой умершаго въ 1864 году академика Востокова до-сихъ-поръ нѣтъ еще ничего, кромѣ деревяннаго креста, и что оставшіеся послѣ покойнаго родственники не имѣютъ средствъ поставить ему приличный надгробный памятникъ. Такъ какъ и въ распоряженіи Академіи не находится суммъ, на которыя могъ бы быть отнесенъ расходъ по этому предмету, то Отдѣленіе, имѣя въ виду общее уваженіе къ ученымъ заслугамъ Востокова, пріобрѣвшаго знаменитость во всемъ славянскомъ мірѣ, положило открыть съ означенною цѣлью частную подписку, пригласивъ къ участію въ сборѣ пожертвованій, сверхъ нѣкоторыхъ академиковъ, также нѣсколько постороннихъ ученыхъ и другихъ лицъ, отъ которыхъ можно ожидать особеннаго сочувствія къ этому дѣлу. О результатахъ подписки будетъ въ свое время объявлено во всеобщее свѣдѣніе.

Читана доставленная академикомъ Шифнеромъ, писанная по-русски іенскимъ профессоромъ Шлейхеромъ, замѣтка о планѣ *Всеславянскаго словаря*. Отдѣленіе, находя мысль германскаго филолога заслуживающею полнаго вниманія, изъявило желаніе узнать мнѣніе по этому предмету И. И. Срезневскаго, который въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій и прочиталъ свою о томъ записку. Подробное разсмотрѣніе словарей славянскихъ нарѣчій привело его къ заключенію, что прежде чѣмъ приступить къ составленію общаго славянскаго словаря, надобно дождаться изданія матеріаловъ, еще неизданныхъ, и критически разсмотрѣть изданные, частію уже внесенные въ словари. Такая большая работа предстоитъ, между прочимъ, и по словарю древнѣйшаго изъ славянскихъ нарѣчій —

церковно-славянскаго, которое отъ употребленія его дѣятелями нѣсколькихъ различныхъ странъ должно было принять въ себя слова разныхъ нарѣчій, въ томъ числѣ и такія, которыя, какъ кажется, были въ ходу у однихъ Болгаръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такія, которыя Болгарамъ не были извѣстны. Занимаясь выборомъ словъ изъ *Златоструя* Симеона Болгарскаго (ум. 927) сравнительно съ сборникомъ, переведеннымъ для того же князя, и съ произведеніями его современниковъ, епископа Константина и экзарха Іоанна, академикъ Срезневскій нашелъ въ этихъ памятникахъ многое одинаковое, между прочимъ такое, чего напрасно было бы искать въ другихъ неболгарскихъ памятникахъ. Наконецъ, въ приложеніи къ статьѣ своей онъ счелъ нужнымъ сообщить свѣдѣнія о трудахъ профессора Шлейхера, преимущественно касающихся славянской филологіи.

Тотъ же академикъ роздалъ сочленамъ отдѣльные оттиски напечатаннаго въ *Извѣстіяхъ* Археологическаго Общества труда его «Древніе глаголическіе памятники, сравнительно съ памятниками кириллицы», въ которомъ сверхъ текста и разбора нѣсколькихъ памятниковъ, доселѣ бывшихъ неизвѣстными, находится полный текстъ и всѣхъ до-сихъ-поръ открытыхъ глаголическихъ памятниковъ меньшей величины, а изъ большихъ (четвероевангелій и книгъ евангельскихъ чтеній) значительное количество выписокъ; кромѣ того дано мѣсто и обозрѣнію кирилловскихъ памятниковъ, въ которыхъ есть что-нибудь глаголическое. Подробное сравненіе тѣхъ и другихъ памятниковъ является здѣсь въ первый разъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это—первое собраніе палеографически-вѣрныхъ списковъ изъ глаголическихъ памятниковъ и снимковъ изъ всѣхъ памятниковъ этого письма. Между многими встрѣчающимися здѣсь, прежде неизвѣстными, памятниками вниманія заслуживаетъ часть глаголической литургіи, о которой доселѣ не имѣли никакого понятія.

Академикъ Гротъ, представивъ полученные имъ отъ почетнаго члена Академіи Наукъ А. М. Княжевича списки: *Гимна бородѣ*, Ломоносова, и другихъ относящихся къ этому сочиненію документовъ, доложилъ, что онъ сличалъ списки эти съ напечатаннымъ текстомъ ихъ и что новые списки представляютъ въ заключеніи «гимна» четыре дополнительные куплета, которые по-видимому не были извѣстны напечатавшему это сочиненіе въ *Библіографическихъ Запискахъ*. По прочтеніи ихъ, было заявлено, что въ этомъ спискѣ важны, сверхъ того, стоящія въ заглавіи слова: «стихи архіепископу Кулябкѣ», такъ какъ только этою припискою, вмѣстѣ съ заключительными куплетами, объясняется то преслѣдованіе, какому Ломо-

носовъ подвергся за свою сатиру. Всѣ найденные въ спискѣ варіанты выписаны, также какъ и прибавочные куплеты, которые переданы П. П. Пекарскому, для сравненія съ имѣющимися у него еще двумя списками того же произведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено: при возвращеніи доставленныхъ въ Отдѣленіе бумагъ, выразить А. М. Княжевичу живѣйшую признательность за благосклонное сообщеніе ихъ.

Тотъ же академикъ заявилъ, что онъ, разбирая въ академической библіотекѣ историческія сочиненія императрицы Екатерины II-й, имѣлъ случай видѣть изданную по ея распоряженію книгу *Выпись хронологическая изъ исторіи русской* (in 4°, 224 стр.). Это—хронологическая роспись въ нѣсколько столбцовъ, по княжествамъ, съ краткимъ изложеніемъ событій, прерывающаяся на 1141 годѣ. Въ особой боковой графѣ показаны вездѣ современные государи въ другихъ странахъ и духовные правители. На заглавномъ листѣ не означено ни мѣсто, ни время печатанія; но передъ заглавіемъ вклеенъ рукописный листъ, подробно объясняющій происхожденіе книги и подписанный Степаномъ Руссовымъ, съ помѣтою: 27-го ноября 1837 г. Изъ этой записки, при которой книга подарена имъ Россійской Академіи, видно, что это сочиненіе задумано самою императрицею и составлено, подъ ея надзоромъ и руководствомъ, особою коммиссіей, назначенной ею 14 декабря 1783 года, подъ предсѣдательствомъ графа Андрея Петровича Шувалова. Опредѣлено записку Руссова напечатать въ «Запискахъ» Академіи, въ видѣ приложенія къ протоколамъ.

Академикъ Пекарскій, продолжая свои разысканія въ академическихъ архивахъ, обратилъ вниманіе на извѣстія, уцѣлѣвшія тамъ объ университетѣ и гимназіи при Академіи Наукъ, во время ректорства академика Степана Петровича Крашенинникова (1750—1756). Тогда въ названныхъ учрежденіяхъ воспитывалось отъ ста до ста-пятидесяти молодыхъ людей, рѣшительно всѣхъ званій, такъ что между ними встрѣчались имена дѣтей старинныхъ дворянъ рядомъ съ дѣтьми мѣщанъ, солдатъ и т. п. Изъ этой молодежи, или оканчивавшей курсъ, или же только-что начинавшей ученіе, вышли впослѣдствіи: Котельниковъ, Протасовъ, Румовскій, бывшіе потомъ академиками, Поповскій и Барсовъ — первые профессоры вновь учрежденнаго московскаго университета. Товарищемъ ихъ нѣкоторое время былъ Иванъ Барковъ, по отзывамъ профессоровъ, отличный латинистъ, но, къ сожалѣнію, рано сдѣлавшійся жертвою разгульной и неумѣренной жизни. Студенты: Ва-

силій Тепловъ, Яковъ и Өедоръ Козельскіе пользовались извѣстностью, какъ переводчики разныхъ иностранныхъ сочиненій; Алексѣй Полѣновъ, писавшій при Екатеринѣ II о необходимости уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Въ гимназіи учились въ описываемое же время извѣстный драматическій писатель Яковъ Княжнинъ и будущіе академики: Иванъ Лепехинъ и Петръ Иноходцевъ. Въ академическихъ дѣлахъ есть немало характеристическихъ подробностей о распорядкахъ тогдашняго преподаванія, о нравахъ и обычаяхъ преподавателей и учащейся молодежи. Сверхъ того, г. Пекарскій умножилъ свое собраніе матеріаловъ нѣкоторыми свѣдѣніями о степени содѣйствія нашей Академіи Наукъ къ учрежденію въ Москвѣ университета — свѣдѣніями, которыя не занесены на страницы печатной исторіи этого высшаго учебнаго заведенія. Въ 1753 г. былъ первый выпускъ въ магистры и адъюнкты студентовъ академическаго университета, а въ 1755 г. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ трехъ изъ нихъ: Поповскаго, Барсова и Яремскаго, просилъ у Академіи въ преподаватели московскаго университета. «Хотя вашему превосходительству», отвѣчалъ на это президентъ Академіи, гр. К. Гр. Разумовскій, «самимъ извѣстно, что изъ новообученныхъ въ академическомъ университетѣ россійскихъ сіи суть лучшіе, какъ въ наукахъ, такъ и въ поступкахъ, почему не безнужны бы они были и въ Академіи Наукъ, однако, принявъ то въ разсужденіе, что въ вновоначинающемся въ Москвѣ университетѣ служба помянутыхъ магистровъ полезнѣе быть можетъ нежели въ Академіи, того ради я приказалъ онымъ явиться у вашего превосходительства, которыхъ и рекомендую въ особливую вашего превосходительства милость. Я же надѣюсь, что когда, съ Божіею помощію и при вашемъ попеченіи, въ университетѣ московскомъ со временемъ явятся способные къ службѣ ея императорскаго величества въ Академію Наукъ санктпетербургскую, то отказать не изволите.» Тотъ же Шуваловъ писалъ къ гр. Разумовскому о заготовленіи въ Академіи всѣхъ принадлежностей для университетской типографіи и о высылкѣ наборщика для нея съ мастеровыми: «Вашего сіятельства многія вспоможенія московскому университету, которыя по любви вашей къ общей пользѣ и къ наукамъ оказать изволили, многіе же опыты и ко мнѣ вашей милости ободряютъ меня васъ просить о нуждахъ, касающихся до московскаго университета. Теперь, милостивый государь мой, за необходимо нахожу, чтобъ сдѣлать тамъ типографію...» Академія выслала въ университетъ вновь отлитые шрифты литеръ, лучшіе изъ своихъ типограф-

скихъ становъ, со всѣми мельчайшими принадлежностями, и уступила опытнѣйшаго изъ своихъ наборщиковъ, съ учениками, которые прежде отсылки подверглись испытанію. Въ январѣ 1756 г. (а не въ 1758 г., какъ иногда печатаютъ невѣрно) Ив. Ив. Шуваловъ прислалъ въ Академію Наукъ нѣсколько учениковъ «для обученія художествъ». Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, изучавшій въ Академіи рисованіе, архитектуру, иностранные языки, именно Василій Баженовъ, сдѣлался знаменитымъ русскимъ архитекторомъ.

МАРТЪ И АПРѢЛЬ 1866 г.

Отдѣленіе, напечатавъ въ числѣ 20-ти экземпляровъ, въ видѣ рукописи, доставленные С. И. Пономаревымъ, Г. Н. Геннади и академикомъ А. А. Куникомъ *Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ*, разослало ихъ къ нѣкоторымъ ученымъ и литераторамъ съ просьбою, сдѣлавъ къ этимъ матеріаламъ дополненія и замѣчанія, возвратить самые экземпляры для дальнѣйшей разработки предмета въ Отдѣленіи. Присланныя вслѣдствіе того замѣтки М. П. Погодина и М. Н. Лонгинова были читаны въ одномъ изъ засѣданій; положено хранить ихъ до полученія подобныхъ присылокъ и отъ другихъ приглашенныхъ къ тому лицъ.

Отдѣленіе, желая доставить болѣе удобства занимающимся исторіею языка и литературы, опредѣлило, сверхъ помѣщенія трудовъ своихъ въ *Запискахъ* Академіи, издавать представляемыя членами его статьи и въ видѣ отдѣльныхъ книжекъ, подъ заглавіемъ: «Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности».

Академикъ Срезневскій заявилъ, что занимаясь уже много лѣтъ составленіемъ русскаго словаря, онъ недавно приступилъ къ перепискѣ его, и вслѣдъ за тѣмъ, представивъ двѣ первыя тетради этого труда, прочиталъ слѣдующую записку:

«Русскій языкъ въ своемъ составѣ, насколько онъ извѣстенъ съ древнѣйшаго времени, представляетъ три порядка словъ:

«1) Слова, бывшія въ употребленіи издревле и частію *только* въ древности.

«2) Слова, вошедшія въ употребленіе не ранѣе XIV—XV вѣка или и позже, до начала XVIII вѣка, частію и бывшія въ употребленіи *только* въ это время.

«3) Слова, вошедшія въ употребленіе въ послѣдніе полтора вѣка.

*

Изъ всѣхъ этихъ словъ одни искони должны были принадлежать народу, другія были достояніемъ книжнаго употребленія и только частію переходили въ общенародное употребленіе. Изъ тѣхъ и другихъ наиболѣе важны: 1) слова, образующія такъ или иначе бытъ народный, и 2) слова, изображающія отвлеченныя или научныя понятія и представленія. Не только изслѣдователю языка и словесности, но и историку и археологу любопытно, а иногда и важно знать, съ какого времени и какъ тѣ или другія слова этихъ двухъ отдѣловъ вошли въ употребленіе, и какъ долго удерживались, если не остались принадлежностью нынѣшняго языка.

«На эти слова я обращалъ особенное вниманіе, собирая матеріалы для словаря русскаго языка. Я не упускалъ изъ виду ни одного такого слова, гдѣ бы оно мнѣ не встрѣтилось; но многія занесъ на свои листки только случайно, не воспользовавшись вполнѣ тѣмъ источникомъ, изъ котораго ихъ занялъ. Памятниками XV—XVIII вѣковъ я пользовался всего болѣе для объясненія словъ нынѣ употребительныхъ. Только изъ памятниковъ XI—XIV вѣка (русскаго письма) я старался выбрать всѣ слова безъ исключенія и вмѣстѣ съ словами все, что можетъ годиться для ихъ объясненія.

«Вслѣдствіе этого словарный запасъ, мною собранный по русскому языку, можетъ быть всего правильнѣе раздѣленъ на двѣ части:

«1) Словарь русскаго языка по древнимъ памятникамъ.

«2) Словарь русскаго языка съ указаніями на памятники прошедшаго времени.

«Отбирая отдѣльно листки со словами, принадлежащими къ этой второй части, я занялся перепиской первой части, т. е. словаря по древнимъ памятникамъ. Я продолжаю ее довольно прилежно, подкрѣпляемый сочувствіемъ нѣсколькихъ друзей и мыслію, что, можетъ быть, трудъ мой будетъ хотя немногимъ сколько-нибудь полезенъ. Переписка замедляется иногда только повѣркою ссылокъ и нѣкоторыми справками, а иногда прінсканіемъ дополнительныхъ указаній на слова, вошедшія въ листки безъ указаній или пропущенныя. Латинскій переводъ словъ также ставитъ меня въ затрудненіе и замедляетъ работу. Слова греческія я ставлю большею частію только тогда, когда имѣю свидѣтельства, что именно они были въ подлинникѣ, съ котораго сдѣланъ переводъ, и потому затрудненія встрѣчаю только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ.

«Данныя, вошедшія въ мой словарь, извлечены изъ всѣхъ памятниковъ нашей древности, дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ или въ спискахъ. Собственно русскіе памятники, насколько они мнѣ извѣстны,—лѣтописи, грамоты, уставы, посланія, слова, сказанія, житія святыхъ, записи и надписи,—собраны мною для словаря всѣ безъ исключенія. Памятники славяно-русской церковной письменности также изслѣдованы мною въ словарномъ отношеніи, но еще не всѣ. Памятники непрочитанные я продолжаю изучать одни за другими и постоянно увеличиваю мой запасъ. Не смѣю думать о совершенной полнотѣ моего труда; тѣмъ не менѣе хотѣлось бы достигнуть всего, по моимъ силамъ и средствамъ возможнаго».

Отдѣленіе, съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтивъ это начало нетерпѣливо ожидаемаго труда, выразило живѣйшее желаніе, чтобы ничто не помѣшало И. И. Срезневскому продолжать и привести къ концу столь важное предпріятіе.

Тотъ же академикъ читалъ составленныя имъ записки: 1) о службѣ Константину Философу, приготовленной къ изданію по 8-и спискамъ, изъ которыхъ основнымъ избранъ Востоковскій; 2) о филологическихъ трудахъ профессора Шлейхера; 3) о спискахъ *Златоструя* и 4) о спискоиѣ славянскомъ Климентѣ по отношенію къ фрейзингенскимъ статьямъ.

Академикъ Никитенко читалъ составленные имъ, по порученію коммисіи объ Уваровскихъ наградахъ, разборы двухъ драматическихъ сочиненій.

По поводу помѣщенной въ № 54 *Московскихъ Вѣдомостей* передовой статьи объ Академіи Наукъ и выраженнаго въ ней взгляда на назначеніе Отдѣленія русскаго языка и словесности, академикъ Гротъ прочелъ обзоръ дѣятельности этого Отдѣленія съ указаніемъ на существенное различіе ея характера отъ направленія бывшей Россійской Академіи, которое теперь было бы несовременно и безплодно. Статья эта, одобренная Отдѣленіемъ, будетъ напечатана.

Онъ же представилъ первые пятнадцать листовъ печатаемаго имъ въ текущемъ году IV-го тома сочиненій Державина и заявилъ о составленномъ имъ подробномъ *Указатель* къ первымъ тремъ томамъ этого изданія, который вскорѣ будетъ внесенъ въ Отдѣленіе для напечатанія.

Тотъ же Академикъ доложилъ, что, какъ извѣстно Отдѣленію, въ минувшемъ февралѣ мѣсяцѣ открыта была въ Академіи подписка на сборъ суммы для сооруженія памятника надъ могилой умер-

шаго въ 1864 г. А. Х. Востокова. Эта подписка, въ которой приняли участіе г. Президентъ, нѣкоторые изъ членовъ Академіи и изъ служащихъ при ней лицъ, а также и приглашенные Отдѣленіемъ посторонніе почитатели памяти нашего знаменитаго филолога, принесла до сихъ поръ 540 рублей; изъ этой суммы 366 руб. собраны членами Отдѣленія русскаго языка и словесности, а остальные 174 руб. доставлены: изъ Москвы П. И. Бартеневымъ и Н. В. Сушковымъ, и изъ Харькова П. А. Лавровскимъ, и изъ Казани Н. Н. Буличемъ. Положено: выразить искреннѣйшую признательность доставителямъ и жертвователямъ, списки которыхъ находятся въ Отдѣленіи и будутъ напечатаны по закрытіи подписки.

Академикъ Пекарскій сообщилъ Отдѣленію: 1) содержаніе нѣкоторыхъ изъ полученныхъ имъ матеріаловъ для жизнеописанія умершаго въ 1865 году Арсеньева и между прочимъ доставленныя изъ Москвы С. А. Соболевскимъ извѣстія о покойномъ Академикѣ, бывшемъ нѣкогда наставникомъ г. Соболевскаго и находившемся съ нимъ въ перепискѣ, и 2) извлеченныя изъ академическаго архива неизвѣстныя донынѣ подробности объ увольненіи Тредьяковскаго изъ Академіи Наукъ въ 1759 г. Матеріалами, относящимися къ Арсеньеву, П. П. Пекарскій воспользуется при составленіи его біографіи; свѣдѣнія же о Тредьяковскомъ будутъ вслѣдъ за симъ помѣщены въ *Запискахъ*.

Академикъ Бычковъ читалъ замѣтку о славянскомъ палимпсестѣ, содержащемъ житія древнихъ русскихъ святыхъ. «Въ числѣ драгоцѣнныхъ памятниковъ письменностей греческой, арабской, сирійской и грузинской, вывезенныхъ профессоромъ Лейпцигскаго университета Тишендорфомъ изъ знаменитаго Синайскаго монастыря, находилось и нѣсколько отрывковъ славянскихъ рукописей въ томъ числѣ два палимпсеста, изъ которыхъ въ одномъ письмена кирилловскія заняли мѣсто прежнихъ также кирилловскихъ письменъ, а въ другомъ глаголическія письмена уступили мѣсто кирилловскимъ. Славянскіе палимпсесты считаются вообще чрезвычайно рѣдкими, и до сихъ поръ извѣстно ихъ самое ограниченное число. Своимъ происхожденіемъ наши палимпсесты, точно такъ же какъ и всѣ прочіе, обязаны дороговизнѣ въ средніе вѣка пергамена и, вслѣдствіе того, естественному желанію обратить въ дѣло, посредствомъ смывки написаннаго, ненужныя и дефектныя рукописи, которыхъ особенно много накоплялось въ монастыряхъ». Изъ двухъ упомянутыхъ палимпсестовъ, хранящихся въ настоящее время въ Императорской Публичной Библіотекѣ, А. О. Бычковъ

избралъ на этотъ разъ тотъ, въ которомъ и смытыя и сохранившіяся письмена — кирилловскія, и подробно описалъ его какъ со стороны содержанія, такъ и въ отношеніи къ письму. Положено напечатать эту замѣтку въ приложеніяхъ къ протоколамъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ

ЗАСѢДАНІЙ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Записка С. Руссова передъ книгою: «Выпись хронологическая изъ Исторіи Русской» (см. выше, стр. III).

1783 года декабря 14 дня Екатерина II Высочайше указать соизволила: подъ начальствомъ и наблюденіемъ графа Андрея Петровича Шувалова назначить нѣсколько человѣкъ, коихъ совокупные труды составили бы полезныя записки о древней исторіи особливо касающейся до Россіи.

Число членовъ сего собранія назначалось до десяти человѣкъ, которыхъ графъ Андрей Петровичъ избравъ, имѣлъ представить Ея Величеству. Между ими три или четыре должны были находиться такіе, кои не были бы обременены другими должностями, или же по крайней мѣрѣ могли имѣть достаточное время трудиться по сему порученію, имѣя за таковой трудъ нѣкоторое особое жалованье. Прилежаніе и точность при выборѣ въ сіе мѣсто долженствовали предпочтены быть остроумію.

Началомъ ихъ упражненія назначались осьмой вѣкъ, потомъ седьмой, затѣмъ шестой, и такъ постепенно должны были они всходить изъ вѣка въ вѣкъ до той древности, куда только писатели руководствовать ихъ могли.

Слогъ должны были употреблять простой, краткій и ясный. Сіи три качества, тутъ прямо свойственныя, всегда наблюдать были они обязаны.

Назначаемые къ сему упражненію должны были разобрать между собою древнія россійскія лѣтописи и внѣшнихъ писателей сочиненія по матеріямъ, какъ-то: Исторіи Греческой имперіи, Германіи, Польши, Даніи, Швеціи, Франціи, Англіи, Испаніи, Венгріи, Калифовъ Египетскихъ и Арабскихъ, Китайцевъ и проч.

Работа каждаго изъ нихъ, состоявшая въ краткихъ выпискахъ,

долженствовала быть подвержена единообразному порядку, всѣми наблюдаемому, т. е. чтобъ всякая статья содержала въ себѣ теченіе пяти лѣтъ, на-прим. отъ 800 года до 805, отъ 805 до 810 и такъ далѣе, и пять таковыхъ статей должны были составлять полное число для отдачи въ печать, почему каждому нумеру, изъ печати выходящему, назначалось содержать 25 лѣтъ, или четверть вѣка, что казалось удобнымъ для сочинителей и читателей.

Когда упражнявшійся въ семъ дѣлѣ приносилъ свою краткую выписку изъ 25 лѣтъ взятой имъ исторіи, то оная переписывалась и ставилась въ такой порядокъ, чтобъ вдругъ можно было обнять взоромъ по крайней мѣрѣ теченіе пятилѣтняго времени исторіи. Лучшимъ сему примѣромъ положено имѣть книгу: L'art de vérifier les dates, но для удобности читателя графы ставить не вдоль, а поперекъ страницъ.

Хотя работа сія весьма сократилась бы, если бы выписывать одно только до Россіи касающееся; но для лучшаго порядка и для доставленія большей точности предполагалось сдѣлать сперва выписки изъ исторіи разныхъ земель и народовъ, чтобы послѣ заимствовать оттуда для Россійской Исторіи потребное. Впрочемъ такая работа, будучи кончена, могла быть обращена на пользу изданіемъ ея въ печать, для просвѣщенія юношества въ исторіи при его воспитаніи. Что точно до Россіи относится въ которой либо исторіи, отличать въ печати особымъ наборомъ буквъ, или отмѣтками, употребляемыми въ тисненіяхъ.

Какъ сіе собраніе будетъ состоять подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества; то начальствующій надъ онымъ, раздѣляя труды между членами, наблюдая за успѣшнымъ и порядочнымъ его теченіемъ, исправляя ошибки, и собирая всѣхъ членовъ по надобности и по его усмотрѣнію, обязанъ былъ часто доносить Ея Величеству объ успѣхѣ, представлять труды собранія и отдавать по Высочайшему дозволенію въ печать.

Труды сего собранія предполагалось печатать въ вольной типографіи на кабинетномъ иждивеніи, и на всякіе расходы по собранію велѣно было отпустить на первое время *тысячу рублей* изъ Кабинета, кои въ расходъ употреблялись по распоряженію начальствующаго; по издержаніи ихъ обязанъ онъ былъ подать краткую вѣдомость Ея Императорскому Величеству для полученія вновь потребной суммы.

Лѣтъ около 20 назадъ случайно попался мнѣ одинъ экземпляръ трудовъ описаннаго выше собранія; покорнѣйше прошу Россійскую

Императорскую Академію принять оный отъ меня въ даръ для помѣщенія въ ея библіотекѣ.

Ст. Руссовъ.

Ноября 27.
1837 года.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ

В. К. Тредіаковскаго *).

Сообщ. Академикомъ П. Пекарскимъ.

Его сіятельство Академіи наукъ господинъ президентъ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій, слушавъ, что профессоръ Тредіаковскій отъ давняго времени въ Академію въ собраніе хожденіе не имѣетъ и что̀ дѣлаетъ неизвѣстно, приказалъ къ нему, профессору, послать указъ, дабы онъ подалъ въ канцелярію отвѣтъ: для чего онъ чрезъ столь долгое время въ Академію хожденія не имѣлъ и въ какихъ между тѣмъ дѣлахъ для пользы Академіи упражнялся, оные бы свои труды представить канцеляріи, а до того времени, покамѣстъ онъ того отвѣта не подастъ, жалованья ему не производить, и о томъ Коммиссару Панкратьеву дать ордеръ. Сентября 18 дня 1758 года.

Въ Канцелярію Імператорскія Академіи Наукъ

Доноситъ

Профессоръ Василій Кіріловъ сынъ Тредіаковскій

а о чемъ, тому Пункты.

1.

Сего 1758 Года, Сентября 25 дня, получилъ помяненный я, Указъ Ея Імператорскаго Величества изъ Канцеляріи Академіи Наукъ, которымъ требуется у меня отвѣтъ, 1) чего ради я чрезъ долгое время въ Академію хожденія не имѣлъ: 2) въ какихъ между тѣмъ дѣлахъ для пользы Академіи упражнялся: 3) чтобъ мои труды представить Академіи.

---

*) Изъ дѣлъ архива академической канцеляріи 1758 года, книга № 236. Въ собственноручныхъ донесеніяхъ Тредіаковскаго сохранено правописаніе подлинниковъ.

2.

Въ силу онаго Ея Императорскаго Величества указа отвѣтствую си Канцеляріи Академіи Наукъ слѣдующее.

3.

Не ходилъ, и нехожу въ собраніе съ 1757 Года почитай съ послѣднихъ его мѣсяцовъ, для того что Августа 20 дня впалъ въ болѣзнь, называемую Гемонтозіею, которая и по нынѣ по временамъ продолжается. Тогожъ года, Ноября 20 дня, разнемогся я почитай къ смерти горячкою; а пользовалъ меня Г. Докторъ Салховъ, отъ которыя оправился я ужѐ около Троицына дня сего 1758 Года. О болѣзняхъ моихъ я давалъ знать собранію подпискою на присылаемыхъ ко мнѣ повѣсткахъ. Но хотя я отъ горячки и свободился; однако вскорѣ потомъ получилъ толь жестокую сціатіку, что почитай оная ежедневно нынѣ меня мучитъ: такъ что, ни холоднаго, ни сыраго воздуха, каковъ чрезъ все нынѣшнее лѣто былъ, отнюдъ терпѣть не могу. Съ Іюня мѣсяца была въ домѣ моемъ воспа, сперва на сынѣ, а чрезъ 15 дней на служней дѣвчонкѣ, отъ чего не надлежало мнѣ, хоть бы и самъ былъ здоровъ и бодръ выходить вонъ изъ-дому, чрезъ полтретья мѣсяца. Не упоминаю о прежестокой моей гіпохондріи, которую какъ отъ сидѣнія за письмомъ, такъ, мню, и отъ крайнихъ печалей я себѣ получилъ.

4.

Сколько моихъ трудовъ, при которыхъ за письмомъ сидѣть мнѣ надлежало, извѣсна долженствуетъ быть сама Канцелярія. Умолчевая о премногихъ другихъ, репортомъ Его Графскому Сіятельству, Академическому Президенту объявленныхъ, 1756 Года: дважды переводилъ Роллена, котораго древнюю Історію всю окончилъ, и сообщилъ томы Канцеляріи; осталось токмо переводить съ него жъ Древніе Науки. Но сколько печалей, кои меня въ крайнее изнеможеніе по степенямъ приводятъ, и дивлюсь, какъ давно не привели ужѐ въ совершенную меланхолію, о томъ доношу здѣсь канцеляріи: ибо имъ всѣмъ начало и продолженіе есть по причинѣ Академіи, а именно:

5.

Всѣ мои силы напряжены были, чтоб пользу принесть Академіи, и услужить Обществу Ролленевымъ переводомъ, да и есть чемъ; и толь наипаче, что сихъ книгъ съ невѣроятною алчностію желалъ всякъ, и желаетъ понынѣ всякъ же изъ Россіанъ. Но четыре ужé тому года, какъ сія Історія болѣе въ свѣтъ не производится. А остановка сія предвозвѣщена мнѣ сáмыми ругательными, но притомъ еще и ни къ чему годными по мыслямъ стішонками, не знаю кѣмъ сочиненными. Да приметъ въ разсужденіе Канцелярія, не моглоль сіе внутренность мою не поразить токмо, но и разразить: чемъ я тщался показать себя свѣту, того сáмаго средства и лишенъ нечаянно.

6.

Доношу теперь о другихъ ударахъ, и о всѣхъ уязвляющихъ нестерпимо. Сочинилъ я стіхами всю Псалтирь, и доказательство о бытности Божіей, названное Ѳеонтіею. Сіи книги, какъ духовные, освидѣтельствованы Святѣйшимъ Правительствующимъ Сінодомъ, и дано мнѣ писменное засвидѣтельствованіе о правомъ ихъ разумѣ. Съ симъ просилъ я Канцелярію Академіи Наукъ, чтобъ ихъ напечатать на моемъ иждивеніи. Но паче моего чаянія, по двухъ разныхъ, и въ разной силѣ опредѣленіяхъ, наконецъ совершенно мнѣ отказано въ моемъ прошеніи; въ чемъ и постороннимъ нѣкоторымъ отказа не бывало. Сіе вкоренившуюся ужé въ меня печаль, еще болѣе послужило умножить, и гіпохондрію воспитать: не стало у меня средства, чрезъ которое могъ бы свѣтъ видѣть мое раченіе.

7.

Однако, я не лишался вдругъ бодрости: тщался маленькими піесами, вносимыми въ Ежемѣсячныя Сочиненія, казать мой трудъ. Но Гдинъ Конференцъ Секретарь Миллеръ разгласилъ, что отъ меня ничего не велѣно принимать, а того же ради и Ролленевы Історіи печатаніе остановлено. Канцелярія изволитъ чувствовать, что сія разгласка, и еще отъ недоброхота моего, не могла меня и того болѣе еще не ввергнуть въ печаль. Но вотъ увидѣлъ и точное исполненіе сему.

8.

Сочинено мною Разсужденіе (послѣ двухъ, внесенныхъ въ Книжки, а именно о Гораціяхъ и Куріаціяхъ, да о Стіхотворствѣ Россійскомъ древнемъ, среднемъ и новомъ) объ окончаніи нашихъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ именъ, которое не токмо апробовано, но ужé начато было и печатію производиться: однако, брошено и уничтожено, да и гдѣ оно нынѣ, не знаю *). Пять Разсужденій, формою писемъ къ пріятелю, о всей силѣ правоучительныя Філософіи, изъ которыхъ первое всѣмъ собраніемъ апробовано, а четыре послѣднія не читаны, уничтоженыжъ, и гдѣ они, не знаюжъ. Разсужденіе формоюжъ письма́ объ окончаніяхъ собственныхъ нашихъ именъ женскихъ, съ Греческихъ и Латінскихъ на асъ и на ісъ, также апробованное, уничтоженожъ. Піеса стішками о выборѣ невѣсты, врученная самому Его Графскому Сіятельству, которая не неосновательною мнѣ казалась, уничтоженажъ. Аллегоріческая нѣкоторая Басенка Стіхами безъ Риомъ, которую двое изъ бывшихъ тогда въ собраніи членовъ апробовали, а двое отреклись не знаніе[ᵐ] силы въ стіхахъ Россійскихъ, и которыя печатаніе далъ на волю Его Графское Сіятельство, уничтоженажъ. Все сіе отчасу болѣе и болѣе умножало во мнѣ горесть. Сею ежечасно терзаясь, мнилъ я что конечно уничтоженіе сіе дѣлается моимъ піесамъ не отъ презрѣнія ко мнѣ, но отъ недостатковъ сочиненія моего. Однако уразумѣ[ᵛ], что все сіе происходило отъ ненависти ко мнѣ. Сочинилъ я. Оду, назвавъ ся Вешнее Тепло, и тѣ[ᵐ] утаивъ мое имя въ двухъ начальныхъ буквахъ, да и вручилъ конференцъ Секретарю посторонними руками. Расхвалена́ сія Ода, и въ Книжкахъ напечатана. Хотяжъ мнѣ и посчастилось въ подставѣ чужаго Автора; однако сей са́мый успѣхъ низвергъ меня почитай въ отчаяніе: ибо увидѣлъ подлинно, что презрѣніе стремится токмо на меня, а не на труды мои. Сіе са́мое испыталъ я и еще двѣмя пошлыми Піесами, изъ которыхъ первая о беспорочности и пріятности деревенскія жизни, а другая о шолкѣ и червяхъ шолковыхъ. Первая оная такъ тіпографщиками изгажена, что я въ сомнѣніе пришелъ, не нарочноль сіе здѣлано для безчестія мнѣ, можетъ быть почувствовавши, что она моя. Писа[ᵛ] я длятого письмо къ издателю, и жаловался, что такъ дурно и развращенно съ сочиненіемъ

*) Эта статья Тредіаковскаго напечатана въ Запискахъ Академіи 1866 г. т. VIII, кн. II, прилож. № 7, стр. 102—116.

моим поступлено: но онъ, свѣдав уже подлиннѣе о мнѣ, уничтожилъ токмо вторую, хотя и прошена была назадъ, о шолкѣ; а того удовольствованія, котораго я требовал первой Піесѣ, здѣлать полнаго не разсудил за благо, для того что было бъ то по моему прошенію.

9.

Прежде нежели вручены были стороною обѣ сіи Піесы, былъ я въ собраніи, и по̀мнится что въ Іюнѣ мѣсяцѣ: там, спросил при всемъ собраніи Гдна Конференцъ-Секретаря, по какойбы онъ власти, и по чьему повелѣнію, лишаетъ меня моего законнаго права, тѣмъ что моихъ піесъ не принимаетъ отъ меня въ Книжки, и апробованныхъ не печатаетъ. Но онъ мнѣ на то съ презрѣніемъ, какъ бутто должным уже и заслуженнымъ, отвѣтствовалъ при всемъ же собраніи, что не долженъ мнѣ ничего сказать, сколькобъ я его ни спрашивалъ. Гдѣжъ то узаконено, чтоб члену Секретарь не долженъ былъ ничего сказывать? Трудноб терпѣть и великодушному человѣку, бывшему на моем мѣстѣ. Однако я извнѣ замолчалъ, а внутри раздирался на ча̀сти.

10.

По̀слѣ сего, ненавидимый въ лице, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, охуждаемый въ искусствѣ, прободаемый сатірическими рогами, изображаемый чудовищемъ, еще и во нравахъ (что сего безсовѣстнѣе?) оглашаемый, всежъ то или по злобѣ, или по ухищренію, или по чаянію отъ того пользы, или наконецъ по собственной потребности, чтоб употребляющаго меня праведно, и съ тверды основаніем (н), въ окончаніяхъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ цѣлыхъ, всемѣрно низвергнуть въ про̀пасть безславія, всеконечно уже изнемогъ я въ силахъ къ бодрствованію: чего ради, и настала мнѣ нужда уединиться, видящему толь обидные со мною поступки, и толь предосудительные, а не заслуженные. Въ сокрушеніяхъ и печаляхъ находясь всечасно, лишился и надежды, единственнаго подкрѣпляющаго средства, къ произведенію себя въ лучшее состояніе: всѣ пути заграждены для меня. Вотъ же впалъ и въ нѐмощи; а печальми терзаясь и болѣзньми мучась, ожидаю нынѣ токмо, въ крайнемъ беспокойствіи, смерти.

11.

Толь общему сему въ Академіи презрѣнію ко мнѣ, полагаю я двѣ причины. Первая, протестъ моего несогласія на седмый параграфъ первыя главы, изъ предложеній Гдна Асессора, нынѣ Гдна Совѣтника, Тауберта, читанныхъ въ академическо^м^ собраніи. Несогласи^л^ся и не подписался я для того, что оный параграфъ противенъ 30 пункту Академическаго Регламента, противенъ и указамъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Гдря Імператора Петра Великаго, противе^н^ и правотѣ натуральной, противенъ и чести Академиковъ Россійски^х^, изъ которыхъ всѣхъ на все, или уже по самой большой части, долженствуетъ впредь состоять Академическое Собраніе, по силѣ 36-го пункта, въ Академическо^м^ Регламентѣ, ежели выписанному вновь на первый случай чужестра^н^но^му^ члену, давать то^т^часъ старшинство, или первенство предъ служившими и служащими давно Россійскими Членами. Вторая, ложное подозрѣніе на меня о сочиненной невѣдомо кѣ^м^ критикѣ, на сочиненія Гдна Совѣтника Теплова Сіе подозрѣніе толь мнѣ дорого стало, что едва я себя съ отчаянія добровольной не предалъ смерти. Да и какъ было терпѣть! Гдинъ Тепловъ, призваннаго меня въ до^м^ Его Графскаго Сіятельства, не обличивъ, и не доказавъ ничемъ, да и не чемъ пусты^м^, ругалъ какъ хотѣ^л^ м......, и грозилъ шпагою заколоть. Тщетная моя была тогда словесная жалоба: и ка^к^ я на другой день, принесъ писменное прошеніе Его Графскому Сіятельству; то оди^н^ изъ лакее^в^, увидѣвъ меня въ прихожей, сказалъ мнѣ, что меня пускать въ камеры не велѣно. А понеже я съ природы не имѣю нахальства, смѣю похвалиться; то, услышавъ такое запрещеніе отъ лакея, тотчасъ вонъ побѣжалъ, что^б^ скорее уйти домой, и съ собою унесть свой стыдъ, а о прошеніи уже моемъ, хотя и законно^м^, позабылъ и помышлять. Да благоволитъ помыслить Канцелярія, маълыль всѣ сіи причины, и не предовольныль, въ разсужденіи состоянія моего при Академіи, къ приведенію меня, служащаго въ ней чрезъ столько лѣтъ, и тщавшагося наслаждаться плодами трудовъ, напротивъ того во всеконечную горесть, изнеможеніе, и бѣдность? И подлинно, совсѣ^м^ я ослабѣлъ, и сталъ унылъ, дряхлъ, безсиле^н^, отчаянъ, и самому себѣ въ тягость.

12.

Однако, сколь мысли мои нынѣ ни помраченны всегда, но, когда или болѣзнь моя не толь жестоко меня томитъ, или хорошее

и погодное время настоитъ, не оставляю того (сіе есть второе, о че[м] указо[м] повелѣно мнѣ отвѣтствовать), чтобъ не продолжать Ролленевыхъ оставшихся Древностей: ибо хотя Ролленъ и не продо'жается печатію; но мнѣ не повелѣно покинуть сей переводъ. Подлинно, не толь неусыпно его продолжаю, коль прежде, потому что не попрежнему я бодръ и силенъ; однако надѣюсь на помощь Гдню, что, ежели не умру вскорѣ, окончу по маленьку и сіи оставшіеся его Древности, не меньше полезные, коль и вся его Історія, оконченная ужé мною, какъ доноси[л]. Доношу прито[м], что, когда переводъ утруди[т], читаю я Авторовъ Латінскихъ, Французскихъ, Польски[х] и наши[х] древнихъ, а читаю ихъ не для любопытства, но для пользы всей Россіи: ибо сочинилъ я три большіе діссертаціи, первую о Первенствѣ Славенскаго языка предъ Тевтонически[м]; вторую о родоначаліи Россовъ; а третію, о Варягахъ Руссахъ, Славенского званія, рода, и языка. Донесть было мнѣ способно, что сочинилъ сіи три діссертаціи; но съ неописанны[м] трудо[м] доискива'ся я въ читаемыхъ Авторахъ свидѣтельствъ, подтвержденій истиннѣ, и самыхъ Основаній. Онѣ всѣ три у меня подъ одни[м] имене[м] третіея діссертаціи; такъ что, обѣ первые служатъ какъ бутто какими помощными третіей. Сія книга, ежели бъ ея печатать, будетъ съ четыре Ежемѣсячные Книжки. Нынѣ ея, когда поможется, разцвѣчиваю, дополняю, поправляю и накрѣпко разсматриваю. Но буде приведу въ желаемое мною совершенство, и не умру, то, когда потребуется, не премину взнесть въ Канцелярію.

13.

Третіе, чего Канцелярія отъ меня требуетъ, а именно, чтобъ представить ей мои труды, донесе[н]ны[м] выше представлено. Но взнесть изъ Ролленевыхъ оставшихся Древностей то могу, что перевелъ; однако малое, и то безъ конца. Чего ради, да благоволитъ еще нѣсколько подождать Канцелярія: имѣетъ быть она удовольствована. Да видитъ, когда угодно, первую мою работу; шесть томовъ еще цѣлыхъ представитъ она себѣ въ тетратяхъ, для того что четыре токмо напечатаны.

14.

Донесено Канцеляріи, что нехожденію моему въ собраніе, причина болѣзни. Однако, чувствуе[т], мню, она, что и дома уединенъ пребывая, не сижу праздень, когда попускаетъ слабость. Отъ мно-

тихъ опытовъ долженствуетъ быть ей извѣсно, что я не обыкъ къ празности, и въ трудолюбіи едва кому изъ Академіковъ уступить могу: дватцать восемь лѣтъ службы безпорочныя и ревносныя да удостовѣряютъ ея о сей истиннѣ. Съ другой стороны, сколько она нынѣ ни видитъ Россійскихъ стіховъ, отъ разны⁽ᵐ⁾ авторовъ составляемыхъ; то въ составѣ сихъ Стіховъ, по количеству ихъ, видитъ она мой собственной плодъ, и то⁽ᵗ⁾ новый.

15.

Но нынѣ гонимый, утѣсняемый, презираемый, впадшій въ болѣзни и нестерпимую горесть, не имѣющій помощи, и лишившійся всея надежды, лишаюсь еще и дневныя пищи: многажды просилъ у Коммісара заслуженнаго моего жалованья, но прозьба моя есть только втуне. И какъ несчастіе бываетъ обыкновенно подвержено многимъ сомнительства⁽ᵐ⁾; то мечтается мнѣ толь неблагополучно⁽ᵐʸ⁾, что нѣтъ ли запрещенія и коммісару о выдачѣ мнѣ жалованья. И буде Канцелярія находитъ справедливы⁽ᵐ⁾, что⁽ᵇ⁾ мнѣ не давать жалованья, то, казалось бы, справедливѣе меня отрѣшить совсѣмъ отъ Академіческія службы, а не приводить числимаго въ службѣ къ крайности голода и холода съ женою и съ дѣтьми: я сея немилости ниче⁽ᵐ⁾ незаслужилъ: въ сей бѣдности помóчь себѣ могу развѣ только проданіе⁽ᵐ⁾ дворишка: весь ужé въ долгу, хотя и не мотаю, благодаря Богу. Да положится, что я къ службѣ Академической и неспособенъ и негоденъ; то сія неспособность моя и негодность, могутъ послужить и благовидною причиною къ отрѣшенію меня безъ сожалѣнія, ежели не можно и не должно пристойнѣйшимъ и милостивѣйши⁽ᵐ⁾ образо⁽ᵐ⁾, хотя и для многолѣтныя моея службы. Я почту мнимую сію негодность мою несравненно мéньшимъ себѣ зломъ, какъ умывающійся ежедневно горькими слезами въ Академіческой службѣ, нежели толикое утѣсненіе и презрѣніе: лучше мнѣ пó-Міру скитаться, а нежели претерпѣвать незаслуженную Ненависть и Гоненіе, да и всякій часъ пóчитай ума лишаться съ беспокойствія.

16.

Того ради ожидая себѣ всеконечнаго отрѣшенія отъ Академіческія службы, какъ милости, и какъ полнаго награжденія за всѣ мои труды, какъ бы сіе Отрѣшеніе ни воспослѣдовало, чесно, или мнѣ бесчесно, прошу приказать между тѣ⁽ᵐ⁾ выдать мнѣ заслужен-

ное мое жалованье: и несправедливо осужденъ буду, ежели осужденъ, чрезъ удержаніе жалованья умирать голодо" и холодо", какъ бутто винный предъ до'жностію моею. И какъ то ни есть; только у меня нѣтъ ни полушки въ домѣ, ни сухаря хлѣба, ни дровъ полѣна. Да благоволитъ вѣдать Канцелярія; я по сіе время не былъ виненъ ни предъ должностію моею, ни предъ надзирающими должность мою, и ни предъ кѣмъ изъ равныхъ мнѣ. Я трудился понынѣ почитай сверхъ силъ, а отнынѣ работаю ужé по силамъ: слабости, немощи, и печали тому причина. Наконецъ, я никого не виню въ моемъ несчастіи: Превеьховное Правосудіе меня казнитъ за беззаконія и грѣхи мои; Оно меня по судьбамъ своимъ поставило въ сихъ Академическихъ расположеніяхъ: ибо предъ нимъ я виноватъ безъ числá, а не предъ Академіею и предъ Академіками. Сіе есть, что я долженъ донесть въ отвѣтъ, по силѣ даннаго мнѣ Ея Імператорского Величества Указа изъ Канцеляріи Академіи Наукъ, и о чемъ мнѣ надлежало просить Канцелярію, дабы благоволила учинить мнѣ не въ продолжительно" времени рѣшеніе, а между тѣмъ выдать заслуженное мое жалованье. Доношеніе писалъ я, профессоръ Василій Тредіаковскій, и руку приложи" 28 Се"тя"ря, 1758.

Въ Канцелярію Академіи Наукъ

Доношéніе

Отъ Профессора Василья Кірілова сына Тредіако"скаго

а о чемъ, тому Пункты.

1.

Прошедшаго Сентября 28 дня, сего 1758 года, поданнымъ доношеніемъ въ отвѣтъ по силѣ Ея Імператорскаго Величества Указа изъ Ка"целяріи Академіи Наукъ, просилъ я именованный Канцелярію Академіи Наукъ между прочимъ и о выдачѣ мнѣ заслужен"аго жалованья: ибо я, за неполученіе" онаго, претерпѣваю голодъ и холодъ.

2.

А нынѣ увѣдоми"ся, что Ко"місаръ имѣе" ордеръ о непроизвожденіи мнѣ указнаго жалованья; а за какое мое преступленіе,

того я незнаю: знаю только, что нѣтъ моего ни помышляемаго, не то что дѣйствителнаго преступленія: и что, напротивъ того, самъ претерпѣваю, вмѣсто чаемаго одобренія за долголѣтнюю, безпорочную и небезполезную мою службу, нестерпимое честному и ревностному человѣку притѣсненіе, какъ то я увѣдомилъ Канцелярію оным моим отвѣтным доношеніемъ отъ 28 дня Сентября.

3.

Того ради, паки прошу Канцелярію Академіи Наукъ, приказать, выдать мнѣ заслуженное по нынѣ жалованье, а удержаніемъ онаго не штраѳовать меня ничем непровинившагося предъ Академіею, и тѣм не морить меня напрасно и безвременно. Доношеніе писалъ я Василей Тредіаковскій, и руку приложил. Ноября 3 дня. 1758 года

Въ Канцелярію Імператорскія Академіи Наукъ

Доношеніе

Отъ Проѳессора Василья Кирилова сына Тредіаковскаго

а о чемъ, тому Пункты

1.

Сего 1758 года просилъ я именованный двумя доношеніями Канцелярію Імператорскія Академіи Наукъ, о выдачѣ мнѣ заслуженнаго жалованья; а первымъ изъ тѣхъ 28 дня Сентября и объ отрѣшеніи меня, какъ претерпѣвающаго несносное утѣсненіе и гоненіе: но по нынѣ на оныя не получилъ рѣшенія.

2.

Нынѣ увѣдомился, что всѣм, какъ Членам Академическим, такъ и служителямъ, опредѣлено дать жалованье, которое и выдается дѣйствительно: но мнѣ оное и по сіе время еще не дано; а видно что и запрещена́ дача; но за какое мое преступленіе, мнѣ неизвѣстно.

3.

Того ради, прошу Канцелярію Академіи Наукъ, приказать и мнѣ также, какъ и всѣмъ прочимъ, произвесть дачу жалованья, которое мнѣ опредѣлено высочайшимъ Ея Імператорскаго Величества Ука-

зомъ: ибо я ни чеᵐ не заслужилъ, чтоᵇ оное у меня удерживать, и толь наипаче, что вина моя, буде есть какая, (я впрочемъ никакія не признаваю) мнѣ не сказана, и въ ней я не изобличенъ, а однако стражду не токмо гоненіе и обиды, но уже и осужденіе безъ всякаго суда. Доношеніе писалъ я Василій Тредіакоᵉскій, и руку приложиᵗ. 15 Ноября 1758 года.

---

23 декабря 1758 г. графъ Разумовскій приказалъ объявить чрезъ академическую канцелярію Тредіаковскому, «чтобъ онъ въ Академію ходилъ и должность свою отправлялъ по прежнему; а доколѣ хожденія имѣть не станетъ и не покажетъ, въ чемъ чрезъ цѣлые два года трудился для пользы Академіи, жалованья ему не производить.»

4 января 1759 г. «петербургская банковая контора вексельнаго производства для обращенія внутри государства мѣдныхъ денегъ и въ нихъ содержанія баланса» просила академическую канцелярію удержать изъ жалованья Тредіаковскаго выданную ему оттуда ссуду, срокъ платежа которой наступалъ 20 января. Канцелярія отвѣчала, что жалованье Тредіаковскому не производится по распоряженію президента Академіи Наукъ до тѣхъ поръ, пока не подастъ онъ извѣстія о своихъ трудахъ и не будетъ ходить въ канцелярію.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица, Елисавета Петровна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Бьетъ челомъ Академіи наукъ профессоръ Василій Кириловъ сынъ Тредіаковскій, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты:

1.

Служу я, нижайшій, при Академіи наукъ двадцать восемь лѣтъ безпорочно: предкамъ вашего императорскаго величества съ 1730 года студентомъ, а съ 1733 по 1741 годъ секретаремъ; вашему императорскому величеству съ 1741 года по 1745 секретаремъ же, а съ 1745-го понынѣ профессоромъ, исполняя всѣ полагаемыя на меня должности со всякою возможною ревностію и вѣрностію.

2.

Нынѣ отъ долговременныхъ и премногихъ трудовъ, впалъ я въ тяжкія болѣзни, а отъ разныхъ человѣческихъ приключеній

въ бѣдность, въ печали, и почитай въ непрерывное затмѣніе мыслей; такъ что сдѣлался крайно неспособнымъ къ продолженію службы вашему императорскому величеству при Академіи наукъ, гдѣ свѣтлость разума требуется, не токмо ничѣмъ непомраченнаго, но и одобреннаго, и всегда ободряемаго.

И дабы высочайшимъ вашего императорского величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять въ канцелярію Академіи наукъ и во всемилостивѣйшемъ разсужденіи долговременныя моея, беспорочныя, многотрудныя и не бесполезныя при Академіи наукъ службы, и также въ разсужденіи неспособности ужé моея къ дальнѣйшему продолженію равномѣрнымъ образомъ оныя, повелѣть: 1) отставить меня надлежащимъ порядкомъ отъ академическія службы; а 2) выдать заслуженное мною жалованье, а именно за майскую и сентябрскую трети прошлаго 1758 года по нынѣ изъ академическія суммы.

Всемилостивѣйшая государыня! прошу вашего императорского величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Января « » дня 1759 году. Къ поданію подлежитъ въ канцелярію Академіи наукъ. (Прошеніе это писано писцомъ, и только по пунктамъ подписано Тредіаковскимъ.)

Просьба записана въ канцеляріи 23 марта 1759 г., а 30 числа того же мѣсяца было сдѣлано распоряженіе объ уплатѣ за Тредіаковскаго 200 руб., должныхъ имъ банковой конторѣ вексельнаго производства, и о выдачѣ, по день увольненія изъ Академіи (т. е. по 30 марта 1759 г.), причитающагося жалованья.

Въ Канцелярію Академіи Наукъ

Доношеніе

О^т Профессора Васілья Кірілова сына Тредіако^вскаго,

а о чемъ, тому пункты.

1.

Прошедшаго Апрѣля 2 дня, присланъ ко мнѣ Канцеляріи Академіи Наукъ съ по^длчи^м экстра^ктъ съ опредѣленія, подписаннáго, какъ въ немъ явствуетъ, прошедшагожъ Марта 30 дня, слѣдующаго содержанія, а именно, 1) что по желанію моему, въ силу о^бявленныхъ о^т меня резоновъ, о^т Академіи я уволенъ: 2) что о томъ опре-

дѣленіи какъ Его Сіятельствомъ, Ясновельможнымъ Гетманомъ, и Академіи Наукъ Гдномъ Президенто^м^, Графомъ Кірілою Григорьевичемъ Разумовскимъ, такъ и прочими Гдами присутствующими въ той Канцеляріи подписано: и что 3) по то число невыданое мнѣ жалованье выдать велѣно.

2.

По такой экстрактъ, какъ ни кѣ^м^ неподписан^н^ый, хотя и рука вѣдома, и лицо того подьячаго, которымъ принесенъ, служилъ бы мнѣ только, ежели онъ неподложный, для простаго извѣстія, а не точны^м^ видомъ увольненія: ибо даются обыкновенно челобитчика^м^ копіи съ опредѣленія за руками; да есть о семъ и указъ.

3.

И хотя я неоднократно просилъ Академіческія Канцеляріи секретаря, что^б^ мнѣ дана была точная копія съ онаго опредѣленія за рукою; однако, онъ отговаривается, что ему нѣтъ на то приказу: по чему видно, что Академіческія Канцеляріи Секретарь человѣ^к^ незаобыкновенный при дѣлахъ. А съ другой стороны, можетъ быть, что мнѣ захотѣ^л^ онъ и насмѣяться присланіемъ (ибо не смѣлъ бы подьячей собою то здѣлать) не дѣйствительныя записочки объ увольненіи отъ службы меня Профессора, пожалованнаго имяннымъ Ея Императорскаго Величества Указо^м^, и еще самаго перваго изъ Россійскаго всеподданѣйшаго Народа, имѣющаго при то^м^ Діпломъ, и потому всегда и вездѣ Члена Императорскія Академіи Наукъ, а сверьхъ того, бывшаго въ службѣ до старости вѣрно, ревносно, и усердно, да и не учинившаго ни самаго малаго преступленія, и слѣдовательно ниче^м^ и никогда не штрафованнаго, но напротивъ того, принесшаго довольно какъ пользы, въ принесеніи (sic) сея совокупно и всему Обществу, такъ и чести Академіи Наукъ.

4.

Того ради, прошу Канцелярію Академіи Нау^к^ велѣть мнѣ дать точную копію съ опредѣленія о моемъ увольненіи за рукою Секретарскою, означенную тѣмъ числомъ, въ кое она спишется, или какой другой видъ увольненія, согласный съ законами: а я и понынѣ, не имѣя достовѣрности въ увольненіи, работаю по силѣ для пользы Академіческія, въ чемъ ссылаюсь на подписан^н^ыи мною кавыченыи

листы; и по тому требую себѣ по законному праву заслуженаго жалованья за-два дня Мартовскія, да за прошедшій цѣлый Апрѣль, и по то число сего Маія, въ кое мнѣ дастся достовѣрное увольненіе. Доношеніе писалъ я Василій Тредіаковскій и руку приложилъ 3 маія 1759 года.

12 мая 1759 г. академическая канцелярія, по выслушаніи этого прошенія, опредѣлила:

«ему, Тредіаковскому, списавъ съ опредѣленія о увольненіи его отъ Академіи копію дать за скрѣпою секретарскою, а въ жалованьѣ ему отказать, ибо онъ, по увольненіи, дѣйствительно уже выключенъ изъ академическаго штата. А что касается до того, что онъ приватно исправилъ одинъ листъ послѣдней корректуры печатающейся въ типографіи книги переводу его Ролленевой Исторіи, и за то жалованья получать не долженъ, ибо онъ то дѣлалъ не по приказу канцеляріи, но собою отъ типографщиковъ требовалъ. А понеже онъ изъ того поводъ беретъ жалованья себѣ требовать, то оныхъ корректурныхъ листовъ болѣе къ нему не посылать, и о томъ фактору Лыкову и корректору Барсову дать ордеры, а для вѣдома объ немъ, Тредіаковскомъ, что онъ отъ академической службы совсѣмъ уволенъ, послать въ академическое и историческое собраніе указъ, а въ другихъ департаментахъ объявить.»

Въ Канцелярію Академіи Наукъ

Доношеніе

Отъ Профессора Василья Кирілова сына Тредіаковскаго, а о чемъ, тому пункты.

1.

Сего 1759, Марта 30 дня, въ Канцеляріи Академіи Наук воспослѣдовало, по моему прошенію, опредѣленіе объ увольненіи меня отъ Академіческія службы.

2.

А нынѣ намѣренъ я отѣхать отсюду вскорѣ, для собственныхъ моихъ нуждъ и для житья, въ Москву; но безъ Пашпорта изъ Санктпетербурга выѣхать не позволяется.

3.

Того ради, прошу Канцелярію Академіи Наукъ, снабдить меня для о^тѣзда моего въ Москву, надлежащимъ Пашпортомъ: ибо хотя и уволенъ я отъ Академіческія дѣйствительныя службы, и потому исключе^н изъ штата жалованного, однако не могу никогда быть отрѣшенъ отъ принадлежности къ Академіи Наукъ, какъ Професоръ пожалованный имяннымъ Ея Імператорскаго Величества Указо^м въ Академію, и какъ членъ Академіческій всегда, имѣющій на то дипломъ. Доношеніе писалъ и Василій Тредіаковскій и руку приложилъ. Іюня 17 дня 1759 года.

Академической библіотекѣ за Тредіаковскимъ значились лексиконы Фабра и Ришле. По канцелярскому опредѣленію, за этими изданіями ходилъ служившій при библіотекѣ Андрей Богдановъ, которому Тредіаковскій далъ слѣдующій собственноручный отзывъ:

«Pour ce qui regarde les Dictionnaires de Richelet et de Faber; la Chancelerie m'en a fait présent. J'en apelle à Mr le Conseiller de Schumacher, et à Mr. l'Assesseur d'alors, Teploff: car il y a dans la Chancelerie de ce don, pour mes services, un acte, signé par les mentionés membres de La Chancelerie. Le 22 Avril 1759.

B. Trediakoffski.

23 іюня 1759, академическая канцелярія постановила: «понеже профессору Тредіаковскому лексиконы подарены отъ академической канцеляріи изъ дуплетовъ, того ради приказали оные лексиконы изъ библіотечного каталога выключить»...

Въ Канцелярію Імператорскія Академіи Наукъ

Доношеніе

отъ профессора Василья Кірілова сына Тредіако^вскаго, а о чемъ, тому Пункты

1.

Сего 1759 года, поданнымъ прошеніе^м въ Канцелярію Академіи Наукъ, просилъ я объ увольненіи меня отъ Академіческія службы надлежащи^м порядкомъ.

2.

На оное мое прошеніе воспослѣдовало сего жъ 1759 года, Марта 30 дня, рѣшеніе въ Канцеляріи Академіи Наукъ, именно жъ, уволенъ я отъ академіческія службы, и выключенъ изъ академіческаго жалованнаго штата.

3.

И какъ при семъ увольненіи не дано мнѣ о долговременной моей, прилѣжной, и беспорочной службѣ, съ удостоеніемъ къ повышенію рангомъ въ награжденіе, надлежащаго по указамъ Аттестата, съ которымъ бы я могъ явиться въ Правительствующій Сенатъ, и просить себѣ того награжденія: то вчерашняго числа, то есть Іюня 22 дня, предсталъ я предъ ясновельможнаго Гетмана, Академіческого Гдна Президента, Сіятельнѣйшаго Графа Кірілу Григорьевича Разумовскаго, прося его покорнѣйше о снабдѣніи меня такимъ Аттестатомъ.

4.

Его Сіятельство, выслушавъ мою прозьбу съ природною своею благосклонностію, и увидѣвъ оную что законна, приказалъ мнѣ доношеніе подать въ канцелярію Академіи Наукъ о полученіи себѣ такова Аттестата.

5.

Того ради, покорно прошу Канцелярію Академіи Наукъ, благоволить снабдить меня Аттестатомъ о долговременной, прилѣжной и беспорочной службѣ, съ удостоеніемъ къ повышенію такимъ рангомъ, въ какой изъ Профессоровъ Академіческихъ, какъ россійскихъ такъ и чужестранныхъ, повышаемы были прежде меня; или ужé въ такой, въ какой Его Сіятельство удостоилъ меня, нѣсколько немного лѣтъ предъ симъ, въ докладѣ Ея Імператорскому Величеству, объявленномъ мнѣ чрезъ покойнаго секретаря Петра Ханина, за которой засвидѣтельствовано было тогдажъ достодолжное благодареніе мною Его Графскому Сіятельству самолично. Доношеніе писалъ я профессоръ Василій Тредіаковскій, и руку приложилъ, Іюня 23 дня, 1759 года.

По этой просьбѣ въ Канцеляріи былъ составленъ такой аттестатъ:

«Изъ канцеляріи Академіи наукъ данъ г. профессору Василью Тредіаковскому въ томъ, что онъ ея императорскому величеству служилъ при Академіи наукъ съ 1733 по 1745 годъ секретаремъ (зачеркнуто «ученаго собранія»), а въ ономъ году именнымъ ея императорскаго величества указомъ пожалованъ въ профессоры элоквенціи какъ россійской, такъ и латинской, и находился во ономъ чину по нынѣшній 1759 годъ добропорядочно. А Марта 30 числа сего году, по прошенію его, коимъ представлялъ, что за приключившимися ему болѣзньми служить онъ болѣе при Академіи не можетъ, отъ академической службы уволенъ. И по долговременной его при Академіи службы онъ, г. Тредіаковскій, къ повышенію чина достоенъ. Іюля 23 дня 1759 года.» Аттестатъ, подписанный гр. Разумовскимъ и Штелинымъ, получилъ сынъ просителя, Левъ Тредіаковскій.

ЗАМѢТКА А. Ѳ. БЫЧКОВА О СЛАВЯНСКИХЪ ПАЛИМПСЕСТѢ.

(См. выше стр. VIII и IX.)

Этотъ палимпсестъ состоитъ изъ 6 листковъ, въ 4 д. л., составлявшихъ, какъ видно изъ помѣты, находящейся внизу, 23-ю тетрадь Сборника, а можетъ быть Пролога, писаннаго полууставомъ двухъ почерковъ въ XIII—XIV вѣкѣ. Смытыя письмена принадлежали рукописи, которая была писана въ листъ, въ два столбца, въ XII столѣтіи.

Отрывокъ этотъ, переписанный южнымъ Славяниномъ, любопытенъ въ томъ отношеніи, что содержитъ въ себѣ только житія русскихъ святыхъ, а именно:

а) л. 1. Мц҃а пла вь а҃і дн҃ь ст҃ыа мꙋченицѣ Ефма (*Евѳиміи*). В ты же ден и оуспеник блаженыа Вольгы кнагына царица Росьска. *Нач.* Си блаженаы Олга, родомь Плсковытинѣ, жена же Игорова, кназа всеа Роускӹ зема, иже сѣдѣше вь Кыевѣ.

б) л. 2. Мц҃а (*т*)ого же вь в҃і дн҃ь прѣблаженоу моученикꙋ Варага и сн҃а его (*И*)вана, (*оу*)биенꙋю вь Кыевѣ.

в) л. 3. Мц҃а того е҃і Кирика и Ѹлиты. Вь ть* дн҃ь Ꙋспеник блаженаго и великаго кн҃ѣза Володимира, кр҃тившаго всоу Роускоую землю. *Нач.* Сьи ꙋбо Володимирь бѣ сн҃ь ст҃ославль ѿ племене Ва-

ражьского и нерьвѣк кь идоломь много тьщание твора по ѡч҃ю прѣданию.

г) л. 5 об. Слово ѡ мадр°сти (д)шевнѣй, ѡ пльтьстѣй, ѡ бацтьствѣ, ѡ м̃лостини, и б̃лви ѡч҃е. *Нач.* Соуть на земли мнозии, любаще пльтьскжіа мѫдрость, ти прѣдьржать саны, и чьсти поискываѫще, и собраниıа свѣта сего, и ıазыкы своими брани и доленииı тварѣють..... Безъ конца.

Сообщаю изъ палимпсеста вполнѣ житіе Варяжскихъ мучениковъ:

В̃ладимирь великы̆, кнце погань сы, побѣди Ятьвѣгы̆ и пришедь в Кыевь и творѣше жртвоу идоломь сь боıары̆ о побѣди. Рѣша стари: мечамь жраби на с̃ны и на дщери наша, да изрѣжемь б̃омь нашимь. И бѣше нѣхто ч̃лкь Б̃и именемь, Варагь родомь, пришел бѣ пєь Ц̃раграда (съ) сн̃омъ своимь Иваймь, садаше вь Кыевѣ, дрьжа вѣроу крьстьıаньскѫю, и сего не трьпѣше дьıаволь, власть бо имѣıаше надь всами, а се кмоу бѣше ıако оражие вь сд̃ци, не могы̆ емѫ що створити, наоучи на нь лѫди. И рѣша пр̃дьше к немоу посланиі паде жрѣби на с̃нь твои, вьзлѫбиша бо б̃зи наши, да его створимь трѣбѫ *)бойь нашимь. Ѡнь же р̃е не сѫть б̃зи, на дрѣво истесано, безд̃шно и помалѣ сгинеть; ни ıадать бо, ни пиать, ни мльвить. Б̃о бо кди есть на небесехь, кмоу же слоужать Грци, вь има Г̃а Иса Х̃а крщ̃на есвѣ, ты̆ бо створи небо и земалю; а ваши бози что створиша? на сами вами садѣлани сѫть, не дамь бѣсомь с̃на своего. И ти шедше повѣдаша людемь, и вьземьше орѫжие, и придоша на нь, и рашь: даи с̃на твоего на трабца бойь. Онь же р̃е: аще сѫть б̃зи, то да придеть едннь ѿ нихь, да поиметь и с̃нь мо(и); а вы чемѫ нѫдите ма. И кликнѫша Кыане. и подьсакоша с нимь сани; тоу сачена быста исповѣдаащеса крьстьıана, прист̃ вѣчнѫю жизнь, за с̃тѫю вѣроу моучена.

Изъ особенностей правописанія этого житія, которое по своему изложенію сходно съ помѣщеннымъ въ такъ называемой Несторовой лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 35), замѣчу слѣдующія:

— Употребленіе для изображенія носовыхъ звуковъ одного и того же знака а, который ставится и за ж (оражие); впрочемъ иногда мѣсто носовой гласной ж заступаетъ чистая ѫ=оу (орѫжие).

— Неотличеніе слоговъ твердыхъ и мягкихъ, и вслѣдствіе того

---

*) Въ рукописи: трѣбѫбоу.

употребленіе послѣ согласныхъ ь вмѣсто ъ, ǒ вмѣсто ю (лǒди, вьзлǒбина).

— Употребленіе ь послѣ р (дрьжа, не трьпѣние).

— Употребленіе а вмѣсто ѣ (жраби, впрочемъ въ другомъ мѣстѣ это же слово написано правильно).

— Употребленіе а вмѣсто ѣ (сачена, садяние, всами, сани).

Замѣчу еще: на трабца=на требу; земалю=землю; що=чьто: окончаніе 3-го лица множ. ч. настоящаго времени: ни ыдать, ни пиать, ни мльвить.

май, іюнь и августъ 1866 года.

Управленіе Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ доставило, по просьбѣ Отдѣленія, рукопись, послѣднюю часть которой (Artis rhetoricae praecepta, M. 1733—1734) составляютъ, по мнѣнію прежняго владѣльца ея, академика Погодина, собственноручныя записки Ломоносова. По разсмотрѣніи рукописи, которая большею частію присутствовавшихъ въ засѣданіи, а также и г. Куникомъ, равнымъ образомъ признана за автографъ Ломоносова, положено выразить начальству Музея искреннюю признательность Отдѣленія, съ увѣдомленіемъ, что рукопись вскорѣ будетъ возвращена; содержаніе же ея имѣть въ виду при изслѣдованіяхъ о Ломоносовѣ, какъ матеріалъ для опредѣленія источниковъ его реторики.

Академикъ Срезневскій читалъ: 1) составленную имъ для профессора Шлейхера, по изъявленному послѣднимъ желанію, замѣтку о характеристическихъ чертахъ малорусскаго нарѣчія. Положено напечатать ее въ приложеніяхъ къ протоколамъ; 2) записку о покровѣ съ гробницы князей ярославскихъ, 1501 года, съ замѣчаніями о лицахъ, изображенныхъ на покровѣ, и объ одеждахъ ихъ сравнительно съ нѣкоторыми показаніями другихъ памятниковъ; 3) записку объ источникѣ одного изъ поученій, приписаннаго преподобному Ѳеодосію Печерскому и внесеннаго въ повѣсть временныхъ лѣтъ подъ 6575=1067 г., начинающагося словами: «наводитъ Богъ по гнѣву своему иноплеменникы на землю»; и 4) записку о «Златоструѣ» XII вѣка, въ которой разобрано содержаніе этой рукописи сравнительно съ «Златоструемъ» XV вѣка и указано на от-

личія ихъ въ этомъ отношеніи и на рѣзкія черты русскаго вліянія въ обоихъ изводахъ «Златоструя».

Академикъ Гротъ читалъ извлеченныя имъ изъ протоколовъ Россійской Академіи свѣдѣнія о портретахъ, находящихся нынѣ въ малой конференцъ-залѣ Академіи Наукъ, а также и другія подробности, относящіяся къ исторіи основаннаго Екатериною II учрежденія.

Тотъ же академикъ заявилъ, что имъ получены: 1) отъ М. И. Семевскаго рукописи, содержащія переписку Державина съ графомъ Д. И. Хвостовымъ, и 2) отъ Д. В. Полѣнова ноты къ пѣснѣ Державина «Кружка», которая до сихъ поръ поется на веселыхъ сходкахъ въ Преображенскомъ полку, гдѣ нѣкогда служилъ Державинъ. Ноты эти написаны съ голоса и требуютъ еще повѣрки, для чего предполагается обратиться въ старицкую семинарію, гдѣ, по свидѣтельству профессора В. В. Никольскаго, также поется эта пѣсня. Положено изъявить гг. Семевскому и Полѣнову признательность Отдѣленія за обязательное доставленіе этихъ матеріаловъ для изданія сочиненій Державина.

Вслѣдствіе желанія, изъявленнаго Отдѣленію преподавателемъ 1-й казанской гимназіи, г. Владиміровымъ, занимающимся исторіею этого учебнаго заведенія, академикъ Пекарскій составилъ библіографическое указаніе печатныхъ учебниковъ, которые были въ употребленіи въ гимназіи Академіи Наукъ въ 1726—1765 годахъ. Сверхъ того П. П. Пекарскій сообщилъ въ распоряженіе г. Владимірова слѣдующія свѣдѣнія, которыя, быть можетъ, ему пригодятся при предпринятомъ имъ трудѣ: 1) Отрывокъ изъ мнѣнія академика І. Э. Фишера о необходимости учрежденія гимназіи въ Казани. Въ декабрѣ 1760 г. кураторъ Московскаго университета, И. И. Шуваловъ, просилъ Академію Наукъ доставить отзывъ членовъ ея: гдѣ и какія гимназіи должны быть учреждены въ Россіи? Изъ полученныхъ мнѣній видно, что болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до нашего времени, въ Академіи возникъ вопросъ, какія училища полезнѣе для Россіи—гимназіи съ обязательнымъ обученіемъ латинскому языку, или же ремесленныя заведенія? Большинство академиковъ и тогда стояли за гимназіи съ латинскимъ языкомъ. 2) Дополненіе къ біографіи директора казанской гимназіи Данила Васильевича Савича, помѣщенной въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета», т. II, стр. 387—388. 3) Извлеченія изъ писемъ П. И. Рычкова къ академику

Миллеру о казанской гимназіи 1761—63 г. Матеріалы эти отправлены г. Владимірову.

Въ дополненіе къ суммѣ, образовавшейся подпискою на надгробный памятникъ Востокову, присоединилось еще 103 р. 70 к., отчасти доставленные изъ Харькова К. К. Фойхтомъ и изъ Москвы И. В. Калачовымъ, отчасти собранные въ Петербургѣ А. С. Вороновымъ, такъ что вся имѣющаяся въ настоящее время сумма на этотъ предметъ простирается до 644 руб. 60 коп. Положено доставителямъ и жертвователямъ выразить живѣйшую благодарность Отдѣленія.

По поводу имѣющаго совершиться, 1-го будущаго декабря, столѣтія со дня рожденія Карамзина, Отдѣленіе имѣло чрезвычайное засѣданіе, на которомъ, сверхъ членовъ, принимающихъ постоянное участіе въ его занятіяхъ, присутствовали академики: А. С. Норовъ, Н. Г. Устряловъ, А. А. Куникъ и почетный членъ Отдѣленія К. С. Сербиновичъ, при содѣйствіи котораго изданъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, томъ посмертныхъ сочиненій Карамзина. Положено: день столѣтней годовщины рожденія знаменитаго исторіографа отпраздновать торжественнымъ собраніемъ.

Въ 1863 году кандидатъ петербургскаго университета М. В. Праховъ предпринялъ, по вызову Отдѣленія, переводъ Записокъ о Россіи Герберштейна, съ примѣчаніями для критическаго изданія этого источника, и одобренный Отдѣленіемъ образчикъ этого труда былъ вскорѣ послѣ того напечатанъ въ «Запискахъ» Академіи. Нынѣ г. Праховъ, вслѣдствіе выраженнаго ему Отдѣленіемъ желанія, представилъ слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ приготовительныхъ работъ своихъ по этому предпріятію:

«1) Давно уже приготовляется у меня сравненіе съ комментаріями русскихъ источниковъ, приводимыхъ авторомъ или in extenso, или сокращенно, или же и такъ, что они составляютъ лишь далекій фонъ текста (въ послѣднее время я занимался по этому отдѣлу «Книгою большаго чертежа», «Памятниками дипломатическихъ сношеній» и друг.).

«2) Я старался дать себѣ хотя нѣкоторый отчетъ объ отношеніи Герберштейна къ предшествующимъ и послѣдующимъ писателямъ *).

«3) На половину перечиталъ около 15-ти книгъ и брошюръ самого Герберштейна или написанныхъ о немъ.

*) Здѣсь, какъ и ниже, опускаются заглавія исчисленныхъ г. Праховымъ сочиненій.

«4) Сличилъ весь текстъ латинскаго изданія 1556 года съ нѣмецкою редакціей самого автора 1557 года. Къ сожалѣнію, прямыхъ, точныхъ свидѣтельствъ объ отношеніи этихъ двухъ единственно-важныхъ редакцій не могъ найти. Переводъ готовъ вчернѣ. Отдѣльныя мѣста комментаріевъ сравнены съ соотвѣтствующими въ погодныхъ запискахъ автора. Результаты:

«a) На девять печатныхъ листовъ текста приходится около двухъ совершенно расходящихся по изложенію (особенно конецъ: Itinera in Moscoviam).

«b) Латинская и нѣмецкая редакціи носятъ весьма различный колоритъ; послѣдняя постоянно представляетъ вставки; латинскій колоритъ не имѣетъ большой цѣны, такъ-что перевода, близко держащагося латинскаго строя, не должно имѣть въ виду. Между тѣмъ, значительная свобода (имѣющая въ виду строгую передачу смысла) русскаго перевода должна быть, разумѣется, не вольничаньемъ, а *законною* свободой, т. е. должна быть оправдана нѣмецкою редакціей. Такъ мнѣ и совѣтовалъ А. А. Куникъ—приложить и нѣмецкую редакцію. Я представлю еще объ этомъ свои соображенія.

«5) Естественно, что въ «Запискахъ» Герберштейна далеко не все имѣетъ для насъ значеніе и цѣну прямаго историческаго матеріала; многое, на первый взглядъ, для читателя можетъ показаться балластомъ: обстоятельное оправданіе его, опредѣленіе значенія у него косвенныхъ фактовъ и указаній, словомъ, его *историческая* оцѣнка, которая подъ руками опытнаго мастера могла бы образовать особенное введеніе подъ названіемъ, положимъ, «Герберштейнъ и его время», эта часть работы занимала и мои слабыя силы не менѣе, чѣмъ вся матеріальная часть».

Академикъ Срезневскій довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ А. Ѳ. Гильфердингъ сообщилъ ему, что въ библіотекѣ г. Роб. Корзона (Rob. Curzon) въ Паргамѣ (Parham), въ графствѣ Суссексъ, есть нѣсколько славянскихъ рукописей болгарскаго и сербскаго письма, заслуживающихъ особеннаго вниманія, какъ видно изъ данныхъ, сообщенныхъ объ этихъ рукописяхъ въ изданномъ каталогѣ этой библіотеки (Catalogue of Materials of writing and Manuscript Books in the library of the hon. Rob. Curzon at Parham in the county of Sussex. 1849).

Тотъ же академикъ представилъ вниманію Отдѣленія снимки съ рисованныхъ буквъ Ватиканскаго Евангелія, сдѣланные и доставленные ему княжною Н. Д. Шаховскою. Съ признательностью

заявляя объ этомъ, И. И. Срезневскій полагаетъ воспользоваться снимками въ изслѣдованіяхъ своихъ о древнихъ памятникахъ.

Въ 1863 году, по опредѣленію Отдѣленія, И. И. Срезневскимъ былъ отпечатанъ трудъ его подъ заглавіемъ: «Древніе памятники русскаго письма и языка» (X—XIV вѣковъ). Трудъ этотъ заключаетъ въ себѣ обозрѣніе древнихъ русскихъ памятниковъ, какъ дошедшихъ въ современныхъ подлинникахъ, такъ и тѣхъ, кои извѣстны только въ спискахъ болѣе поздняго времени; онъ оставался впродолженіе двухъ лѣтъ съ половиною невыпущеннымъ въ свѣтъ, потому что не были готовы снимки. Нынѣ г. Срезневскій представилъ приложеніе, состоящее изъ пятидесяти таковыхъ снимковъ. «Въ числѣ ихъ, говоритъ академикъ Срезневскій въ предисловіи, помѣщены нѣкоторые съ такихъ памятниковъ, которые по снимкамъ и прежде уже были извѣстны: это сдѣлано мною отчасти потому, что изданные доселѣ снимки не вполнѣ вѣрны; отчасти же съ цѣлью сдѣлать болѣе извѣстными памятники, заслуживающіе особеннаго вниманія: таковы особенно памятники XI вѣка. Снимки эти, какъ и почти всѣ остальные, сдѣланы, впрочемъ, съ подлинниковъ. Нѣкоторые изъ снимковъ, здѣсь помѣщаемыхъ, были уже изданы самимъ мною при отдѣльныхъ моихъ статьяхъ о памятникахъ, и тогда же отпечатаны для этого изданія. На нѣкоторыхъ изъ снимковъ представляется подлинникъ въ уменьшенномъ видѣ: изъ нихъ одни уменьшены мною посредствомъ пантографа, другіе помощію фотографіи». Въ изданномъ нынѣ приложеніи 13 снимковъ принадлежатъ къ XI вѣку; 10—къ XII; 12—къ XIII; 15—къ XIV. По рѣдкости памятниковъ, съ которыхъ сдѣланы эти снимки, по точности и отчетливости ихъ исполненія и, наконецъ, по воспроизведенію въ изображеніяхъ не только древняго письма, но и лицъ и разныхъ предметовъ, что̀ можетъ служить важнымъ пособіемъ для археологіи, Отдѣленіе надѣется, что описанное здѣсь изданіе заслужитъ одобреніе и признательность всѣхъ занимающихся русскими древностями.

Академикъ Гротъ доставилъ изъ Москвы, полученныя имъ отъ М. А. Дмитріева (нынѣ умершаго), подлинныя письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву, которыя, съ согласія владѣльца ихъ, Отдѣленіе положило напечатать къ наступающей столѣтней годовщинѣ рожденія знаменитаго историографа. Опредѣлено приступить немедленно къ печатанію этихъ писемъ, причемъ надзоръ за изданіемъ и редакція примѣчаній поручены: по первому отдѣлу писемъ П. П. Пекарскому, а по второму—Я. К. Гроту.

Академикъ Пекарскій прочелъ: 1) нѣкоторые матеріалы касательно печатанія въ 1759 г. въ академической типографіи журнала «Трудолюбивая Пчела» и жалобы Сумарокова на цензора его, академика Попова; 2) библіографическую замѣтку объ «Адресъ-Календарѣ 1765 г.». Справочная книга эта начала издаваться по мысли Екатерины II. Составленіе «Адресъ-Календаря» въ первое время было сопряжено съ немалыми затрудненіями, такъ что онъ могъ быть напечатанъ не прежде, какъ черезъ два года слишкомъ послѣ объявленія о немъ повелѣнія императрицы. Первый «Адресъ-Календарь» состоялъ изъ 12-ти печатныхъ листовъ, въ числѣ 1,200 экземпляровъ, которыхъ печатаніе стоило 105 р. 30 коп. Продавались они по 30 коп. каждый, и изъ нихъ въ 1766 г. разошлось 882 экземпляра. Въ 1863—1865 годахъ «Адресъ-Календаря» печаталось 800 экземпляровъ, каждый экземпляръ заключаетъ въ себѣ около 49 листовъ. Издержки на нихъ среднимъ числомъ за послѣдніе три года простирались въ каждый годъ до 2,764 р. 10 к. Расходилось ихъ въ тѣ годы до 760 экземпляровъ, по 5 р. за каждый. Средній доходъ отъ нихъ за послѣдніе три года 2,697 р. 57 к.

Замѣтку г. Пекарскаго опредѣлено напечатать въ приложеніяхъ къ протоколамъ Отдѣленія.

Тотъ же академикъ представилъ написанную имъ статью «О жизни и трудахъ академика Арсеньева», вмѣстѣ съ реестромъ историческихъ матеріаловъ, которые можно было бы издать въ свѣтъ изъ оставшагося послѣ покойнаго академика собранія бумагъ. Статья П. П. Пекарскаго составлена отчасти на основаніи рукописныхъ записокъ К. И. Арсеньева, принадлежащихъ нынѣ старшему сыну его, Юлію Константиновичу, и прерывающихся на 1828 годѣ. Изъ этихъ записокъ извлечены г. Пекарскимъ всѣ извѣстія, имѣющія историко-литературный интересъ, съ опущеніемъ только такихъ разсказовъ, которые имѣютъ значеніе семейныхъ воспоминаній, или касаются подробностей прохожденія Арсеньевымъ службы. Сверхъ того, въ помянутую статью вошли почерпнутыя изъ разныхъ бумагъ извѣстія объ отношеніяхъ Арсеньева къ В. А. Жуковскому, А. И. Тургеневу, графу Д. Н Блудову и нѣкоторымъ другимъ. Отдѣленіе одобрило статью и мысль г. Пекарскаго объ изданіи историческихъ матеріаловъ покойнаго Арсеньева.

Въ Запискахъ Академіи Наукъ (т. V, кн. I) были вкратцѣ описаны А. А. Куникомъ нѣкоторыя неизвѣстныя сочиненія Посошкова. Нынѣ академикъ Бычковъ сообщилъ свѣдѣнія о новомъ

спискѣ этихъ неизданныхъ, весьма любопытныхъ сочиненія и письма Посошкова, спискѣ, который въ редакціи представляетъ незначительныя отмѣны противъ хранящагося въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Въ сочиненіи своемъ Посошковъ предлагаетъ мѣры къ уменьшенію числа раскольниковъ, которые «живутъ яко на Москвѣ такъ и во градѣхъ между правовѣрными христіаны невозбранно и непрестанно уловляютъ всякими образы изъ православія въ свое зловѣріе». Существенно полезною мѣрою въ этомъ отношеніи онъ полагаетъ веденіе во всѣхъ приходскихъ и неприходскихъ церквахъ книгъ: а) родильныхъ; б) крестильныхъ; в) покаяльныхъ; г) причащальныхъ; д) вѣнчальныхъ; е) погребальныхъ и ж) описныхъ. Точное веденіе этихъ книгъ, по мнѣнію Посошкова, непремѣнно должно послужить къ обнаруженію раскольниковъ, потому что, при помощи такихъ книгъ, можно будетъ тотчасъ узнать принадлежность младенца къ семейству, уклонившемуся отъ православія, такъ какъ раскольники своихъ дѣтей «ко причастію отнюдь не приносятъ, паче крещенія отъ святаго причастія бѣгаютъ» и т. п.

Письмо, писанное, по всему вѣроятію, къ митрополиту Стефану Яворскому, слѣдуетъ разсматривать какъ продолженіе предъидущаго сочиненія. Здѣсь Посошковъ, приписывая размноженіе раскола невѣжеству народа вообще, наиболѣе же малому просвѣщенію въ духовенствѣ, предлагаетъ заняться образованіемъ народа и священно-служителей, издать для этой цѣли разныя книги; «состроить академію великую, всѣхъ наукъ исполненную»; учредить въ городахъ во всѣхъ епархіяхъ училища, а также при большихъ обителяхъ, у Троицко-Сергіевскаго же монастыря—цѣлую академію, и отнюдь не посвящать никого, безъ училищнаго свидѣтельства, въ священники и діаконы.

Въ концѣ письма говорится о новой, появившейся въ Россіи, ереси, которой послѣдователи, «кромѣ дѣлъ, хотятъ единою вѣрою спастися», и противъ которой слѣдуетъ дѣйствовать словомъ и дѣломъ. Подъ письмомъ Посошковъ подписался слѣдующимъ образомъ: «Убогій земледѣлецъ, московскій уроженецъ Иванъ Посошковъ». Сочиненіе и письмо будутъ напечатаны въ «Запискахъ», съ приведеніемъ варіантовъ по спискамъ Академіи Наукъ.

По поводу рукописнаго перевода одной главы изъ «Cosmographia» Раува, подъ заглавіемъ: «Московія при Иванѣ Грозномъ», А. А. Бычковъ, которому поручено было разсмотрѣніе этого перевода, написалъ и прочелъ статью о всей космографіи Раува и источникахъ, служившихъ ему пособіемъ для этого сочиненія, сдѣ-

лавшагося нынѣ библіографическою рѣдкостью. Статья г. Бычкова будетъ напечатана въ «Запискахъ» Академіи.

Тотъ же академикъ, взявшій на себя, по случаю отъѣзда И. И. Срезневскаго, редакцію издаваемаго на счетъ Отдѣленія «Словаря бѣлорусскаго нарѣчія», г. Носовича, сообщилъ корректурные листы этого труда, для ознакомленія съ пріемами, а также поправками и дополненіями, которыя онъ призналъ необходимымъ дѣлать при печатаніи рукописи г. Носовича. Принято съ одобреніемъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА ОБЪ АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРѢ 1765 ГОДА.

Академика П. Пекарскаго.

Въ настоящемъ 1866 году исполнилось сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ явился первый Адресъ-Календарь: хотя на оберткѣ его и обозначенъ 1765 г., однако изъ типографіи онъ вышелъ только въ началѣ слѣдующаго, т. е. 1766 года.

Мысль объ изданіи этой справочной книги принадлежитъ императрицѣ Екатеринѣ II. По изустному повелѣнію ея, объявленному канцеляріи Академіи Наукъ Григ. Ник. Тепловымъ, въ октябрѣ 1763 г. послѣдняя отнеслась съ требованіемъ въ присутственныя мѣста о доставленіи свѣдѣній о всѣхъ чинахъ до секретаря включительно *). Въ ноябрѣ 1763 г. императрица, опять чрезъ Теплова, приказала академической канцеляріи «календаря россійскаго съ штатами всего государства не печатать до указу; а прежде рукописный, когда весь окончанъ будетъ, принести на высочайшую ея императорскаго величества апробацію **)».

Въ журналѣ академической канцеляріи, 11 октября 1764 г., записано было, что требованныя отъ присутственныхъ мѣстъ свѣдѣнія были тогда уже доставлены, приведены въ порядокъ и представлены императрицѣ: «но какъ ея величество за неконфирмованіемъ еще тогда новыхъ гражданскихъ штатовъ, печатаніе того Адресъ-Календаря соизволила указать оставить до нынѣшняго года ***)», то поэтому вновь потребованы списки изъ разныхъ

*) Архивъ академической канцеляріи, книга подъ № 278.

**) Ibid., книга подъ № 275.

***) Ibid., книга подъ № 285.

вѣдомствъ. Хотя при томъ предполагалось напечатать Адресъ-Календарь къ наступающему 1765 году, однако, какъ сказано выше, его успѣли выпустить въ свѣтъ только въ 1766 году. 28 февраля 1766 г. факторъ академической типографіи, Артемій Лыковъ, доносилъ академической канцеляріи:

«Въ концѣ прошлаго 1765 года изъ канцеляріи Академіи Наукъ посланъ въ типографію оригиналъ Адресъ-Календаря съ тѣмъ приказаніемъ, дабы не препятствуя прочимъ ординарнымъ текущимъ дѣламъ, а наче чрезвычайнымъ, оный Календарь наборомъ и печатаніемъ производить въ свободное время отъ прочихъ казенныхъ работъ, т. е. въ воскресные и праздничные дни, также и въ ночное время, за что трудящимся при наборѣ и печатаніи обѣщано, сверхъ получаемаго ими окладнаго жалованья, особливое денежное награжденіе. И такъ помянутый Адресъ-Календарь, въ силу того приказанія, наборомъ и печатаніемъ окончанъ въ двадцать два дня и обстоитъ изъ 12 листовъ. Заводъ того календаря печатанъ на любской бумагѣ 200, на россійской комментарной 1000... которые по типографіи обошлись, считая за наборъ, печатаніе, матеріалы и бумагу во 105 руб. 30 коп.»

28 марта 1766 г. акдемическая канцелярія распорядилась изъ 1200 экземпляровъ Адресъ-Календаря 50 отдать въ переплетъ «для подноса ко Двору и раздачи знатнымъ персонамъ», а остальные продавать по 30 копѣекъ. Тогда, какъ видно изъ канцелярскаго постановленія, этой книги разошлось уже 882 экземпляра. Изъ вырученныхъ отъ продажи ихъ денегъ велѣно раздать, за труды наборщикамъ и печатникамъ, 60 рублей *).

Первый Адресъ-Календарь носитъ такое заглавіе: «Адресъ-Календарь россійскій на лѣто отъ Рождества Христова 1765, показующій о всѣхъ чинахъ и присудственныхъ (sic) мѣстахъ въ Государствѣ, кто при началѣ сего года въ какомъ званіи или въ какой должности состоитъ. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ». Книга въ 8°; на 12 ненумерованныхъ страницахъ—мѣсяцословъ; на 4 нен. стр.: «Роспись господскимъ праздникамъ и статскимъ торжественнымъ днямъ, въ которые какъ при Дворѣ ея императорскаго величества бываетъ торжество, такъ и отъ публичныхъ работъ дается свобода»; на 2 нен стр.: «Извѣстіе о почтахъ.» Наконецъ на 131 страницѣ: «Показаніе знатнѣйшихъ въ государствѣ чиновъ и присудственныхъ мѣстъ, и кто при на-

*) Архивъ академической канцеляріи, книга подъ № 296.

чалѣ сего 1765 года въ какомъ званіи или у какой должности состоитъ». На стран. 130—131 есть послѣсловіе «для извѣстія»:

«Въ семъ первомъ опытѣ Адресъ-Календаря, можетъ быть, найдутся еще нѣкоторыя неисправности какъ въ именахъ о титулахъ, такъ и въ подробномъ показаніи присутственныхъ мѣстъ и состоящихъ при разныхъ должностяхъ персонъ. Но какъ краткость времени не дозволила отвсюды собрать вѣрныя справки; къ томужъ и первое установленіе сего Календаря соединено было съ великими трудностями, то уповать должно, что благосклонный читатель доволенъ будетъ и симъ къ пользѣ общества предпріятымъ трудомъ, который изъ году въ годъ исправнѣе и совершеннѣе выходить имѣетъ»...

И такъ первый Адресъ-Календарь за сто лѣтъ передъ симъ со всѣми посторонними приложеніями, которыхъ уже давно не печатается въ нынѣшнихъ его изданіяхъ, состоялъ изъ 12 печатныхъ листовъ; издержки по печатанію его въ 1200 экз. обошлись въ 1766 г. типографіи 105 р. 30 коп., а продавался онъ по 30 коп. экземпляръ. Теперь сравнимъ эти цифры съ слѣдующими, извлеченными изъ дѣлъ Комитета Правленія Академіи Наукъ объ Адресъ-Календаряхъ за послѣдніе три года. Въ 1863 г. онъ состоялъ изъ $48^1/_2$ печатныхъ листовъ; въ 1864 г.—тоже; въ 1865 г. изъ $49^1/_2$ лист. Расходы по изданію, какъ то: бумага, наборъ, печатаніе, редакція, корректуры и разныя мелкія издержки, среднимъ числомъ, простирались въ эти три года до 2,764 р. 10 к. въ каждый. Въ 1863 и 1865 годахъ печаталось Адресъ-Календаря по 800 экз., а въ 1864 г. — 750 экз. Расходилось ихъ, среднимъ числомъ, въ тѣ же годы до 761 экз.; изъ нихъ раскупались на деньги до 594 экз., а остальные разсылались безденежно. Цѣна каждаго экземпляра Адресъ-Календаря 5 рублей, и отъ продажи этой книги выручено, среднимъ числомъ, 2,697 р. 57 копѣекъ въ каждой изъ означенныхъ трехъ годовъ.

О КОСМОГРАФІИ РАУВА И О ПЕРЕВОДѢ ИЗЪ НЕЯ ИЗВѢСТІЙ О МОСКОВІИ Г. В.

Академика А. Ѳ. Бычкова.

Къ числу очень рѣдкихъ печатныхъ сочиненій, явившихся въ XVI ст., принадлежитъ составленная Іоганномъ Рауномъ, въ вопросахъ и отвѣтахъ, на нѣмецкомъ языкѣ, Космографія, имѣющая

слѣдующее заглавіе: Cosmographia das ist eine schöne richtige und vollkomliche Beschreibung dess Göttlichen Geschöpffs, Himmels und der Erden, beydes der Himmlischen und Irrdischen Kugel, wie die Himmlische in jre Circulos u. Sphaeras und die Irrdische in jhre Theil, Europam, Asiam, und Aphricam beneben Americam, und ein jedes Theil widerum in seine vornemliche Königreiche und Landschafften dispescieret und getheilet wirdt. Item war für vorneme Berge, Wasser, Stätte und dergleichen, in jedte Landschafften befunden: was von Anfang für Völker dieselben bewohnet. Auch was für Sitten, Gebräuche und Religion sie gehabt: Dessgleichen was für Regenten von Anfang biss auff diese gegenwärtige Zeit, über solche Länder regieret haben. Sampt ingesprengten schönen, herrlichen, und nützlichen Historien, an welchem Orth, und zu welcher Zeit dieselbigen geschehen seynd, auch mit sehr schönen Figuren Kupferstücken und Landtaffeln gezieret und geschmücket. Alles... in richtige Fragen und Antwort gestellet... und in Truck gegeben, durch den Ehrwirdigen und Wohlgelährten Herrn Johann Rauwen Meimbressensem, Pfarrherrn zu Wetter in Hessen... Gedruckt zu Franckfort am Mayn 1597.

Раувъ, родомъ изъ Мейнбрессена, недалеко отъ Касселя, былъ первоначально пасторомъ въ Кирхлотхеймѣ въ графствѣ Иттеръ, потомъ при госпитальной церкви въ Хайнѣ и наконецъ—въ Веттерѣ, гдѣ онъ окончилъ Космографію и умеръ въ 1600 году. Раувъ въ своемъ трудѣ сообщаетъ болѣе или менѣе точныя и подробныя географическія, этнографическія и историческія свѣдѣнія о всѣхъ государствахъ и странахъ, бывшихъ извѣстными въ XVI ст., и въ этомъ отношеніи онъ для своего времени былъ явленіемъ весьма важнымъ. Книга Раува читалась въ Германіи всѣми грамотными, точно также какъ у насъ въ XVIII ст. Всемірный Путешествователь, и здѣсь должно искать причины почему первое ея изданіе сдѣлалось въ настоящее время библіографическою рѣдкостью. (Второе изданіе вышло въ 1612 году).

Раувъ пользовался при составленіи Космографіи, огромнаго фоліанта, обнимающаго 1031 страницу, 181 сочиненіемъ, которыя у него перечислены въ особомъ спискѣ. Она дѣлится на четыре части. Первая содержитъ въ себѣ свѣдѣнія изъ математической и физической географіи, изъ которыхъ видно, что составитель былъ не чуждъ многихъ предразсудковъ своего времени, неизбѣжныхъ съ вѣрою въ астрологію. Во второй части описываются Европейскія государства, и между ними въ отдѣльной 33-й главѣ, на стр. 793—820, великое княжество Московское. Третья часть посвящена Азіи, а четвертая—

Африкѣ и Америкѣ. Описаніе Россіи составлено по сочиненіямъ Герберштейна, Іоанна Боттера, Павла Іовія, Альберта Кранца и Гваньини, преимущественно же по сочиненію послѣдняго, и имѣетъ интересъ лишь въ томъ отношеніи, что представляетъ, такъ сказать, сводъ всѣхъ обнародованныхъ до XVII вѣка въ печати свѣдѣній о нашемъ отечествѣ, сводъ, которымъ долгое время пользовались Нѣмцы. Жестокости царя Іоанна IV Васильевича Грознаго, молва о которыхъ наполняла въ то время Европу, обратили на себя особенное вниманіе Рауна, и онъ выписалъ изъ Гваньини все, относящееся къ этому предмету. Тѣмъ же источникомъ, иногда сокращая его опущеніемъ подробностей, пользовался при описаніи второй половины царствованія Іоанна и Карамзинъ. Въ примѣръ разности изложенія одного и того же событія приведу разсказъ о казни жены Мясоѣда Вислаго. Карамзинъ говоритъ (IX, 164): «чиновникъ Мясоѣдъ Вислой имѣлъ прелестную жену; ее взяли, обезчестили, повѣсили передъ глазами мужа, а ему отрубили голову». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту мы находимъ ссылку на Гваньини и слѣдующія слова: «Жену Мясоѣдова обезчестили за годъ до смерти мужа и повѣсили ее вмѣстѣ съ служанкою, на крыльцѣ дому ея».

Раувъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «У великаго князя былъ главный секретарь (думный дьякъ), по прозванію Вислый, который имѣлъ очень хорошенькую жену. Великій князь приказалъ своимъ драбантамъ (опричникамъ) привести ее вмѣстѣ съ служанкою во дворецъ, держалъ ихъ у себя нѣсколько недѣль и потомъ велѣлъ обѣихъ повѣсить въ воротахъ дома, въ которомъ жилъ секретарь. Сего послѣдняго великій князь, сверхъ сего заставилъ какъ выходить изъ дома, такъ и возвращаться домой непремѣнно въ эти ворота; такимъ образомъ онъ цѣлыя двѣ недѣла долженъ былъ видѣть висящими свою жену и ея служанку».

Сличивъ внимательно съ подлинникомъ Космографіи переводъ изъ нея Н. В—а, я нашелъ, что онъ исполненъ не слишкомъ отчетливо и что въ немъ пропущено многое, не лишенное интереса, поэтому печатать переводъ въ настоящемъ его видѣ я полагаю едва ли удобнымъ. Впрочемъ если бы Отдѣленіе признало полезнымъ напечатать изъ Космографіи Раува переводъ описанія великаго княжества Московскаго, не смотря на его компилятивный характеръ, то я считалъ бы не безполезнымъ присоединить къ нему еще и переводъ описанія Лифляндіи, Литвы и Самогитіи, составляющаго 32-ю главу 2-й части Космографіи.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1866 года.

Въ теченіе осеннихъ мѣсяцевъ занятія Отдѣленія, согласно съ постановленнымъ имъ въ маѣ сего года заключеніемъ, были главнымъ образомъ посвящены приготовленіямъ къ празднованію столѣтней годовщины рожденія Карамзина.

Въ первомъ же сентябрскомъ засѣданіи общаго собранія Академіи, Отдѣленіе предложило отпраздновать отъ имени всей Академіи память писателя, пріобрѣтшаго столь великое значеніе въ области науки и литературы.

Назначенная вслѣдствіе того коммиссія изъ непремѣннаго секретаря и академиковъ: Устрялова, Грота, Куника, Пекарскаго и Бычкова полагала: день рожденія заслуженнаго исторіографа ознаменовать торжественнымъ собраніемъ, къ которому будутъ приготовлены рѣчи Н. Г. Устряловымъ и Я. К. Гротомъ; при чемъ членами Отдѣленія русскаго языка и словесности заявлено, что, по приглашенію его, въ чтеніяхъ обѣщали принять участіе также академики князь П. А. Вяземскій и М. П. Погодинъ. Опредѣленіе это было одобрено общимъ собраніемъ, и, по представленію г. министра народнаго просвѣщенія, на празднованіе 1-го декабря сего года торжественнымъ актомъ въ Академіи послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Независимо отъ того, по порученію Отдѣленія, два члена его, Гротъ и Пекарскій, завѣдывали печатаніемъ неизданныхъ писемъ Карамзина къ Дмитріеву и составляли къ нимъ подробныя историко-литературныя и библіографическія примѣчанія. Подлинныя письма принадлежали М. А. Дмитріеву (умершему въ прошломъ сентябрѣ), который, давно намѣреваясь издать ихъ, охотно принялъ предложеніе Отдѣленія предоставить это дѣло Академіи, и въ началѣ минувшаго іюня лично передалъ ихъ, въ Москвѣ, г. Гроту вмѣстѣ съ приготовленными къ нимъ краткими примѣчаніями извѣстнаго библіографа нашего М. Н. Лонгинова.

Означенные два академика раздѣлили между собою возложенный на нихъ трудъ такимъ образомъ, что П. П. Пекарскій принялъ на себя изданіе перваго отдѣла писемъ (1787—1817 г.), а Я. К. Гротъ — втораго (1818—1826 г.). Г. Пекарскій, занимаясь объясненіемъ печатаемыхъ имъ писемъ, обратилъ особенное вниманіе на вопросы о времени и мѣстѣ рожденія исторіографа, а так-

же и на пополненіе свѣдѣній о его службѣ въ гвардіи, важное для повѣрки всей первой половины его біографіи. Для разъясненія первыхъ двухъ вопросовъ онъ пользовался, между прочимъ, бумагами Государственнаго Архива и обращался въ Герольдію правительствующаго сената, а также къ управляющему московскимъ архивомъ министерства юстиціи, Н. В. Калачову, за справками о родѣ Карамзиныхъ. По послѣднему предмету г. симбирскій предводитель дворянства А. Н. Ермоловъ, по просьбѣ Отдѣленія, доставилъ также двѣ еще сохранившіяся бумаги. Относительно службы Карамзина въ Преображенскомъ полку, г. Пекарскій, съ позволенія командира этого полка, князя А. И. Барятинскаго, дѣлалъ розысканія въ полковомъ архивѣ; для пополненія же найденныхъ тамъ свѣдѣній обращался къ г. военному министру Д. А. Милютину, по приказанію котораго и получилъ справку изъ архива главнаго штаба. Сверхъ того П. П. Пекарскій, съ разрѣшенія управляющаго Государственнымъ Архивомъ, К. К. Злобина, пользовался отысканными тамъ новыми матеріалами для опредѣленія участія Карамзина въ издательской дѣятельности Новикова. Изслѣдованія г. Пекарскаго по всѣмъ этимъ предметамъ напечатаны въ приложеніяхъ къ изданнымъ нынѣ письмамъ. Тамъ же помѣщена отысканная его стараніями статья Карамзина, на французскомъ языкѣ, о русской литературѣ, напечатанная первоначально въ октябрской книжкѣ, за 1797 г., гамбургскаго журнала «Spectateur du Nord». Такъ-какъ названнаго журнала за этотъ годъ нѣтъ ни въ одной изъ извѣстныхъ петербургскихъ библіотекъ, то П. П. Пекарскій просилъ живущаго въ Парижѣ, уважаемаго ученаго нашего, В. С. Порошина, доставить копію означенной статьи изъ экземпляра «Spectateur du Nord», принадлежащаго тамошней публичной библіотекѣ; просьба эта была въ скоромъ времени исполнена съ радушною готовностью. Въ неизвѣстной доселѣ статьѣ Карамзина есть свѣдѣніе о только-что открытомъ тогда «Словѣ о полку Игоревѣ», сужденіе о русскихъ народныхъ пѣсняхъ и, наконецъ, подробное обозрѣніе «Писемъ русскаго путешественника».

Желая и съ своей стороны способствовать окончательному разъясненію вопроса о годѣ и мѣстѣ рожденія Карамзина, академикъ Гротъ просилъ содѣйствія въ томъ г. товарища оберъ-прокурора св. синода Ю. В. Толстаго и г. самарскаго губернатора Б. П. Обухова, которые съ просвѣщенною благосклонностію приняли къ тому мѣры: изъ собранныхъ по ихъ распоряженію справокъ оказалось однакожъ, что извѣстій, прямо относящихся къ предмету, не сохранилось.

Такъ-какъ въ перепискѣ Карамзина за послѣдніе годы его жизни встрѣчается много такихъ именъ и обстоятельствъ, о которыхъ свѣдѣнія могутъ быть почерпнуты только изъ живыхъ воспоминаній, то Я. К. Гротъ, для пополненія составляемаго къ письмамъ комментарія, долженъ былъ прибѣгнуть, между прочимъ, къ лицамъ, стоявшимъ болѣе или менѣе близко къ Карамзину, и пользовался въ этомъ отношеніи помощью князя П. А. Вяземскаго и К. С. Сербиновича. Князь Вяземскій прочитывалъ въ корректурныхъ листахъ всѣ письма послѣдней эпохи и обязательно сообщалъ сохранившіяся въ его памяти подробности; а г. Сербиновичъ радушно передалъ редактору этой части изданія цѣлую рукописную тетрадь любопытныхъ воспоминаній своихъ о Карамзинѣ, съ которымъ онъ былъ лично знакомъ и часто видѣлся въ послѣднія семь лѣтъ его жизни. Кромѣ того, г. Гротъ получилъ отъ ближайшихъ родственниковъ исторіографа нѣсколько драгоцѣнныхъ свѣдѣній, за которыми къ нимъ обращался.

Для изданія при письмахъ Карамзина къ Дмитріеву, въ видѣ особыхъ приложеній, доставлены: 1) академикомъ Никитенко, принадлежащее ему подлинное письмо исторіографа къ С. Н. Глинкѣ, и 2) академикомъ Бычковымъ, снятыя имъ во всей точности копіи съ двухъ писемъ Карамзина къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и съ подлинныхъ писемъ его къ К. Ѳ. Калайдовичу, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Такъ-какъ эти послѣднія были напечатаны въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей» не совсѣмъ исправно, притомъ же А. Ѳ. Бычковъ снабдилъ ихъ подробными примѣчаніями, то Отдѣленіе опредѣлило дать имъ также мѣсто въ приготовляемомъ къ юбилею Карамзина изданіи.

Академикъ Погодинъ сообщилъ Отдѣленію, что онъ готовъ передать въ его распоряженіе подлинныя письма Карамзина къ А. И. Тургеневу, если оно намѣрено издать ихъ въ свѣтъ. Отдѣленіе, принявъ съ признательностію это предложеніе, не успѣло однакоже (по краткости остававшагося до 1-го декабря времени) теперь же воспользоваться имъ и опредѣлило, при первой возможности, издать и переписку Карамзина съ Тургеневымъ, которая, хотя и была уже напечатана въ «Москвитянинѣ», однако можетъ быть пополнена какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ М. П. Погодинъ доставилъ для академика Устрялова копіи съ нѣсколькихъ документовъ изъ собранія бумагъ Голикова.

Отысканіе бюста Карамзина къ юбилею было сопряжено съ

нѣкоторыми затрудненіями. Въ Петербургѣ оказалось только одно небольшое изваяніе его, сдѣланное уже послѣ его смерти и далеко неудовлетворительное; но въ Москвѣ нашелся у М. П. Погóдина другой бюстъ нашего знаменитаго писателя, болѣе сходный и имѣющій бóльшіе размѣры. Съ этого-то бюста, приписываемаго художнику Каміони и относящагося, вѣроятно, къ началу нынѣшняго столѣтія, сдѣланъ былъ, по заказу Отдѣленія, при обязательномъ посредствѣ К. К. Герца и Н. А. Рамазанова, новый бюстъ, которымъ и украсилась зала публичныхъ собраній Академіи.

Независимо отъ приготовительныхъ распоряженій и трудовъ, предпринятыхъ по поводу предстоявшаго юбилея, Отдѣленіе русскаго языка и словесности продолжало свои обычныя занятія.

Чтенія академика Срезневскаго были слѣдующія:

I. Двѣ записки о памятникахъ малоизвѣстныхъ: 1) о гадальныхъ припискахъ къ пророческимъ книгамъ св. писанія, и 2) о древнемъ житіи Алексія человѣка Божія. Въ первой, по указаніи на свидѣтельства о гаданіяхъ по пророческимъ книгамъ въ XII—XIII вѣкахъ, какъ о гаданіяхъ по жребію, представлены приписки къ псалтырю XIV вѣка, заключающія въ себѣ объясненія смысла мѣстъ, въ которыхъ искали отгадокъ, чему быть или чтò должно дѣлать. Во второй запискѣ, кромѣ предварительныхъ изъясненій, дано мѣсто чтенію древняго житія Алексія человѣка Божія по древнѣйшимъ спискамъ, разбору его языка и сравненію его съ духовнымъ стихомъ, который нынѣ поется слѣпцами. Это сравненіе показало: 1) что стихъ есть простой пересказъ житія, частію даже дословный, и 2) что въ памяти сказателя стиха было житіе не въ древнемъ его видѣ, а въ томъ видѣ, въ какомъ оно помѣщено въ новой четіей-минеѣ. Это послѣднее обстоятельство наводитъ на мысль, что стихъ сложенъ не въ очень давнее время.

II. Статья о древнихъ сказаніяхъ о святителѣ Николаѣ и ихъ передѣлкахъ сравнительно съ духовными стихами одинаковаго содержанія. Одинъ изъ этихъ духовныхъ стиховъ, объ Агрикѣ и сынѣ его Василіи, извѣстенъ во многихъ спискахъ; другой, о попѣ Христофорѣ, пока только въ одномъ спискѣ. Сличеніе ихъ съ сказаніями приводитъ къ заключенію, что первый стихъ сложенъ не по пересказу сказанія, помѣщенному въ прологѣ, а по самому сказанію, но въ его подновленномъ видѣ, гдѣ нѣкоторыя древнія слова замѣнены болѣе употребительными (напримѣръ, сродникъ

вмѣсто ближика), а второй стихъ сложенъ по сокращенію древняго сказанія. На этомъ второмъ особенно замѣтно вліяніе литературныхъ пріемовъ XVII вѣка.

III. Записка объ отрывкѣ изъ книги евангельскихъ чтеній XI вѣка, найденномъ въ западной Россіи. По палеографическимъ примѣтамъ, книга эта должна быть писана позже Остромирова евангелія, тѣмъ не менѣе ранѣе всѣхъ другихъ, доселѣ найденныхъ русскихъ списковъ евангелія, ранѣе чѣмъ образовалось особенное русское правописаніе, котораго древнѣйшіе образцы представляются въ рукописяхъ конца XI и начала XII вѣка.

IV. Замѣтка подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ въ дополненіе къ статьѣ о трудахъ Шлейхера». Въ ней дано мѣсто отмѣткѣ сочиненій Шлейхера, опущенныхъ въ общемъ ихъ перечнѣ, и замѣчаніямъ о древне-нѣмецкомъ словарѣ Шаде, который могъ бы быть, по мнѣнію Шлейхера, взятъ за образецъ для составленія сравнительнаго словаря славянскихъ нарѣчій.

V. Записка о похвалѣ Кириллу Философу епископа Климента, съ приложеніемъ подлинника по списку XIV вѣка, съ разночтеніями по другимъ спискамъ.

VI. Записка, заключающая въ себѣ текстъ (по пяти спискамъ) повѣсти о разореніи Рязани Батыемъ и разборъ этого памятника сравнительно съ другими сказаніями о томъ же событіи. При семъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ сдѣланы замѣчанія на основаніи двухъ другихъ списковъ той же повѣсти.

Кромѣ того, И. И. Срезневскій заявилъ, что къ числу памятниковъ апокрифической литературы, переведенныхъ на славянскій языкъ въ древнее время, надобно отнести и слово о покоѣ Пресвятой Богородицы; оно сохранилось въ спискѣ XII вѣка, хотя, къ сожалѣнію, только въ отрывкѣ. Слича этотъ отрывокъ со списками болѣе поздними, увѣряемся, что нѣкоторые и изъ этихъ списковъ повторили древній изводъ довольно вѣрно. Отъ греческаго подлинника, теперь уже изданнаго Тишендорфомъ, славянскій переводъ отличается очень немногимъ. Записка объ этомъ войдетъ въ число свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ памятникахъ.

Академикъ Никитенко, разсмотрѣвъ переданную изъ Историко-филологическаго Отдѣленія рукопись г. Мевеса: «Литературные гости въ Россіи», доложилъ, что она содержитъ въ себѣ обширныя и подробныя лингвистическія изслѣдованія о собственныхъ именахъ и прозвищахъ, употребляющихся въ русскомъ народѣ, съ изъясненіемъ ихъ происхожденія и измѣненій тѣхъ изъ нихъ, ко-

торыя вошли къ намъ извнѣ; причемъ авторъ ставитъ съ ними въ параллель слова, заимствованныя изъ другихъ языковъ, какъ-то: греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и проч. Авторъ, повидимому, обладаетъ свѣдѣніями въ языкахъ; но чтобы произнести о его трудѣ рѣшительное сужденіе, надобно, чтобы онъ былъ разсмотрѣнъ знатоками тѣхъ языковъ, какіе приводитъ авторъ, не исключая и латышскаго. Опредѣлено: рукопись Мевеса, вмѣстѣ съ выпискою мнѣнія о ней г. Никитенко, возвратить въ Историко-филологическое Отдѣленіе.

Академикъ Гротъ, продолжая свои занятія по изданію сочиненій Державина, представилъ вновь отпечатанные въ послѣднее время 27—32 листы IV тома и заявилъ о слѣдующихъ, полученныхъ имъ по этому изданію, сообщеніяхъ:

I. Библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки, А. Б. Ивановскій доставилъ довольно значительную по объему рукопись покойнаго Анастасевича (ум. 1845 г.), писанную въ 20-хъ годахъ и содержащую въ себѣ собраніе библіографическихъ и біографическихъ замѣтокъ относительно Державина, какъ-то: свѣдѣнія объ изданіяхъ сочиненій его, изложеніе содержанія и происхожденія его стихотвореній, хронологическіе и алфавитные списки ихъ и т. п.; причемъ Я. К. Гротъ объяснилъ, что хотя въ настоящее время, когда Державинъ уже разработанъ имъ во всей подробности по собственнымъ его рукописямъ и другимъ обильнымъ пособіямъ, замѣтки эти и утратили свое значеніе, однакожъ онѣ могутъ представить еще что-нибудь и новое при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, которымъ онъ вскорѣ займется. Положено: выразить г. Ивановскому искреннюю признательность Отдѣленія.

II. Г. Балясный доставилъ рукопись оды Державина на переходъ Альпійскихъ горъ, которая въ свое время поднесена была поэтомъ императору Павлу, но потомъ возвращена автору, имъ же подарена извѣстному В. Н. Каразину. Г. Балясный предлагаетъ эту рукопись Отдѣленію, съ тѣмъ, чтобы ему въ обмѣнъ доставленъ былъ экземпляръ изданныхъ до сихъ поръ первыхъ 3-хъ томовъ сочиненій Державина. Отдѣленіе, имѣя въ виду, что этой рукописи придаютъ цѣну: собственноручная подпись Державина, два относящіеся къ одѣ оригинальные рисунка, и наконецъ автографическая замѣтка Каразина, и что академической библіотекѣ доселѣ не принадлежитъ ничего изъ рукописей Державина, опредѣлило: предложеніе г. Балянаго принять, самую же рукопись передать въ 1-е отдѣленіе библіотеки.

III. Библіотекарь Чертковской библіотеки въ Москвѣ, П. И. Бартеневъ доставилъ въ копіи нѣсколько писемъ Державина къ разнымъ лицамъ, за что̀ и положено выразить г. Бартеневу искреннюю признательность Отдѣленія, такъ-какъ этими письмами можно будетъ воспользоваться при изданіи переписки поэта.

Академикъ Пекарскій представилъ: 1) собственноручную объяснительную записку Сумарокова на имя императрицы Екатерины II по поводу написанной имъ оды къ польскому королю и неудовольствія, возбужденнаго находившимся въ ней выраженіемъ *да укрѣпятся въ нихъ союзы;* въ запискѣ Сумароковъ обязывается не давать хода этому стихотворенію; 2) найденную въ бумагахъ Государственнаго Архива рѣчь на французскомъ языкѣ, произнесенную въ Академіи Наукъ, черезъ 11 дней послѣ смерти Ломоносова, почетнымъ членомъ Академіи, докторомъ Клеркомъ (впослѣдствіи Леклеркомъ, авторомъ извѣстной исторіи Россіи) и любопытную по высказанному въ ней сужденію современника о знаменитомъ нашемъ ученомъ. Рѣчь эта въ подлинникѣ и въ переводѣ г. Пекарскаго помѣщается ниже.

Тотъ же академикъ заявилъ, что, занимаясь, по порученію общаго собранія Академіи, просмотромъ «Исторической библіографіи», составленной за 1858 годъ гг. Ламбиными, онъ находитъ, что эта часть труда ихъ обработана съ тою же добросовѣстностью и точностію, какими отличаются предыдущія, и потому полагаетъ весьма полезнымъ и нужнымъ напечатать ее, съ незначительными только измѣненіями.

Изъ трудовъ постороннихъ ученыхъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Отдѣленіемъ, должны быть упомянуты слѣдующіе:

I. Г. Макушевъ, извѣстный уже своими учеными трудами по исторіи Славянъ, представилъ въ рукописи свои «Изслѣдованія о памятникахъ и бытописаніяхъ Дубровника». Находя эти изслѣдованія заслуживающими полнаго одобренія, по новости большей части данныхъ, до сихъ поръ не бывшихъ въ печати, И. И. Срезневскій полагалъ справедливымъ дать труду г. Макушева, или по-крайней-мѣрѣ тѣмъ частямъ его, которыя найдутся особенно заслуживающими того, мѣсто въ приложеніяхъ къ «Запискамъ» Академіи. Одобрено Отдѣленіемъ.

II. Г. Пономаревъ, преподаватель Петровскаго кадетскаго корпуса въ Полтавѣ, доставилъ въ Отдѣленіе, при письмѣ къ Я. К. Гроту, брошюру свою: «Преосвященный Филаретъ, архіепископъ черниговскій и нѣжинскій». Положено благодарить г. Пономарева.

III. Печатаніе «Бѣлорусскаго Словаря» г. Носовича продолжалось подъ надзоромъ академика Бычкова, который и представилъ отпечатанные при его участіи 6—15 листы этого труда.

Академикъ Срезневскій представилъ вниманію сочленовъ:

1) Два древнихъ памятника XIII вѣка: одинъ—русскаго письма, листъ изъ книгъ евангельскихъ чтеній; другой—болгарскаго письма, неполную книгу евангельскихъ чтеній; второй памятникъ особенно любопытенъ, такъ какъ древнихъ памятниковъ болгарскихъ доселѣ извѣстно было мало. 2) Статью г. Юшкевича «Литовскія народныя пѣсни» съ русскимъ переводомъ, которую, согласно съ мнѣніемъ г. Срезневскаго, и опредѣлено напечатать въ Запискахъ Академіи. 3) Письмо изъ Флоренціи отъ г. Бецкаго, который, вслѣдствіе изъявленнаго ему академикомъ желанія, вызывается снять копію съ древней псалтыри, хранящейся въ Болоньѣ. Положено просить г. Бецкаго доставить какъ списокъ, такъ и снимки съ этой рукописи.

И. И. Срезневскій довелъ также до свѣдѣнія Отдѣленія, что къ издаваемой имъ Саввиной книгѣ онъ думаетъ приложить и другіе памятники того же письма и времени, именно: отрывокъ изъ псалтыря (псаломъ 118), новгородскіе листки изъ книги евангельскихъ чтеній, отрывокъ изъ Супрасльской мартовской четіей-минеи, отрывокъ изъ книги поученій Кирилла Іерусалимскаго и отрывокъ изъ Іоанно-экзарховскаго пролога. Все это памятники нерусскаго письма XI вѣка, одинаково важные для изслѣдованія древняго славянскаго языка; введеніе посвящено описанію каждаго изъ нихъ и нѣкоторымъ соображеніямъ о древнемъ языкѣ и письмѣ. Одобрено.

Ак. Гротъ заявилъ о трехъ недавно изданныхъ посторонними учеными трудахъ, какъ имѣющихъ отношеніе къ занятіямъ Отдѣленія за послѣднее время и заслуживающихъ полнаго вниманія по внутреннему ихъ достоинству. Это: 1) Новый отдѣлъ составляемыхъ профессоромъ М. И. Сухомлиновымъ «Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I». Подобно двумъ первымъ отдѣламъ, эта третья статья помѣщена въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ то же время отпечатана отдѣльно. Вся появившаяся до сихъ поръ часть труда г. Сухомлинова замѣчательна по множеству новыхъ данныхъ, извлеченныхъ имъ преимущественно изъ дѣлъ архива министерства и сгруппированныхъ съ большимъ тщаніемъ и умѣньемъ, такъ что цѣлое представитъ, конечно, любопытную картину разсматри-

ваемаго предмета. Въ послѣдней статьѣ находится между прочимъ свѣдѣніе, служащее къ объясненію одного мѣста въ «Письмахъ Карамзина къ Дмитріеву». 7-го сентября 1822 года исторіографъ писалъ между прочимъ о Жуковскомъ: «Онъ теперь въ состязаніи съ цензурою за послѣднюю балладу». Относящееся къ этимъ словамъ примѣчаніе г. Лонгинова указываетъ на «балладу, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ» и проч., балладу, переведенную съ англійскаго еще въ 1814 году, а напечатанную не прежде 1831. Но теперь изъ «Матеріаловъ» г. Сухомлинова становится яснымъ, что въ письмѣ Карамзина рѣчь идетъ о «Замкѣ Смальгольмъ», и мы узнаемъ любопытнѣйшія подробности о соображеніяхъ, по которымъ цензора считали нужнымъ остановить это стихотвореніе; возраженія Жуковскаго не помогли, и баллада, первоначально озаглавленная «Ивановъ вечеръ», была запрещена, главнымъ образомъ по отсутствію въ ней всякой нравственной цѣли. Она появилась въ печати только черезъ два года (1824), подъ заглавіемъ: «Дунканова вечеръ».

2) Напечатанный въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета» и отдѣльною брошюрою трудъ профессора Н. Н. Булича: «Біографическій очеркъ Н. М. Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности». Это то, чтó г. Буличъ, какъ уже извѣстно изъ газетъ, читалъ въ Симбирскѣ 1-го и 2-го декабря, по приглашенію комитета Карамзинской библіотеки. Въ небольшомъ вступительномъ обращеніи къ слушателямъ, которое отличается особенною теплотою, профессоръ справедливо замѣтилъ, что Карамзинъ—первый русскій писатель, «удостоившійся публичнаго, торжественнаго поминанія черезъ сто лѣтъ въ день его рожденія». Самый «Очеркъ» содержитъ въ себѣ, на 100 слишкомъ страницахъ убористой печати, возможно полный по такому объему обзоръ жизни, трудовъ и заслугъ Карамзина, съ обстоятельными указаніями на источники сообщаемыхъ свѣдѣній. Г. Буличъ очень прилежно и добросовѣстно воспользовался для своей задачи всѣми напечатанными до юбилея матеріалами, и нельзя строго винить его за нѣкоторыя, впрочемъ очень немногія, обмолвки, замѣтныя только тому, кто имѣлъ въ рукахъ болѣе обильныя пособія, недоступныя ученому вдали отъ столицъ. Такъ наприм., г. Буличъ думаетъ, что подъ именемъ *Аглаи* въ сочиненіяхъ Карамзина должно разумѣть Л. И. Протасову, сдѣлавшуюся впослѣдствіи первою его женою, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ оно означаетъ сестру ея, Настасью Ивановну, бывшую замужемъ за Плещеевымъ. Изъ высказанныхъ ав-

торомъ мнѣній трудно согласиться съ его взглядомъ на поэтическія произведенія Карамзина, въ которыхъ будто бы «очень мало личнаго содержанія, что служитъ прямымъ доказательствомъ отдаленности его стихотвореній отъ его души и сердца». Многіе гораздо справедливѣе, кажется, находятъ, что въ стихахъ Карамзина, напротивъ, отразилась его сердечная жизнь и что они богаты чувствомъ, если не поэзіей. Карамзинъ былъ поэтомъ только по вдохновенію сердца; въ его стихахъ слышится одушевленіе всякій разъ, когда онъ выражаетъ завѣтную мысль или глубоко волнующее его чувство. Тѣмъ не менѣе, брошюра г. Булича, основанная на тщательномъ изученіи предмета, вездѣ отмѣченная мыслію и написанная съ оживленіемъ, должна быть встрѣчена какъ отрадное доказательство, что авторъ не оставляетъ своихъ историко-литературныхъ розысканій, начатыхъ такъ успѣшно его монографіей о Сумароковѣ.

3) Изданный въ Парижѣ ко дню юбилея Карамзина французскій переводъ, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, «Писемъ русскаго путешественника», подъ заглавіемъ: «Lettres d'un voyageur russe en France, en Allemagne et en Suisse». Переводчикъ, бывшій профессоръ петербургскаго университета, В. С. Порошинъ, посвятивъ свой трудъ памяти Карамзина, присоединилъ къ нему предисловіе, біографическую замѣтку объ авторѣ писемъ и два приложенія: въ одномъ онъ сообщаетъ измѣнившійся впослѣдствіи взглядъ Карамзина на Петра Великаго по «Запискѣ о древней и новой Россіи», а въ другомъ — отчетъ самого «Русскаго путешественника» о содержаніи его писемъ, заимствованный изъ Spectateur du Nord 1797 г. и недавно перепечатанный П. П. Пекарскимъ, при содѣйствіи г. Порошина, въ «Письмахъ Карамзина къ Дмитріеву». Въ предисловіи переводчикъ подробно объясняетъ заслугу своего соотечественника въ отношеніи къ языку и вліяніе его, этимъ путемъ, на образованіе и нравы русскаго общества. Онъ причисляетъ Карамзина къ тѣмъ людямъ, которые дѣйствовали въ смыслѣ противномъ перевороту, произведенному Петромъ Великимъ. «Изъ обломковъ, которые этотъ государь оставилъ за собою въ своемъ стремленіи, уничтожая столько обычаевъ, несовмѣстныхъ съ новымъ порядкомъ вещей, несокрушимыя стихіи нравственной личности націи должны были рано или поздно выдѣлиться и укрѣпиться въ своей жизненной силѣ. Къ числу этихъ стихій надобно отнести языкъ, обязанный Карамзину и его школѣ тѣмъ, что онъ сталъ знаменіемъ возсоединенія, примѣтою русской жизни въ собственномъ значеніи этого слова, предметомъ дѣятельной разработки и настоящею обществен-

ной силой. Въ другихъ отношеніяхъ Карамзинъ шелъ по пути, указанному геніемъ великаго царя. Подобно ему, онъ путешествовалъ, чтобы уяснить своимъ соотечественникамъ цѣль нововведеній и привлечь ихъ къ этой цѣли, выставивъ въ полномъ свѣтѣ выгоды и важность результатовъ, осуществленіе которыхъ онъ видѣлъ у другихъ народовъ... Издавъ свои путевыя впечатлѣнія, онъ поставилъ русскихъ читателей въ духовное общеніе съ корифеями искусства и науки въ Европѣ, и такимъ образомъ дополнилъ безсмертное дѣло Петра Великаго.» Далѣе г. Порошинъ оправдываетъ Карамзина отъ упрека въ недостаточномъ вниманіи къ французской революціи, устанавливаетъ настоящую точку зрѣнія на его путешествіе и, наконецъ, остроумно проводитъ параллель между нимъ и французскимъ писателемъ 17-го вѣка, Бальзакомъ, имѣвшимъ также большое значеніе въ образованіи письменнаго языка своего народа. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ письмамъ собрано много любопытныхъ свѣдѣній, особенно о писателяхъ, упоминаемыхъ Карамзинымъ, и разъяснены нѣкоторыя изъ именъ, означенныхъ у него только начальными буквами. Такъ въ письмахъ изъ Парижа (стр. 280) объяснены буквы, подъ которыми должно разумѣть князей Дмитрія Владиміровича и брата его Бориса Голицыныхъ и извѣстнаго собирателя рукописей, Дубровскаго. Другія буквы остались неразъясненными; напр., въ письмѣ изъ Цюриха (стр. 67), гдѣ замѣчено о сходствѣ Пфеннингера съ Г., не сказано, что эта буква означаетъ мистика Семена Ивановича Гамалѣя, который будто бы написалъ инструкцію въ руководство Карамзину во время его путешествія. Есть, впрочемъ, въ письмахъ Карамзина и нѣсколько такихъ буквъ, которыя разъяснить уже невозможно. Въ концѣ своего предисловія, помѣченнаго 1-мъ декабря, г. Порошинъ говоритъ: «Россія празднуетъ сегодня столѣтнюю годовщину рожденія Карамзина. Желаемъ, чтобъ эта книжка, въ первый разъ издаваемая на языкѣ *), который можно назвать всемірнымъ, доставила автору многочисленныхъ друзей въ чужихъ краяхъ и внушила имъ хоть нѣкоторую долю того высокаго и искренняго уваже-

---

*) Это замѣчаніе не опровергается напечатанною въ 1815 г., во Франціи, книжкою: «Extrait des voyages du docteur Karamsin, Médecin de Moscou»: въ ней заключается только отрывокъ изъ «Писемъ р. путеш.», въ которомъ описываются Лондонъ и вообще Англія. Въ предисловіи переводчикъ (Tuault de Bouvrie) повѣствуетъ, что Карамзинъ былъ богатый московскій врачъ и свои письма написалъ на нѣмецкомъ языкѣ. (Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1864 г.)

нія, какое мы чувствуемъ къ его памяти!» Г. Поронинъ выполнилъ свою задачу такъ умно и ловко, что книга его, конечно, будетъ съ удовольствіемъ читаться иностранной публикой.

Тотъ же академикъ: 1) раздалъ сочленамъ присланные М. П. Погодинымъ экземпляры извѣстнаго уже публикѣ труда его — двухъ томовъ біографіи Карамзина, объяснивъ, что за ними долженъ послѣдовать еще томъ дополненій и примѣчаній, съ двумя портретами, и 2) представилъ полученное имъ отъ г. Пономарева, изъ Полтавы, начало «Матеріаловъ для библіографіи литературы о Карамзинѣ». Въ свое время было заявлено о подобномъ трудѣ, исполненномъ г. Пономаревымъ относительно Ломоносова. Нынѣ онъ пишетъ, что новый библіографическій указатель его уже готовъ вчернѣ и будетъ по частямъ доставленъ въ Отдѣленіе. Положено просить о томъ г. Пономарева.

Академикъ Пекарскій представилъ два неизвѣстныя до сихъ поръ собственноручныя письма Ломоносова: 1) писанное по-нѣмецки изъ Марбурга въ Фрейбергъ къ Виноградову, отъ 18 апрѣля 1741 года; Ломоносовъ жалуется на его долгое молчаніе, проситъ прислать реторику Каузина, записки Петрея и стихотворенія Гюнтера, и извѣщаетъ о полученномъ изъ Петербурга приказаніи возвратиться; 2) письмо къ начальнику Кабинета И. А. Черкасову, отъ 27 іюля 1749, о результатахъ пробы, произведенной по его требованію надъ мѣдью съ острова около Камчатки. Когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, для полученія этой мѣди отправленъ былъ на мѣсто оберъ-гитенфервальтеръ Яковлевъ, то онъ, при описаніи своей зимовки на другомъ островѣ (Командорскомъ), оставилъ любопытныя подробности о животномъ, нынѣ уже совершенно истребленномъ, именно о *морской коровѣ* (Rytina borealis). Это извѣстіе приложено г. Пекарскимъ къ письму Ломоносова.

Академикъ Бычковъ прочелъ въ подлинникѣ также неизвѣстное доселѣ письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову, отъ 2 сентября 1757 года, гдѣ, по вызову этого вельможи, изложено мнѣніе знаменитаго ученаго о порученіи Вольтеру написать исторію Петра Великаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

О РѢЧИ ВЪ ПАМЯТЬ ЛОМОНОСОВА, ПРОИЗНЕСЕННОЙ ВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ ДОКТОРОМЪ ЛЕ-КЛЕРКОМЪ.

П. Пекарскаго.

11 апрѣля 1765 года, академикъ Штелинъ предложилъ въ академическомъ засѣданіи о избраніи въ почетные члены Академіи Наукъ французскаго доктора медицины, Николая Гавріила Клерка (родился въ Франшъ-Конте, 1726 года).

Званіе врача было какъ-бы наслѣдственнымъ въ его семействѣ въ теченіе почти двухсотъ лѣтъ: Николай Клеркъ посвятилъ себя также медицинѣ и скоро достигнулъ извѣстности своими удачными нововведеніями въ лѣченіи разныхъ болѣзней. Въ 1759 году, будучи старшимъ врачемъ во французской арміи, онъ, съ дозволенія своего правительства, отправился въ Россію и въ 1764 году, въ Москвѣ, напечаталъ «Medicus veri amator ad apollineae artis alumnos» — сочиненіе, заключающее въ себѣ полезныя наблюденія надъ ядами, и «Moyen de prévenir la contagion et d'y remédier», въ которой есть свѣдѣнія объ эпидемическихъ болѣзняхъ въ Украйнѣ и о средствахъ противъ возобновленія ихъ. Кромѣ того, Клеркъ и прежде издалъ нѣсколько своихъ трудовъ по части медицины, а потому Академія Наукъ, по предложенію Штелина и въ уваженіе ученыхъ сочиненій доктора, того же 11 апрѣля избрала его въ число своихъ почетныхъ членовъ.

15 апрѣля онъ уже присутствовалъ въ академическомъ засѣданіи и при этомъ случаѣ произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь. До сихъ поръ о ней было извѣстно только по краткому упоминанію въ академическомъ протоколѣ, именно, что новый сочленъ говорилъ въ похвалу недавно скончавшагося Ломоносова, а также Петра Великаго и Екатерины II. Нынѣ рѣчь эта нашлась въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ ней Клеркъ, послѣ благодарности за сдѣланную ему Академіею честь, переходитъ къ Ломоносову *):

*) Помѣщаю здѣсь переводъ этого мѣста:

«Но я слишкомъ много говорю вамъ о себѣ, милостивые государи! Польза частнаго лица не въ состояніи вознаградить общественной утраты! То же самое чувство, которое дѣлаетъ меня столь признательнымъ къ оказанной мнѣ вами благосклонности, должно откликнуться и на вашу справедливую го-

«Mais c'est trop vous parler de moi, Messieurs! L'avantage d'un particulier ne peut compenser une perte publique! Le même sentiment qui me rend si sensible à la faveur que vous m'avés accordée, doit se prêter à votre juste douleur; il doit s'attendrir avec vos Muses et porter le deuil avec elles.

Il n'est plus cet homme dont le nom servira d'epoque dans les Annales de l'esprit humain; ce Genie vaste et lumineux qui avoit embrassé et eclairé plusieurs genres à la fois! Il n'est plus ce Poëte sublime qui dés l'instant de ses travaux vraiment glorieux, ainsi que cet oiseau qui s'élevant au-dessus des nues, fixe sans s'ébloûir d'immobiles regards sur le sein de la lumière!

Quel aiglon pourra imiter la hardiesse et la rapidité de son vol? Nourrisson des Muses, le feu de Pindare couloit dans ses veines; il avoit herité de la lyre d' Horace. Mais il n'est plus! La Société a joui de ses lumières, vos fastes jouiront de sa gloire; il sera révéré partout, où il y aura des hommes de gout. La renommée ne parle jamais plus haut que quand l'homme n'est plus à portée de l'entendre:

ресть. Оно должно умилиться вмѣстѣ съ вашими Музами, одѣться въ трауръ вмѣстѣ съ ними.

Не стало человѣка, имя котораго составитъ эпоху въ лѣтописяхъ человѣческаго разума, обширнаго и блестящаго генія, обнимавшаго и озарявшаго вдругъ многія отрасли. Не стало возвышеннаго поэта, который въ минуты своего, поистинѣ славнаго творчества равнялся той птицѣ, которая, поднявшись выше облаковъ, неподвижно останавливаетъ взоръ на свѣтило, не ослѣпляясь его блескомъ!

Какой молодой орелъ въ состояніи подражать смѣлости и быстротѣ его полета? Въ жилахъ питомца Музъ текъ огонь Пиндара; онъ наслѣдовалъ лиру Горація. Но его уже нѣтъ! Общество пользовалось его знаніями; ваши лѣтописи воспользуются его славою: его будутъ чтить повсюду, гдѣ будутъ люди просвѣщенные. Слава тогда говоритъ всего громче, когда человѣкъ лишенъ возможности слышать ее. Разомъ она перелетаетъ и время, и пространство; ея объемъ—печать ея продолжительности

Сколько сожалѣній, милостивые государи, для Академіи, и какая утрата для государства, что труды Ломоносова не увѣнчались прекраснѣйшимъ, благороднѣйшимъ, величайшимъ и въ то же время наиболѣе достойнымъ изъ всѣхъ успѣховъ этого знаменитаго поэта! Ему было предназначено придать «Петріадѣ» ей принадлежащій отпечатокъ безсмертія. Ему предлежало оживотворить героя, который былъ предметомъ ея, начертать намъ великіе замыслы, великія побужденія, его волновавшія, и изобразить ихъ величественно. Кто въ состояніи продолжать и увѣковѣчить это сочиненіе, такъ достойно начатое? По какому року, милостивые государи, творецъ этой имперіи, питомецъ Марса, отецъ Музъ, вашъ августѣйшій основатель избѣгнулъ мужественной кисти, яркихъ красокъ этого Апеллеса? Онъ былъ созданъ для Александра....»

du même essort dont elle franchit les tems, elle franchit les lieux, et son etendue est le sçeaux de sa durée.

Quels regrets, Messieurs, pour cette Academie, et quelle perte pour cet Empire, que les travaux de Lomonosoff n'ayent pas été couronnés par le plus beau, le plus noble, et le plus grand de tous les succés, et en même tems le plus digne de ce poëte illustre? C'étoit à lui qu' il étoit réservé de donner à la Petréiade cette empreinte d'immortalité qui lui est propre: c'étoit à lui à rendre la vie au héros qui en est le sujet, et à nous retracer les grands desseins, et les grands mouvemens qui l'agitoient, et à les exprimer avec majesté: qui pourra suivre et perpétuer cet ouvrage si dignement ébauché? par quelle fatalité, Messieurs, le Créateur de cet Empire, l'Eleve de Mars, le Père des Muses, votre fondateur auguste, a-t-il echapé au pinceau mâle, au brillant coloris de cet Apelle? Il étoit fait pour Alexandre».... (Затѣмъ слѣдуютъ риторскія похвалы Петру Великому и Екатеринѣ II.)

18 апрѣля 1765 г., рѣчь Клерка была разослана къ тѣмъ изъ академиковъ, которые не присутствовали въ засѣданіи 15 апрѣля, а 22 числа того же мѣсяца въ протоколѣ было записано, что нѣкоторыя выраженія въ рѣчи Клерка не всѣмъ понравились, и что въ будущее засѣданіе слѣдуетъ переговорить съ академиками, чтó въ ней надобно исправить или выпустить. Изъ дальнѣйшихъ протоколовъ, однако, не видно, чтобы было что либо опредѣлено объ этой рѣчи *).

Что касается до автора ея, то онъ во время пребыванія въ Россіи, кромѣ занятій медициною, былъ употребляемъ французскимъ правительствомъ по дипломатическимъ дѣламъ, за чтó, по возвращеніи во Францію, получилъ дворянское достоинство и пенсію въ 6 т. ливровъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ писаться Ле-Клеркомъ (Le Clerc). Въ русской исторической литературѣ Ле-Клеркъ памятенъ сочиненіемъ Histoire de la Russie ancienne et moderne, Paris 1783—1794, 6 vol. in-4°, которая вызвала обширныя и жесткія возраженія со стороны Ив. Бутурлина. Они изданы въ двухъ томахъ въ 1788 г., подъ заглавіемъ: «Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Ле-Клерка». Эпиграфомъ Бутурлинъ взялъ выраженіе изъ сочиненія самого Ле Клерка: «Il n'y a que la fureur d'écrire sur les sujets qu'on ignore, ou que le besoin de

---

*) Матеріалы для біографіи Ломоносова, г. Билярскаго, стр. 738, 739.

vivre qui puisse faire servir l'art de l'imprimerie au trafic du mensonge». Кромѣ того, Ле-Клеркъ издалъ въ Амстердамѣ 1775 г. переводъ «Les plans et statuts de différents établissements ordonnés par l'impératrice Catherine II pour l'éducation de la jeunesse de son Royaume». Въ Петербургѣ имъ напечатаны: 1771 г.—«De la contagion, de sa nature, de ses effets, de ses progrès, et des moyens les plus sûrs pour la prévenir et pour y remédier». 1774 г.—«L'Art de débuter dans le monde avec succès», съ посвященіемъ русскимъ кадетамъ.

Ле-Клеркъ скончался 30 декабря 1798 года. Подробности о его жизни и сочиненіяхъ въ Biographie universelle de M. Michaud.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ПИСЬМА ЛОМОНОСОВА.

Сообщ. П. Пекарскимъ.

1. КЪ ВИНОГРАДОВУ (1741 ГОДА).

Monsieur!

Ich habe nicht gemeint dasz Ihre angebothene Freundschafft so ein kurtzes Ende haben würde. Können Sie sich besinnen dasz Sie sich freywillig angegeben haben mir zu antworten, so werden Sie auch für billig finden, dasz ich mich über Sie beschwähre ist es erlaubt dasz man seinem Landsmann und Camerat, der noch im Stande ist in dem oder jenem Fall zu dienen, gantz vergesze. Auf den ersten Brieff, den ich auf ihre grosze Versicherungen mit guter Hoffnung geschickt, habe ich kaum in sechs Wochen Antwort erhalten. Nun aber sind schon ohngefähr zwelf Wochen vergangen, da ich auf meines zweiten Briefs Antwort warte. Die Ursache kan mir ohngefähr einbilden, aber ich mag sie nicht hier schreiben. Ich bitte nur die drey Bücher: Nicolai Causini Rhetoricam, Petri Petraei Historiam von Ruszland und den Günther wie auch das Geld, für die etwa verkaufte Bücher, dasz übrige können Sie bey sich behalten und dafür etwa das Porto bisz Eisenach betzahlen. Ich habe eine Ordre aus St. Petersburg erhalten mich dahin zu begeben; zu meiner Reise habe ich ein Wechsel von 100 Rubel bekommen, die Schulden aber werden à part bezahlet. Aus den Briefen die ich von dem Herrn Geheimen Rath Wolf aus Halle und von dem Herr Schumacher empfangen kan

ich eine guthe Hoffnung von meiner Beförderung haben. Nach drey Wochen werde ich mich über Hannover nach Lübeck verfügen. Deszwegen bitte das lezte mahl mir zum wenigsten die drey gedachte Bücher zu überschicken, und verbleibe

Aufrichtiger Freind
und Diener
Lomonosoff.

Marburg
D. 18 Aprilis
1741.

(На полѣ:) Поклонъ Господину Рейзеру. Ich bitte den Koffert dafür was man geben will verkauffen.

Адресъ:

A Monsieur
Monsieur Winogradoff
étudiant en Philosophie et
Mathematiques.

franco Erffurth.
Es wird der H. Freybergische Postmeister gebeten diesen Brief immediate zu übergeben.

à Freyberg
en Saxe.

КЪ ИВАНУ АНТОНОВИЧУ ЧЕРКАСОВУ.

1749 года.

Въ 1749 г. до свѣдѣнія Кабинета императрицы Елизаветы дошло, что въ бергъ-коллегіи хранится мѣдь, собранная на одномъ островѣ около Камчатки а потому былъ потребованъ оттуда одинъ фунтъ этой мѣди «на пробу: сходна ли будетъ въ добротѣ съ японскою?»

Пробу производилъ Ломоносовъ, о чемъ осталось свидѣтельство въ слѣдующемъ собственноручномъ письмѣ его къ начальнику Кабинета Черкасову.

«Милостивой Государь Иванъ Антоновичь. Присланныя отъ Вашего Превосходительства полъ фунта чистой да полъ фунта нечистой камчатской самородной мѣди въ лабораторіи пробовалъ,

а по пробѣ явилось 1) что нечистая мѣдь содержитъ въ себѣ чистой $29^1/_2$ фунта чистой мѣди 2) Чистая самородная мѣдь такъ же и отдѣленная отъ нечистой Швецкую мѣдь добротою превосходитъ и отъ Японской добротою неразнится чувствительно, чему и дивиться нельзя, для того что Японія и Камчатка лежатъ на одной гривѣ, которая разорвана только моремъ и признаки свои изъ под воды островами показываетъ. 3) По пробѣ на серебро и на золото ничего въ сихъ мѣдяхъ неоказалось: ибо зерно которое на капели осталось, было столь же тяжело, сколько серебра исъ приложеннаго къ тому свинцу вытти должно. При семъ желая чтобъ толь богатая мѣдь гдѣ нибудь ближе въ отечествѣ нашемъ открылась, и препоручая себя продолженію вашей ко мнѣ милости съ глубокимъ почтеніемъ пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорный слуга
Михайла Ломоносовъ.

С. П. бургъ
Іюля 27 дня
1749 года.»

Вслѣдствіе такого отзыва академика Кабинетъ распорядился: «а чтобъ получить сюда оной камчатской мѣди довольное (на лигатуру въ червонные и на другія потребы) число, о томъ бергъ-коллегія имѣетъ свое прилежное стараніе употребить и чтобъ притомъ было совершенное географическое описаніе и по горному искусству описаніе жъ, какъ оная въ какомъ количествѣ лежитъ и какимъ способомъ ее достать можно, для чего надлежитъ отправить искуснаго горнаго офицера изъ бергъ-коллегіи».

За перепискою и по случаю разныхъ затрудненій, это приведено въ исполненіе въ 1754 году. Въ августѣ этого года отправился на Мѣдный островъ оберъ-гитенъ-форвальтеръ Петръ Яковлевъ; но, не достигнувъ его, онъ зимовалъ съ командою на Командорскомъ островѣ, который, по словамъ Яковлева, «званіе свое имѣетъ потому, что на ономъ мѣсто имѣется такое, гдѣ напредь сего разбито было моремъ и на берегъ онаго выкинуто казенное судно, на которомъ былъ камчатской экспедиціи капитанъ командоръ Берингъ и помре и погребенъ на томъ мѣстѣ»... При описаніи этой зимовки Яковлевъ оставилъ слѣдующія подробности о животномъ,

нынѣ уже совершенно истребленномъ, именно Rytina borealis, (морская корова):

«И тако всѣ, записалъ Яковлевъ въ своемъ дневникѣ, воономъ островѣ зимовали по разнымъ, готово сдѣланнымъ отъ прежнихъ нѣкихъ промысловъ людей земляныимъ юртамъ и питались съ удовольствіемъ морскихъ коровъ мясами. Какъ тогда оной тѣхъ коровъ промыслъ чиненъ, усмотрѣнъ былъ въ называемой Низовцовой гавани, что тутъ въ морѣ, близь береговъ почти всегда усматривались по одной и табунами тѣ коровы ходятъ. Для которыхъ промыслу ѣздятъ въ елботѣ человѣкъ по осьми, изъ которыхъ одинъ имѣя на долгомъ шестѣ укрѣпленную шпажную широкую и долгую полосу (называютъ оную поколюгою), съ которою онъ стоитъ близь кормы предъ кормщикомъ, а прочіе сидятъ въ гребяхъ и когда они противъ головы коровы поверстаются, тогда поворотится елботъ съ кормою къ коровѣ, а стоящій съ поколюгою даетъ сердечную рану той морской скотинѣ, и гребцы съ елботомъ имѣтъ весьма на скорѣ отгребнуться отъ коровы прочь, чтобъ та заколотая корова хвостомъ своимъ, тожъ и ластомъ не розшибла ихъ елботъ. И тако оная колотая скотина, съ раною сердечною недолго плавая въ морѣ, утомится и, остановясь на одномъ мѣстѣ, повернется брюхомъ къ верху. А промышленники онуюноскомъ, тожъ и крюкомъ, который съ ремнемъ и тонкимъ шестикомъ, на то учиненными, достанутъ оную корову, и привяжутъ къ кормѣ елбота и прибучерятъ тожъ и приплавятъ къ берегу весьма поблизку и распластавъ оную, чтобъ не испортилась и не искисло оныя коровы мясо, которое если не распλостанное бываетъ, то чрезъ сутки можетъ все въ негодность къ пищѣ учинится. А той одной коровы мяса всѣмъ 33-мъ человѣкамъ на одинъ мѣсяцъ со удовольствіемъ происходило въ пищу и съ остатками, понеже всего чистаго мяса и жиру, кромѣ костей, въ одной коровѣ быть признавалось до 200 пудъ. А со оныхъ же коровъ снятыя кожи употребляются на дѣло байдаръ, въ которыхъ весьма удобно ѣздить по морю, такъ-что лучше деревяннаго елбота; такожъ и на дѣло обуви и ко онымъ на подошвы употребляются жъ. Да еще притомъ же усмотрѣно, какъ оные промышленники когда бываютъ на промыслахъ ихъ малыми партіями человѣка по два и по три и живутъ по всему сѣверному онаго командорскаго острова берегу въ разныхъ мѣстахъ, въ земляныхъ юртахъ или зимницахъ для промысловъ песцовыхъ и прочихъ морскохъ звѣрей; а пищи у нихъ, кромѣ коровьихъ мясъ, ничего нѣтъ; тогда они тѣмъ коровьимъ

табунамъ, подлѣ берегу въ морѣ обрѣтающимся, чинятъ сугубую трату и гибель, такъ-что изъ нихъ человѣкъ съ берегу или неглубоко заходитъ въ море и колетъ упомянутою поколюгою, привязавши на долгой шестъ и ранитъ одну или другую корову смертно; но тѣ раненыя коровы уходятъ въ море, и тамо, когда отъ ранъ обезсилѣютъ, тогда моремъ на берегъ не скоро мясо ихъ вымётываетъ, и, чрезъ долгое время послѣ колотья, каждая корова, если нерасиластанная, изкисаетъ и къ пищѣ негодная бываетъ.

«И такъ оный промыселъ коровъ немноголюдствомъ, хотя и много колютъ, да къ рукамъ ихъ ни одна свѣжая корова не приходитъ, и за тѣмъ они претерпѣваютъ разный голодъ, а коровьимъ табунамъ чинятъ искорененіе, которое подлинно статься можетъ безъ сумнѣнія, понеже оныхъ коровъ пища усматривается точію одна морская капуста, которую онѣ ѣдятъ и которая токмо ростетъ при островныхъ берегахъ въ морѣ неподалеку; причемъ оный скотъ морскія коровы тутъ и видятся; а по удаленіи отъ острова, въ морѣ жъ, ни коровъ, ни капусты не усматривается. Чего для по прибытіи его (Яковлева) изъ онаго морскаго вояжа въ Нижне-Камчатскій Острогъ и онаго острога въ приказную избу въ 1755 г. ноября отъ 27 и промеморіею сообщено, чтобъ впредь кои будутъ посылаться на оный командорскій островъ, надлежитъ имъ таковые вышепоказанные, малолюдствомъ вредительные промыслы морскихъ коровъ запретить отъ Большерѣцкой канцеляріи указомъ, дабы и оной командорской островъ опустошенъ не былъ такъ, какъ и Мѣдный островъ нынѣ находится опустошенъ, что ко оному ему (Яковлеву) съ рѣченною командою людьми для зимованія на ономъ и пристать, какъ выше писано, въ 1754 г. невозможно стало быть затѣмъ, что всегданній тутъ людямъ, за неимѣніемъ морскихъ коровъ, голодъ имѣется, а напредь сего, какъ отъ оной же команды служилыхъ и Камчадаловъ, кои на ономъ Мѣдномъ островѣ бывали, ему сказывали, что на ономъ-де бобровые промыслы тысячами, а морскія коровы табунами многими находились, а нынѣ тѣ коровы всѣ такъ искоренены, что никогда ни единой нигдѣ не увидишь, въ чемъ такъ нынѣ и подлинно оный Мѣдный островъ состоитъ, что при немъ коровьихъ табуновъ уже не имѣется...»

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ЛОМОНОСОВА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ 1757 Г.

Сообщ. А. Бычковымъ.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичь.

Полученное отъ Вашего Превосходительства милостивое письмо съ радостію прочиталъ и увѣдалъ я непремѣнное Ваше стараніе о прославленіи бессмертныхъ дѣлъ блаженныя памяти Государя Императора Петра Великаго на иностранныхъ языкахъ. Къ сему дѣлу по правдѣ господина Волтера никто не можетъ быть способнѣе; только о двухъ обстоятельствахъ нѣсколько подумать должно. Первое что онъ человѣкъ опасной, и подалъ въ рассужденіи высокихъ особъ худые примѣры своего характера. Второе хотя довольно можетъ онъ получить отъ насъ записокъ; однако переводъ ихъ на языкъ ему знаемой великаго труда и времени требуетъ. Что до сего надлежитъ, то принимаю смѣлость предложить слѣдующее. Во первыхъ долженъ онъ себѣ здѣлать краткой планъ, которой можетъ сочиненъ быть изъ сокращеннаго описанія дѣлъ Государевыхъ, которое я имѣю, къ чему онъ и сочиненной мною панегирикъ не безъ пользы употребить можетъ; ежели на Французской языкъ переведенъ будетъ. Профессоръ Штрубе перевелъ уже великую его часть; однако я не могъ упросить, чтобъ онъ привелъ къ окончанію; а приказать власти не имѣю. По сочиненіи плана и по его сюда сообщеніи, думаю, что лутче къ нему посылать переводы съ записокъ по частямъ, какъ порядокъ въ планѣ покажетъ, а не все вдругъ. И какъ станетъ онъ сочинять начало, между тѣмъ протчей переводъ поспѣвать можетъ и такъ сочиненіе скорѣе начаться и къ окончанію приходить имѣетъ. Ускореніе сего дѣла для престарѣлыхъ лѣтъ Волтеровыхъ весьма надобно.

У меня сколько есть записокъ о трудахъ великаго нашего Монарха, всѣ для сего предпріятія готовы. О состояніи Россіи вовремя царствованія Государя Царя Михайла Федоровича должно здѣлать краткой екстрактъ изъ лѣтописцевъ нашихъ, къ чему я могу употребить нѣсколько времени. Анекдоты при началѣ сего сочиненія не такъ нужны; при томъ же нѣтъ уже никого, кто бы дѣтскія лѣта Государевы помнилъ; однако и о томъ постараюсь, чтобы хотя отъ другихъ слышанное слышитъ (sic). При семъ имѣю честь прислать къ Вашему Превосходительству первой листъ моей рѣчи *), которую буду говорить въ 6 числѣ сего мѣсяца въ

*) О рожденіи металловъ отъ трясенія земли.

Академическомъ публичномъ собраніи. А какъ обыкновенно такія рѣчи подаваны были прежде въ 5 число Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей Государынѣ: того ради Ваше Превосходительство всепокорнѣйше прошу чтобъ я могъ удостоиться быть на сіе торжество въ Сарскомъ селѣ, какъ для поданія рѣчи, такъ же чтобы Ваше Превосходительство поздравить съ пресвѣтлымъ праздникомъ и съ возвращеніемъ дражайшаго вашего здравія, о котораго слабости безмѣрно я соболѣзновалъ. Ожидая милостиваго соблаговоленія съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

Изъ Санктпетербурга
Сентября 2 дня,
1757 года.

ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1867 ГОДА.

Академикъ Срезневскій представилъ Отдѣленію: 1) полученный имъ отъ А. В. Горскаго списокъ указаній подлинника (по изданію Монфокона) поученій Іоанна Златоуста, помѣщенныхъ въ «Златострухѣ»; 2) похвалу Кирилла-философа, приготовленную имъ къ изданію по четыремъ спискамъ; 3) сообщенный ему докторомъ Ягичемъ изъ Загреба любопытный остатокъ глаголицы въ спискѣ, палеографически-вѣрномъ, описывая его притомъ очень подробно. Это отрывокъ изъ служебнаго Апостола сербскаго, или (какъ болѣе привыкли называть) хорватскаго письма, пока единственный въ своемъ родѣ, такъ-какъ всѣ доселѣ найденные памятники подобнаго письма не заключали въ себѣ никакихъ свидѣтельствъ о принадлежности ихъ православной церкви, а этотъ есть отрывокъ изъ церковной книги православной. Благодаря списку доктора Ягича, хоть одинъ изъ глаголическихъ памятниковъ хорватскаго отдѣла будетъ, наконецъ, изданъ палеографически: въ изданіяхъ Шафарика и Берчича помѣщены только произвольныя чтенія, и ни одинъ изъ нихъ доселѣ не напечатанъ въ снимкѣ. Кромѣ этого, И. П. Великановымъ, учителемъ ковенской гимназіи, доставлены къ нему семнадцать рукописей, въ томъ числѣ три на пергаментѣ.

Онъ же прочиталъ: 1) начало своего изслѣдованія о нарѣчіяхъ старославянскаго языка по древнѣйшимъ его памятникамъ, какъ русскимъ, такъ и внѣ Россіи писаннымъ; 2) полученный отъ г. Парановича черновой своеручный отпускъ письма Ганки къ бывшему министру народнаго просвѣщенія, С. С. Уварову (писанный, какъ видно изъ сдѣланной въ концѣ его отмѣтки, въ 1839 году), съ изложеніемъ подробнаго плана учрежденія при Академіи Наукъ шести каѳедръ по славянскимъ нарѣчіямъ, на которыя приглашались бы мѣстные представители ихъ; 3) отзывъ свой о сочиненіи профессора харьковскаго университета, П. А. Лавровскаго, въ рукописи, подъ названіемъ «Изслѣдованіе о коренномъ значеніи въ названіяхъ родства у Славянъ». Заявивъ, что находитъ этотъ трудъ достойнымъ помѣщенія въ «Запискахъ» Академіи, И. И. Срезневскій замѣтилъ, что дополнительныя историческія сравненія употребленія названій родства и свойства у Славянъ и другихъ европейскихъ народовъ въ простомъ быту (а не въ высшемъ кругѣ и въ литературѣ), вѣроятно, будутъ сдѣланы самимъ сочинителемъ позже, и что эти сравненія, если не измѣнятъ нынѣшняго взгляда ученаго изслѣдователя на разницу Славянъ западныхъ и восточныхъ въ отношеніи къ употребленію названій родства и свойства, то, конечно, подкрѣпятъ и выяснятъ окончательно его выводы. При этомъ прочитаны были имъ нѣкоторыя мѣста изъ рукописи г. Лавровскаго.

Академикъ Гротъ читалъ отрывки изъ приготовляемой имъ статьи о значеніи Карамзина въ исторіи русскаго литературнаго языка. Въ трудахъ, вызванныхъ недавно юбилеемъ исторіографа, эта сторона его дѣятельности осталась почти нетронутою. Бо̀льшая часть писавшихъ о немъ при этомъ случаѣ напоминаютъ о великой заслугѣ Карамзина въ отношеніи къ языку только мимоходомъ; одна изъ напечатанныхъ монографій посвящена, правда, именно этому предмету, однако не содержитъ въ себѣ ничего самостоятельнаго или новаго; другая хотя и не отвергаетъ вполнѣ значенія Карамзина въ преобразованіи нашей литературной рѣчи, однакожъ выражаетъ мысль, что языкъ его былъ новъ вовсе не по внѣшнему построенію фразы, а только по мыслямъ, чувствованіямъ и о̀бразамъ, выраженіемъ которыхъ онъ явился. Этотъ новый взглядъ, не подкрѣпленный, къ сожалѣнію, разностороннимъ изслѣдованіемъ дѣла, требуетъ обстоятельной повѣрки. Не принимая на себя рѣшенія столь обширнаго вопроса во всемъ его объемѣ, Я. К. Гротъ счелъ, однакожъ, на первый случай необходимымъ

внимательно сравнить языкъ Карамзина съ языкомъ главныхъ изъ предшественниковъ его въ разныхъ отрасляхъ литературы, языкъ «Московскаго Журнала» съ языкомъ другихъ современныхъ и ближайшихъ затѣмъ періодическихъ изданій, прослѣдить отношенія къ Карамзину нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ писателей и, наконецъ, точнѣе опредѣлить, въ чемъ именно состояло приписываемое ему преобразованіе литературнаго языка. Результаты этого разсмотрѣнія будутъ видны изъ статьи, которая въ скоромъ времени явится въ печати.

Тотъ же академикъ прочелъ полученное имъ отъ Л. Н. Майкова письмо, съ приложеніемъ замѣтокъ, сдѣланныхъ, по вызову Отдѣленія, къ матеріаламъ для библіографіи литературы Ломоносова. Положено пріобщить къ доставленнымъ отъ другихъ лицъ замѣткамъ этого рода, выразивъ г. Майкову искренюю признательность Отдѣленія.

Академикъ Пекарскій читалъ одну изъ главъ приготовляемаго имъ къ печати изслѣдованія: «Жизнь, сочиненія и переписка П. И. Рычкова». Въ этой главѣ разсказано начало знакомства его съ Ломоносовымъ и сотрудничества въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». Дѣятельное участіе въ этомъ литературномъ журналѣ, издававшемся отъ Академіи Наукъ въ 1755—1764 годахъ, раскрывается въ особенности изъ переписки его съ академикомъ Миллеромъ, которая и служитъ П. П. Пекарскому главнымъ источникомъ при обработкѣ біографіи Рычкова. Признательный къ сотрудничеству Рычкова, Миллеръ представлялъ его въ Академіи въ почетные члены. Академическая канцелярія, въ мнѣніи своемъ, подписанномъ въ 1759 г., между прочими, и Ломоносовымъ, полагала, что въ почетные члены слѣдуетъ избирать только лица, пріобрѣтшія уже извѣстность въ ученомъ мірѣ; тѣхъ же, кто содѣйствовалъ Академіи доставленіемъ полезныхъ извѣстій и записокъ, канцелярія предлагала возводить, по примѣру парижской Академіи Наукъ, въ члены-корреспонденты. Это представленіе утвердилъ тогдашній президентъ, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, почему и состоялось опредѣленіе «начать сіе учрежденіе (членовъ-корреспондентовъ) принятіемъ въ такіе корреспонденты, съ даніемъ дипломы, коллежскаго совѣтника Рычкова».

Русскіе источники упоминаютъ о посылкѣ въ Англію царемъ Борисомъ Өедоровичемъ Годуновымъ русскихъ молодыхъ людей для обученія языкамъ и наукамъ, равно и о томъ, что они не вернулись въ Россію, а одинъ изъ нихъ даже сдѣлался пасторомъ.

Академикъ Пекарскій отыскалъ въ посольскомъ наказѣ посланнику нашему въ Англіи, Алексѣю Зюзину, что ему въ іюнѣ 1613 г. даны были, между прочимъ, обстоятельныя наставленія о томъ, какъ долженъ онъ настаивать предъ англійскимъ правительствомъ о выдачѣ пяти молодыхъ Русскихъ, которыхъ въ 1602 г. взялъ съ собою въ Лондонъ, для обученія, именитый гость Джонъ Мерикъ. Наставленія эти заключаютъ въ себѣ подробности, которыя напечатаны ниже въ приложеніяхъ.

Тотъ же академикъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что въ рукахъ С. Д. Полторацкаго находится единственный, сколько до-сихъ-поръ извѣстно, вполнѣ сохранившійся экземпляръ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» въ первый (1728) годъ ихъ изданія при Академіи Наукъ. Такъ-какъ этотъ экземпляръ содержитъ и предувѣдомленіе, котораго недостаетъ въ экземплярѣ Императорской Публичной Библіотеки, то Отдѣленіе, находя, что пріобрѣтеніе такой библіографической рѣдкости для Академіи было бы весьма желательно, вошло о томъ въ сношеніе съ г. Полторацкимъ и, по соглашеніи съ нимъ, полученный изъ Москвы экземпляръ «Вѣдомостей» переданъ въ академическую библіотеку, съ просьбой хранить его въ собраніи рукописей. Напечатанное передъ «Вѣдомостями» предувѣдомленіе сообщается здѣсь съ точнымъ соблюденіемъ его правописанія:

«Суріознымъ читателямъ россійскихъ вѣдомостей подается ко извѣстію.

Высокопочтенный читателю.

«Понеже въ россійскихъ вѣдомостяхъ, которые съ Нѣмецкихъ, Французскихъ, Галандскихъ, и протчихъ курантовъ къ пользѣ и ради Куріозитаты россійскаго народа, на россійскій языкъ переводятся, и въ тупографіи здѣшней Імператорской Академіи печатаются, при переводѣ оныхъ стіль инои употребленъ быть не можетъ, какъ нынѣ въ употребленіи, и въ прошлыхъ россійскихъ вѣдомостяхъ уже употребленъ былъ, изъ которыхъ иностранные терміны и слова оставлены быть не могутъ, но оные конечно при вѣдомостяхъ употреблять надлежитъ, что и въ нѣмецкихъ и въ протчихъ курантахъ чинится, понеже оные такъ ясно изъяснить и истолковать невозможно: и тако тѣмъ, которые сіи вѣдомости читать желаютъ, а въ Історіи, Генеалогіи и Географіи не обучены, и въ иностранныхъ языкахъ не искусны, оные ясно и подлінно разумѣть трудно будетъ, то разсуждено заблаго и весма потребно, особливо же нынѣ въ началѣ не токмо історическіе, генеало-

гическіе и географическіе примѣчанія во оныхъ вѣдомостяхъ, но и изъясненія и толкованія всѣхъ иностранныхъ въ помянутыхъ вѣдомостяхъ случающихся словъ и терміновъ сочинять, и оные по окончаніи всякаго мѣсяца прилагать, пока надлежанція къ читанію и выразумѣнію оныхъ лексиконъ о всѣхъ штатахъ, вѣдомостяхъ, конверсаціахъ, комерціахъ, рудокопныхъ и протчихъ дѣлѣхъ, которыми уже начатъ, изданъ и напечатанъ будетъ. Сверхъ того вскорѣ особливый лексиконъ на Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и Россійскомъ языкахъ къ не малой пользѣ тѣхъ, которые онымъ языкамъ учится начали, а въ оныхъ еще не совершенно искусны, печатанъ быть имѣетъ: такожде сочинены нынѣ въ пользу тѣмъ, которые въ Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ еще несовершенно обучены, Нѣмецкая и Французская грамматіки изъ которыхъ Нѣмецкая уже печатается.»

ИЗВѢСТІЕ О МОЛОДЫХЪ ЛЮДЯХЪ, ПОСЛАННЫХЪ БОРИСОМЪ ГОДУНОВЫМЪ ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ НАУКАМЪ ВЪ АНГЛІЮ ВЪ 1602 ГОДУ.

Акад. П. Пекарскаго.

Въ библіотекѣ Императорскаго Археологическаго Общества хранится рукопись *), на первомъ листѣ которой написано такое заглавіе: «Посланіе царя государя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи ко англинскому королю посла своего, жалобу свою объявляя на польскаго короля и на свитцкихъ (т. е. шведскихъ) нѣмецъ, понеже преступя крестное цѣлованіе, измѣнили и многокровопролитіе учинили россійскому государству». Рукопись содержитъ въ себѣ посольскій наказъ дворянину и намѣстнику шацкому Алексѣю Ивановичу Зюзину и дьяку Алексѣю Витовтову, которымъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ 30 іюня 7121 (1613) г., стало быть четыре мѣсяца съ нѣсколькими днями послѣ своего вступленія на престолъ, велѣлъ «для своего государева и земскаго дѣла идти къ аглинскому Якубу королю въ послѣхъ».

Извѣстно, что въ старинныхъ посольскихъ наказахъ подробно излагалось все то, что должны не только дѣлать, но и говорить послы во время исполненія ими дипломатическихъ порученій за границею. Смуты въ Россіи отъ самозванцевъ и вооруженное вмѣша-

*) Въ 4°, на 190 листахъ; доставлена въ Общество въ 1865 г. изъ Вологды, см. Извѣстія Арх. Общ. т. VI, вып. 2, стр. 41.

тельство при этомъ сосѣдей нашихъ—поляковъ и шведовъ—вотъ предметы, о которыхъ болѣе всего говорилось въ наказѣ Зюзину и Витовтову: они обязаны были извѣстить англійскаго короля Іакова о вошествіи на престолъ Михаила Өедоровича и просить у него, во первыхъ помощи людьми или деньгами противъ польскаго короля, а во вторыхъ посредничества къ заключенію прочнаго мира съ шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ. При этомъ случаѣ нашимъ посламъ вмѣнялось въ обязанность разсказать и объяснить всѣ «великія неправды» поляковъ и шведовъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ излагалось это въ посольскомъ наказѣ, данномъ въ іюлѣ того же 1613 года нашему послу къ цесарю Степану Ушакову и дьяку Семому Заборовскому. Послѣдній наказъ напечатанъ въ «Памятникахъ дипломатическихъ сношеній съ римскою имперіею» II, стр. 921 и слѣд. Грамота, отправленная къ англійскому королю съ Зюзинымъ и Витовтовымъ мало имѣетъ отмѣны отъ той, которую послалъ царь Михаилъ Өедоровичъ въ 1615 г. съ дворяниномъ Иваномъ Гавриловичемъ Кондыревымъ и подъячимъ Михаиломъ Невѣровымъ къ французскому королю Людовику XIII. Такъ какъ эта послѣдняя также напечатана *), то за тѣмъ не настоитъ особенной надобности повторять бо́льшую часть посольскаго наказа Зюзину и Витовтову, и я ограничусь въ настоящемъ случаѣ указаніемъ подробности изъ этого памятника, которая можетъ быть не безполезна для исторіи той эпохи.

Извѣстно что Борисъ Годуновъ отправилъ въ чужія земли для обученія языкамъ и наукамъ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ русскихъ. Карамзинъ привелъ изъ бумагъ англійскихъ, хранящихся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, отписку воеводъ къ царю изъ Архангельска отъ 1 августа 1602 года, что 30 іюля этого года отправлены въ Англію «для науки разныхъ языковъ и грамотъ»: Микифоръ Олферьевъ сынъ Григорьевъ, Сафонъ Михайловъ сынъ Кожуховъ, Казаринъ Давыдовъ и Өедька Костомаровъ **). Въ «Московской Лѣтописи» Мартина Бера упомянуто, что молодые дворяне, посланные въ чужіе краи Бори-

*) Въ первый разъ она издана въ 1717 г. при книгѣ Петра Шафирова «Разсужденіе, какія законныя причины его царское величество Петръ Первый .... къ начатію войны противъ короля Карла 12 ... имѣлъ» .. Потомъ она была перепечатана во II-мъ томѣ «Царствованія Михаила Өедоровича», Берха, ч. II стр. 116—159. Въ печатномъ текстѣ, впрочемъ, попадаются промахи въ родѣ того, что князь Григорій Волконскій названъ княземъ Григорьемъ Донскимъ и пр.

**) Исторія госуд. росс., изд. Эйнерлинга, 126 примѣч. къ Т. XI, на стр. 30.

сомъ Годуновымъ, хотя скоро выучились иностраннымъ языкамъ однако не хотѣли возвратиться потомъ въ Россію *). Въ выпискѣ изъ статейной книги англійскаго двора 1621 года значится, что тогда царю Михаилу Ѳедоровичу было «подлинно вѣдомо, что тѣ дѣти боярскіе (Никифоръ Олферьевъ сынъ Григорьевъ да Софонко Кожуховъ съ товарищи четыре человѣка) въ англинской землѣ задержаны неволею, а Никифорко Олферьевъ и вѣры нашея православныя отступилъ и несвѣдомо по какой прелести въ попы сталъ, или буде надъ нимъ учинили то неволею» .... Дворянинъ Волынскій да дьядъ Марко Поздѣевъ, посланные въ Англію, просили о выдачѣ тѣхъ молодыхъ людей, но безуспѣшно **). Нынѣ изъ помянутаго наказа видно, что Зюзину и Витовтову также поручено было настаивать, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, о возвращеніи въ Россію *пяти* русскихъ; при чемъ давались слѣдующія подробныя наставленія:

«Да память Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю: въ прошломъ 111-мъ году, при царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ всеа Русіи посланы изъ московскаго государства въ аглинскую землю для науки латынскому и аглинскому и иныхъ розныхъ нѣмецкихъ государствъ языковъ и грамотѣ — Гриша (sic) Олферьевъ сынъ Григорьевъ съ товарищи пять человѣкъ.

И Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю говорити королевскимъ ближнимъ людемъ: въ прошломъ во 111-мъ году, блаженныя памяти при царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ всеа Русіи самодержцѣ, при великой государынѣ вашей славныя памяти при Елисаветѣ королевнѣ, посланы въ аглинское государство великаго государя нашего подданные на время для науки латынскому и аглинскому и нѣмецкимъ языкомъ и грамотѣ учитца Гришка Олферьевъ сынъ Григорьевъ да Оетька Семеновъ съ товарыщи пять человѣкъ. И тѣ царского величества подданные, будучи въ наукѣ, тому всему, для чего посланы, и изучены. И нынѣ они царского величества къ посольскому дѣлу надобны. А позадавнѣли они въ аглинскомъ государствѣ по тому, что въ московскомъ государствѣ по грѣхомъ отъ злыхъ людей была смута и нестроенье; а нынѣ, по милости божіей, и великаго государя нашего царского величества доброопаснымъ, премудрымъ разумомъ и счастьемъ и милостивымъ призрѣньемъ

---

*) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. изд. г. Устрялова, Спб. 1831 г., I, 13.

**) «Царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича» В. Берха, часть II, стр. 228.

ко всѣмъ его царского величества подданнымъ, московское государство строитца и вся добрая дѣетца. И они королевсково величества думные люди тѣхъ царского величества подданныхъ, которые въ аглинскомъ государствѣ жили для науки, отдалибъ всѣхъ ему, царского величества послу Алексѣю Ивановичу да дьяку Алексѣю Витовтову, а они ихъ возмутъ съ собою и поставятъ предъ царскимъ величествомъ. Да какъ королевскіе думные люди Гришу Олферьева съ товарыщи имъ дадутъ, и Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю взяти ихъ къ себѣ и велѣти имъ у себя быти и взяти ихъ съ собою къ государю къ Москвѣ.

А будетъ королевскіе думные люди тѣхъ государевыхъ людей Гриши Олферьева съ товарыщи отдати не похотятъ и скажутъ про котораго, что умеръ или самъ своею охотою поѣхалъ куды для науки зъ гостьми въ которыя дальныя государства, и того имъ невѣдомо, если онъ живъ или нѣтъ, а хотя и живъ и его ждати долго.

И Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю говорити: чтобъ они дали имъ тѣхъ, которые нынѣ здѣся въ аглинской землѣ. А будетъ которово судомъ божіимъ не стало — и въ томъ воля божья; а которые въ отъѣздѣ въ дальнемъ государствѣ, и имъ для царскаго величества промышляти о томъ: въ то государство, гдѣ которой посланъ, отписати, чтобъ его оттолѣ вскорѣ взяти, и всѣхъ ихъ, сыскавъ которые живы, имъ отдати. А царскому величеству тѣхъ подданныхъ отцы и матери безъ престани съ великою докукою объ нихъ бьютъ челомъ, чтобъ царское величество ихъ пожаловалъ велѣлъ ихъ изъ аглинскія земли взяти къ Москвѣ, чтобъ они, будучи долгое время въ чужихъ государствахъ вѣры крестьянскія греческаго закона не отбыли и съ ними ся не разлучили. И царскаго величества имъ объ нихъ приказъ имянной, что велѣно имъ взяти и привести къ Москвѣ. И мы вамъ о тѣхъ царского величества подданныхъ говоримъ по приказу государя своего, и вамъ бы, ихъ одноличпо сыскавъ, всѣхъ намъ отдати.

И будетъ королевскіе думные люди учнутъ говорити, что они тѣхъ царского величества подданныхъ безъ королевского вѣдома отдати не смѣютъ, потому что они здѣся задавнѣли, и они и сами отсюды ни которой не хочетъ въ московское государство, потому что извыкли всякимъ обычеемъ здѣшнимъ; а иной изъ нихъ служитъ при королевскомъ дворѣ или у котораго великаго человѣка. И коли они сами не хотятъ, и ихъ какъ неволить и въ неволю отдавати? А хотя ихъ нынѣ въ неволю отдати, а впередъ ихъ не

удержати. И Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю говорити думнымъ людямъ: тѣ царского величества подданные природные московскаго государства, а не иноземцы и вѣры крестьянскія греческаго закону: и отцы, и матери и братья у всѣхъ живы; а при царѣ Борисѣ посланы они для науки, а даны были всѣ на руки государя нашего аглинскому имянитому гостю Ивану Ульянову *). А какъ и почела быти прежнимъ великимъ государемъ нашимъ славныя памяти зъ государынею съ Елисаветъ королевною и съ нынѣшнимъ государемъ вашимъ братственная любовь и крѣпкая дружба и соединенье, и съ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣстъ съ аглинскими гостьми малые робята для науки русскому языку и грамотѣ бывали и задержанья имъ и причины объ нихъ никакія не было: живутъ въ наукѣ лѣтъ по шти и по десяти и пріѣзжаютъ и отъѣзжаютъ по волѣ. А королевское величество государя нашего подданныхъ держати не похочетъ, чаю у королевсково величества и природныхъ его подданныхъ, которые русской грамотѣ и языку многіе умѣютъ. А что они говорятъ, будто тѣ робята въ московское государство отъ нихъ изъ аглинскія земли не хотятъ, и тому нечему вѣрить, да и не statoчное то дѣло, какъ имъ православныя крестьянскія вѣры греческаго закона отбыти и природново государства и государя своего, и отцовъ своихъ и матерей, и роду своего и племени забыти—о томъ имъ, разумнымъ людемъ и честнымъ, говорити не пригоже. И говорити Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю о тѣхъ государевыхъ людѣхъ всякими мѣрами на-крѣпко, чтобъ ихъ всѣхъ которые малыми . . . притча . . . не была . . . или въ отъѣздѣ. Да дьяку Алексѣю про нихъ, толмачей, и . . отъ тово кому что и да . . вѣдать таки . . **) которой умеръ и сколь давно и о кою пору и гдѣ положили. Или которой въ отъѣздѣ, въ которое государство, и съ кѣмъ, и сколь давно и для чего поѣхалъ, и есть ли про него слухъ, что онъ живъ, и какъ чаяти будетъ и на время ль туды поѣхалъ или на житье? И нѣтъ-ли изъ нихъ кого при королевскомъ дворѣ или у кого у великаго человѣка. А провѣдавъ про то подлинно, по тому объ нихъ зъ думными людьми и говорити . . . Государевыхъ и учнутъ ма-

*) Иваномъ Ульяновымъ въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени называли у насъ Джона Мерика, по всей вѣроятности, члена англійской факторіи въ Москвѣ. Онъ извѣстенъ письмомъ, въ которомъ описаны кончина царя Ѳедора Ивановича и возшествіе на престолъ Бориса Годунова. См. Kritisch-literärische Übersicht der Reisenden in Russland von Fr. Adelung, I, 477.

**) Противъ этихъ словъ въ рукописи на полѣ замѣчено: «несправчиво на сей строкѣ, потому что въ подлинныхъ мѣстѣхъ краи выдраны въ списку въ наказу».

нить . . съѣхались изъ аглин . . подданнымъ государствамъ . . . а они про нихъ не вѣда . . . въ аглинской землѣ . . . *). И Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю о тѣхъ государевыхъ . . . королю самому какъ велитъ быти посольству . . . одноличио имъ о тѣхъ государевыхъ людѣхъ королю и его ближнимъ людемъ говорити. А и Ивану Ульянову говорити, чтобъ онъ тѣмъ промышлялъ для себя, потому что даны были для науки ему на руки, чтобъ одноличио тѣхъ, которые живы здѣся, тѣхъ бы имъ отдали, а которые въ отъѣздѣ, то тѣхъ бы послали или отписали, чтобъ ѣхали въ Лундунъ.

Мартъ, апрѣль и май 1867 года.

Академикъ Срезневскій, намѣреваясь представить печатно объясненія о нѣкоторыхъ особенностяхъ принятаго имъ правописанія, счелъ нужнымъ предварительно обратить вниманіе на судьбы русскаго правописанія въ прошедшіе вѣка. Въ первой статьѣ своей, читанной объ этомъ предметѣ въ Отдѣленіи, И. И. Срезневскій обозначилъ главныя черты древняго русскаго правописанія, какъ оно образовывалось въ XI—XII вѣкахъ и показалъ его видоизмѣненія: а) въ долгій періодъ господства рукописей, и б) въ послѣдовавшій за нимъ періодъ печатанія книгъ исключительно церковными буквами, когда образовались первичныя основанія и привычки новаго правописанія.

Тотъ же академикъ представилъ обозрѣніе древнихъ старославянскихъ памятниковъ юго-западнаго юсоваго письма. Это обозрѣніе, составляющее передовую статью къ сборнику бо̀льшею частію неизвѣстныхъ памятниковъ такого письма, кромѣ ближайшаго ознакомленія съ ними, представляетъ данныя, на основаніи которыхъ надобно полагать, что и въ этихъ памятникахъ, рѣзко отличающихся не только отъ русскихъ, но и отъ сербскихъ и хорватскихъ, нельзя искать того чистаго старославянскаго языка, для котораго создана азбука, и что въ нихъ виднѣется особое мѣстное нарѣчіе, также какъ и въ русскихъ русское или въ сербскихъ сербское **).

---

*) Противъ этихъ словъ на полѣ отмѣчено: «не справчиво потому жъ, что въ списку съ наказу выдрано въ тетрадѣхъ».

**) Въ сборникъ памятниковъ этого отдѣла вошли слѣдующіе памятники XI вѣка: 1) Саввина книга; 2) листки изъ слуцкой псалтыри; 3) новгородскіе листки; 4) отрывки изъ супрасльской четіи-минеи; 5) хиландарскіе листки; 6)

Академикъ Срезневскій, сообщивъ доставленныя для академической библіотеки отъ художника Д. М. Струкова «Древности Россійскаго Государства. Дополненіе къ 3-му отдѣленію: Русскія старинныя знамена»,— заявилъ притомъ, что этотъ трудолюбивый художникъ занимался не только тщательною перерисовкою царскихъ знаменъ Оружейной Палаты, но и возстановленіемъ ихъ, требовавшимъ много труда, ловкости и смѣтливости.

11 мая 1867 года, послѣ богослуженія въ Исаакіевскомъ соборѣ, въ память знаменитыхъ первоучителей, преподобныхъ Кирилла и Меѳодія, славянскіе гости посѣтили Академію Наукъ. Такъ-какъ о прибытіи ихъ заранѣе было извѣстно Отдѣленію русскаго языка и словесности, которое въ этотъ день должно было имѣть свое очередное засѣданіе, то Отдѣленіе опредѣлило собраться позже обыкновеннаго, въ часъ пополудни.

Засѣданіе открылъ академикъ Гротъ, объяснивъ въ немногихъ словахъ значеніе собранія.

Затѣмъ академикъ Срезневскій, по поводу празднованія въ этотъ день памяти св. Кирилла и Меѳодія, доложилъ о вскрытіи имъ глаголическаго письма въ палимпсестѣ, вывезенномъ изъ Синая и доставленномъ изъ Императорской Публичной Библіотеки А. О. Бычковымъ. Этотъ остатокъ глаголицы представляетъ своего рода новость въ глаголической древней письменности — частію и по начертанію буквъ, еще болѣе по содержанію. Въ отношеніи къ содержанію, на сколько удалось вскрыть, памятникъ этотъ представилъ части каноновъ изъ служебной минеи. Между прочимъ, ясно видны слова: конѣ и всадника — начало пѣсни ветхозавѣтной, прилагаемой обыкновенно и къ псалтыри, и повторяемой нѣкоторыми выраженіями въ канонахъ минеи. Такимъ образомъ, къ богослужебнымъ древнимъ глаголическимъ книгамъ прибавляется еще одинъ отдѣлъ: недавно еще извѣстенъ былъ только одинъ — книга евангельскихъ чтеній; позже открыты свѣтильни и часть

македонскій листокъ; 7) евангельскіе листки Ундольскаго; выписки изъ памятниковъ въ XII—XIV вѣкахъ: 1) изъ евангельскихъ листковъ археологическаго общества; 2) изъ монауйловской книги апостольскихъ чтеній; 3) изъ стаматовскаго четвероевангелія; 4) изъ болонской псалтыри; 5) изъ погодинской псалтыри; 6) изъ норовской псалтыри; 7) изъ минеи служебной В. И Григоровича; 8) изъ минейнаго листка, его же; 9) изъ норовскаго стихираря; 10) изъ парижскаго стихираря; 11) изъ паремейника Григоровича; 12) изъ паремейника Лобкова; 13) изъ устава Жеравинскаго; 14) изъ сборника Севастьянова; 15) запись 1277 года. Все это уже отпечатано; обозрѣніе печатается.

цвѣтной тріоди; еще позже—литургія; наконецъ, открываются службы въ память святымъ.

Послѣ того И. И. Срезневскій заявилъ о вновь вышедшихъ западно-славянскихъ и русскихъ книгахъ, заслуживающихъ вниманіе Отдѣленія: Д-ра *Ф Цейновы*, «Skôrb Kaszébskosłovjaskjè mòvé»,— д-ра *К. Пфуля*, «Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache», — *К. Я. Эрбена*, «Лѣтопись Нестора въ чешскомъ переводѣ», — *В. Дювернуа*, «Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи», — свящ. *М. Морошкина*, «Славянскій именословъ»,—*В. Макушева*, «Задунайскіе и адріатическіе славяне». Кромѣ того онъ сообщилъ свѣдѣнія о новомъ переработанномъ изданіи важнаго труда *А. Б. Шлейхера*, «Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen».

Г. Срезневскій представилъ членамъ только-что отпечатанный особою книгою свой трудъ: «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ». Въ сорока статьяхъ этой книги, выходившихъ постепенно въ Запискахъ Академіи, заключаются извѣстія и изслѣдованія о памятникахъ IX—XVI вѣковъ болѣе или менѣе неизвѣстныхъ или неизслѣдованныхъ, и изданы нѣкоторые изъ памятниковъ *).

Академикъ Гротъ доложилъ, что по особенно благопріятному для него случаю онъ можетъ въ это памятное Отдѣленію засѣданіе представить только что вышедшій изъ типографіи экземпляръ IV тома «Сочиненій Державина». Упомянувъ о ходѣ этого критическаго изданія, предпринятаго по порученію Отдѣленія и начавшаго появляться съ 1864 года, академикъ объяснилъ, что въ настоящемъ томѣ, который, подобно предъидущимъ, обработанъ по рукописямъ, помѣщены драматическія сочиненія Державина и въ томъ числѣ шесть неизвѣстныхъ досслѣ пьесъ. Дѣятельность Дер-

*) Изданы въ этой книгѣ слѣдующіе памятники: «Написаніе о вѣрѣ Константина философа, поученіе еп. Климента, похвала Кириллу философу еп. Климента,—отрывки изъ двухъ книгъ евангельскихъ чтеній XI вѣка, служба св. Константину философу по 8-ми спискамъ XI—XIV в., Поученіе, приписываемое Ѳеодосію Печерскому, — отрывки изъ Златоструя, Торжественники, книга поученій Ефрема Сирина русскаго письма XII вѣка», «Запись сербская XII вѣка»,—Поученіе Зарубскаго черноризца XIII вѣка, Русскія Записи 1234, до 1270 г., 1288 и 1296 гг. при книгахъ и на камнѣ,—Русскія Записи 1377 года, 1396—1412, 1395 и до 1400, Сказаніе о взятіи и разореніи Рязани, Гадальныя замѣтки при псалтыри XIV вѣка,—Двинская рядная XIV—XV в., Русскія Записи 1414 и 1474 г.,—Грамота городу Ковну 1463 г.,—Покровъ съ гробницы князей Ярославскихъ 1501 г.», выписаны изъ сборниковъ XVI в.

жавина въ области драматической поэзіи началась еще въ прошломъ столѣтіи; но особенно онъ посвящалъ ей себя въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни. Кромѣ авторскаго честолюбія, имъ руководило при этомъ желаніе дѣйствовать посредствомъ сцены на общество; важнѣйшимъ же для того средствомъ считалъ онъ оперу. Каково бы ни было художественное достоинство драматическихъ его сочиненій, въ нихъ заключается несомнѣнный историческій интересъ не только по связи ихъ съ другими литературными явленіями эпохи, по ихъ значенію для полной характеристики Державина, но и по встрѣчающимся здѣсь, какъ и въ прочихъ его произведеніяхъ, примѣненіямъ къ современнымъ обстоятельствамъ. Кромѣ того, однѣ изъ его театральныхъ пьесъ представляютъ мѣста, проникнутыя лирическимъ одушевленіемъ, въ другихъ отражается замѣчательное знакомство съ русскими нравами, съ бытомъ разныхъ состояній и народнымъ языкомъ. Въ концѣ приготовленнаго нынѣ тома помѣщенъ подробный *указатель* къ первымъ четыремъ томамъ изданія.

Вмѣстѣ съ дѣйствительными членами 2-го Отдѣленія Академіи участвовали въ этомъ засѣданіи члены-корреспонденты: Д. В. Полѣновъ и пріѣхавшій изъ Харькова профессоръ П. А. Лавровскій. По просьбѣ Отдѣленія въ средѣ его помѣстились также корреспонденты Академіи Палацкій и Эрбенъ. По окончаніи засѣданія, Отдѣленіе просило ихъ принять, въ память этого дня, по экземпляру нѣкоторыхъ изъ своихъ изданій.

Принесеніе въ даръ Академіи Наукъ отъ члена-корреспондента ея, Яромира Ивановича Ербена, изданнаго имъ сборника «Slovanská Čitanka», дало поводъ И. И. Срезневскому обратить вниманіе отдѣленія на труды этого ученаго, бывшаго также въ Россіи съ другими славянскими гостями. Его Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae annorum 600 — 1253 есть плодъ долговременныхъ и тщательныхъ изслѣдованій, важныхъ въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ. Изданія Ербена народныхъ чешскихъ пѣсень, а также древнихъ и старинныхъ памятниковъ чешской словесности (сочиненія Ѳомы Штитнаго, житіе св. Катерины и собраніе сочиненій Яна Гуса), важны по богатству матеріала и замѣчательны своею критическою основательностью. Книга его «Slovanská Čitanka» имѣетъ значеніе для славянъ, какъ сборникъ сказокъ всѣхъ славянскихъ народовъ въ подлинникѣ съ объяснительнымъ словаремъ. Новый трудъ Ербена, только-что отпечатанный, но еще не выданный въ свѣтъ «Лѣто-

пись Несторова» въ чешскомъ переводѣ съ объясненіями, не менѣе замѣчателенъ по тщательности работы и художественности передачи на чешскомъ языкѣ древняго языка русскаго лѣтописца. Г. Срезневскій закончилъ свой очеркъ дѣятельности Я. И. Ербена слѣдующими словами: «Свидѣтельствовать о заслугахъ Ербена, уже признанныхъ нашею Академіею Наукъ, тѣмъ болѣе пріятно, что въ немъ съ умомъ, ученостью и дѣятельностью нельзя не чтить благородной чистоты души, привлекающей къ себѣ насъ, русскихъ, съ полною довѣренностью».

Отдѣленіе постановило выразить искреннюю признательность доктору П. И. Шафарику, который, въ пріѣздъ свой въ Петербургъ съ другими славянскими гостями, сообщилъ И. И. Срезневскому новонайденный памятникъ юго-западнаго письма. По отзыву академика Срезневскаго, рукопись принадлежитъ къ драгоцѣннымъ остаткамъ письменности XII вѣка и замѣчательна какъ въ палеографическомъ отношеніи, такъ и по содержанію своему. На 136, не вполнѣ уцѣлѣвшихъ листахъ этого памятника, писаннаго въ бол. 4-ю долю по греческому палимпсесту, вѣроятно, X—XI вѣка, помѣщена значительная часть книги Апостольскихъ Чтеній въ обыкновенномъ церковномъ ихъ порядкѣ (по днямъ пасхальнаго круга и потомъ по днямъ мѣсяцевъ) того же древняго перевода какъ и въ Толковомъ Апостолѣ 1220 г., но съ нѣкоторыми отклоненіями, заставляющими думать, что разсматриваемый списокъ хотя и древнѣйшій изъ доселѣ открытыхъ, однако исправленный противъ первоначальнаго перевода. Такъ въ немъ попадаются замѣны славянскими словами нѣкоторыхъ греческихъ, оставленныхъ въ другихъ древнихъ спискахъ (напр. вмѣсто катапетазма, скандалъ, педагогъ, фиси—опона, съблазнъ, казатель, родъ и пр.). Въ палеографическомъ отношеніи этотъ памятникъ любопытенъ по особенностямъ правописанія значительной части его, изъ которыхъ самая рѣзкая есть постоянное написаніе буквы ю на выворотъ противъ обыкновеннаго, т. е. оі, что̀ въ другихъ памятникахъ встрѣчается рѣдко, какъ бы случайно. П. И. Шафарикъ познакомилъ г. Срезневскаго съ частію своихъ работъ объ этомъ памятникѣ и обѣщалъ доставить осенью нынѣшняго года не только изслѣдованіе о немъ, но и самый подлинникъ.

Академикъ Срезневскій читалъ статью свою, написанную имъ по поводу помѣщенныхъ въ англійскомъ журналѣ «The Reader» очерковъ русской литературы, появленіе которыхъ не можетъ не интересовать русскихъ, потому что иностранцы вообще мало зна-

ютъ и часто превратно понимаютъ нашу внутреннюю жизнь. Въ напечатанныхъ донынѣ трехъ очеркахъ излагается литературная дѣятельность Кантемира, Ломоносова и Екатерины II. Изъ выводовъ г. Срезневскаго оказывается, что статья англійскаго писателя о послѣдней есть наиболѣе удачная, по своей полнотѣ и законченности. Кантемиру онъ отдаетъ преимущество предъ Ломоносовымъ, что̀ рецензентъ приписываетъ недостаточному изученію произведеній этого писателя. Въ заключеніе же обращено вниманіе на вѣрность и сохраненіе оригинальности подлинника всѣхъ переводовъ изъ названныхъ писателей. Статья г. Срезневскаго помѣщена ниже въ приложеніи.

Академикъ Пекарскій занимается изданіемъ въ свѣтъ своего изслѣдованія: «Жизнь и литературная переписка Рычкова» (нынѣ отпечатано 8 листовъ); кромѣ того, продолжаетъ работы въ академическомъ архивѣ. Представленныя имъ оттуда выписки въ значительной мѣрѣ дополняютъ между прочимъ, матеріалы для опредѣленія ученой и литературной дѣятельности Татищева, Тредіаковскаго, Ломоносова и разныхъ второстепенныхъ русскихъ писателей XVIII столѣтія, какъ-то: Козицкого, В. Лукина, Баркова и др. Въ изданныхъ, по порученію Академіи Наукъ, въ прошломъ году, «Письмахъ Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву» (стр. 205), первый, между прочимъ, упоминаетъ о письмѣ своемъ къ Императору Александру Павловичу съ ходатайствомъ за Рябинина. П. П. Пекарскій довелъ до свѣдѣнія отдѣленія, что это письмо хранится въ государственномъ архивѣ, и представилъ вѣрную съ него копію. Оно здѣсь помѣщается:

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Исторіографъ, счастливый нѣкоторыми лестными знаками Вашего къ нему вниманія, всеподданнѣйше проситъ Васъ оказать милость одному изъ Вашихъ добрыхъ и честныхъ подданныхъ. Приложенная записка объясняетъ дѣло. Связь моя съ симъ оскорбленнымъ человѣкомъ состоитъ въ томъ, что жены наши вмѣстѣ росли и любятъ другъ друга, какъ сестры родныя.

Исполняя долгъ, для меня священный, повергаю себя къ Вашимъ стопамъ съ довѣренностію и любовію.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

Николай Карамзинъ.

18 января 1817 года.

Къ письму приложена записка, писанная вся рукою А. Рябинина, бывшаго управляющаго московскимъ отдѣленіемъ банка. Здѣсь приведены оправданія его въ томъ, что онъ не подлежитъ отвѣтственности за открытую въ томъ отдѣленіи въ 1806 году растрату 106,245 рублей. Рябининъ, опровергая представленія по этому дѣлу дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Валуева, проситъ уничтожить прежнее рѣшеніе о неопредѣленіи его ни къ какимъ мѣстамъ и причислить его къ герольдіи.

Академикъ Пекарскій обратилъ вниманіе отдѣленія на старинное собраніе рукописныхъ картъ оренбургскаго края. Оно составлено было трудами прапорщика Красильникова и его товарищей геодезистовъ въ Оренбургѣ около 1752 года, а въ 1755 году препровождено въ Академію Наукъ Рычковымъ, который предполагалъ свою «Оренбургскую Топографію» издать въ видѣ объяснительнаго текста къ этимъ картамъ. Безъ сомнѣнія, позднѣйшія карты болѣе исправны, чѣмъ составленныя въ 1752 году, но зато не могутъ дать понятія о прежнемъ оренбургскомъ краѣ, быстро измѣнявшемся и утрачивавшемъ свой первоначальный видъ вслѣдствіе сильнаго прилива въ него переселенцевъ изъ разныхъ концевъ Россіи и стѣсненія отъ того первобытныхъ обитателей края. Карты Красильникова замѣчательны также по своей обстоятельности: тамъ занесены всѣ самыя незначительныя населенныя мѣста. Съ помощію ихъ разрѣшается, напримѣръ, сомнѣніе о селѣ Михайловкѣ, принадлежавшемъ отцу исторіографа Карамзина. Одинъ изъ близкихъ его родственниковъ отвергалъ извѣстіе, что Николай Михайловичъ родился въ этомъ селеніи, на томъ лишь основаніи, что оно не существовало въ 1765 г., когда родился Карамзинъ. Впослѣдствіи открылось, что имѣніе отца его уже было въ Оренбургской губерніи, въ 1773 году вблизи селеній Ляхова и Путиловой («Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 453, 454). Карта Красильникова, составленная болѣе чѣмъ за десять лѣтъ до рожденія исторіографа и представляющая большую московскую дорогу отъ Оренбурга до Кичуевскаго фельдшанца, удостовѣряетъ, что деревня Карамзина существовала до 1752 года въ нынѣшнемъ Бузулукскомъ уѣздѣ, рядомъ съ деревнями Путиловой и Ляховымъ. По просьбѣ отдѣленія, академикъ Д. М. Перевощиковъ доставилъ нынѣ описаніе помянутыхъ картъ, за что отдѣленіе обязанностью считаетъ выразить ему глубочайшую свою признательность.

Академикъ Бычковъ читалъ записку о нѣкоторыхъ рукописяхъ съ подлинными и подправленными приписками Салакадзева.

Сверхъ того, подъ непосредственнымъ надзоромъ и редакціею этого академика, продолжается печатаніе издаваемаго насчетъ отдѣленія Бѣлорусскаго Словаря г. Носовича, котораго по наступающій іюнь мѣсяцъ отпечатано 25 листовъ.

АНГЛІЙСКІЕ ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ послѣднихъ номерахъ извѣстнаго Англійскаго журнала The Reader (Читатель) появились одна за другою три статьи подъ общимъ заглавіемъ Studies in modern Russian literature, Очерки новой русской литературы.

Такое явленіе, какъ обзоръ русской литературы на иностранномъ языкѣ, не можетъ не интерессовать насъ, Русскихъ. Насъ и нашу внутреннюю жизнь вообще такъ мало знаютъ и такъ превратно понимаютъ иностранцы, что всякая попытка дать имъ новыя вѣрныя свѣденія объ Россіи должна быть пріятна нашему самолюбію. Особенно же пріятно, если эти новыя и болѣе вѣрныя свѣдѣнія сообщаются имъ иностранцами же: это значитъ, что есть люди, изучающіе нашу родину, а во вторыхъ видящіе ложность всеобщаго понятія объ ней и признающіе необходимость его исправить. Впрочемъ при этомъ случаѣ невольно рождается вопросъ: да знаетъ ли самъ Россію тотъ, кто берется за это дѣло? Понимаетъ ли онъ, любитъ ли ее? потому что по мнѣнію одного современнаго англійскаго писателя *), только тогда можно совершенно понять и проникнуть предметъ, когда смотришь на него съ сочувствіемъ. Этотъ вопросъ естественно предлагаемъ мы себѣ и глядя на статьи, напечатанныя въ «The Reader». Сколько изъ нихъ видно, ихъ авторъ соединяетъ въ себѣ то, что необходимо для всякаго, занимающагося чѣмъ бы то ни было: въ немъ есть любовь къ дѣлу, знанія и здравый беспристрастный взглядъ. Правда, что знанія его по Русской исторіи и литературѣ не такія, какія мы потребовали бы отъ одинаково образованнаго Русскаго; въ слѣдствіе этого и сужденія его иногда не совсѣмъ справедливы, какъ мы увидимъ изъ разбора его статьи о Ломоносовѣ; но все-таки и то, что есть,

*) Карлейль.

уже много. Притомъ же авторъ такъ хорошо знаетъ русскій языкъ, не только современный, но и языкъ прошедшаго столѣтія (что̀ показываютъ его переводы отрывковъ изъ Ломоносова и Кантемира), что ему ничего не будетъ стоить пріобрѣсть то, чего ему не достаетъ; а намъ можно будетъ порадоваться, что соотечественники его познакомятся съ тѣмъ, чѣмъ мы по справедливости гордимся, и узнаютъ имена Ломоносова, Карамзина, Пушкина и т. д.

Какъ видно изъ выноски подъ одною изъ статей, эти три очерка не останутся одинокими. Два Англичанина согласились написать сообща краткій, но по возможности полный курсъ русской литературы. Одинъ изъ нихъ, Г. Мерилизъ, взялъ на себя періодъ до-ломоносовскій и также всѣ переводы въ стихахъ. Другой, имя котораго не подписано, взялся за новый періодъ. Ему-то принадлежатъ и вышеупомянутыя статьи, которыя составляютъ начало его труда. Въ первой статьѣ онъ говоритъ о Ломоносовѣ, во второй о Кантемирѣ, въ третьей объ Екатеринѣ II. Хотя по заглавіямъ онѣ могутъ казаться отдѣльными очерками, однако онѣ тѣсно соединены между собою и каждая служитъ продолженіемъ предыдущей.

Въ началѣ, въ видѣ вступленія, авторъ обрисовываетъ нѣсколькими словами состояніе общества XVII столѣтія въ Россіи, реформы Петра Великаго, двоякое дѣйствіе, произведенное ими, и даетъ общее понятіе о направленіи литературы того времени.

«Тѣ писатели, говоритъ онъ, которые воспитались подъ вліяніемъ европейской мысли, естественно заимствовали и слогъ и содержаніе изъ иностранныхъ источниковъ и усвоили себѣ реторическую форму, употреблявшуюся тогда во Франціи. Кромѣ языка, которымъ написаны ихъ произведенія, въ нихъ нѣтъ почти ничего русскаго. Совершенно противоположное видимъ мы въ другой школѣ писателей. Эти, досадуя на препятствія, которыя развитіе народа находило въ партіи приверженцевъ старины, изливали свое неудовольствіе въ сатирахъ и находили для того богатый матерьялъ въ описаніи русской жизни. Всѣ писатели того времени принадлежатъ или къ той или къ другой изъ этихъ двухъ школъ. Первая была основана Ломоносовымъ, вторая Кантемиромъ.

Чтобы рѣзче выяснить разницу между этими двумя направленіями, авторъ сравниваетъ ихъ двухъ представителей.

«Ломоносовъ, крестьянинъ по происхожденію и раскольникъ (?) по религіи, никогда не могъ освободиться отъ предразсудковъ своего сословія и своего вѣка. Его поэзія, ученая какъ его занятія, есть совершенное подражаніе лжеклассической французской поэзіи

и болѣе замѣчательна по своей реторической формѣ, чѣмъ по естественности и правдѣ. Кантемиръ, напротивъ того, былъ сохраненъ своимъ иностраннымъ происхожденіемъ и своими аристократическими связями отъ тѣхъ вліяній, которыя сковывали и задерживали его современника. Самъ живя по среди той высшей образованности, о которой Ломоносовъ зналъ по большей части только изъ книгъ, онъ естественно получилъ непримиримую ненависть къ неразвитости, порочности и жестокости, которыя господствовали во всей Имперіи, и неменѣе естественно сталъ выражать свое презрѣніе сатирою. Въ сочиненіяхъ Ломоносова мы видимъ стремленіе къ знанію и къ учености; въ произведеніяхъ Кантемира—презрѣніе къ невѣжеству и нравственной испорченности. Одинъ нападаетъ на то, что ниже его, другой восхваляетъ то, что выше его и принимаетъ за образецъ лучшую литературную форму, какая была ему извѣстна».

Судя по этимъ словамъ авторъ Очерковъ считаетъ Ломоносова не болѣе какъ ученикомъ, даровитымъ правда, трудолюбивымъ, стремящимся къ знанію, но все таки не самостоятельнымъ, находящимся подъ чужимъ вліяніемъ; старающимся сравняться съ своими учителями и пробующимъ подражать имъ; между тѣмъ какъ Кантемиръ представляется ему человѣкомъ, который своимъ умомъ и образованіемъ поднялся высоко надъ общимъ уровнемъ, стоитъ независимо и свободно, и презрительнымъ взглядомъ окидываетъ то, что осталось подъ его ногами. Едва ли кто нибудь изъ читавшихъ и изучавшихъ Ломоносова можетъ согласиться съ этимъ сужденіемъ. Однако посмотримъ дальше.

При обзорѣ одъ Ломоносова, которыя авторъ считаетъ написанными механически и безъ всякаго чувства, онъ останавливается на одѣ на взятіе Хотина, на посланіи о пользѣ стекла и болѣе всего на одѣ на восшествіе на престолъ Екатерины II, изъ которой онъ даже приводитъ отрывокъ. Къ сожалѣнію, ни одного слова не сказано имъ о знаменитыхъ утреннемъ и вечернемъ размышленіяхъ, ни объ одѣ въ подражаніе Іову. Жалко, что онъ ихъ не замѣтилъ, вѣрно не нашелъ бы ихъ написанными механическими и безъ всякаго чувства; тогда понятіе его о Ломоносовѣ—поэтѣ было бы полнѣе и отзывъ справедливѣе. Даже, можетъ быть, лучше было бы и для автора и для его читателей, если бы онъ вовсе не упоминалъ о трагедіяхъ и эпической поэмѣ Ломоносова, которымъ онъ также посвящаетъ нѣсколько строкъ, а побольше остано-

вился на его лирическихъ произведеніяхъ: для того, кому нѣтъ возможоости знать все, лучше знать лучшее, чѣмъ худшее.

Говоря объ ученыхъ сочиненіяхъ Ломоносова, авторъ останавливается на его статьѣ о землѣ и ея происхожденіи. Это произведеніе, говоритъ онъ, замѣчательно, если не изложеніемъ какихъ нибудь новыхъ истинъ, то открытой и безстрашной защитой важности науки. Здѣсь Ломоносовъ смѣло возстаетъ противъ невѣждъ, которые боялись разоблаченія ихъ суевѣрныхъ понятій, и противъ богослововъ, которые считали новѣйшія открытія астрономіи вредными для религіи. Приведя небольшой отрывокъ изъ этого сочиненія, авторъ заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Вліяніе Ломоносова какъ поэта на русскую литературу было велико; но можетъ быть самое большое значеніе имѣлъ онъ какъ ученый. Мы не признаемъ въ немъ, какъ его современники, «орла, парящаго въ облакахъ»; но заслугу его въ отношеніи къ языку трудно преувеличить. Многое, что въ русскомъ языкѣ было шероховатаго и грубаго, исчезло при Ломоносовѣ. Небывалая до тѣхъ поръ легкость и обработанность явилась въ стихѣ.»

Кантемиру посвящаетъ авторъ вторую статью своихъ Очерковъ. Онъ подробно разсматриваетъ всѣ его девять сатиръ и почти изъ каждой приводитъ отрывки въ прекрасномъ переводѣ на англійскій языкъ. По всему видно, что онъ не по наслышкѣ знаетъ этого писателя и не кое-какъ, а самъ внимательно и съ любовью читалъ и изучалъ его. Но при сравненіи этихъ двухъ отзывовъ его: о Ломоносовѣ и о Кантемирѣ невольно приходитъ на мысль слѣдующее: какъ это, объ однѣхъ девяти сатирахъ Кантемира сказано больше, чѣмъ о всей обширной и многосторонней дѣятельности Ломоносова? Отъ чего такъ подробно разбирается каждое стихотвореніе Кантемира, между тѣмъ какъ произведенія Ломоносова очерчены только вскользь? Неужели въ этихъ девяти сатирахъ, разборомъ которыхъ наполнена вся вторая статья, авторъ нашелъ больше поэтическихъ красотъ? Неужели въ нихъ — почти единственномъ выраженіи мысли и дѣятельности Кантемира, — видитъ онъ больше значенія и для современной и для послѣдующей литературы, чѣмъ въ трудахъ Ломоносова? Сужденіе свое онъ основываетъ на мысли прекрасной, на требованіи справедливомъ — онъ прежде всего ищетъ у писателя національности; но почему же находитъ онъ больше національности у Кантемира чѣмъ у Ломоносова? Вотъ, что онъ говоритъ объ этомъ: «Истинная заслуга этихъ сатиръ состоитъ въ ихъ историческомъ значеніи. Онѣ совершенно

народны и представляютъ картину русскихъ нравовъ, современныхъ ихъ написанію. Въ формѣ Кантемиръ часто подражаетъ Горацію и Буало, которыхъ въ одномъ мѣстѣ называетъ своими учителями. Но, какъ было замѣчено выше, подъ этой формой есть что-то совершенно русское. Между тѣмъ какъ сочиненія Ломоносова и по содержанію, и по слогу принадлежатъ къ произведеніямъ классицизма, въ стихотвореніяхъ Кантемира есть оригинальность мысли, соединенная съ неменѣе строгимъ исполненіемъ правилъ классической школы. Въ этой-то оригинальности и состоитъ ихъ истинно значеніе.»

Мнѣ кажется, что этотъ странный выводъ нельзя объяснить ни пристрастіемъ: съ какой стати быть пристрастнымъ человѣку чужому? ни ошибкою,—потому что нельзя ошибиться въ характерѣ и значеніи Ломоносова тому, кто его хорошо знаетъ; а развѣ только однимъ тѣмъ, что авторъ недостаточно изучилъ перваго русскаго писателя, въ полномъ значеніи этого слова. Кантемира онъ читалъ много и внимательно, изъ Ломоносова же вѣрно зналъ только то, что помѣщается въ обыкновенныхъ христоматіяхъ. Отъ неравномѣрнаго знанія вышло и неравно справедливое сужденіе. Иначе можно ли было бы сказать, что въ сочиненіяхъ Ломоносова только и есть русскаго, что языкъ? Неужели больше патріотизма, больше живой, дѣятельной любви къ своему народу въ сатирѣ «Къ уму своему», чѣмъ въ «Разсужденіи о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа», или въ «Письмахъ объ устройствѣ университета» и т. д. и т. д.?

Третья статья посвящена трудамъ императрицы Екатерины II. Какъ кажется, это наиболѣе удавшаяся изъ трехъ статей: въ ней, правда не пространно, но ясно и довольно полно представлена вся дѣятельность Императрицы: съ начала—ея законодательные труды, потомъ педагогическіе и наконецъ литературные. На послѣднихъ, какъ ближе всего касающихся его цѣли, авторъ останавливается болѣе всего, и даже разбираетъ двѣ комедіи: «О время» и «Именины г-жи Ворчалкиной». При разборѣ приложенъ и переводъ одной сцены изъ «Именинъ г-жи Ворчалкиной» *). Русскія имена, харак-

---

*) Кстати здѣсь можно похвалить вообще всѣ переводы, помѣщенные въ Очеркѣ. Они и совершенно вѣрны подлиннику, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ всю оригинальность подлиннаго произведенія. Для примѣра привожу слѣдующій отрывокъ изъ сатиры Кантемира «Къ уму своему»:

You are a judge? Put on your wig and bands;
Frown all away who come with empty hands;

теризующія каждое лице, по обычаю писателей того времени, авторъ искусно замѣнилъ однозначущими англійскими. Напр. г-жа Ворчалкина названа Mrs. Grumble, Вѣстникова—Mrs Prattle, Ханжихина—Mrs. Devout.

Слѣдующая статья, какъ видно изъ одной выноски, будетъ о Сумароковѣ. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія этого полезнаго труда и будемъ надѣяться, что авторъ пойдетъ тѣмъ же путемъ, какъ и до сихъ поръ; т. е. что продолженіе будетъ на столько же лучше начала, на сколько третья статья лучше второй, а вторая лучше первой.

Tears of the poor let your firm heart ignore;
Whilst the clerk reads the count, serenely snore.
Should one remind you of some awkward clause
In civil statute or in common laws,
Spit in his face, tell him he lies by th' score.

(Хочешь ли судьею стать? Вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ;
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Еслижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны нравы,
Плюнь ему въ рожу, скажи что вретъ околесну).

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

читанныхъ

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ I, № 1.

ОТЧЕТЪ

по

ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1865 годъ.

составленный

академикомъ Я. К. Гротомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1866.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

(В. О., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 4 Іюня 1866 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій*.

ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1865 годъ,

СОСТАВЛЕННЫЙ АКАДЕМИКОМЪ Я. К. ГРОТОМЪ.

Въ лѣтописяхъ Академіи Наукъ за истекающій годъ самымъ виднымъ событіемъ представляется празднованіе столѣтней годовщины смерти **Ломоносова**.

Мысль о памятованіи этого дня занимала Отдѣленіе русскаго языка и словесности еще въ 1864 году. По возбужденному имъ вопросу о томъ и по предложенію г. президента, адмирала Ѳ. П. Литке, Общее Собраніе назначило изъ среды всѣхъ трехъ Отдѣленій коммиссію для разсмотрѣнія, въ какой формѣ приличнѣе всего могло бы быть выражено Академіею уваженіе къ памяти знаменитаго члена ея. Согласное съ мнѣніемъ этой коммиссіи заключеніе Общаго Собранія удостоилось Высочайшаго утвержденія и было приведено въ исполненіе торжественнымъ собраніемъ Академіи 6-го апрѣля сего года. На этомъ собраніи, въ присутствіи многочисленной и разнообразной публики, прочитаны были: академикомъ Гротомъ *очеркъ академической дѣятельности Ломоносова* и академикомъ Никитенко—рѣчь *о значеніи Ломоносова въ отношеніи къ изящной русской словесности*. Оба чтенія тогда же были изданы.

Сверхъ торжественнаго памятованія Ломоносова, Отдѣленіе положило ходатайствовать объ учрежденіи при Академіи, по этому случаю, преміи и о выбитіи медали въ честь славнаго русскаго ученаго. Полное развитіе первой изъ этихъ двухъ мыслей было предупреждено представленіемъ самого г. президента объ установленіи ломоносовской преміи для раздачи за важныя изобрѣтенія и открытія, сдѣланныя въ Россіи и обѣщающія особенно полезныя примѣненія въ промышленности и техническихъ производствахъ. Вслѣдствіе того, г. министромъ народнаго просвѣщенія исходатайствовано было Всемилостивѣйшее соизволеніе на учрежденіе при Академіи ежегодной преміи въ 1,000 руб., на основаніяхъ, которыхъ обсужденіе въ подробности было предоставлено самой Академіи и которыя впослѣдствіи утверждены г. министромъ.

Предположеніе Отдѣленія о выбитіи ломоносовской медали получило дальнѣйшій ходъ въ назначенной Общимъ Собраніемъ на этотъ конецъ особой коммиссіи; изготовленіе Высочайше одобренной на этомъ основаніи медали поручено академику Брусницыну и приближается нынѣ къ окончанію.

Въ связи съ празднованіемъ Академіею столѣтней памяти Ломоносова долженъ быть упомянутъ трудъ академика Билярскаго, окончательно отпечатанный ко дню этого празднества и выпущенный въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: *Матеріалы для біографіи Ломоносова.*

Это собраніе документовъ, обставленное собственными примѣчаніями редактора, дополняется, съ одной стороны, двумя томами, изданными при историко-филологическомъ Отдѣленіи академикомъ Куникомъ, подъ заглавіемъ: *Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ*, а съ другой — трудомъ посторонняго ученаго, предоставленнымъ въ распоряженіе нашего Отдѣленія. Г. Пономаревъ, преподаватель русской словесности въ Петровскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ Полтавѣ, доставилъ въ Академію, ко дню ломоносовскаго торжества, рукопись, содержащую собраніе библіогра-

фическихъ указаній къ сочиненіямъ знаменитаго академика. Отдѣленіе, признательно принявъ этотъ полезный трудъ, выполненный съ замѣчательною добросовѣстностью и со всею полнотой, какой только можно было достигнуть въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ центровъ образованія, вошло съ почтеннымъ доставителемъ въ сношенія о способахъ дать его работѣ оконченность и сдѣлать ее современемъ доступною публикѣ. Впослѣдствіи Отдѣленіе получило также отъ Г. Н. Геннади, въ рукописи, составленный имъ *указатель печатныхъ свѣдѣній о М. В. Ломоносовѣ*. Этотъ трудъ принятъ равномѣрно съ благодарностью и будетъ употребленъ сообразно съ его назначеніемъ. Къ этимъ матеріаламъ присоединился еще *списокъ первоначальныхъ изданій* нѣкоторыхъ мелкихъ сочиненій Ломоносова, составленный А. А. Куникомъ по экземплярамъ ихъ, находящимся въ академической библіотекѣ.

Упомянувъ о трудахъ, предпринятыхъ въ связи съ празднованіемъ памяти Ломоносова, перехожу къ обозрѣнію ученой дѣятельности отдѣльныхъ академиковъ.

Труды высокопреосвященнаго Филарета московскаго были слѣдующіе: 1) всеподданнѣйшее привѣтственное письмо къ Государю Императору предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій соборъ 15-го августа; 2) всеподданнѣйшее привѣтственное письмо къ Государю Императору въ день тезоименитства Его Величества, 30-го августа; 3) рѣчь, произнесенная въ Свято-Троицкой Сергіевской Лаврѣ при встрѣчѣ Его Императорскаго Величества 19-го августа; 4) изъясненіе на слова книги Бытія 3, 22: *Се Адамъ бысть яко единъ отъ насъ.* Сверхъ этихъ произведеній, представляющихъ отрадное доказательство не слабѣющей и въ преклонныхъ лѣтахъ дѣятельности знаменитаго первосвятителя нашего, въ нынѣшнемъ году появились въ печати еще два прежніе труда его высокопреосвященства: 1) писанные въ 1825 году «Отвѣты на нѣсколько возраженій противъ православной Церкви» (сдѣланныхъ въ одной французской книгѣ: «Разговоры между испытующимъ и увѣрен-

нымъ о православіи восточной каѳолической Церкви»), и 2) «Нѣчто о древнемъ образѣ крестнаго знаменія», статья, написанная по поводу напечатанной въ 1846 году замѣтки объ этомъ предметѣ.

Съ чувствомъ глубокой признательности мы должны здѣсь присовокупить, что Отдѣленіе, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, имѣло случай убѣдиться въ живомъ и просвѣщенномъ участіи, какое маститый архипастырь не перестаетъ принимать въ дѣятельности Академіи. Когда, минувшимъ лѣтомъ, академикъ Срезневскій, по порученію Отдѣленія, посѣтилъ Москву для археологическихъ розысканій, то высокопреосвященный Филаретъ, по ходатайству г. президента, оказалъ самое благосклонное вниманіе къ предпріятію нашего сочлена и особымъ распоряженіемъ открылъ ему свободный доступъ ко всѣмъ хранилищамъ рукописей, состоящимъ какъ въ вѣдѣніи московской синодальной конторы, такъ и въ московскомъ епархіальномъ вѣдомствѣ. Вслѣдствіе того, И. И. Срезневскій, по возвращеніи изъ своего путешествія, могъ представить Отдѣленію богатое и важное для изученія русской старины собраніе рисунковъ и снимковъ, снятыхъ имъ въ синодальной библіотекѣ и ризницѣ, въ ризницѣ и библіотекѣ Чудова монастыря, въ библіотекѣ синодальной типографіи, въ библіотекѣ и ризницѣ Троицкой Лавры, также въ библіотекѣ Духовной Академіи, какъ прежней, такъ и присоединенной къ ней волоколамской. Разсмотрѣвъ, сверхъ того, рукописи Оружейной палаты, Румянцовскаго музея и частныхъ собраній Подключникова, Сорокина и Лобкова, г. Срезневскій успѣлъ открыть нѣсколько новыхъ памятниковъ древней письменности, между прочимъ такъ-названную имъ *Саввину книгу*, которую, по его мнѣнію, слѣдуетъ отнести къ XI вѣку, и которая нынѣ уже печатается. Подробный отчетъ о результатахъ этого путешествія будетъ также изданъ.

Изъ трудовъ, прежде оконченныхъ академикомъ Срезневскимъ, были въ этомъ году напечатаны:

1) Сводъ и продолженіе свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ русской и славянской древности. Важнѣе другихъ въ числѣ этихъ памятниковъ: а) древній глаголическій списокъ поученій Ефрема Сирина; б) галицкій списокъ тѣхъ же поученій конца XIII вѣка (1288 года), съ признаками чисто-русскаго правописанія, представляющій данныя, очень важныя для рѣшенія вопроса о южно-русскомъ нарѣчіи, и отчасти его отличія отъ нарѣчія сѣверно-русскаго въ древности; в) поученіе черноризца Георгія, XIII вѣка, давшее поводъ, между прочимъ, къ изслѣдованіямъ о монастырѣ Зарубскомъ, находившемся на югъ отъ Кіева, близъ перевоза черезъ Днѣпръ къ Переяславлю.

2) «Обозрѣніе древнѣйшихъ памятниковъ письма и языка югозападныхъ Славянъ», извлеченіе изъ большаго труда, представленнаго Отдѣленію въ рукописи: «Древніе памятники письма и языка югозападныхъ Славянъ». Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ хронологическое обозрѣніе всѣхъ доселѣ открытыхъ памятниковъ кирилловскихъ, глаголическихъ и латинскихъ славянскаго языка, какъ онъ былъ употребляемъ югозападными Славянами, именно: книгъ, записей въ книгахъ, на стѣнахъ и вещахъ, надписей на крестахъ, монетахъ и проч., до конца XIII вѣка. Кромѣ памятниковъ, сохранившихся въ подлинникѣ или въ древнихъ спискахъ, въ этотъ сборникъ вошли и указанія памятниковъ, несохранившихся или еще не найденныхъ. Памятники приведены въ порядокъ хронологическій, по свидѣтельствамъ и соображеніямъ историческимъ и палеографическимъ, и представлены въ дословныхъ чтеніяхъ, частію по древнимъ спискамъ, на сколько возможно, сравнительно. Они будутъ напечатаны, съ приложеніемъ снимковъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

3) Замѣчанія о фрейзингенскихъ статьяхъ и о житіи св. Вячеслава чешскаго, въ видѣ прибавленій къ «Филологическимъ наблюденіямъ» академика Востокова.

Подъ этимъ послѣднимъ заглавіемъ напечатано въ настоя-

щемъ году академикомъ Срезневскимъ, по порученію Отдѣленія, собраніе филологическихъ статей покойнаго нашего ученаго, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ.

4) Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова, между прочимъ и неизданныхъ.

Академикъ Погодинъ издалъ, по порученію Общества Любителей Русской Словесности, въ память о совершившемся тысячелѣтіи славянской письменности и русскаго христіанства, *Кирилло-Меѳодієвскій Сборникъ*, гдѣ помѣстилъ и нѣкоторыя собственныя свои статьи. Сверхъ того онъ составилъ и приготовилъ къ печати біографію Карамзина по его письмамъ, сочиненіямъ и по запискамъ современниковъ.

Академикъ, преосвященный Макарій харьковскій напечаталъ два новые тома (4-й и 5-й) своей *Исторіи Русской Церкви*, обнимающіе монгольскій періодъ и заключающіе въ себѣ множество драгоцѣнныхъ новыхъ свѣдѣній, добытыхъ самостоятельными изслѣдованіями автора и основывающихся на рукописныхъ памятникахъ, еще небывшихъ въ печати. Онъ же помѣстилъ въ повременныхъ изданіяхъ, выходящихъ въ Харьковѣ, нѣсколько произнесенныхъ имъ словъ и рѣчей.

Академикъ Никитенко занимался составленіемъ біографіи извѣстнаго въ исторіи русской науки и литературы профессора *Галича*. Трудъ этотъ будетъ изданъ.

Академикъ Гротъ напечаталъ съ своими примѣчаніями 3-й томъ критическаго изданія сочиненій Державина, содержащій въ себѣ, между прочимъ, большое число неизвѣстныхъ доселѣ стихотвореній нашего лирика. Сверхъ того, онъ приготовилъ для чтенія въ годичномъ торжественномъ собраніи Академіи *характеристику Державина, какъ поэта.*

Академикъ Билярскій въ первые мѣсяцы года оканчивалъ печатаніе своего сборника *Матеріаловъ для біографіи Ломоносова*. Знакомство его съ документами по этому предмету, хранящимися въ архивахъ Академіи, относится еще къ 40-мъ годамъ: многіе изъ нихъ онъ тогда же и выписалъ; ихъ важности

нельзя было не видѣть; но ни тогдашнее положеніе русской литературы, ни ученые интересы собирателя не вызывали его на предпріятіе издать ихъ. Онъ имѣлъ ихъ въ виду на будущее время, особенно наслучай собственной надобности. Эта надобность обнаружилась для него въ 1863 году, когда онъ обдумывалъ способъ разбора языка Ломоносова. Чтобы оцѣнить постепенные успѣхи языка у этого писателя, необходимо было не только привести его сочиненія въ строгій хронологическій порядокъ, но и ознакомиться ближе съ обстоятельствами, при которыхъ они были предприняты и выполнены: нужно было знать, въ какой мѣрѣ обстоятельства благопріятствовали литературному ихъ достоинству. Для этой цѣли никакая подробность свѣдѣній не могла казаться лишнею, и изъ *библіографическаго* предпріятія само собой должно было возникнуть собраніе матеріаловъ для *біографіи* Ломоносова и даже для исторіи нашего образованія. Источники этихъ матеріаловъ и система ихъ размѣщенія объяснены въ предисловіи къ упомянутому выше сборнику. Вскорѣ по изданіи этого труда, г. Билярскій, получивъ каѳедру русской словесности въ новороссійскомъ университетѣ, переселился на жительство въ Одессу; вслѣдствіе того прекратилась и дѣятельность его по редакціи *Записокъ* Академіи.

Академикъ Пекарскій, продолжая работы по составленію исторіи Академіи Наукъ, разсмотрѣлъ и описалъ находящееся въ Императорской Публичной библіотекѣ собраніе бумагъ Штелина. Описаніе это, вмѣстѣ съ извлеченіями изъ болѣе примѣчательныхъ писемъ къ этому академику, напечатано.

Затѣмъ онъ обратился къ бумагамъ исторіографа Миллера, въ архивѣ академической конференціи. Онѣ составляли часть собранія, которое было пріобрѣтено императрицею Екатериною II для московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, съ выдачею Миллеру 20,000 рублей. Въ 1830 году академикъ Гамель довелъ до свѣдѣнія тогдашняго президента Академіи Наукъ о существованіи въ помянутомъ

архивѣ множества рукописей Миллера, относящихся частію къ ученому его путешествію по Сибири, частію же къ исторіи Академіи. По ходатайству С. С. Уварова, министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ обращался къ вице-канцлеру съ просьбой о передачѣ въ собственность Академіи помянутыхъ бумагъ. Графъ К. В. Нессельроде входилъ о томъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, на который 9-го марта 1831 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ однако, чтобы 1) изъ бумагъ, которыя окажутся вдвойнѣ, оставлено было въ московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ по одному экземпляру; 2) чтобы списанные въ разныхъ сибирскихъ городахъ старинные акты, изъ коихъ многіе внесены и напечатаны уже съ обозначеніемъ принадлежности ихъ архиву въ изданныхъ тогда четырехъ частяхъ «Государственныхъ грамотъ и договоровъ», оставлены были въ библіотекѣ архива, равно историческія свѣдѣнія, собранныя Миллеромъ, и вообще всѣ тѣ бумаги, которыя не относятся собственно до Академіи.

Поступившія этимъ путемъ въ Академію бумаги изъ собранія Миллера, въ 95 портфеляхъ, заключаютъ въ себѣ всю обширную переписку, веденную имъ со времени возвращенія его изъ Сибири, а также множество черновыхъ бумагъ, записокъ и представленій по академическимъ дѣламъ. Здѣсь письма къ Миллеру отъ Леонарда Эйлера, Палласа, Георги, Гмелина младшаго, Соймонова, Рычкова и др. заслуживаютъ особеннаго вниманія изслѣдователя по богатству и разнообразію своего содержанія, а записки, представленія и пр. по академическимъ дѣламъ писаны по большей части рукою самого Миллера и особенно важны для исторіи Академіи, въ которой онъ около сорока лѣтъ былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ. Кромѣ пользованія этими матеріалами для исторіи собственно Академіи, П. П. Пекарскій, при помощи ихъ, а также небывшей до-сихъ-поръ въ виду изслѣдователей переписки академическаго совѣтника Шумахера, собралъ рядъ новыхъ свѣдѣній о Ломоносовѣ и

вообще объ отношеніяхъ бывшихъ до него и при немъ академиковъ къ академической канцеляріи, у которой тогда были они въ полной подчиненности. Эти свѣдѣнія также напечатаны.

Миллеровское же собраніе дало г. Пекарскому возможность приступить къ составленію обстоятельнаго жизнеописанія П. И. Рычкова, перваго изъ русскихъ члена-корреспондента Академіи. Извлеченіе изъ этого труда, въ формѣ рѣчи, приготовлено авторомъ къ чтенію въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ 29-го декабря 1865 года [1]).

Наконецъ г. Пекарскій, по порученію Академіи, занимался разсмотрѣніемъ сочиненія профессора петербургской Духовной Академіи г. Чистовича, подъ заглавіемъ «Ѳеофанъ Прокоповичъ», которое представлялось на соисканіе демидовскихъ премій. Подробное изложеніе результатовъ этого разсмотрѣнія печатается.

Между трудами посторонних ученыхъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Отдѣленіемъ, должны быть упомянуты два, которыхъ изданіе оно взяло на себя:

1) Составляемое архимандритомъ Амфилохіемъ *палеографическое описаніе памятниковъ византійской письменности съ IX вѣка по конецъ XVII*, находящихся въ московской синодальной библіотекѣ, въ собраніяхъ гг. Севастьянова, Норова и другихъ. Трудомъ этимъ ученый архимандритъ занимается уже нѣсколько лѣтъ. Собравъ множество матеріаловъ, снимковъ и выписокъ, онъ предпринялъ обработку ихъ по строго-обдуманному плану и рѣшился издать ихъ съ приложеніемъ выписокъ какъ въ подлинникѣ, такъ и въ славянскомъ переводѣ. По представленію академика Срезневскаго, Отдѣленіе, находя, что предпріятіе извѣстнаго уже Академіи ученаго обѣщаетъ неоспоримую пользу для изслѣдованія древнѣйшей славянской письменности, опредѣлило: трудъ этотъ, по мѣрѣ изготовленія его, печатать при Отдѣленіи.

---

[1]) Теперь оно уже напечатано («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1866 г., № 5 и 7).

2) Составленный г. Носовичемъ *Бѣлорусскій Словарь*, который на послѣднемъ демидовскомъ конкурсѣ заслужилъ половинную премію и представляетъ весьма важный матеріалъ для изученія русскаго языка въ его нарѣчіяхъ, печатается при Отдѣленіи, подъ надзоромъ академика Срезневскаго.

Заключая отчетъ о трудахъ Отдѣленія, я долженъ исполнить еще и другую, печальную обязанность лѣтописца его — заявленіемъ о понесенныхъ имъ утратахъ [1]). Въ концѣ года оно лишилось двухъ изъ старѣйшихъ членовъ своихъ: Арсеньева и Плетнева.

Въ обстоятельствахъ жизни обоихъ было много сходнаго. Тотъ и другой происходили изъ духовнаго званія, воспитывались въ главномъ педагогическомъ институтѣ, занимали каѳедры въ петербургскомъ университетѣ, участвовали въ воспитаніи нынѣ царствующаго Государя Императора и, наконецъ, сдѣлались въ одно время членами Академіи Наукъ.

Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ былъ тремя годами старше Плетнева: онъ родился 12-го октября 1789 года, въ Костромской губерніи; отецъ его былъ сельскимъ священникомъ и послалъ сына учиться въ Костромскую семинарію, откуда даровитый молодой человѣкъ поступилъ въ Педагогическій институтъ. Любопытно, какъ онъ впослѣдствіи самъ отзывался о полученномъ имъ первоначальномъ воспитаніи: «Постоянство въ занятіяхъ, трудолюбіе, основательность въ изученіи, терпѣливость въ трудахъ суть отличительныя качества воспитанниковъ духовныхъ училищъ... Какое благодѣтельное вліяніе (говоритъ онъ далѣе) можетъ имѣть просвѣщенный и благонамѣренный священникъ на умы простолюдства! Итакъ, совершенство духовныхъ училищъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ

---

[1]) Этотъ послѣдній отдѣлъ Отчета приготовленъ былъ къ чтенію въ другомъ видѣ. Онъ измѣненъ, вслѣдствіе полученнаго 30-го декабря извѣстія о кончинѣ П. А. Плетнева. Некрологъ его см. въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1866 г., № 1, также въ «Соврем. Лѣтописи» № 2, въ «Сѣверн. Почтѣ» № 16 и въ сборникѣ «Утро». Некрологъ К. И. Арсеньева—въ «Спб. же Вѣдомостяхъ» 1865 г., № 318, и въ «Сѣверной Почтѣ» 1865 г., № 268.

предметовъ попеченія правительства. Многіе знаменитые политики справедливо утверждаютъ, что опредѣлять священниковъ безъ познаній совершенно противно благосостоянію государства». Строки эти взяты изъ его «Начертанія статистики россійскаго государства», напечатаннаго въ 1818 году. Это было первое сочиненіе, которое онъ издалъ по окончаніи, въ 1811 году, курса наукъ въ Педагогическомъ институтѣ и по опредѣленіи въ 1817 г. адъюнктъ-профессоромъ при здѣшнемъ университетѣ. Въ этой замѣчательной книгѣ виденъ уже человѣкъ, стоящій на высотѣ передовыхъ дѣятелей науки и смѣло высказывающій новыя для современнаго общества истины. На долю Арсеньева выпала честь сдѣлаться предметомъ гоненій со стороны извѣстныхъ обскурантовъ: Магницкаго и Рунича. Первый подалъ доносъ на его книгу, стараясь представить ее опасною для спокойствія государства, а второй, по должности попечителя петербургскаго учебнаго округа, подвергъ Арсеньева, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими профессорами, отвѣтственности за его лекціи и записки. Вслѣдствіе произведеннаго надъ нимъ суда, Арсеньевъ въ 1824 г. долженъ былъ оставить университетъ; но, къ счастью, онъ имѣлъ уже сильныхъ покровителей. Будучи также преподавателемъ въ Артиллерійскомъ училищѣ и въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, онъ былъ лично извѣстенъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, по представленіямъ которыхъ и удостоился уже въ 1825 и 1826 г. получить Высочайшее благоволеніе и два подарка; послѣдній изъ нихъ былъ наградою за новое его сочиненіе: «Исторія народовъ и республикъ древней Греціи».

По воцареніи Императора Николая, Арсеньевъ былъ приглашенъ въ число наставниковъ Наслѣдника престола для преподаванія Его Высочеству русской исторіи и статистики, и какъ пособіе при этихъ занятіяхъ онъ издалъ «Статистику Россійской Имперіи». Съ 1835 года ему, по Высочайшему повелѣнію, открытъ былъ доступъ въ Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ для извлеченія матеріаловъ

по русской исторіи XVIII столѣтія, которую онъ въ то время преподавалъ нынѣ царствующему Государю Императору. Арсеньевъ былъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Наслѣдника Цесаревича, въ 1837 г., въ путешествіи по Россіи, и заблаговременно приготовилъ, по возложенному на него порученію, рядъ историческихъ и статистическихъ замѣчаній о мѣстахъ, лежавшихъ на пути Его Императорскаго Высочества. Послѣднимъ трудомъ его по части статистики были изданные имъ въ 1848 году и посвященные Августѣйшему ученику его «Статистическіе очерки Россіи». Они представляютъ отчасти дальнѣйшее развитіе мыслей и свѣдѣній, изложенныхъ имъ въ первомъ сочиненіи его, появившемся 30-ю годами ранѣе. Изъ предисловія къ «Статистическимъ очеркамъ» видно, что онъ считалъ эту книгу только началомъ разнообразныхъ работъ по тому же предмету, которыя однакожъ, къ сожалѣнію, не явились въ печати.

Арсеньевъ былъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. Въ 1826 году онъ былъ избранъ корреспондентомъ Академіи Наукъ; въ 1836 г. (14-го марта) сдѣлался членомъ Россійской Академіи, а съ 1841 года принадлежалъ къ составу Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Главная дѣятельность его, какъ академика, заключалась въ изслѣдованіяхъ, относившихся къ русской исторіи. Они указаны, какъ и другіе многочисленные труды его по географіи и статистикѣ, въ статьѣ нашего сочлена, П. П. Пекарскаго [1]), пользовавшагося при составленіи ея всѣми имѣющимися покуда въ виду источниками для біографіи покойнаго, почему тѣ обстоятельства, которыя у него развиты довольно подробно, здѣсь только обозначены мною. Нужнымъ считаю, однакожъ, указать еще на одну услугу, оказанную Арсеньевымъ новѣйшей русской исторіи. Онъ первый отыскалъ и спасъ отъ забвенія записку Карамзина «*О*

---

[1]) «Энциклоп. Словарь», т. V, Спб. 1862.

древней и новой Россіи», которая считалась потерянною [1]). Въ началѣ 1824 года, незадолго до выхода изъ университета, Арсеньевъ вступилъ на поприще гражданской службы: онъ былъ опредѣленъ редакторомъ въ Коммиссію составленія законовъ, а по преобразованіи ея черезъ два года во II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, оставленъ былъ здѣсь въ званіи старшаго чиновника. Награды, которыя онъ получалъ въ послѣдующіе годы одну за другою, показываютъ, какъ цѣнились его труды и въ этомъ кругѣ дѣйствія. Въ 1835 году учреждено было по его мысли, при совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Статистическое Отдѣленіе, имѣвшее цѣлью упрочить въ Россіи успѣхи статистики и распространить изученіе отечества въ этомъ отношеніи [2]). Арсеньеву, назначенному членомъ этого отдѣленія (впослѣдствіи Статистическаго Комитета), вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было управлять его дѣлами. Къ занятіямъ нашего ученаго по этой должности относятся и частыя командировки его въ разныя губерніи; одну изъ такихъ поѣздокъ, въ 1852 году, онъ совершилъ, какъ членъ особой коммиссіи, съ историческою цѣлью—для точнѣйшаго опредѣленія мѣста погребенія князя Пожарскаго. Съ 1856 года Арсеньевъ принадлежалъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ только въ званіи члена его совѣта.

Въ 1861 году тяжкая болѣзнь нанесла тѣлеснымъ и умственнымъ силамъ его ударъ, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться. Разбитый параличемъ, онъ провелъ послѣднее вре-

---

[1]) Слышано отъ графа Д. Н. Блудова, который разсказывалъ: «По кончинѣ императора Александра, я не нашелъ въ бумагахъ его этой записки, но она отыскана вскорѣ послѣ смерти Аракчеева. Однажды приходитъ ко мнѣ К. И. Арсеньевъ и спрашиваетъ, знаю ли я записку Карамзина о древней и новой Россіи.—Знаю про нее, но не читалъ.—«Могу вамъ ее доставить, но не требуйте, чтобъ я вамъ сказалъ, откуда я ее имѣю». Вѣроятно, — прибавилъ графъ Блудовъ, — она нашлась въ бумагахъ Аракчеева: Государь, получивъ ее въ Твери отъ Екатерины Павловны, отправился оттуда прямо въ Грузино, и тамъ могъ оставить ее своему любимцу.

[2]) Изъ его же «Начертанія статистики» (стр. XIV) видно, что первоначально подобное статистическое отдѣленіе основано было министромъ полиціи А. Д. Балашевымъ, при подвѣдомственномъ ему министерствѣ.

мя жизни въ Петрозаводскѣ, городѣ, знакомомъ ему по воспоминаніямъ молодости: оставшись, по окончаніи курса наукъ, при Педагогическомъ институтѣ въ качествѣ преподавателя, онъ, во время нашествія Наполеона, отправленъ былъ туда съ студентами этого заведенія и прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ въ концѣ 1812 и началѣ 1813 годовъ. Въ Петрозаводскѣ же онъ и умеръ, 29-го ноября 1865 года, въ домѣ сына своего, Юлія Константиновича, начальника Олонецкой губерніи, и похороненъ въ одной изъ городскихъ церквей [1]).

Арсеньевъ былъ, какъ на ученомъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ, однимъ изъ самыхъ честныхъ, добросовѣстныхъ и неутомимыхъ русскихъ дѣятелей; онъ передалъ своему потомству чистое, безукоризненное имя, которымъ русская наука можетъ, по справедливости, гордиться.

Кончина П. А. Плетнева послѣдовала въ самый день, къ которому приготовленъ былъ настоящій отчетъ, и потому здѣсь можетъ быть представлена только краткая біографическая о немъ замѣтка. Онъ родился 10-го августа 1792 года, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, и получилъ первое образованіе въ тверской семинаріи. Въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ окончилъ онъ курсъ въ 1814 году и поступилъ учителемъ словесности сперва въ Екатерининскій институтъ, находившійся подъ управленіемъ императрицы Маріи Θеодоровны, а потомъ въ институтъ Патріотическій, бывшій подъ вѣдѣніемъ императрицы Елизаветы Алексѣевны. Съ 1816 г. началась служба его при военно-учебныхъ заведеніяхъ, именно при Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ; впослѣдствіи онъ преподавалъ также въ Пажескомъ

---

[1]) Отдѣленіе, желая пополнить свои матеріалы для біографіи уважаемаго сочлена, обращалось къ Юлію Константиновичу съ покорнѣйшею просьбой о сообщеніи оставшихся послѣ отца его, какъ слышно было, записокъ; но изъ отвѣта его превосходительства съ сожалѣніемъ узнало, что въ бумагахъ Константина Ивановича остались «только бѣглыя замѣтки о его частной, такъсказать, семейной жизни, и то доведенныя только до 1825 года, которыя не могутъ войти въ его біографію, ибо чужды ученой и административной дѣятельности умершаго».

корпусѣ и въ Юнкерской школѣ. Въ 1828 г. онъ назначенъ былъ инспекторомъ классовъ въ Патріотическомъ институтѣ; въ 1830 г. оставилъ службу при Екатерининскомъ. Занятія его съ Наслѣдникомъ престола начались уже въ январѣ 1828 г., когда Его Высочеству не совершилось еще и 10-ти лѣтъ отъ роду. Вскорѣ затѣмъ ему поручены были уроки Великимъ Княжнамъ Маріи и Ольгѣ Николаевнамъ, а позднѣе—Маріи и Елизаветѣ Михаиловнамъ. Почетная извѣстность, пріобрѣтенная Плетневымъ на поприщѣ преподаванія и литературы, была поводомъ къ тому, что министерство народнаго просвѣщенія въ 1832 году вызвало его на каѳедру русской словесности въ петербургскомъ университетѣ и Главномъ Педагогическомъ институтѣ, съ званіемъ ординарнаго профессора, вслѣдствіе чего и оставлена имъ служба въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1837 г. онъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники за службу при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, а въ февралѣ 1840 г. избранъ университетскимъ совѣтомъ въ должность ректора на четыре года. Вскорѣ послѣ того, въ іюнѣ мѣсяцѣ, финляндскій университетъ праздновалъ 200-лѣтній юбилей своего существованія, и Плетневъ, отправленный въ Гельсингфорсъ депутатомъ отъ петербургскаго университета, былъ возведенъ тамъ въ званіе почетнаго доктора философіи. Еще два раза возобновлялось избраніе его въ ректоры. Когда же въ 1849 г. русскіе университеты лишились этого права, то Плетневъ былъ утвержденъ въ прежнемъ званіи правительствомъ и оставался ректоромъ петербургскаго университета до прекращенія въ немъ лекцій, вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ, осенью 1861 года. Въ продолженіе почти 22-хъ-лѣтняго занятія этой должности онъ, во время отсутствія попечителей, нѣсколько разъ управлялъ округомъ и предсѣдательствовалъ въ цензурномъ комитетѣ. Въ 1841 году Плетневъ приглашенъ былъ въ члены возникшаго тогда въ Академіи Наукъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, а въ 1859 году, по выбытіи И. И. Давыдова изъ должности предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи,

назначенъ былъ, по установленному порядку, на два года въ эту должность, въ которой былъ утверждаемъ и послѣ еще два раза, такъ что она оставалась за нимъ до марта 1865 года. Въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни онъ, никогда не бывавши прежде за-границей, ѣздилъ, три раза въ чужіе краи и жилъ тамъ по большей части въ Парижѣ; въ третій разъ онъ оставилъ Россію въ августѣ мѣсяцѣ 1863 года, вслѣдствіе образовавшейся у него въ лѣвомъ ребрѣ раны и сопряженнаго съ тѣмъ общаго разстройства здоровья. Крѣпкое отъ природы сложеніе, при помощи умѣреннаго климата, дало ему возможность прожить съ этою изнурительною болѣзнію еще два съ половиною года. Наконецъ силы однакожъ его истощились: 24-го декабря прошлаго года онъ слегъ и почувствовалъ приближеніе смерти. Послѣдніе четыре дня его жизни, въ которые онъ почти до конца сохранялъ полное сознаніе, оправдали давно извѣстное всѣмъ близкимъ къ нему высокое его духовное развитіе. Онъ угасъ спокойно въ 5-мъ часу утра, 29-го декабря.

Отлагая до другаго времени болѣе подробную характеристику его замѣчательной личности, вмѣстѣ съ полнымъ исчисленіемъ и обзоромъ литературныхъ трудовъ его, позволю себѣ здѣсь лишь нѣсколько бѣглыхъ указаній. Плетневъ никогда не былъ въ полномъ смыслѣ ученымъ; въ природѣ его недоставало нѣкоторыхъ условій, необходимыхъ для постоянной чисто-научной дѣятельности. Въ ту эпоху, когда онъ избранъ былъ сперва въ профессоры, а потомъ въ академики, требованіе строго-ученаго характера въ разработкѣ знаній о литературѣ не обозначилось у насъ еще такъ опредѣлительно, какъ теперь. Притомъ, тогда Плетневъ давно уже пользовался заслуженною извѣстностью въ той области литературы, которая можетъ процвѣтать не иначе, какъ на почвѣ науки. Я разумѣю область критики. На это поприще онъ вступилъ уже лѣтъ 30-ти отъ роду, почти въ то же время, когда началъ печатать стихи. Какъ членъ «Вольнаго Общества Любит. Росс. Словесности», издававшаго журналъ *Соревнователь просвѣщенія и благотво-*

ренія, онъ еще въ 1821 г. читалъ въ одномъ изъ засѣданій Общества *краткое обозрѣніе русскихъ писателей*. Вскорѣ послѣ того начинается въ этомъ журналѣ рядъ критическихъ статей его, предметомъ которыхъ были многія изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній тогдашней литературы, напр. идиллія Гнѣдича *Рыбаки*, *Шильйонскій узникъ* и *Орлеанская Дѣва* Жуковскаго, *Кавказскій плѣнникъ* Пушкина. Иногда же онъ обращался къ русскимъ писателямъ XVIII-го столѣтія. Большая часть этихъ критическихъ статей должны были останавливать на себѣ вниманіе лучшихъ современныхъ литераторовъ, потому что обнаруживали рѣдкое знакомство съ дѣломъ, глубоко-развитое эстетическое чувство и высокую степень критическаго дара. Среди другихъ литературныхъ разборовъ того времени, представляющихъ много страннаго по нынѣшнимъ понятіямъ, рецензіи Плетнева еще и теперь поражаютъ насъ не только свѣжестью нисколько не устарѣвшаго языка, но и вѣрностью мыслей, отчасти новыхъ для того времени, наприм. о превосходствѣ народной поэзіи, о неестественности требованія трехъ единствъ въ драмѣ, объ употребленіи 5-ти стопнаго ямба въ этомъ родѣ поэзіи, о слабыхъ сторонахъ *Кавказскаго плѣнника*, о подражаніяхъ Пушкина Байрону и т. п. Зрѣлость тогдашнихъ критическихъ статей Плетнева должна быть цѣнима тѣмъ выше, что наша литература почти не представляла ему образцовъ въ этомъ родѣ. Сверхъ теоретическаго своего значенія, его статьи имѣютъ еще и ту цѣну, что могутъ служить очень полезными матеріалами для исторіи литературы своего времени. Кромѣ *Соревнователя*, критическіе труды Плетнева являлись также въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* и другихъ альманахахъ и журналахъ, потомъ въ *Литературной газетѣ* Дельвига, въ *Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду*, и наконецъ въ *Современникѣ*, который онъ издавалъ въ теченіе 8 лѣтъ (1838—1846) и гдѣ, между многими слишкомъ краткими и нѣсколько уклончивыми отзывами о явленіяхъ тогдашней литературы, попадаются однакоже и подробныя критики, обли-

чающія тонкаго знатока литературы и человѣка, искусившагося въ опытахъ жизни: здѣсь можно указать на его разборъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя, «Тарантаса» графа Соллогуба, стихотвореній Баратынскаго и «Опыта исторіи русской литературы» А. В. Никитенко.

Что касается до стихотвореній Плетнева, печатавшихся въ 1820 годахъ, то на первый случай упомяну только, что они пользовались уваженіемъ въ кругу первоклассныхъ поэтовъ того времени—не только сверстниковъ его, но и людей прежняго поколѣнія. Дарованіе, обнаруживавшееся въ двоякихъ трудахъ Плетнева, объясняетъ намъ то почетное положеніе, которое онъ занялъ въ литературѣ и о которомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ посвященіе ему Пушкинымъ «Евгенія Онѣгина». Въ этомъ посланіи говорится также о *прекрасной душѣ, исполненной святой мечты, высокихъ думъ и простоты*, и въ этихъ словахъ мы находимъ указаніе на другую сторону существа Плетнева, которая должна была доставлять ему сочувствіе всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ и умѣвшихъ цѣнить въ писателѣ *человѣка*.

Если Плетневъ не издавалъ чисто-ученыхъ трудовъ, то не надобно однакожъ думать, чтобы онъ остался чуждъ внимательнаго изученія своего предмета. Не говоря объ обширной начитанности, пріобрѣтенной имъ еще въ молодости, замѣтимъ, что онъ, немедленно по предложеніи ему каѳедры, приступилъ къ составленію записокъ по исторіи русской литературы. Онѣ были доведены имъ до временъ Петра Великаго, и хотя не представляютъ самостоятельныхъ изслѣдованій, однакожъ показываютъ прилежное ознакомленіе со всѣми имѣвшимися тогда по этой части печатными источниками. Здѣсь мѣсто упомянуть также о небольшой книжкѣ, напечатанной имъ въ 1835 году по преподаванію исторіи русской литературы Наслѣднику Цесаревичу. Всѣ занимавшіеся съ Его Высочествомъ преподаватели получили тогда вызовъ напечатать употреблявшіяся ими при этихъ занятіяхъ пособія, и вслѣдствіе того, въ то же вре-

мя какъ Арсеньевъ издалъ свою статистику, Плетневъ напечаталъ, впрочемъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, свой *хронологическій списокъ русскихъ сочинителей и библіографическія замѣчанія о ихъ произведеніяхъ*, книжку, о которой недавно съ уваженіемъ было упомянуто въ печати лицомъ, желавшимъ узнать имя неназваннаго при ней автора.

Отчеты Плетнева по с.-петербургскому университету и по Отдѣленію русскаго языка и словесности, хотя и неизбѣгли нѣкоторыхъ обыкновенныхъ недостатковъ этого рода сочиненій, всегда сохранятъ однакожъ значеніе необходимаго пособія для будущаго историка русскаго просвѣщенія въ періодъ, ими обнимаемый (1840—1860). Отчеты Плетнева по Отдѣленію, до 1851 года включительно, изданы были особою книжкою еще въ 1852 году, подъ надзоромъ самого составителя ихъ; собраніе отчетовъ за послѣдующіе годы, отчасти писанныхъ другими, печатается въ настоящее время.

Отдѣльно напечатаны еще слѣдующіе труды Плетнева: 1) Жизнь и сочиненія И. А. Крылова, 1847 года; 2) О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, 1853 года; 3) Памяти графа С. С. Уварова, президента Императорской Академіи Наукъ, 1855 г. [1]).

---

[1]) Остались ли послѣ Плетнева какія-либо важныя бумаги, намъ еще неизвѣстно. Достовѣрно то, что у множества лицъ должно быть разсѣяно большое число писемъ Петра Александровича, который всегда отличался исправностью въ корреспонденціи, и мы считаемъ долгомъ заявить, что всякое его письмо, имѣющее значеніе или интересъ, будетъ принято нами съ благодарностью и съ обязательствомъ возвратить доставленный намъ документъ, куда будетъ указано.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
читанныхъ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ I, № 2.

МНѢНІЯ
о
СЛОВАРѢ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ

А. Б. ШЛЕЙХЕРА
и
И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

(Съ приложеніемъ свѣдѣній о трудахъ А. Б. Шлейхера.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1866.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 4 Іюня 1866 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій*.

ВСЕСЛАВЯНСКІЙ СЛОВАРЬ *).

Статья Члена-Корреспондента Академіи А. Шлейхера.

Изъ занимающихся славянскими языками нѣтъ ни одного, который не чувствовалъ бы потребности въ всеславянскомъ словарѣ, т. е. въ словарѣ, содержащемъ слова нарѣчій старо-болгарскаго, новоболгарскаго, сербскаго, словенскаго, русскаго (живыхъ великорусскихъ говоровъ, столь важныхъ для славянскаго языкознанія), малороссійскаго, польскаго, чешскаго и словацкаго, верхне-сорабскаго и нижне-сорабскаго, не исключая словъ, дошедшихъ до насъ изъ полабскихъ нарѣчій.

Само собою разумѣется, что такой словарь долженъ быть составленъ съ самою тщательною и строгою критикою, чтобъ онъ былъ совершенно вѣренъ во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ, напр. не слѣдуетъ помѣщать между русскими словами слова церковно-славянскія, употребляющіяся въ книжномъ русскомъ языкѣ; впрочемъ, подобная критика необходима и для книжныхъ языковъ другихъ славянъ, чтобъ и у нихъ не считать природными словъ заимствованныхъ изъ другихъ славянскихъ нарѣчій. Если же и допустить въ словарь такія слова, то надобно отличить ихъ чѣмъ нибудь.

Вообще такое предпріятіе, какъ вѣрный словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій, гораздо труднѣе, нежели кажется съ перваго взгляда. Кто этому не вѣритъ, пусть тотъ самъ попытается сочинить хотя нѣсколько статей всеславянскаго словаря и онъ

*) Прошу благосклоннаго читателя извинить шероховатость моего слога Хотя я прочиталъ эту статейку съ природнымъ Русскимъ, всетаки нельзя нѣкоторыми поправками превратить въ хорошій слогъ неловкое выраженіе мыслей иноплеменника. Прим. *А. Шлейхера.*

скоро узнаетъ, какъ это трудно. Поэтому полезно будетъ пріискать для обработыванія отдѣльныхъ нарѣчій особливыхъ сотрудниковъ, которые извѣстны какъ хорошіе знатоки тѣхъ нарѣчій, которыя имъ будутъ поручены. Главный редакторъ обязанъ смотрѣть чтобы во всемъ словарѣ было соблюдено единство плана. Словаря малороссійскаго, сколько я знаю, еще нѣтъ; обширнаго новоболгарскаго также нѣтъ (мнѣ извѣстенъ только небольшой словарь при Цанковской грамматикѣ); стало быть, при составленіи общаго славянскаго словаря нельзя обойтись безъ помощи малороссійскихъ и болгарскихъ ученыхъ.

Для совершенной вѣрности всѣ нарѣчія должны быть напечатаны въ словарѣ свойственнымъ имъ шрифтомъ; однакожъ должно снабдить слова знаками ударенія и количества тамъ, гдѣ это нужно (въ нарѣчіяхъ новоболгарскомъ, сербскомъ, словенскомъ, русскомъ, малороссійскомъ, чешскомъ, словацкомъ). Принять одинъ общій шрифтъ для всѣхъ нарѣчій *) отнюдь не слѣдуетъ.

Разумѣется, что слова разныхъ нарѣчій составляются только по ихъ звуковой формѣ, а не по ихъ значенію. Значеніе словъ достаточно объяснить какъ можно короче, хотя бы полатыни. Книга, о которой идетъ рѣчь, можетъ быть только удобнымъ и подручнымъ спискомъ соотвѣтствующихъ словъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Этимологическія изслѣдованія, подробное объясненіе значеній и т. п. сдѣлали бы книгу не столь удобною для употребленія и для справокъ. Цѣль такого сочиненія всегда должна быть въ виду; эта цѣль—краткость въ формѣ, совершенная полнота въ содержаніи.

Порядокъ статей, разумѣется, долженъ быть алфавитный. Староболгарскія слова во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ можно ихъ привести, будутъ въ началѣ статей; и такъ слѣдуетъ расположить весь словарь по азбукѣ этого нарѣчія. Если нѣтъ староболгарскаго слова, то стало быть нужно замѣнить словомъ изъ слѣдующаго по порядку нарѣчія. Эти слова другихъ нарѣчій, поставленныя въ началѣ статей, въ замѣнъ словъ ста-

---

*) На это однажды покусился довольно страннымъ образомъ покойный Франта Шумавскій въ Прагѣ, въ начатомъ имъ словарѣ всеславянскомъ.

роболгарскихъ, должны быть помѣщены тамъ, гдѣ слѣдовало бы быть въ такомъ случаѣ, если они были бы писаны староболгарскимъ шрифтомъ.

Впрочемъ, чтобы было совершенно легко отъискивать слова, полезно было бы прибавить къ словарю особые списки словъ всѣхъ нарѣчій (можетъ быть, кромѣ староболгарскаго) находящихся въ словарѣ, въ алфавитномъ порядкѣ разныхъ нарѣчій и при каждомъ словѣ сдѣлать ссылку на страницу и строку самаго словаря, гдѣ находится отъискиваемое слово. Такъ на примѣръ, чтобы новоболгарскій указатель показывалъ сколько находится общеславянскихъ словъ въ этомъ нарѣчіи и т. д., и такъ такіе указатели полезны не только для того, чтобы удобнѣе отъискивать слова.

У всѣхъ существительныхъ нужно привести форму родительнаго падежа (можетъ быть и другую по чему либо замѣчательную форму) и родъ; у глаголовъ 1 и 2 лице един. числ. настоящаго (или будущаго) и неопредѣленное наклоненіе. Мнѣ кажется что глаголы удобнѣе взять въ формѣ 1 л. ед. наст., а не въ неопредѣленномъ наклоненіи, потому что въ 1 л. ед. наст. корень глагола нерѣдко является яснѣе, нежели въ неопредѣленномъ наклоненіи (такъ напр. мог-ѫ, можеши, мошти; нб. mógŭ (móžŭ, т. е. móžjŭ), móžeš (неопредѣленнаго нѣтъ въ этомъ нарѣчіи; вмѣсто этой формы можно помѣстить причастіе дѣйствительное прошедшаго времени на-лъ); с. мòг-у, мòжêш (мò̏рêш), мòħи posse, valere, сл. mór-em, móreš, móči (móg-el) posse, valere, mòr-em, mòreš, mòči (mòg-el) debere *); р. мог-ý, мóжешь, мочь posse, valere и т. д.

Выборъ словъ для всеславянскаго словаря, кажется, труденъ. Должно ли брать всѣ слова всѣхъ нарѣчій и тѣ, которыя находятся только въ одномъ нарѣчіи? помѣстить въ словарь всѣ сложныя слова, напр. глаголы, сложенныя съ предлогами и т. д., потомъ всѣ производныя слова (уменьшительныя и т. д.) и слова, заимствованныя изъ чужихъ языковъ?

Соединять всѣ слова всѣхъ нарѣчій въ одинъ словарь не практично; въ такомъ словарѣ трудно справляться, вслѣдствіе

*) По словарю Мурка, Градецъ 1833.

слишкомъ обширнаго его объема. Нашъ словарь не долженъ занять мѣсто отдѣльныхъ словарей отдѣльныхъ нарѣчій. Однакожъ, кажется, полезно привести эти слова отдѣльныхъ нарѣчій, въ которыхъ явится корень (или форма корня) ненаходящійся въ другихъ (напр. русск. «про-сты-ть», коренная форма *сты*, сколько я знаю, находится только въ русскомъ нарѣчіи). Такихъ словъ немного.

Но помѣщеніемъ всѣхъ словъ сложенныхъ съ предлогами и всѣхъ словъ производныхъ слишкомъ увеличился бы объемъ словаря.

Въ этомъ случаѣ было бы, можетъ быть, удобнѣе поступить слѣдующимъ образомъ. Помѣстить каждое слово по первой буквѣ его корня (напр. «про-стыть» надобно искать подъ *сты*); сложныя формы можно прибавить (хотя въ скобкахъ) какъ можно короче, потому что небезполезно будетъ замѣтить, на сколько нарѣчія въ этомъ отношеніи сходны или различны. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда неученый можетъ усомниться, сложно ли слово, или нѣтъ, будетъ полезно привести слово подъ первою его буквою (напр. медв-ѣдь не подъ ѩмь ꙗсти, ѣсти, а подъ м; даже съ-мрьть подъ с, а не подъ мрѣти и т. п.), но должно объяснить, къ какому корню принадлежатъ эти слова.

Подобнымъ образомъ слѣдуетъ поступить и съ производными словами. Важнѣйшія изъ нихъ, которыя находятся въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, представить особенными статьями (такъ напр. ржчьникъ mantile, fidejussor; с. рy̑чнйк, mantile; сл. ročník manubrium и т. д. лучше сдѣлать особою статьею, а не помѣщать подъ ржка). При всѣхъ подобныхъ случаяхъ надобно, чтобы редакторъ словаря обладалъ благоразуміемъ и практическою опытностью въ ученыхъ работахъ такого рода. Во всякомъ случаѣ лучше, если въ словарь попадетъ что нибудь лишнее, нежели пропустится что нибудь нужное въ томъ и другомъ отношеніи.

Отнюдь нельзя пропускать заимствованныхъ словъ, столь важныхъ для исторіи народовъ и для языкознанія (ср. Краткій очеркъ доистор. жизни сѣверо-восточнаго отдѣла Индо-Герм. языковъ. Прилож. къ VIII-му тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ

С.Пб. 1865 стр. 4 сл.). Но и изъ чужихъ словъ я привелъ бы тѣ, которыя вошли въ общее употребленіе въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (какъ напр. **моусика, олътарь, олѣй** и т. п). Особенно важны имена земель и народовъ.

Въ такомъ видѣ представляю я себѣ книгу, которая была бы мнѣ ежедневно необходимою. Мнѣ и въ умъ не приходитъ, что въ этой статейкѣ предметъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ и что я правъ во всѣхъ отношеніяхъ; я только хотѣлъ возбудить пренія объ этомъ дѣлѣ и, если можно, дать поводъ къ сочиненію книги, которою, можно сказать, началась бы новая эпоха славянской науки.

ЗАМѢЧАНІЯ

АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКАГО

О СЛОВАРѢ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

I.

Какъ широко по пространству Славянскаго міра распространено каждое изъ коренныхъ созвучій Славянскаго языка и изъ словъ изъ нихъ образованныхъ или изъ чужа занятыхъ? Гдѣ какія и въ какихъ кругахъ народа господствуютъ? гдѣ какія вышли вообще или отчасти изъ употребленія? Гдѣ какія и какъ отошли отъ древняго значенія и приняли новыя?—На эти и другіе подобные вопросы необходимы бываютъ отвѣты не только при частныхъ изслѣдованіяхъ памятниковъ языка и словесности, но и при общихъ изслѣдованіяхъ о судьбахъ того или другаго Славянскаго народа и его нарѣчія отдѣльно и многихъ вмѣстѣ. Эти и подобные вопросы съ отвѣтами на нихъ занимательны даже и не для изслѣдователей, а для любознательныхъ людей вообще. Такъ недавно еще занималъ очень многихъ и рѣшаемъ былъ многими, вовсе не изслѣдователями, вопросъ о словахъ будто-бы исконно Малорусскихъ, не принадлежащихъ и никогда не принадлежавшихъ Великорусскому нарѣчію. Разговоры и споры, недавно еще веденные съ жаромъ, могутъ и опять возобновиться, и почему даже не желать, чтобы они возобновились, разумѣется, при лучшихъ обстоятельствахъ въ отношеніи къ спорящимъ. Это улучшеніе обстоятельствъ спора, бывшаго у насъ, и всѣхъ подобныхъ споровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общее улучшеніе пониманія взаимныхъ

соотношеній Славянскихъ нарѣчій, можно ожидать всего болѣе отъ книги, гдѣ бы вѣрно были рѣшены вышеотмѣченные и имъ подобные вопросы, всего болѣе отъ словаря, гдѣ бы всѣ Славянскія нарѣчія, были сопоставлены равномѣрно и равно вѣрно, съ одинаковою отчетливостью. Многія недоумѣнія, недоразумѣнія, сомнѣнія, невольныя и нарочныя ошибки и самообманы были бы легко устраняемы, если бы въ рукахъ у всѣхъ былъ такой словарь. Не желать, что бы былъ такой словарь, нельзя.

Но — позволю себѣ повторить для опредѣленности — именно такой словарь: «Списокъ словъ», въ которомъ бы дано было мѣсто различнымъ выговорамъ каждаго слова по нарѣчіямъ, съ краткимъ указаніемъ значенія словъ, конечно, могъ бы тоже пригодиться — между прочимъ для указанія случаевъ когда то́ или другое нарѣчіе отпадаетъ отъ нормальнаго своего выговора, или признало за тѣмъ или другимъ словомъ особое значеніе; но тѣмъ менѣе можетъ быть онъ полезенъ, чѣмъ менѣе будетъ похожъ на словарь, чѣмъ менѣе вниманія будетъ въ немъ обращено на оттѣнки значенія и на кругъ употребленія словъ въ разныхъ нарѣчіяхъ и на перемѣны ихъ значенія и употребленія въ разное время. Только на этомъ условіи такого рода трудъ можетъ быть пригоднымъ не для немногихъ, а для всѣхъ, не для частныхъ нуждъ, а для общей пользы.

И такъ, будемъ желать и ожидать словаря всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Предположимъ, что запасъ данныхъ, которыя должны быть помѣщены въ этомъ словарѣ, уже готовъ (готовъ, разумѣется относительно, такъ какъ безусловной полноты никто никогда не ожидалъ ни отъ какого словаря). Позволяю себѣ вѣрить, что онъ и дѣйствительно почти готовъ — только не въ печати, не въ однѣхъ рукахъ и не приведенъ въ должный порядокъ. Предположимъ, что всѣмъ этимъ готовымъ, довольно полнымъ запасомъ можно воспользоваться для одного общаго труда. Задача въ томъ, ка̀къ имъ воспользоваться, въ какой привести порядокъ, чтобы вышелъ трудъ общеполезный.

Въ отвѣтъ на это есть уже готовое произведеніе, давно напечатанное, издавна снабжающее многихъ множествомъ данныхъ. Это — Słownik języka Polskiego *Б. С. Линде* (первое, Варшавское, изданіе его вышло въ 1807-1814 гг., второе,

Львовское — въ 1854-1860 гг.) Въ немъ при большей части словъ дано мѣсто указаніямъ на другія Славянскія нарѣчія. Какъ это въ немъ сдѣлано, всего лучше видѣть изъ примѣровъ.

Gród, u, *m*, *Boh.* hrad, twrze = twierdza. Hradec miasto Grac na Szląsku; *Slov.* hrad *arx* cinctura; *Slav.* grâd = forteca, grandjanin = mieszczanin; *Croat.* grad = zamek; Gracdëcz *Graecium; Dal.* grad, missto = miasto, gradski = miejski, gradyanin = mieszczanin; *Dal.* tuargya = twierdza; *Hung.* vaar (ob. Warowny); *Bosn.* grâd = miasto, 2. tvrrighia = twierdza, kula = forteca, zamek; *Rag.* grad = miasto, gradaz *castrum*, graadhja, zgradda aedificium; *Vind.* grad, grashina, gradshina, gradishtvu; *Carn.* grâd = *arx*; gradèz = miasto Grac w Styryi, *Bohor.* (Stargard = stary grod. *Frenzel* in *Westphal. Monum.* 2. 2419. cf. Nowogrod, cf. Bialográd, Carogród); *Sorab* 2. grod = zamek; *Sorab.* 1. hrod, rod; *Ross.* городъ miasto; *Eccl.* градъ miasto, (*Eccl.* краеградъ *Graec* ἀκρόπολις twierdza... (далѣе слѣдуютъ припоминанія не Славянскія).

Miasto, a, *n.*, *Boh. et Slov.* mésto; *Sorab.* 1. mésto, miesto; *Sorab.* 2. mĕsto: *Vind.* mestu, varash, obsidanu gradishtvu; *Carn.* mejstu; *Dal.* misstô, grad, (cf. grod); *Croat.* våras. varash; *Hung.* város, (cf. warowac); *Bosn.* grâd, (misto, mjesto *locus*); *Slov.* vârosh, grad; *Rag.* grad, (mjesto = miesce, położĕnie); *Ross.* городъ; *Eccl.* градъ...

Miejsce, miesce, miestce, a, *n.*, *Boh.* místo, *demin.* mjstecko; *Slov.* mesto; *Sorab.* 1. miesto, mèsto; *Sorab.* 2. mésto (cf. miasto *subst.* et *adv.*); *Carn.* męstu; *Vind.* mestse, mestu, mestouje, stant, *Croat.* mezto, meszto; *Bosn.* misto, mjesto; *Rag.* mjesto, misto; *Ross.* мѣсто, мѣстечко, (cf. miasteczko); *Eccl.* мѣсто okolica...

Stygnąć stydnać *neutr. jedntl.; Boh.* stydnauti, stydati; *Slov.* stydnauti, stydnu; *Sorab.* 1. studnu; *Sor.* 2. stunusch; *Cro.* zimem, (zimnieć, cf. ziębnąć); *Rg.* stinuti; *Bs.* stinnuti, ostinnuti, ozebsti; *Rs.* стынуть, студенѣть, студиться; *Ec.* студенѣю; *ob.* studzić).....

Изъ этихъ примѣровъ видно, что на первомъ мѣстѣ поставлены, какъ и слѣдуетъ, въ Польскомъ словарѣ, слова Польскія, — что при Польскихъ словахъ приведены ино-Славянскія слова не только одинаковыя, но и подобнозначащія, — что взяты при этомъ во вниманіе не только главныя Славянскія нарѣчія, но и мѣстныя, на пр. по Хорвато-Сербскому отдѣлу дано мѣсто мѣстнымъ нарѣчіямъ, Славонскому, Хорватскому, Далматинскому, Боснійскому, Рагузанскому, — что соблюдено правописаніе каждаго нарѣчія (т. е. каждаго источника, изъ котораго взято слово).

Есть и Русскій печатный трудъ этого рода, удостоенный Демидовской награды. Это — Корнесловъ Русскаго языка, сравненнаго со всѣми главнѣйшими Славянскими нарѣчіями, *Ѳ. Шимкевича* (Спб. 1842) *). Какъ дѣлалъ свое дѣло Шимкевичъ, можно также понять изъ примѣровъ:

Го́родъ, с. м. 1. стѣна, которою обносятся церкви, монастыри и др. зданія или мѣста, ограда (слѣдуетъ мѣсто изъ памятника). — 2. временное военное укрѣпленіе (опять выписка изъ памятника). — 3. за́мокъ, крѣпость (опять выписка изъ памятника). — 4. подвижная военная башня, которая употреблялась при осадѣ крѣпостей (опять выписка изъ памятника). 5. заселенное мѣсто, которое состоитъ изъ общественныхъ и частныхъ домовъ, расположенныхъ улицами, и которое въ старину окружаемо было рвомъ или стѣною для защиты отъ нападенія непріятелей. — 6. самые жители, населяющіе городъ.

---

*) Считаю долгомъ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, напомнить, что слишкомъ за тридцать лѣтъ до Шимкевича, подобнымъ трудомъ занимался Востоковъ, въ началѣ, до выхода словаря Линде, самъ, а потомъ при помощи этого словаря. О томъ, какъ Востоковъ обдѣлывалъ свой Этимологическій словарь, подробно сообщено мною въ Обозрѣніи научныхъ трудовъ Востокова (при Филологич. наблюденіяхъ Востокова: стр. V—XI), гдѣ представлена и выписка изъ него. Стараясь дать мѣсто видоизмѣненіямъ каждаго слова по нарѣчіямъ, Востоковъ не сообщилъ впрочемъ въ этомъ отношеніи ничего новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что есть у Линде, и обогатилъ свой словарь болѣе словами другихъ языковъ. Главное мѣсто занимаетъ въ немъ Русскій письменный и частію народный языкъ.

= 3. *Серб.* град. *Сла. Кро. Винд.* и *Кра.* grad, *Бог.* и *Сло.* hrad, *Пол.* и *Н Луз.* grod, *В Луз.* rod; 5. *Церк.* и *Болг.* градъ, *(Сла.) Босн. Раг.* и *Далм.* grad, 6. (Церк. и Болг.). — §. (Винд.) строеніе.

Мѣсто, с. ср. 1. пространство, занимаемое или могущее быть занятымъ какимъ нибудь тѣломъ; 2. извѣстное пространство земли, которое ничѣмъ не занято; 3. стар. жилища внѣ крѣпости, предмѣстье (слѣдуетъ выписка изъ памятника), 4. страна; 5. извѣстная часть, статья въ книгѣ; 6. должность; 7. книга, свертокъ или ящикъ съ товаромъ, особенно съ чаемъ; 8. перепонка, которою покрытъ младенецъ во чревѣ матери.

= 1. *Церк.* мѣсто, *Серб.* мјѐсто, место, *Кро.* meszto, *Кра.* mesto, *В Луз.* mjesto, *Н Луз.* mésto, *Сло.* mésto, *Босн.* и *Раг.* mjesto, misto, *Л Рус.* мѣсто, *Винд.* me stu, *Укр.* мисто, *Бог.* mjsto, Пол. miesce, mieysce, miestce. *Болг.* място; 2. *(Л Рус.* и *Укр.)*; 3. *(Пол.)*. § а. (*Л Рус.* и *Укр.*) рынокъ; б. (*Серб. Кро. Винд. В Луз. Н Луз.* и *Сло.)*, Бог. mésto, *Далм.* miszto, *Пол.* miasto, городъ; в. *Бог.* mjsto, деревня.

Сты́днуть, гл. неуп. (сл. и др.) замѣненъ словомъ сты́нуть, гл. ср. 1 мало по малу лишаться теплоты, становиться холоднымъ, 2. о жидкостяхъ: покрываться тонкимъ льдомъ; 3. о растопленномъ маслѣ и другихъ подоб. веществахъ: сгущаться ⟷ стужа.

= 1. *Сл.* stidnut', *Бог.* stydnauti, *Пол.* stugnąć, stydnąć, *Раг.* stinuti, *Босн.* stinnuti, *В. Луз.* studnucz, *Н. Луз.* stunnusch, *Л. Рус.* стыць; 3. *Бог.* stydati, *Серб.* стинути се.—§. (*Пол.*) въ переносномъ смыслѣ: остывать, охладѣвать, уменьшаться.

Какъ въ этихъ примѣрахъ, такъ и во всемъ трудѣ Шимкевича каждое Русское слово объяснено довольно подробно, посредствомъ отдѣленія оттѣнковъ значенія; а за тѣмъ по каждому изъ оттѣнковъ значенія приведено то же слово изъ другихъ Слав. нарѣчій, гдѣ оно съ этимъ оттѣнкомъ употребляется, и далѣе, если есть, указаны другіе оттѣнки значенія слова съ по-

казаніемъ нарѣчій. Въ числѣ нарѣчій дано мѣсто и мѣстнымъ, болѣе чѣмъ у Линде, всегда съ соблюденіемъ правописанія (по источникамъ). Подобнозначащихъ словъ нѣтъ.

Выгодная сторона плана, котораго держался Шимкевичь, для насъ Русскихъ очевидна: намъ Русскимъ справляться относительно другихъ Славянскихъ нарѣчій, конечно, всего легче въ такомъ словарѣ, гдѣ первое мѣсто дано Русскому языку; но эту выгоду можно сохранить и при другомъ планѣ: стоитъ только къ словарю приложить указатель Русскихъ словъ. Невыгодная сторона плана, принятаго Шимкевичемъ, гораздо важнѣе: въ его Русскомъ корнесловѣ дано мѣсто объясненіямъ только словъ Русскаго языка, и не могло быть иначе; въ словарѣ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій должно быть въ такой же мѣрѣ дано мѣсто словамъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, слѣдовательно очень многимъ такимъ, которыя и теперь не существуютъ въ Русскомъ и въ прежнее время, на сколько можно прослѣдить по памятникамъ, не были въ употребленіи. Сказанное здѣсь о Русскомъ словарѣ Шимкевича одинаково относится и къ Польскому словарю Линде, въ которомъ въ добавокъ принято, какъ и должно было быть, обыкновенное Польское правописаніе, затемняющее искуственнымъ сочетаніемъ согласныхъ буквъ естественную звучность языка. Общій Славянскій словарь долженъ быть одинаково удобенъ для всѣхъ Славянъ, а не для какого бы ни было одного Славянскаго народа. Этого-же могутъ всего скорѣе пожелать и тѣ Славяне, которые не могутъ надѣяться имѣть такой словарь для своего языка.

Какъ же сдѣлать, что бы въ обще-Славянскомъ словарѣ могли найдти себѣ законное мѣсто всѣ слова всѣхъ Славянскихъ нарѣчій? Мнѣ кажется, сдѣлать это не очень трудно, при условіи, что къ словарю должны быть приложены указатели по нарѣчіямъ.

Каждому, хоть нѣсколько понимающему Славянскія нарѣчія и хоть нѣсколько вникнувшему въ черты ихъ отличія, должно быть очевидно, что очень значительная, главная часть ихъ состава принадлежитъ всѣмъ имъ сообща, а менѣе значительная многимъ или нѣсколькимъ, и что все это является въ каждомъ изъ нихъ въ особенномъ образѣ соотвѣтственно съ особенными

требованіями его звучности. Въ слѣдствіе этихъ требованій слово Рус. де̇нь, Чеш. ден, Поль. дзень, С Луж. джень, Серб. дан, должно быть въ Стар. Слав. дьнь; слово Рус. молоко, Чеш. млнко, Поль. мле̇ко, С Луж. млоко, Серб. млико, млеко, млијеко, въ Ст. Слав. должно быть млѣко; слово Рус. дубъ, Чеш. дуб. Поль. дąб, Хорт. доб, Срб. дуб, Болг. даб, въ Ст. Слав. должно быть дѫбъ; слово Рус. рядъ, Чеш. řад, Поль. řąд, Хорут. и Серб. ред, должно быть въ Ст. Слав. рѧдъ, и т. д. Правильность взаимнаго соотношенія Славянскихъ нарѣчій, въ отношеніи къ выговору, такова, что въ большей части случаевъ, владѣя навыкомъ вникать въ особенныя требованія звучности Славянскихъ нарѣчій, всякій, знакомый съ требованіями двухъ трехъ изъ нихъ, пойметъ все написанное на каждомъ другомъ тѣмъ легче, чѣмъ менѣе въ этомъ написанномъ будетъ словъ не-Славянскихъ и чѣмъ менѣе затруднено будетъ чтеніе правописаніемъ. Онъ нетолько пойметъ все написанное, но будетъ въ состояніи и передѣлывать слова изъ выговора одного нарѣчія по выговору другаго—такъ же, какъ владѣющій навыкомъ отличать музыкальные тоны и знающій ихъ соотношеніе передѣлываетъ музыкальную фразу съ одного тона на другой. Овладѣть этимъ навыкомъ сознательно всего удобнѣе при помощи древняго Церковно-Славянскаго языка, въ памятникахъ котораго сохранилось коренное достояніе состава Славянскихъ нарѣчій вообще въ очень стройномъ видѣ въ отношеніи къ звучности, болѣе всѣхъ другихъ сближающемъ одни съ другими всѣ нарѣчія Славянскія и, вѣроятно, болѣе всѣхъ другихъ приближающемся къ первообразу. Правильность строя древняго Церковно-Славянскаго языка такова, что тотъ, кто знаетъ дѣло, на ладъ его легче, чѣмъ на ладъ всякаго другаго нарѣчія, можетъ передѣлать любое Славянское слово. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ отношеніи къ составу можно его считать самымъ богатымъ изъ нарѣчій (разумѣется, въ отношеніи къ той части состава, которую можно назвать обще-Славянскимъ достояніемъ). Такимъ образомъ при его помощи есть возможность имѣть чуть не всякое Славянское слово въ его древнемъ видѣ. Въ этомъ то древнемъ Славянскомъ видѣ и должны бы быть, по моему мнѣнію, взяты слова для общаго Славянскаго словаря, какъ пере-

довыя, заголовочныя. Къ нимъ должны бы быть прибавляемы всѣ сравненія и объясненія, какія могутъ быть допущены въ словарь; на нихъ должны бы быть сдѣланы и ссылки въ указателяхъ. Само собою разумѣется, что въ ихъ написаніи строго и послѣдовательно должно быть выдержано правописаніе этого древняго Славянскаго языка, безъ смѣшенія его съ частными требованіями звучности древне-Болгарской, древне-Русской, древне-Русской. Къ числу такихъ частныхъ требованій слѣдуетъ, мнѣ кажется, отнести и вставку *д* между *з* и *р* (раздрѹшити вм. разрѹшити), и опущеніе *з* и *с* передъ свистящими (расѣяти вм. разсѣяти) и т. п. Къ тому запасу словъ, который можетъ быть извлеченъ изъ памятниковъ древне-Славянскихъ, добавить изъ другихъ нарѣчій пришлось бы думаю, сравнительно не очень много, если только не включать въ словарь словъ вновь выдуманныхъ или недавно занятыхъ изъ чужихъ языковъ. И эти слова, не найденныя въ древне-Славянскихъ памятникахъ, слѣдовало бы, мнѣ кажется, представить въ формѣ древне-Славянской, только отлича ихъ какимъ нибудь особымъ знакомъ (напр. скобками).

Въ слѣдъ за этимъ главнымъ видомъ каждаго слова должно бы по моему мнѣнію, слѣдовать его грамматическое объясненіе на сколько оно нужно, и различные его выговоры по нарѣчіямъ, а затѣмъ его значенія съ отмѣткою, въ какихъ нарѣчіяхъ оно употребляется въ каждомъ изъ значеній. Было бы желательно видѣть и его синонимы по нарѣчіямъ, въ томъ родѣ какъ это сдѣлалъ Линде. Держаться ли примѣра Линде въ отношеніи къ опредѣленіямъ словъ, т. е. быть ли сколько можно болѣе скупымъ на объясненія, это другое дѣло. Думаю, что лучше бы слѣдовать въ этомъ примѣру Шимкевича—по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ тѣмъ словамъ, которыхъ значеніе не общеизвѣстно.

Какія же нарѣчія и въ какомъ порядкѣ должны быть бы допущены въ общій Славянскій словарь? На этотъ вопросъ едва ли можно отвѣчать иначе, какъ—всѣ, на сколько возможно всѣ. Отвѣтъ этотъ я понимаю такъ: —

Издавна выдѣлялись одно отъ другаго особенными чертами нарѣчія Болгарское, Сербское съ Хорватскимъ, Словинское-Хорутанское, Словенское съ Чешскимъ, Сербо-Лу-

жицкое, Балтійско-Славянскія, Польское, Русское. Каждое изъ нихъ имѣетъ право на свое мѣсто въ общемъ Славянскомъ словарѣ. Изъ того, что̀ извѣстно, нельзя не выводить заключенія, что каждое нарѣчіе повременно измѣнялось не только въ строѣ, но и въ составѣ, что въ каждомъ нѣкоторыя слова выходили изъ употребленія и замѣнялись новыми, нѣкоторыя перемѣняли значеніе, и очень многія измѣнялись въ выговорѣ. Ограничиться въ словарѣ только новымъ было бы такъ же не хорошо, какъ не хорошо въ сравнительной грамматикѣ Слав. нарѣчій имѣть въ виду только новыя явленія строя языка, безъ указаній и объясненій, взятыхъ изъ языка древняго. Правда что не всѣ Славянскія нарѣчія извѣстны въ древнемъ видѣ; но все-таки данныя изъ древняго времени есть на лицо о многихъ изъ нихъ, а о нѣкоторыхъ (изъ Балтійско-Славянскихъ) только и есть, что древнія данныя. Этимъ древнимъ даннымъ непремѣнно должно быть дано мѣсто въ обще-Славянскомъ словарѣ, если только домогаться, чтобы словарь имѣлъ достоинство научное. Съ другой стороны, едва ли возможно ограничиться ссылками на однѣ главныя нарѣчія—и въ слѣдствіе этого имѣть поводъ остаться въ кругѣ того, что взошло въ общіе литературные словари того или другаго нарѣчія, не обращая вниманія на богатство мѣстныхъ нарѣчій. Даже и изъ того, что издано по мѣстнымъ нарѣчіямъ, Великорусскому и Малорусскому, Кашубскому, Силезскому, Полабскому, Словенскимъ, Словинскимъ, Хорватскимъ и Сербскимъ, можно видѣть, какія сокровища языка таятся въ разныхъ частяхъ Славянскихъ народовъ, и какъ это таящееся важно для основательнаго сравненія Славянскихъ нарѣчій въ отношеніи къ ихъ составу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ отношеніи къ ихъ строю и къ ихъ судьбамъ. Мнѣ бы казалось, что въ словарѣ должно быть указано слово съ общею ссылкою на нарѣчіе (Русское, Польское Сербское—и т. д.) только тогда, когда оно есть общая собственность народа, (хотя бы и не всѣхъ сословій); а если оно составляетъ частную принадлежность того или другаго мѣстнаго нарѣчія, то въ ссылкѣ должно быть указано это мѣстное нарѣчіе.

Нельзя оставить въ сторонѣ еще одного важнаго вопроса:—Всѣ ли производныя слова безъ исключенія должны бы быть вно-

симы въ словарь или не всѣ, и если не всѣ, то какія можно исключить? Можно, вѣроятно, исключить всѣ тѣ производныя, которыхъ значеніе само собою понимается всякимъ, кто знаетъ значеніе его кореннаго созвучія, каковы, на пр., большая часть производныхъ глаголовъ, отглагольныя существительныя и прилагательныя, причастія, такъ наз. уменьшительныя и увеличительныя и т. д. Если же производныя имѣютъ особый смыслъ, какъ на пр. найдти, внимать, поддѣлать, пріобрѣсти, завести (о часахъ), занимать (что у кого и кого чѣмъ), походить (на что или на кого), имѣнье, питье, хоженый, вопіющій, суженый, пошлый, ложечка, бумажка (ассигнація), ушко (чашки и т. п.), образина, чудище, и т. д., то имъ слѣдуетъ быть въ словарѣ.

Въ отношеніи къ расположенію этихъ словъ можно почти съ одинаковою выгодою держаться одного изъ двухъ различныхъ правилъ: или ставить производныя подъ первообразными, или отдѣльно на своемъ мѣстѣ по алфавиту. Если бы впрочемъ и найдено было болѣе выгоднымъ ставить отдѣльно, то не иначе какъ съ указаніями: при производномъ на коренное и при коренномъ на всѣ производныя, съ краткимъ обозначеніемъ смысла каждаго изъ нихъ, но безъ приложенія выговоровъ по нарѣчіямъ.

Остается еще сказать о томъ, въ какомъ видѣ должны быть записаны слова изъ разныхъ нарѣчій въ отношеніи къ правописанію. Всего бы естественнѣе принять для каждаго нарѣчія его собственное правописаніе; но легкое въ общемъ правилѣ нерѣдко становится труднымъ въ примѣненіи. Положимъ, что должно и можно примѣнить это правило въ отношеніи къ Русскому (общему), Польскому, Чешскому, даже Сербскому (по системѣ Караджича, нѣсколько улучшенной), даже и по тѣмъ нарѣчіямъ, для коихъ принято новое аналогическое правописаніе, хотя и это естественное «должно и можно» скроетъ отъ вниманія филолога многія особенности звучности нарѣчій; но какое же правописаніе принять для Болгарскаго, Малорусскаго, Бѣлорусскаго, Кашубскаго, Силезскаго, Полабскаго и нѣкоторыхъ другихъ мѣстныхъ нарѣчій, для которыхъ еще не было устроено доселѣ одно, всѣми принятое правописаніе? уже ли вносить въ словарь напр. Полабскія слова въ тѣхъ раз-

ныхъ видахъ, какъ ихъ записали люди, незнавшіе по-Славянски и тугоухіе, или слова Болгарскія въ тѣхъ разныхъ видахъ, какъ писали или пишутъ ихъ Болгарскіе книжники, каждый по своему? Для филолога важны не невольныя и вольныя ошибки написанія словъ, а ихъ произношеніе: иначе для чего и заносить въ словарь замѣтки о словѣ по разнымъ нарѣчіямъ; а если эти замѣтки о произношеніи одного и того же слова въ разныхъ нарѣчіяхъ важны, то нельзя не желать, чтобы написаніе слова давало хоть нѣсколько ясное понятіе о его произношеніи: можно слѣдовательно каждое правописаніе считать тѣмъ менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ болѣе оно скрываетъ особенности выговора. Не смѣя рѣшить окончательно, я все-таки позволю себѣ въ видѣ вопроса сказать: не лучше ли было бы заносить въ словарь всѣ слова изъ новыхъ нарѣчій и изъ тѣхъ древнихъ, для которыхъ употреблялась Латинская азбука, однимъ и тѣмъ же правописаніемъ, выражающимъ выговоръ; а въ указателяхъ держаться для каждаго нарѣчія его обычнаго правописанія, и за отсутствіемъ обычнаго принять то, которое наиболѣе согласно съ его историческимъ развитіемъ?

Не неумѣстно теперь сказать о предпріятіи, слишкомъ за 15 лѣтъ передъ этимъ затѣянномъ въ Чешской литературѣ и не оконченномъ, сколько мнѣ извѣстно, не по недостатку усердія составителя, а по отсутствію денежныхъ средствъ. Это—Slownik Všeslovansky s pridatný́mi vyznamy Německymi Іосифа Францы-Шумавскаго (Прага 1852), котораго вышло только начало (стр. 1—128). Не слѣдовало ли бы прежде всего постараться, чтобы этотъ словарь былъ оконченъ? Въ этомъ словарѣ принято за правило каждому Славянскому слову, какимъ бы нарѣчіямъ оно ни принадлежало, дать мѣсто по алфавиту, и для этого придумана обще-Славянская азбука, составленная изъ буквъ латинскихъ и кирилловскихъ — такъ, что ни для одного звука не употреблено сложнаго знака, за исключеніемъ выраженія мягкихъ согласныхъ посредствомъ ь. Сочинитель старался не упустить ничего важнаго, и оставилъ по себѣ, какъ я слышалъ, большой запасъ матеріяла и даже родственниковъ и друзей, готовыхъ продолжать начатое имъ дѣло.

II.

Выше сказалъ я, что значительный запасъ данныхъ для такого словаря можно считать собраннымъ, находящимся въ рукахъ ученыхъ, занимающихся изслѣдованіями, только не въ однѣхъ рукахъ. Я имѣлъ въ виду достояніе частное, имѣлъ въ виду собранія Русскихъ тружениковъ науки, занимавшихся и занимающихся Славянскими нарѣчіями, которые изъѣздили всѣ Славянскія земли, вездѣ занимались изученіемъ нарѣчій по памятникамъ древности и по говорамъ живой рѣчи, и дѣйствительно владѣютъ обширными запасами данныхъ для обще-Славянскаго словаря, если не каждый отдѣльно, то всѣ вмѣстѣ. Во все не то можно и должно сказать, имѣя въ виду достояніе общее, печатное, словари Славянскихъ нарѣчій, доселѣ изданные. Правда, словарей много, но въ числѣ ихъ очень немного такихъ, которые могли бы удовлетворить требованіямъ составителя обще-Славянскаго словаря. Чтобы это доказать, представляю краткій переборъ словарей по Славянскимъ нарѣчіямъ.

а) ПО НАРѢЧІЮ СТАРОСЛАВЯНСКОМУ.

Въ Русской литературѣ есть произведеніе, которое по добросовѣстности исполненія должно считаться вездѣ образцовымъ: это Словарь Церковно-Славянскаго языка А. Х. Востокова (2 тома, Спб. 1858—1861: въ 4-у 550 л.) Разсматривавшіе его знаютъ, какъ онъ богатъ данными, которые, до его изданія, были въ числѣ неизвѣстныхъ; а слича съ подлинными рукописями, которыми Востоковъ пользовался, всякій долженъ будетъ признаться, что всему, что приведено Востоковымъ, должно довѣрять безусловно (разумѣется за исключеніемъ опечатокъ). Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не вспомнить съ признательностью и новаго труда проф. Миклошича Lexicon Paleoslovenico-Graeco-Latinum (Vindob. 1862—1865 въ 8-д. 1171 стр.), въ которомъ есть также довольно много данныхъ, небывшихъ до него извѣстными большинству изслѣдователей.

Имѣя въ рукахъ два эти словаря, можетъ ли однако составитель обще-Славянскаго словаря быть при увѣренности, что

по Старо-Славянскому нарѣчію онъ обезпеченъ? Едва ли. Словарь Востокова очень неполонъ: это доказываютъ между прочимъ вноски, сдѣланныя Востоковымъ изъ перваго изданія словаря Миклошича (Lexicon linguae Slovenicae dialecti veteris. Vindb. 1850) и тѣ дополненія, которыя были изданы къ нему въ Матеріалахъ для словаря, печатавшихся при Извѣстіяхъ Академіи. Новый словарь Миклошича гораздо полнѣе; но во-1-хъ, въ немъ не все достовѣрно, такъ какъ Миклошичь дозволялъ себѣ переводы словъ по догадкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ многія изъ нихъ заносилъ только тѣмъ правописаніемъ, которое ему казалось правильнымъ, и во-2-хъ, многія слова извлечены не изъ памятниковъ и не изъ словаря Востокова, а изъ словарей прежняго времени—между прочимъ изъ Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, въ томъ числѣ и такія слова, которыя въ древнемъ Славянскомъ едва ли и были. Нельзя конечно не быть благодарнымъ Миклошичу за его трудъ; но нельзя однако и довольствоваться имъ тому, кто задумалъ работать надъ обще-Славянскимъ словаремъ не кое-какъ. Къ сказанному нелишнимъ считаю прибавить, что въ обоихъ словаряхъ смѣшанно помѣщены слова не только древнія Болгарскія, Сербскія, но и Русскія: это выгодно въ практическомъ отношеніи, но на столько же невыгодно въ отношеніи научномъ, особенно же для составленія обще-Славянскаго словаря.

Имѣя въ виду такое дѣло, надобно имѣть подъ руками возможно-полный подборъ словъ чисто Старо-Славянскихъ, извлеченныхъ исключительно изъ памятниковъ Старо-Славянскихъ древнихъ, не смѣшанно съ тѣми словами, которыя употреблены въ памятникахъ, сохраняющихъ труды писателей и переводчиковъ Болгарскихъ, Сербскихъ и Русскихъ. Если составителемъ обще-Славянскаго словаря будетъ пренебрежено это условіе, то въ Старо-Славянскомъ нарѣчіи скроются и смѣшаются нарѣчія: Болгарское, Сербское и Русское. А исполнено оно пока быть не можетъ, потому что подбора словъ чисто Старо-Славянскихъ въ печати еще нѣтъ, и пока его нѣтъ, составитель обще-Славянскаго словаря остается бѣднякомъ, достойнымъ состраданія.

Не выражаю ли я однако мысли, слишкомъ идеальной, неудобоисполнимой? Понятна ли даже она и достойна ли даже на-

зваться мыслію? Не къ стати было бы отстранить эти вопросы, а отмѣтивь ихъ, еще менѣе къ стати было бы оставить ихъ безъ объясненія.

Всѣ мы одинаково называемъ Старо-Славянскимъ нарѣчіемъ то, которое было употреблено братьями-первоучителями Константиномъ философомъ и Меѳодіемъ и ихъ учениками въ IX вѣкѣ, которое и сохранилось въ ихъ трудахъ — по древнѣйшимъ спискамъ. Что оно было понятно въ то отдаленное время всѣмъ Славянамъ, что всѣми ими могло быть принято менѣе или болѣе за свое, это понять нетрудно; но также легко допустить, что мѣстныя нарѣчія должны были отличаться одни отъ другихъ частію употребленіемъ звуковъ и строемъ, частію составомъ. Что такъ дѣйствительно и было, легко видѣть изъ сличенія памятниковъ, писанныхъ въ разныхъ краяхъ въ одно и тоже время или около этого. Особенно важно при настоящемъ положеніи науки сличеніе списковъ памятниковъ, писанныхъ Болгарами, со списками не Болгарскаго письма; важно потому, что нѣкоторыми уравнивается съ чистымъ Старо-Славянскимъ нарѣчіемъ древнее Болгарское нарѣчіе. Другими не менѣе почтенными тружениками науки смѣшиваются нарѣчія Старо-Славянское съ древнимъ Русскимъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что значительная часть учениковъ Константина философа и Меѳодія, по кончинѣ послѣдняго нашли себѣ пріютъ въ Болгаріи и тамъ продолжали трудъ своихъ учителей, что въ Болгаріи вмѣстѣ съ ихъ учениками, каковы были Климентъ и Константинъ, трудиться стали и не ученики ихъ, а подражатели такіе, какъ Іоаннъ экзархъ, Григорій пресвитеръ и другіе, по имени неизвѣстные. Но не подлежитъ ли сомнѣнію, что трудясь въ Болгаріи, продолжатели подвига братьевъ-первоучителей и ихъ послѣдователи остались совершенно вѣрными тому языку, который употребляли братья-первоучители? Не могли ли они, не должны ли были они волей и неволей употреблять слова и выраженія, ходячія въ Болгаріи, не спрашивая себя, употребили ли бы ихъ или нѣтъ братья-первоучители? Не могли ли они, не должны ли были они идти въ этомъ отношеніи тою же дорогой, какой шли наши Русскіе древніе писатели, которые тѣмъ болѣе забывали требованія чистаго Старо-

Славянскаго нарѣчія, чѣмъ проще писали? А если такъ, то изслѣдователь древняго Славянскаго языка не можетъ не потребовать отъ себя выдѣленія того, что долженъ онъ признать Старо-Славянскимъ, отъ того, что такимъ признать не можетъ, и что—по крайней мѣрѣ до новыхъ открытій—долженъ считать древнимъ Болгарскимъ или древнимъ Русскимъ. Это выдѣленіе важно и въ литературномъ отношеніи, и не менѣе также въ отношеніи археологическомъ. Подборъ словъ въ языкѣ Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ могъ отличаться отъ подбора словъ, допущеннаго ихъ продолжателями въ Болгаріи и на Руси, не только по словамъ общежитейскимъ, но также и по словамъ чисто-литературнымъ или книжнымъ. Вниманіе къ подбору словъ особенно важно, когда надобно хоть приблизительно опредѣлить, независимо отъ правописанія, время и мѣсто первоначальнаго написанія памятника. Такъ на пр. извѣстно, что Константинъ философъ привезъ въ Римъ мощи св. Климента, имъ открытыя, а въ Макарьевскихъ четіяхъ-минеяхъ подъ 23 января помѣщено «Слово на принесеніе моще̑ пресла̑наго Климента, истори̑скоую имоуще бесѣдоу ꙗко Х҃вою помощію въ ҃ѕ тысѹща. т. и .ѯ҃. и ѳ҃ лѣ҃ (6469=861 г.) изыска̑ши̑ его любе̑но и вѣрно, ꙗко изо инѣ̑ бо в Понтѣ восїа»,—и въ этомъ словѣ сочинитель объ обрѣтеніи мощей говоритъ все отъ своего времени какъ участникъ: «идохо̑ же до бл҃женнаго ѡ̑тока; съ архїереемъ идохѡ̑; пѣнїе же кондачьское пѣти повелѣхѡ̑, поставихомъ ракоу тоу» и т. д. Невольно является вопросъ: не самого ли это Константина философа слово? Какъ же это рѣшить, если не при помощи знанія подбора словъ, которымъ пользовался Константинъ философъ. Или вотъ еще припоминаніе для примѣра. Въ нѣсколькихъ спискахъ, между прочимъ и какъ предисловіе передъ евангеліемъ, сохранилось «блаженнаго Ѹчителꙗ нашего Константина философа слово, начинающееся такъ: «Прогласъ ѥсть ст҃го еѵ҃лиа ꙗко же пр҃рци прорекли сѫть прѣжде. Х҃ъ гра̑ть ꙗзыкы събрати. рѣша бо они. слѣпии прозрѧть. глоусии Ѹслышѧть слово бѹкъвноѥ?» Въ самомъ же началѣ его читаемъ: «тѣмъ же Ѹслышите Словѣни вси. даръ бо сь ѿ Б҃а данъ ѥсть. даръ б҃жии десныѧ части ѥго… се ѥсть даръ. Матѳеи. Марко. Лоука и Іѡанъ…. Слышите Словѣньскыи народъ

вьсь. слышите. слово отъ Бга приде..... тоуждимъ ѩзыкъмъ слышаще слово ꙗко мѣдьна звона гласъ слышите.» Какъ не спросить себя: Не слово ли это самого Константина философа первоучителя Славянскаго, или же какого другаго Константина, случайно названнаго философомъ? И какъ рѣшить этотъ вопросъ безъ помощи знанія языка Константина философа? Или еще. Есть два рода списковъ книги евангельскихъ чтеній, изъ которыхъ въ однихъ часто употребляется, вмѣстѣ съ нѣкоторыми особенными словами, прошедшее простое краткой формы (идомъ=идохомъ и т. п.), а въ другихъ ни этой формы прошедшаго, ни тѣхъ особенныхъ словъ нѣтъ: въ какихъ же изъ этихъ двухъ родовъ списковъ должно преимущественно искать первообраза перевода книги евангельскихъ чтеній? Или же еще. Въ одномъ изъ сборниковъ XII вѣка есть слово, въ которомъ помѣщено такое описаніе богача, который «богато на земли живаше въ багърѣ и въ паволоцѣ хожаше»: «Кони ѥго тоучьни. иноходи. а(кы) ликъствоующе. златыми тварьмї оукрашени. седьла ѥго позлащена. раби его предитекоуще мнози. въ брачинѣ. и въ гривьнахъ златахъ. а дроузи и по задї въ монистѣхъ и въ оброучихъ. и отъ иноудь рещи въ велицѣ славѣ изꙙ. на обѣдѣ же слоужьба бѣ многа. съсоуди златьмъ съкованя и сребромь. брашьно много и различьно. тетерꙙ. гоуси. жеравие. рꙙбї. голоуби. коури. заıꙗци ѥлени. вепреве. дичина. чамъри. търтове. печени. кръпанꙑ. шемлизи. пирове. пътъкы. множьство сокачии. работаюче. и дѣлающе съ потъмь. и мнози текоуще. и на пьрстѣхъ блюда носꙙще. ини же махающе съ боꙙзнию. чашѣ срѣбрьны великꙑꙗ позлащены. коубьци и котьли. питиѥ же многоѥ. медъ и квасъ. вино. медъ чистыи. пъпьрꙙныи. питиꙗ обиощьнаꙗ. съ гоусльми и свирѣльми. веселиѥ многоѥ. ласкавци. шьпилеве. праздьнословьци. смѣхословьци. плꙙсаниꙗ. мьрзости. въплеве. пѣсни. готовꙙть же ѥмоу и одръ настьланъ перинъ паволочитыхъ. възлежащю же ѥмоу. и не могоущю оусноути дроузи ѥмоу позѣ гладꙙть. инии по лꙙдвьꙗмъ тѣшать ѥго. ини по плечема чишють. и ини гоудоуть. и ини баютъ ѥмоу. и кощюнꙙть.» Ужели языкъ этого слова позволительно назвать просто Старо-Славянскимъ, не позаботясь опредѣлить, какая именно страна наложила на

него свою особенную печать: не Русская ли это земля, издавна любившая покушать въ сласть, или не Македонія ли, на примѣръ, земля богатой Солуни, сосѣдки Византійскаго поморья, или же не Болгарія ли, въ которую сильно проникала пышность Цареградская, или же одинъ изъ Сербскихъ краевъ, или ужь не Моравія ли, подчиненная Нѣмецкому вліянію, по которому могли зайдти къ Славянамъ съ шпилями и шемлиги, и торты, въ словѣ упоминаемые? Къ стати приведу тоже мѣсто этого слова изъ другого сборника тоже XII вѣка, гдѣ кое что опущено и кое что новое вставлено: «Тъ богатыи на земли живѧше. и въ багърѣ хожааше кони его *бѣли* бѣша. златъмь оукрашени. сѣдъла ѥго позлащена. раби ѥго предътекоуще мнози. въ брачинѣ и въ гривьнахъ златахъ. а дроузии съ зада оброучи и мониста носѧще. и отъ иноудь рещи въ велицѣ славѣ излазѧ. на обѣдѣ же ѥго слоужьба бѣ многа. злата и срѣбрьна. вино много. тетерѧ гоуси жеравиѥ. и рѧби голоуби коури заѩци и елени. множьство сокачии работающе и дѣлающе съ потъмь. ини мънози текоуще и на пьрстѣхъ блюди носѧще. ини же махающе съ боѩзнию. ини же срѣбрьныѩ оумывальница дьржаще. ини же оукропьницѧ дъмоуще ини стькляницѧ съ виномь носяще. и ти вси троужаахоусѧ тъщащесѧ ѥдиного богатааго чрѣво насытити. готовѧще ѥмоу и одръ слоновъ съ прѣтыканами понавами свильнами макъками. възлежащю же ѥмоу и не могѫщю оусъноути. дроузии нозѣ ѥмоу гладѧть. ини по лѧдвиѩмъ тѣшать ѥго. ини бають ѥмоу. ини гоудоуть ѥмоу». Случайно ли явились разночтенія въ этихъ двухъ спискахъ или не случайно? Не обрисовываются ли въ нихъ обычаи двухъ краевъ? Не литераторамъ и археологамъ рѣшить это и подобные вопросы безъ помощи филологіи, а филологамъ, понимающимъ нужды литературы и археологіи. Какъ же они рѣшатъ, если начнутъ тѣмъ, что смѣшаютъ всѣ древнія Славянскія нарѣчія въ одно?

И какъ воспользуется этою смѣсью составитель обще-Славянскаго словаря, если захочетъ подумать, что къ его труду будутъ обращаться всѣ изслѣдователи, литераторы, археологи такъ же какъ и языкословы? Каждое сколько нибудь задачное слово поставитъ его въ тупикъ: точно ли оно Старо-Славянское,

не Болгарское ли, не Русское ли, не Сербское ли? И затѣмъ онъ и самому себѣ и другимъ можетъ показаться бѣднякомъ, достойнымъ сострадания, въ родѣ того богача, у котораго куча разныхъ бумажныхъ денегъ, и нѣтъ знанія, какія гдѣ и какъ идутъ.

Отдѣльнаго словаря чисто Старо-Славянскаго нарѣчія нѣтъ въ печати, слѣдовательно нѣтъ для составителя обще-Славянскаго словаря пособія самаго важнаго. Онъ долженъ самъ выработать это пособіе по памятникамъ, критически, или ждать, пока кто другой не издастъ такого, для него необходимаго труда.

Но положимъ, можно обойтись и безъ этого, довольно ли полонъ запасъ словъ, взятыхъ изъ письменныхъ памятниковъ Церковно-Славянскихъ, чтобы имъ можно было довольствоваться при составленіи обще-Славянскаго словаря? Нѣтъ, вовсе неполонъ, неполонъ даже въ отношеніи къ тѣмъ словамъ, которыя должны быть извлечены изъ перевода библіи, не только въ отношеніи къ словамъ изъ житій святыхъ, хроникъ, кормчихъ, пчелъ, твореній отцевъ церкви, служебниковъ и другихъ церковныхъ книгъ. Что бы доказать это наглядно, считаю не лишнимъ вспомнить о томъ какъ составленъ Словарь Востокова и Миклошича. Читая памятники, Востоковъ обращалъ вниманіе почти исключительно на слова болѣе замѣчательныя, необыкновенныя, рѣдкія, и опускалъ изъ виду слова не требовавшія объясненія: вотъ отъ чего для дополненія его онъ счелъ нужнымъ воспользоваться словаремъ Миклошича, который выбиралъ множество словъ изъ Русскихъ словарей, Алексѣева и Академическаго. Съ своей стороны Миклошичь, въ новомъ изданіи своего Словаря, воспользовавшись Словаремъ Востокова, не могъ изъ древнихъ памятниковъ, которыми пользовался Востоковъ, взять ничего кромѣ того, что есть у Востокова. Кругомъ только замѣчательныхъ словъ ограничивались въ своихъ наблюденіяхъ и ученые составители Описанія рукописей Синодальной библіотеки, изъ котораго Миклошичь почерпнулъ значительную долю своего словарнаго запаса, а потому и изъ этихъ памятниковъ въ словарѣ Миклошича есть только кое что. Могъ онъ воспользоваться только четырьмя книгами этого Описанія; а слѣдовательно есть у него слова, отмѣченныя только въ

этихъ книгахъ. За четвертой книгой выдутъ по крайней мѣрѣ еще четыре, и довольно сказать, что тамъ будутъ богослужебныя книги и кормчія, чтобы представить, сколько явится тамъ новаго для дополненія печатнаго запаса.

б) по нарѣчію болгарскому древнему и новому.

Матеріялъ для словаря древняго Болгарскаго нарѣчія, матеріялъ богатый, только не отдѣленный, лежитъ въ словаряхъ, о которыхъ выше было упомянуто. Чтобы его отдѣлить, надобно снова трудиться. Надобно выдѣлить прежде изъ древнихъ памятниковъ чисто Болгарскіе, и потомъ изъ нихъ составить словарь. Можетъ быть это у кого нибудь уже и сдѣлано или начато, а можетъ быть и ни у кого не подвинутъ этотъ трудъ на столько, что можно бы было надѣяться на скорый выходъ его въ свѣтъ. Составителю обще-Славянскаго Словаря и этотъ трудъ придется взять на себя.

По новому Болгарскому нарѣчію окончательно не сдѣлано ничего сколько нибудь удовлетворительнаго. Самый важный матеріялъ находится въ книгѣ П. Безсонова «Болгарскія пѣсни» (М. 1855), при которой есть указатель словъ Болгарскихъ, въ самой книгѣ изъясняемыхъ; но такихъ словъ въ указателѣ отмѣчено менѣе 2000. Есть словарики при собраніяхъ Болгарскихъ пѣсенъ Верковича (Бѣлградъ 1860), и братьевъ Миладиновичей (Загребъ. 1861), въ книгѣ Памятниковъ народнаго быта Болгаръ (М. 1861) и другихъ; но въ этихъ словарикахъ помѣщены слова менѣе понятныя, а не всѣ. Словарикъ при грамматикѣ братьевъ Цанковыхъ, Grammatik der Bulgarischen Sprache (Вѣна. 1852), не таковъ, но все-таки очень бѣденъ содержаніемъ: въ немъ съ небольшимъ 5000 словъ, въ числѣ которыхъ большая часть производныхъ и сложныхъ. Подъ моей редакціей началось было изданіе значительнаго труда г. Герова въ Матеріалахъ, издававшихся при Извѣстіяхъ 2-го Отдѣленія Академіи (III: 177—240, 273—304, 369—400); но къ сожалѣнію остановилось на началѣ. Приготовленъ вполнѣ ручной словарь Болгарскій съ Нѣмецкимъ переводомъ однимъ изъ Болгаръ, получившимъ образованіе въ Германіи; но

изданіе его отъ чего то замедлилось. Рукописные матеріялы для словаря новаго Болгарскаго нарѣчія сколько знаю, очень велики, и накопляться стали издавна. Если бы можно было собрать ихъ, то навѣрно вышелъ бы словарь довольно удовлетворительный. Сужу по моему собранію, какъ по одной изъ долей. Во всякомъ случаѣ, пока удовлетворительный словарь новаго Болгарскаго нарѣчія не будетъ изданъ, о составленіи Славянскаго словаря по всѣмъ нарѣчіямъ думать нельзя.

в) По нарѣчіямъ Сербскому и Хорватскому древнему и новому.

Эти два нарѣчія, и очень близко сродныя одно съ другимъ и очень отличныя по нѣкоторымъ важнымъ долямъ состава, могутъ, кажется мнѣ, заставить задуматься любого изслѣдователя. То, что сдѣлано по этимъ нарѣчіямъ въ отношеніи словарномъ, большею частію можетъ только запутать изслѣдователя, а не облегчить его думу.

По древнему Сербскому есть теперь трудъ, достойный полной признательности: это Ю. Даничича «Рјечникъ изъ книжевних старина Српских» (Бѣлградъ 1863. Три тома въ м. 8—у: 1638 стр.) Нельзя его назвать словаремъ полнымъ, но нельзя не назвать богатымъ сборникомъ словъ, сдѣланнымъ съ Востоковскою добросовѣстностью. Изъ всѣхъ доселѣ изданныхъ словарей по древнимъ нарѣчіямъ Славянскимъ это самый лучшій.

Можно было бы желать и ожидать такого же словаря по памятникамъ Хорватскимъ, которыхъ еще болѣе чѣмъ Сербскихъ; но такого нѣтъ—и охотникамъ взяться за дѣло поставлена, мнѣ кажется, такая преграда, которую одолѣть не легко: я разумѣю изданіе глубокоуважаемаго Кукулевича Сакцинскаго, издающаго Monumenta historica Slavorum meridionalium, и въ первомъ томѣ своего сборника помѣстившаго Acta Croatica Listine Hrvatzke (Загребъ, 1863), а въ слѣдующихъ затѣмъ томахъ готовящагося издать Pisce Scriptores и Zakone Leges,—конечно, такъ же, какъ изданъ первый томъ. Въ первомъ томѣ напечатано слишкомъ триста грамотъ и записей — почти всѣ глаголицею. Очень можно уважать глаголицу, считать драго-

цѣнностью всякій листокъ древняго глаголическаго письма, и все-таки читать книгу, напечатанную глаголицей, съ крайнимъ затрудненіемъ. Позволяю себѣ думать, что едва ли гдѣ въ мірѣ можно найдти человѣка, думающаго совершенно иначе и не сочтущаго чѣмъ то въ родѣ наказанія для себя обязанность извлекать данныя для грамматики и словаря изъ книги глаголической.

Положивъ разъ навсегда, что древніе памятники Сербо-Хорватскаго отдѣла, писанные кириллицей, суть Сербскіе, а писанные глаголицей и латиницей суть Хорватскіе, мы конечно избѣгаемъ затрудненія въ отдѣленіи нарѣчій Сербскаго и Хорватскаго; но положить это безъ исключеній нельзя. Сербы не всѣ были всегда православные и Хорваты не всѣ избѣгали кириллицы, какъ это видно отчасти и по указанному сборнику Хорватскихъ актовъ. Еще затруднительнѣе отдѣлить рѣзко одно отъ другаго нарѣчія Сербское и Хорватское въ ихъ новомъ видѣ въ отношеніи словарномъ, по словарямъ доселѣ изданнымъ.

Исключеніе можно сдѣлать только одно—это Српски рјечник Lexicon Serbico-Germanico-Latinum Вука Стеф. Караджича (Вѣна 1852), великолѣпное произведеніе знатока дѣла, сильнаго даровитостью и стойкостью, произведеніе, которому равнаго нѣтъ ни для одного изъ Славянскихъ нарѣчій, а можетъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи и ни для одного изъ живыхъ языковъ Европейскихъ. Это — словарь нарѣчія Сербскаго народнаго, чрезвычайно богатый, обстоятельный, вѣрный.

Отдѣляя его въ сторону, обратясь къ другимъ словарямъ, очень почтеннымъ, очень полезнымъ, мы вступаемъ въ чащу лѣса, въ которой чуть не на каждомъ шагу что нибудь мѣшаетъ. Вотъ нѣкоторые изъ словарей, сюда относящихся, какъ мнѣ кажется, болѣе важные:

— *Я. Микали*, Blago iezika Slovinskoga ili Slovnik ù komu izgovaraiu se rjeci Slovinski, Latinski i Diacki (Lauret. 1649).

— *Ю. Хабделичь*, Dictionar ili réchi Szlowenszke z vexega ukup zebranc, u red posztaulene i Dyachkemu zlahkotene (Градецъ. 1670).

— *А. Делла Белла* Dizionario Italiano-Latino-Illirico. (Венеція. 1728).

— I. *Бѣлостѣнецъ*, Gazophylacium seu Latino-Illyricorum onomatum aerarium (Загребъ. 1740). Вторая часть его: Gazophylacium Illyrico Latinum.

— I. *Вольтиджи*, Ricsoslovnik Illiricskoga, Italianskoga i Nimacskoga jezika (Вѣна. 1802).

— I. *Стулли*, Rjecsosloxje Slovinsko-Italiansko-Latinsko (Дубровникъ, 1806. 2 тома). Къ этимъ двумъ томамъ относятся еще четыре, изъ которыхъ два заняты Латино-Италіяно-Словинскимъ и два Италіяно-Латино-Словинскимъ словаремъ.

Есть чѣмъ пользоваться; но какъ? Относить ли все, чего нѣтъ въ словарѣ Вука Караджича, къ нарѣчію Хорватскому? Нельзя; даже уже потому, что этимъ не обозначится, что обще обоимъ нарѣчіямъ, и Сербскому и Хорватскому. Относить ли всѣ слова, за исключеніемъ чисто книжныхъ искуственныхъ, и къ тому и къ другому нарѣчію? Тоже нельзя, какъ скажутъ въ одно и Хорваты и Сербы. Выбирать ли по произволу одно для Сербскаго, другое для Хорватскаго? Тоже нельзя. Ничего нельзя; а между тѣмъ составители этихъ словарей, люди почтенные, дѣло дѣлали не кое какъ: одни пользовались писателями и ссылались на нихъ, другіе отмѣчали даже при нѣкоторыхъ словахъ, гдѣ именно они употребляются, и тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ, кто подъ общимъ именемъ языка Словинскаго, кто подъ общимъ именемъ Иллирскаго языка, смѣшивалъ нарѣчія Хорватское и Сербское, какъ это нерѣдко дѣлали и дѣлаютъ доселѣ писатели, употребляющіе латинскую азбуку. Никто изъ нихъ не чувствовалъ научной нужды отдѣлять одно нарѣчіе отъ другаго, и всѣ чувствовали нужду обогатить словарь нужными и приличными словами. Только общимъ выраженіемъ можно сказать, что Микали и Делла-Белла обогатили свои словари словами Сербскими изъ Босны, Бѣлостенецъ свой Словарь всѣми поморскими, Хабделичь и Вольтиджи свои — Хорватскими, Стулли свой — словами изъ писателей Дубровницкихъ; но вѣря этому вообще, нечемъ руководствоваться въ частности.

Выходитъ, что по крайней мѣрѣ составъ Хорватскаго нарѣчія остается неопредѣленнымъ, что, слѣдовательно, предстоитъ его опредѣлить. Работа нелегкая, тѣмъ болѣе, что не всякому Хорвату можно и поручить ее: надо, чтобы онъ не былъ убѣж-

денъ, что Сербскаго нарѣчія нѣтъ и что есть только Хорватское.

Но допустимъ, что и дѣйствительно оба нарѣчія одно нарѣчіе, или что одно отъ другаго уже обстоятельно отдѣлены, и спросимъ, дѣйствительно ли словари этихъ двухъ близнецовъ-нарѣчій такъ полны, какъ можетъ казаться и какъ можетъ желать составитель обще-Славянскаго словаря. Отвѣчая самъ за себя, по своимъ частнымъ запасамъ, сказать неотрицательно не могу. Вотъ для примѣра нѣсколько Сербскихъ словъ, по азбучному порядку, невошедшихъ въ словарь В. Караджича, выбранныхъ изъ пѣсенъ:

— *Бабовина* — отцовское наслѣдье.
— *Безмила* — немилосердо.
— *Белай* — бѣда.
— *Бесплодкиња* — безплодная.
— *Биље* — отрава, талисманъ.
— *Биљовито* — обстоятельно, фактически.
— *Бистри* — свѣтлый (цвѣтъ оружія, напитка).
— *Бити земљом* — странствовать.
— *Богаз* — горло (у лисицы).
— *Бојали* — пестрый.
— *Бољевић* — сынъ бољега т. е. лучшаго, по противоположности съ *грђевић*, сынъ грђега, т. е. худшаго.
— *Блатовити* — болотистый.
— *Блечни* — блеющій (объ овцахъ).
— *Бр̏жати* — спѣшить.
— *Буковина* — буковая листва.
— *Буковица* шума — буковой лѣсъ.
— *Булетина* — бабище.
— *Бучје* — буковая кора.
— *Ваљати сузе* — проливать слезы.
— *Везени* — пестрый.
— *Вет* — 1) тоже что већ 2) именно.
— *Видити се* на чуду — удивляться.
— *Виђати* — разсудить.
— *Вилати* — рьяный (о конѣ).
— *Вилен* — рьяный (о конѣ), бойкій (о дѣвушкѣ и т. д.).

г) по нарѣчію Словинскому-Хорутанскому.

О древнемъ нарѣчіи Славянъ-Хорутанскихъ, кажется, не можетъ быть рѣчи: памятниковъ не осталось. Во Фрейзингенскихъ статьяхъ отзывается только выговоръ этого нарѣчія; а по подбору словъ едва ли ихъ не должно отнести къ Старо-Славянскому нарѣчію. Да если бы ихъ и отнести къ Хорутанскому нарѣчію, то все же они дадутъ матеріялъ очень бѣдный. За-то богато нарѣчіе новое, богато и вообще, богато и разнообразіемъ мѣстныхъ говоровъ. И есть словари; есть и нѣсколько замѣчательныхъ, на пр.

— *У. Ярникъ* Versuch eines Etymologykons der Slowenischen Mundart in Inner-Oesterreich (Клагенфуртъ 1832).

— *А. Мурко*, Slovénsko-Némshki in Némsko-Slovénski rozni besédnik, Deutsch-Slowenisches und Slowenisch-Deutsches Handwörterbuch. (Градецъ. 1833. 2 тома въ 8-у).

— *А. Янежичь*, Popolni rocni Slovár Slovénskega in Nêmškega jezika. Vollständiges Taschen-Wörterbuch der Slovenischen und Deutschen Spache (Клагенфуртъ. 1851. 2 тома въ 16-ю долю).

Нельзя не пожалѣть, что ни въ одномъ изъ этихъ словарей не употреблено такое правописаніе, которое бы въ достаточной мѣрѣ выражало выговоръ нарѣчія, отличающагося нѣкоторыми важными особенностями, и между прочимъ обиліемъ глухихъ полугласныхъ, въ которыя легко переходятъ всѣ гласныя, выговариваюшіяся кратко, и частымъ употребленіемъ двугласныхъ, въ которыя легко переходятъ гласныя долгія. Это одно заставитъ составителя обще-Славянскаго словаря придти въ непреодолимое недоумѣніе, если только онъ не вполнѣ владѣетъ нарѣчіемъ, и то еще не однимъ какимъ нибудь говоромъ, а нѣсколькими, потому что произношеніе Словинцевъ въ разныхъ краяхъ довольно различно. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя назвать эти словари достаточно полными складами словъ. Многія любопытныя слова пропущены, такъ что и печатныхъ книгъ нельзя читать съ помощію этихъ словарей, съ увѣренностью, что найдешь въ нихъ каждое слово. Для примѣ-

ра выписываю страничку изъ книжки Примица (Novi Némshko Slovénshki bukvar. Gräts. 1814).

Krave múkajo (múlijo), vòl (júnec) ino bik (buk) bučita. Žrébec (žeber) rajnisar, celák ino koň rezačeta (heržeta, razgéčeta). Osel riga (giga, tuli). Ovca (biča) bekeče (biči, beketá). Koza mekeče (meketa). Svinje (prasiči) krúlijo, króvkajo, krózijo krohajo. Koki kokotajo (kokodákajo), kokodaškajo, kokadáčejo, jáškajo. Petelin (kokot) poje (kriči, kikiriká). Gós (goska) goga (žlabra, žlobudrá, hrigrá, hringrá, hrigreta). Golób gruli (gerzhí). Ptiči švergljajo (švergolé). Šínkovec (čínkovec, vzéba) poje. Slavič (slavic) poje. Škvrjânec švergoli. Gèrlica (ptútika) gerčí (grúli, gerjúli). Šoga (Šoja, Šojic) se dére. Žerjav (grúh) krívka (krávka, pravi: krív kriv). Sova se vjéda. Mačka mavka (mijavka). Pes lója. Volk (vovk, vuk) tuli. Medved momlá (renčí). Lev rijóve. Lesica (lisica) laja (bévka). Zajic (zavec, zejc) veči (véka). Žaba raglá. Gad živižga. Gril (šurk) škriple. Čebéla (čmela, bučéla) brenči (bučí). Vsaka živál (vsako zivinče) se drugaci glasi.

Большей части здѣсь употребленныхъ любопытныхъ словъ въ словаряхъ нѣтъ. Неправда ли, что и по словарю Словинскаго нарѣчія надобно еще работать прежде чѣмъ онъ станетъ удовлетворительнымъ пособіемъ при составленіи обще-Славянскаго словаря?

д) по нарѣчіямъ: Словенскому и Чешскому древнему и новому.

Великолѣпное произведеніе *І. Юнгмана* Slownik Česko-Německy (Прага 1835—1839, пять большихъ томовъ, около 5000 стр. въ 2 столбца въ 4-у.) представляетъ очень обильный запасъ словъ не только Чешскихъ и Моравскихъ, но и Словенскихъ, съ очень обширными пояснительными извлеченіями изъ писателей и произведеній народной словесности, словъ древнихъ, старинныхъ и новыхъ, простыхъ, техническихъ и книжныхъ, тутъ же и именъ собственныхъ лицъ и мѣстъ. Такого обширнаго запаса словъ нѣтъ ни для одного изъ остальныхъ Славянскихъ нарѣчій. Въ него вошло все, что стоило того, изъ всѣхъ прежде изданныхъ словарей, и очень многое, чего ни въ

одномъ изъ нихъ не было, а нѣкоторые изъ словарей были составлены людьми дѣльными и очень дѣльно, каковы на пр.

—*Ю. Палковичь*, Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch mit Beyfügung der den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke (Пресбургъ. 1821. 2 тома въ б. 8-у 3300 столб.).

—*І. Добровскій*, Deutsch-Böhmisches Wörterbuch. (Прага 1821. 2 тома въ 4-у 916 стр.).

—*А. Бернолакъ*, Slowář Slowenský Česko-Latinsko-Německo-Uhersky (Буда. 1825).

—*В. Ганка*, Sbirka nejdawnějšich slovniků. (Прага. 1833).

Составитель обще-Славянскаго словаря обратится къ Словарю Юнгмана съ довѣріемъ къ богатству и вѣрности матеріала, въ немъ собраннаго. Онъ можетъ изъ него отобрать для себя отдѣльно и слова древнія, и слова областныя, Чешскія, Моравскія, Словенскія, не говоря уже о словахъ, которыя можно признать общими во всѣхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ этой отрасли Славянъ. Это отбиранье словъ по отдѣламъ не можетъ быть однако имъ окончено съ такимъ же самодовольствомъ, съ какимъ возмется онъ за работу въ началѣ.

Отобравъ изъ Юнгманова словаря слова древнія (что и было дѣлаемо), труженикъ увидитъ, что многихъ важныхъ словъ не достаетъ, и принужденъ будетъ заключить, что или этихъ желаемыхъ и недостающихъ словъ не встрѣтилось въ памятникахъ, или же, что они по какой бы то ни было причинѣ, въ словарь Юнгмана не вошли. Онъ обратится къ памятникамъ, изданнымъ вполнѣ, къ печатнымъ извлеченіямъ изъ неизданныхъ памятниковъ, станетъ въ нихъ искать желаемыхъ словъ, и дѣйствительно найдетъ многія. Невольно явится мысль, нельзя ли найдти и еще хоть нѣкоторыя изъ желаемыхъ словъ въ памятникахъ неизданныхъ, спроситъ знатоковъ читавшихъ эти памятники, и дѣйствительно узнаетъ, что въ нихъ есть такія слова, что нѣкоторыя изъ нихъ отмѣчены даже въ изслѣдованіяхъ печатныхъ. Что же ему придется дѣлать? Составлять отдѣльно словарь древняго Чешско-Словенскаго нарѣчія, по памятникамъ, и при этомъ къ стати пользоваться тѣми новыми частными словариками и объясненіями словъ, которые предложены были

послѣ изданія Юнгманова словаря самимъ Юнгманомъ и другими Чешскими учеными.

Такую же работу придется ему взять на себя и по мѣстнымъ нарѣчіямъ Чешской земли, Моравіи, Словенской Венгріи. Обратится ли изслѣдователь къ печатнымъ сборникамъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ и пословицъ, къ печатнымъ же описаніямъ народныхъ обычаевъ и повѣрій, въ каждомъ такомъ вкладѣ въ сокровищницу народознанія найдетъ онъ то, чего нѣтъ въ словарѣ Юнгмана; захочетъ ли самъ собирать слова въ народѣ, неподалеку даже отъ Праги, услышитъ слова, дорогія для изслѣдователя и тѣмъ не менѣе невнесенныя въ словарь Юнгмана. И очень естественно: Юнгманъ составлялъ свой словарь тогда, когда на простонародный языкъ еще мало обращали вниманія, когда надобно еще было это вниманіе пробуждать и даже писателей усовѣщивать, чтобы они не пренебрегали чистымъ народнымъ складомъ, чисто-народною выразительностью рѣчи; тогда и дѣтскія сказки иные пересказывали еще языкомъ диссертацій. Юнгманъ съ Ганкою, Челяковскимъ, Лангеромъ, хлопотали объ этомъ и не всегда успѣшно. Эрбена, Сушила, Баженовой еще не было. Не было и порядочныхъ богатыхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ. Нарѣчія горныхъ и восточныхъ Словаковъ почти не были извѣстны. Теперь уже не то, хотя и теперь еще—то современныя новости и политика, то повѣсти и романы ставятъ себя на перекоръ филологическимъ стремленіямъ въ людяхъ, могущихъ всего болѣе быть полезными своему народу именно филологическими трудами.

Чтобы показать, что неголословно говорю я о неполнотѣ Юнгманова словаря, припомню о Dodatkách къ нему, изданныхъ Челяковскимъ (Прага. 1851), гдѣ сказано между прочимъ и вотъ что: Nepřečtení jsou, tím méně veskrz použiti z nejedné stránky známi mnozí starší pokladowé literatury naše, noví pak se čas od času vždy ještě objevují. A jak mnohý mimo to jadrný výraz skrývá se posud po odlehlejších krajinách jako řídká rostlina v tajném zákoutí, vycházeje na jevo toliko při jisté příležitosti a jen pozorlivému sluchu se naskýtaje.

И такъ даже и по нарѣчіямъ Чешскому и Словенскому составитель обще-Славянскаго словаря не можетъ быть покоенъ,

и долженъ работать надъ собираніемъ матеріаловъ, прежде чѣмъ возмется за окончательный сводный трудъ.

е) по нарѣчіямъ Сербскимъ-Лужицкимъ.

О древнемъ языкѣ Сербовъ-Лужичанъ печатно пока еще не было рѣчи; а между тѣмъ изслѣдовать его и должно и можно. Что должно, это само собою разумѣется, если только можно; а что можно, на это указываютъ съ одной стороны остатки средне-Лужицкаго нарѣчія, въ которомъ соединяются черты отличія двухъ остальныхъ нарѣчій, горнаго и дольняго, а съ другой стороны — остатки древняго языка, сохранившіеся въ Латинскихъ грамотахъ и лѣтописяхъ, незначительные, если взять каждый отдѣльно (выраженіе u kri volsa, записанное Титмаромъ, одно изъ самыхъ значительныхъ), и очень важные, если взять ихъ всѣ вмѣстѣ и дополнить и провѣрить одни другими. Имѣвъ возможность заняться этимъ очень мало и потому не смѣя говорить болѣе, ограничусь пожеланіемъ, чтобы кто нибудь другой разработалъ это обстоятельно.

Что касается до новыхъ Сербо-Лужицкихъ нарѣчій, изъ которыхъ два, горное и дольное, рѣзче отдѣлились одно отъ другого и вмѣстѣ съ тѣмъ получили нѣкоторое литературное значеніе, то они въ отношеніи къ ихъ словарному изученію не могутъ представить никакой особенной трудности — даже и потому что самого народа, ихъ употребляющаго, очень немного (около 150,000). По двумъ вышеозначеннымъ нарѣчіямъ есть и словари.

По нарѣчію горному, былъ уже довольно большой словарь почти за двѣсти лѣтъ передъ этимъ: это произведеніе *А. Френцеля* De originibus linguae Sorabicae liber I et II (Будишинъ, 1690, 1062 стр. въ 4-у), дань ученаго человѣка когда то модному Еврейскому направленію филологіи. За тѣмъ вышло нѣсколько другихъ, не столь замѣчательныхъ, а въ послѣднее время важный трудъ Пфуля, Горника и Смоляра Serbski Słownik, Vendisches Wörterbuch (Будишинъ. 1860 — 1865; 1130 стр. въ 8-у). Это словарь не подробный, ограничивающійся почти исключительно однимъ переводомъ словъ на Нѣмецкій, безъ поя-

сительныхъ выписокъ изъ памятниковъ народной словесности и т. п.; тѣмъ не менѣе очень обильный словами всякаго рода. Сравнивая съ рукописнымъ словаремъ Лубенскаго и съ этимологическимъ указателемъ, мною когда то составленнымъ при помощи Н. И. Смоляра, я замѣтилъ въ немъ немного пропусковъ. Пользуясь имъ, составитель обще-Славянскаго словаря, можетъ быть, останется недовольнымъ болѣе всего тѣмъ, что въ немъ не отмѣчены слова литературнаго происхожденія.

Для дольнаго Сербско-Лужицкаго нарѣчія есть пока только одинъ небольшой словарь И. Цвара: Niederlausits-Wendisch-Deutsches Handwörterbuch (Спремберrъ. 1847. въ м. 8-у). Безъ сомнѣнія хорошо, что составленъ и изданъ хоть этотъ словарь; но быть имъ довольнымъ никто не можетъ. И Нѣмецкое правописаніе (по которому слово пустить съ шепелявымъ выговоромъ мягкихъ *с* и *ш* приходится написать puschtschisch), для Нѣмецкаго языка имѣющее историческое значеніе, а для Славянскаго языка непригодное, и неудачное этимологическое расположеніе словъ, и неполнота, все заставляетъ желать, чтобы словарь этотъ былъ передѣланъ и дополненъ.

ж) по Балтійско-Славянскимъ нарѣчіямъ.

Нарѣчія тѣхъ Славянъ, которымъ Шафарикъ далъ названіе Полабскихъ = Поэльбскихъ, и которыхъ, кажется, правильнѣе назвать Балтійскими, такъ какъ они занимали преимущественно побережья Балтійскаго моря, доселѣ остаются почти совершенно неразработанными въ печатной литературѣ.

О древнемъ видѣ этихъ нарѣчій мало кто и думалъ, тогда какъ драгоцѣнные матеріялы для этого лежатъ въ Латинскихъ грамотахъ Померанскихъ, Бранденбургскихъ, Мекленбургскихъ и другихъ, гдѣ находятся во множествѣ и имена собственныя особенно мѣстъ, и отдѣльныя слова и выраженія. Какъ бы хорошо было, еслибы кто нибудь изъ ученыхъ, основательно знающихъ Славянскій языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющихъ легкій доступъ (на случай нужды) къ самымъ подлинникамъ грамотъ, занялся выборомъ и разборомъ этого матеріяла. Едва ли можно сомнѣваться, что эта работа, правда, скучноватая и невидная по

своей спеціальности, будетъ не маловажною въ общемъ дѣлѣ исторіи Славянскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ дѣлѣ составленія общаго Славянскаго словаря.

Что касается до новыхъ нарѣчій этого отдѣла, то и по Полабскому-Люнебурскому и Померанскому, сдѣлано также очень мало. Съ послѣднимъ изъ нихъ познакомилъ насъ А. Ѳ. Гильфердингъ въ своей превосходной статьѣ объ остаткахъ Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря (Этнографическій Сборникъ. V. Спб. 1862. стр. 1—191). Для изученія Полабскаго нарѣчія онъ также далъ прекрасный новый матеріялъ въ «Памятникахъ нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ», изданныхъ въ числѣ Памятниковъ и образцовъ народнаго языка и словесности (при Извѣстіяхъ Академіи, Спб. 1856. стр. 133—480) и отдѣльно (Спб. 1856). Новый трудъ д-ра Пфуля, собраніе всѣхъ старшныхъ словарей Полабскаго нарѣчія, печатаемое въ Часописѣ Сербо-Лужицкой матицы, такъ же очень важенъ. Но все это матеріялъ, которымъ для словаря надобно еще воспользоваться, и воспользоваться имъ для словаря очень нелегко, потому что надобно имѣть дѣло съ варварскимъ правописаніемъ, и даже съ незнаніемъ и съ грубыми ошибками тѣхъ, которые въ старое время записывали факты языка.

з) по нарѣчію Польскому древнему и новому.

Въ послѣдніе годы число изданныхъ памятниковъ древняго Польскаго нарѣчія, особенно трудами г. Мацѣевскаго, значительно увеличилось. Изъ нихъ можно уже выбрать значительное количество словъ. Всѣ эти памятники принадлежатъ впрочемъ тому времени, когда въ Польскомъ нарѣчіи уже образовался нынѣшній шепелявый выговоръ мягкаго *р* и мягкихъ губныхъ *д* и *т*. Есть множество данныхъ о Польскомъ нарѣчіи времени болѣе давняго, того времени, когда въ Польскомъ нарѣчіи эти признаки еще не существовали: они заключаются въ Латинскихъ грамотахъ. На нихъ печатно еще не было обращено вниманія; отъ этого еще не выходитъ что они и не стоятъ вниманія. Напротивъ того: имъ надобно дать мѣсто въ числѣ драгоцѣннѣйшихъ матеріяловъ для древняго періода исторіи

Славянскаго языка въ его мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ими нельзя не воспользоваться и въ обще-Славянскомъ словарѣ. Выбравъ этотъ матеріялъ, я смѣло могу сказать, что изъ него извлекается нѣсколько положительныхъ данныхъ объ отличіяхъ древняго Польскаго языка, какимъ онъ былъ до половины XIII вѣка, и что для словаря въ немъ есть довольно много драгоцѣнныхъ данныхъ.

Словари новаго Польскаго, и именно господствующаго въ литературѣ нарѣчія, безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ къ числу лучшихъ. Особенно почтены должны быть, не говоря о старыхъ и короткихъ, слѣдующіе:

— *С. Б. Линде*, Słownik języka Polskiego (1-е изданіе, въ Варшавѣ, 1807—1813, 6 томовъ въ 4-у, 2-е изданіе въ Львовѣ, 1854—1860, 6 томовъ въ 4-у).

— Słownik Polsko Francuzki. (Berlin: три большихъ тома въ 18-долю).

— *Н. Ждановича* и др. Słownik języka Polskiego. (1857— Вильно).

Не смотря впрочемъ на достоинство этихъ словарей, составитель обще-Славянскаго словаря не останется и ими совершенно доволенъ: слова книжнаго происхожденія въ нихъ не отличены отъ народныхъ, а народныя слова, непринятыя въ литературѣ, попались въ нихъ украдкой. Изъ памятниковъ народной словесности слова для нихъ не выбирались. Тѣмъ менѣе могли въ нихъ войдти слова мѣстныхъ говоровъ. Въ этомъ отношеніи съ признательностью можно вспомнить о словарѣ Мронговіуса; но и въ немъ дано мѣсто преимущественно словамъ Кашубскимъ. Слова же другихъ мѣстныхъ говоровъ, даже и отмѣченныя въ разныхъ этнографическихъ статьяхъ, не вошли ни въ одинъ словарь, а если и вошли, то почти всегда закрытыя общепринятымъ выговоромъ. Очевидно, что надобно ожидать словаря мѣстныхъ Польскихъ говоровъ.

и) По Русскому нарѣчію древнему и новому.

Въ древнихъ памятникахъ Русскаго письма, начиная отъ XI вѣка, находится огромное количество данныхъ о древнемъ

языкѣ Русскомъ, нѣкоторыми рѣзкими чертами отличавшемся отъ другихъ Славянскихъ нарѣчій и въ строѣ, и еще болѣе въ составѣ своемъ. Многія слова найдены пока изъ всѣхъ Кирилловскихъ памятниковъ только въ Русскихъ, или въ такихъ, которые именно по такимъ словамъ должны быть поставлены въ числѣ памятниковъ Русской редакціи. Не забудемъ при этомъ, что ни на одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій не сохранились памятники столь разнообразнаго содержанія, какъ на древнемъ Русскомъ; ни на одномъ на пр. не сохранилось ни лѣтописей и историческихъ сказаній, ни столько памятниковъ законодательныхъ и вообще юридическаго быта, ни различныхъ записей отдѣльно, при книгахъ и на вещахъ. Для словаря Русскаго языка по древнимъ памятникамъ матеріялъ выбранъ почти весь; но къ его изданію еще не приступлено; а безъ такого словаря едва ли можно приступить къ составленію обще-Славянскаго словаря.

Словарей новыхъ Русскихъ нарѣчій довольно много и въ нихъ собрано очень много матеріяла; но сказать, что этотъ матеріялъ въ нихъ критически разобранъ, нельзя, а еще менѣе можно сказать, что не опущено въ нихъ и кое что важное. Нѣкоторые же изъ словарей только начаты изданіемъ.

Изъ оконченныхъ должны быть особенно уважены:

— Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языковъ, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Импер. Академіи Наукъ (СПб. 1847, 4 тома въ 4-у).

— *Ф. Рейфа*, Этимологическій словарь Русскаго языка (СПб. 1835, въ 6. 8-у 1390 стр.).

— *Ѳ. Шимкевича*, Корнесловъ Русскаго языка (СПб. 1842, въ 8-у).

— Опытъ Областнаго Великорусскаго словаря, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ (СПб. 1852, въ 4-у). Дополненіе къ опыту Областнаго Великорусскаго словаря (СПб. 1856, въ 4-у).

Оканчивается печатаніемъ:

— *В. Даля*, Толковый словарь живаго Великорусскаго языка (М. 1861—1866 въ 6. 4-у).

Начаты изданіемъ:

— Словарь Малорусскаго нарѣчія, предпринятый подъ покровительствомъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

— Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, составленный *И. Носовичемъ* и издаваемый Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ, подъ редакціей одного изъ ея членовъ.

Огромное количество матеріяла для дополненія изданныхъ и восполненія начатыхъ словарныхъ трудовъ по Русскимъ нарѣчіямъ уже напечатано въ разныхъ повременныхъ сборникахъ, въ Матеріялахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и въ Извѣстіяхъ—2-мъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ, въ Этнографическомъ сборникѣ и другихъ изданіяхъ Географическаго общества, въ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ разныхъ частныхъ сборникахъ и журналахъ, не говоря уже о спеціальныхъ словаряхъ, технологическихъ, ботаническихъ, медицинскихъ и т. п. Одинъ списокъ книгъ и статей, гдѣ помѣщены болѣе или менѣе важные матаріялы, составилъ бы большую книгу. И все это, конечно, должно быть перебрано, критически разсмотрѣно и приведено въ порядокъ. А сколько еще неизданнаго матеріяла и въ частныхъ рукахъ, и въ архивѣ Географическаго общества! Пройдетъ вѣроятно, много много времени, пока все это въ должномъ видѣ явится въ свѣтъ. До тѣхъ же поръ не знаю, какъ бы дѣлалъ свое дѣло составитель обще-Славянскаго словаря.

III.

Пересмотръ того, что сдѣлано печатно по словарямъ Славянскихъ нарѣчій, приводитъ естественно къ заключенію, что за составленіе общаго Славянскаго словаря браться еще рано, если только имѣть въ виду не простой сборъ случайныхъ матеріяловъ, въ родѣ тѣхъ, какіе, какъ было сказано, уже были не разъ предпринимаемы и издаваемы, что сколько нибудь послѣдовательный подборъ словарныхъ данныхъ о всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, при пособіи доселѣ изданныхъ отдѣльныхъ словарей Славянскихъ нарѣчій пока еще не возможенъ.

Болѣе возможенъ такой послѣдовательный подборъ словарныхъ данныхъ о нарѣчіяхъ Тевтонскихъ или Романскихъ,

и однако еще никто не рѣшился взяться за него, а кто брался за дѣло подобное, брался съ видами на цѣль болѣе частную. Ф. Диць на пр. составилъ небольшаго размѣра Етимологическій словарь Романскихъ языковъ (Etymologisches Wörterbuch der Romanischen Sprachen, 1-е изданіе въ Боннѣ 1858. 782 стр. въ 8-у), давши въ немъ мѣсто только тремъ языкамъ: Итальянскому, Испанскому и Французскому, и пользуясь другими нарѣчіями только для объясненія этихъ трехъ, и то въ кругѣ очень необширномъ, въ кругѣ менѣе чѣмъ 4000 словъ. Для Тевтонскихъ языковъ нѣтъ и такого труда; а есть только частные, для объясненія какого нибудь одного изъ нихъ, какъ на пр. Графовъ Sprachschatz для объясненія древняго верхне-Нѣмецкаго, Дифенбаховъ Lexikon и еще болѣе важный трудъ Габеленца и Лёве для объясненія Готоскаго нарѣчія и т. д.

Не подумать ли и намъ о чемъ нибудь подобномъ? Не было ли бы на пр. полезно для сравнительнаго изученія Славянскихъ нарѣчій составить словарь чистаго Старо-Славянскаго нарѣчія, давъ въ немъ мѣсто указаніямъ и по всѣмъ тѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ древнимъ и новымъ, по которымъ можно собрать матеріялы? Или же, взявъ нѣсколько другой кругъ словъ, сопоставить въ словарѣ сравнительно только тѣ слова, которыя, по ихъ употребленію въ большей части Славянскихъ нарѣчій, можно назвать обще-Славянскими. И то и другое, при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, въ отношеніи къ матеріялу и числу нарѣчій, можетъ выполнитъ всякій, кто работалъ надъ Славянскими нарѣчіями основательно и не по однимъ печатнымъ словарямъ.

А между тѣмъ можно считать не только полезнымъ, но даже просто необходимымъ начать систематическій подборъ матеріяловъ для обще-Славянскаго словаря, т. е. предпринять такое изданіе, въ которомъ бы могли найдти себѣ мѣсто всѣ частные словари всѣхъ тѣхъ Славянскихъ мѣстныхъ нарѣчій, новыхъ и древнихъ, для которыхъ еще нѣтъ удовлетворительныхъ отдѣльныхъ словарей, и всякаго рода дополненія къ изданнымъ, находящіяся въ разныхъ частныхъ рукахъ. Въ такомъ сборникѣ матеріяловъ могло бы быть дано мѣсто и тѣмъ объясненіямъ словъ, которыя разсѣяны во множествѣ повременныхъ изданій и въ разнаго рода книгахъ, нерѣдко и въ такихъ, гдѣ,

казалось бы, и ожидать было нельзя ихъ встрѣтить, или о которыхъ по крайней мѣрѣ не всегда можно вспомнить. Одна Русская литература въ этомъ отношеніи представитъ громаду источниковъ, самыхъ разнообразныхъ. Отъ различныхъ частныхъ условій этого изданія должно зависѣть сосредоточеніе силъ, необходимыхъ для его осуществленія, и матеріяловъ, уже заготовленныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вниманіе къ нему образованнаго круга читателей. Пока вѣрнымъ считать можно только то, что для такого изданія есть множество матеріяловъ и печатныхъ, и непечатныхъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О трудахъ д-ра А. Шлейхера.

Предложивъ Отдѣленію свое мнѣніе о словарѣ Славянскихъ нарѣчій, считаю не только умѣстнымъ, но и обязательнымъ для себя сказать хоть нѣсколько словъ о доселѣ изданныхъ трудахъ д-ра А. Шлейхера, давшаго мнѣ поводъ своей статьей о Всеславянскомъ словарѣ изложить выше высказанное мнѣніе.

А. Шлейхеръ сталъ извѣстенъ въ научной Нѣмецкой литературѣ съ 1848 года послѣ того, какъ издалъ первую тетрадь своихъ лингвистическихъ изслѣдованій «Zur vergleichenden Sprachengeschichte» (Bonn. 1848), въ которой обратилъ вниманіе на значеніе и разнообразіе видоизмѣненій однихъ согласныхъ подъ вліяніемъ другихъ. Уже въ этой книжкѣ, давъ мѣсто даннымъ изъ разныхъ языковъ Индо-Европейскихъ и другихъ, Шлейхеръ представилъ свои соображенія о звукахъ Славянскаго языка (стр. 91—101), преимущественно Церковнаго и Польскаго, не такія, конечно, отъ которыхъ онъ не захотѣлъ бы никогда отказаться, но тѣмъ не менѣе любопытныя. Вторая тетрадь его изслѣдованій вышла въ 1850 г. подъ названіемъ: Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht. Это систематическій обзоръ характеристическихъ чертъ каждаго изъ языковъ Европы и, для округленія основнаго взгляда, нѣкоторыхъ не Европейскихъ. Эта книжка, какъ передающая умно, сжато и доступно главныя положенія лингвистики, была принята и у насъ, по крайней мѣрѣ немногими, съ уваженіемъ и до сихъ поръ имъ

пользуется [1]). Шлейхеръ далъ въ ней мѣсто не только характеристикѣ Славянскихъ нарѣчій (стр. 203—219), но кромѣ того, въ особомъ прибавленіи (стр. 244—265), нѣсколькимъ замѣткамъ, въ которыхъ сравнены нѣкоторыя изъ явленій строя Славянскаго языка съ равносильными явленіями нѣкоторыхъ сродныхъ съ нимъ языковъ. Книжка эта издана уже въ то время, когда Шлейхеръ изъ Бонна, гдѣ былъ приватъ-доцентомъ, переселился въ Прагу на каѳедру сравнительнаго языкознанія. Въ Прагѣ Шлейхеръ занялся съ увлеченіемъ Чешскимъ нарѣчіемъ, и въ непродолжительное время успѣлъ въ немъ такъ, что въ 1851 году могъ взяться за переводы стихами съ Санскритскаго на Чешскій. Въ Часописѣ Чешскаго музея 1851 года (кн. 1 и 2) появились его переводы двухъ эпизодовъ изъ Магабараты: «Потопъ» и «Наль и Дамаянти», обратившіе на себя вниманіе не только правильностью, но и достаточною плавностью языка. О его научныхъ знаніяхъ Пражскіе ученые (между прочимъ, и Шафарикъ) отзывались еще съ бо̀льшимъ уваженіемъ, и съ сочувствіемъ встрѣтили его книгу о строѣ Церковно-Славянскаго языка: Die Formenlehre der Kirchen-Slawischen Sprache erklärend und vergleichend (Bonn. 1852). Книга эта въ самомъ дѣлѣ была явленіемъ утѣшительнымъ: въ то время, когда и въ кругѣ Славистовъ изъ Славянъ не было и пяти такихъ, которые бы вполнѣ понимали требованія теоріи Востокова, не смѣшивая ее съ тѣмъ, что ею было отвергаемо, Шлейхеръ нашелъ въ себѣ силы вырваться изъ путаницы смѣшанныхъ взглядовъ, вокругъ него господствовавшихъ и сдѣлать услугу въ наукѣ приравненіемъ особенностей Санскрита къ древнему Славянскому языку. Книга Шлейхера и доселѣ принадлежитъ къ числу лучшихъ грамматическихъ руководствъ по древнему Славянскому языку. Къ сожалѣнію другія занятія скоро послѣ отвлекли Шлейхера отъ Славянскаго языка, отъ изслѣдованія его древняго строя по самымъ памятникамъ. Онъ занялся болѣе языкомъ Литовскимъ, особенно со времени путешествія къ Прусскимъ Литовцамъ, предпринятаго имъ при

---

[1]) Книжка эта была переведена и на французскій языкъ подъ названіемъ Les langues de l'Europe moderne. Paris 1852.

пособія Австрійскаго правительства. Въ 1853 году вышла его статья о Литовскомъ языкѣ (Lituanica: Sitzungsberichte der Kaiserl. (Wiener) Akademie der Wissenschaften. XI B.); въ 1856—1857—Handbuch der Litauischen Sprache (Grammatik, Lesebuch und Glossar, въ Прагѣ); въ 1857—Litauische Märchen, Sprichworte, Räthsel und Lieder, въ нѣмецкомъ переводѣ (въ Веймарѣ) Не оставляя и послѣ занятій Литовскимъ языкомъ, онъ обратилъ между прочимъ вниманіе на поэму Доналейтиса, стараяся подобрать все невошедшее въ ся печатное изданіе, очистить текстъ отъ ошибокъ, объяснить все темное въ ней,—и успѣлъ въ этомъ. Этотъ трудъ Шлейхера изданъ въ прошедшемъ году, подъ названіемъ: Chr. Donaleitis Litauische Dichtungen. Erste vollständige Ausgabe mit Glossar (S. P. B. 1865). Переселясь изъ Праги въ Іену по той же каөедрѣ сравнит. языкознанія, Шлейхеръ расширилъ и еще болѣе увеличилъ свою дѣятельность: ежегодно издавалъ онъ по крайней мѣрѣ по одной книгѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не только принималъ участіе въ повременныхъ изданіяхъ, но и самъ сдѣлался создателемъ одного, выходящаго съ 1859 года доселѣ подъ названіемъ: Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der Arischen, Celtischen und Slawischen Sprachen. И въ отдѣльныхъ книгахъ и въ этихъ Beiträge, и въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen, издаваемомъ д-ромъ Куномъ съ 1852 года, Шлейхеръ представлялъ постоянно плоды изслѣдованій одного рода, изслѣдованій для взаимнаго уясненія и приведенія въ повременный порядокъ особенностей строя разныхъ языковъ, преимущественно Индо-Европейскихъ. Только случайно выходилъ онъ изъ этого круга на короткое время, и то не совсѣмъ, давая мѣсто соображеніямъ этого рода и въ остальныхъ своихъ трудахъ.

Самыя важные изъ трудовъ Шлейхера этихъ послѣднихъ лѣтъ суть слѣдующіе: 1) Изслѣдованіе о различныхъ способахъ образованія слова изъ составныхъ частей: Zur morphologie der Sprache (издано въ 1859 г. въ Mémoires de l'Académie de St.-Pet. VII Série, T. I, № 7); 2) Историко-лингвистическая характеристика Нѣмецкаго языка: Die Deutsche Sprache (издана въ 1860, въ Штутгартѣ)—книга общедоступная по изло-

женію, и очень любопытная, какъ примѣненіе общаго взгляда автора на развитіе языковъ къ задачѣ о развитіи языка Нѣмецкаго; 3) Учебникъ сравнительной грамматики Индо-Европейскихъ языковъ: Compendium der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen (изданъ въ Веймарѣ, въ 2 книгахъ, въ 1861—1862)—книга лучшая въ своемъ родѣ изо всѣхъ доселѣ изданныхъ, пользующаяся у насъ въ кругѣ молодыхъ любителей языкознанія особеннымъ уваженіемъ [1]); 4) Изслѣдованіе объ отличеніи имени и глагола по ихъ звуковой формѣ: Die Unterscheidung von Namen und Verbum in der lautlichen Form (издано въ 1865 г. въ Abhandlungen der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. IV b.)—изслѣдованіе, опирающее выводы на данныхъ очень разнообразныхъ языковъ.

Въ эти же годы отдѣльными книжками вышли его небольшія сочиненія: 1) Die Darvinische Theorie und die Sprachwissenschaft, (1863) [2]), 2) Die Bedeutung der Sprache für die Naturgeschichte des Menschen (1865). Въ Jahrbücher für National-Oekonomie und Statistik (П. Гильдебранда), издав. въ Іенѣ, Шлейхеръ помѣстилъ очень любопытное историко-лингвистическое изслѣдованіе о сельскомъ хозяйствѣ у Индо-Европейскихъ народовъ въ древности: Der wirthschaftliche Culturstand des Indogermanischen Urvolkes (1863. I: 401—411). Въ Zeitschrift и въ Beiträge, о которыхъ упомянуто выше, помѣщено множество небольшихъ статей и замѣтокъ Шлейхера, между прочимъ и отчетовъ о книгахъ. Изъ этихъ статей особенно любопытенъ для насъ краткій очеркъ исторіи Славянскаго языка: Kurzer Abriss der Geschichte der Slawischen Sprache (I: 1—27), нынѣ въ передѣланномъ видѣ изданный вновь по-Русски (Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверовосточнаго отдѣла Индо-Германскихъ языковъ. Записки Импер. Академіи Наукъ. VIII, прил. № 2) [3]).

---

[1]) Ея русскій переводъ печатается въ Воронежѣ—редакціей Филологическихъ Записокъ.

[2]) Переведено и на Русскій въ Заграничномъ Вѣстникѣ.

[3]) Многія изъ замѣтокъ и любопытны и даже важны для нашихъ любителей языкознанія; не считаю по этому напраснымъ приложить полный списокъ всѣхъ статей Шлейхера, до сихъ поръ помѣщенныхъ въ Zeitschrift и въ Beiträge. См. ниже.

Не одна эта статья, а напротивъ очень многія статьи и замѣтки его въ Zeitschrift и Beiträge касаются Славянскаго языка, и почти всѣ заслуживаютъ вниманія изслѣдователей.

Если мною нечаянно и пропущено что-нибудь изъ того, что доселѣ издано д-ромъ Шлейхеромъ, то думаю такой пропускъ не можетъ умалить уваженія къ дѣятельности такого ученаго, каковъ Шлейхеръ. Нельзя не признать, что Шлейхеръ умѣлъ воспользоваться тѣмъ, что приготовлено было въ наукѣ языкознанія такими вожатаями, какъ Гумбольдтъ, и Боппъ, Гриммъ и Востоковъ и ихъ послѣдователями, умѣлъ прибавить къ сдѣланному много своего (особенно въ отношеніи къ Литовскому языку), и въ слѣдствіе этого занялъ между современными лингвистами почтное мѣсто. Отъ его силъ еще свѣжихъ можно ожидать многаго въ переди; между прочимъ можно надѣяться, что и для объясненія Славянскаго языка сравнительно съ другими сродными внесетъ онъ вкладъ, дѣйствительно полезный.

Статьи д-ра Шлейхера въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen:

I т.—Germanisch und Slawisch. 141—144.

IV т.—Ueber Einschiebungen vor den Casus-Endungen im Indogermanischen. 54—60.

— Das Futurum im Deutschen und Slawischen. 187—197.

— Litauisch und Altitalisch. 240.

— Zusammenstellung von Spracherscheinungen im Althochdeutschen, die sich nicht aus dem Gottischen herleiten lassen. 266—270.

— Wuotan Θεός. 399.

— Die Wurzel skr mâ deutsch mat. 399.

V т.—Auhns, açmantam, kamna. 400.

VI т.—Brechung vor r und h und mehrfachen Umlaut des a und â in der Nordfränkischen Mundart der Stadt Sonneberg. 224—230.

VII т.—Die a-i-Reihe im Deutschen. 221—223.

— ë als i-vocal im Althochdeutschen. 224.

— bier. 224.

— p=k im Lateinischen. 320.

VIII т.—Der Perfectstamm im Lateinischen. 399—400.

IX т.—ou=eu im Lateinischen. 372.

X т.—grûserich. 79.

— Ein Lautgesetz des Mittelhochdeutschen. 160.

XI т.—Nachtrag zu VII. 224: ë als i-vocal. 52.

— hveil. καιρός, časŭ. 318.

— πάσχω, μισγω. 319.

— s-âm-s, Suffix des Genitiv. 319.

XII т. Hayne Kurze Laut- und Flexionslehre der Altgerm. Sprachstämme. 151—155.

— Oskisch deivaum, Lettisch deevatees. 399.

XIV т.—Spirans für Media im Auslaute. 400.

Статьи въ Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der Arischen, Celtischen und Slawischen Sprachen:

I т.—Kurzer Abriss der Geschichte der Slawischen Sprache. 1—27.

— tè (d i. tai) als Endung des Infinitivs im Litauischen. 27—30.

— Umschreibung des cyrill. Alphabets. 30—32.

— Das Pronomen Lit. szi, Slaw. sĭ = Goth. hi. Grundform ki. 28.

— Ein Zischlaut vor und nach gutturalem Wurzelauslaute im Litauischen. 49.

— Bopp über die Sprache der alten Preussen. 107—116.

— Miklosich Formenlehre der Altslowenischen Sprache. 116—124.

— Mikuzky Otčety. 233—245.

— Hattala Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského. 245—255.

— Juškewič. Zapiska o knigě A. Šlejchera. 263—265.

— Gilŭferdingŭ o srodstvě jazyka slavjanskago. 265—266.

— Ist das Altkirchenslavische Slovenisch. 319—327.

— Miklosich Kopitars kleinere Schriften. 376.

— Šumavski Wörterbuch der slav. Sprache. 377.

— Miklosich und Fiedler. Slavische Bibliothek. 378.

— Miklosich neueste Arbeiten. 380.

— Smith de locis quibusdam grammaticae linguarum balticarum. 385—496.

— žmŭ. 396.

— Das Auslautsgesetz des Altkirchenslavischen. 401—426. 508.

— Die Stellung des Celtischen. 436.

— Hornay Ursprung der Sprachen. 406.

— Verba passiva und causalia. 498—499.

— Zwei, zweifel. 499.

— Zur Litauischen Grammatik. 499—500.

— Verba perfecta und imperfecta. 500—502.

— Einverleibende Verbalformen. 502—503.

— Das Participium praesentis und futuri activi im Irischen. 503.

— Pers. pronomina. 504.

— Ersatz des Inf. pass. durch den Inf. act. 505.

II. т.—Разборъ книгъ Ф. К. Мейера, Шпигеля, Миклошича, Гильфердинга, Билєнштейна. 113—126.

— vo,-va-ursp.-sja, als Endung des gen. sing. 127—128.

— Разборъ книгъ Р. Раумера, Либиха, W. S., Даничича 242—256.

— Bhaga. 359—360.

— Разборъ книгъ Биленштеина, Р. Раумера, Буслаева, А. А. Е. Шлейермахера и Л. Дифенбаха. 360—377.

III т.—Die Genusbezeichnung im Indogermanischen 92—97.

— О книгѣ Г. К. Габеленца. 126—127.

— О кн. Миклошича. 245—248.

— bhujâmi. 248.

— Das Ansichsein in der Sprache. 282—289.

— О кн. Миклошича и Аблеса. 378—384.

IV т.—Wurzeln auf a im Indogerm. 92—99.

— новыя книги. 122.

— ѣ ĕ. 122.

— Das Litauische in Curtius Griech. Etymologie. 124.

— Zu bd. I. 501. 126—127.

— Sprachwissenschaft, Glottik. 127—128.
— Giltinė. 129.
— Semitisch und Indogermanisch. 236--244.
— О книгахъ Габеленца и Даничича. 245—247.
— Zur Morphologie der Sprachen. 256—257.
— Sprachliche Curiosa. 391—393.
— Die beiden Instrumentale des Indogermanischen. 454—459.
— Zur Morphologie der Sprachen. 460—463.
— Einige Beobachtungen an Kindern. 497.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
читанныхъ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ I, № 3.

СНОШЕНІЯ П. И. РЫЧКОВА
съ
АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

СТАТЬЯ
АКАДЕМИКА П. П. ПЕКАРСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1866.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 30-го іюня 1866 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

13-го августа 1759 года, академикъ Миллеръ, бывшій въ то время конференцъ-секретаремъ нашей Академіи, писалъ къ помѣщику Оренбургской губерніи: «Вы получите дипломъ на принятіе васъ въ члены-корреспонденты. Это служитъ доказательствомъ, какъ умѣетъ цѣнить Академія, съ одной стороны, ваши заслуги и то, что̀ уже сдѣлано вами для споспѣшествованія наукамъ, а съ другой стороны, какъ желаетъ она на будущее время пользоваться вашимъ усердіемъ и ревностью. Вы еще первый въ Россіи достигаете такой чести и получаете званіе это не искательствами, не происками своихъ друзей — лично вы не извѣстны никому въ Академіи. Васъ знаютъ только по вашимъ сочиненіямъ и усердію, выказываемому вами въ поспѣшествованіи наукамъ и общему благу, и, наконецъ, по вашей теперешней перепискѣ со мною, въ особенности полезной Академіи. Эти обстоятельства придаютъ диплому истинную его цѣну. Нынѣ отъ васъ зависитъ, чтобы надежда, возлагаемая на васъ Академіею, возрасла еще болѣе. Если же она чѣмъ-либо другимъ въ состояніи оказать вамъ угодное, то какъ его сіятельство г. президентъ (графъ Кир. Гр. Разумовскій), такъ и все наше общество, равно какъ и членъ его въ отдѣльности, исполнятъ это съ удовольствіемъ»...

Письмо это было писано къ Петру Ивановичу Рычкову. Предки его занимались торговыми промыслами въ Вологдѣ. Отецъ его, также купецъ, вслѣдствіе разныхъ неудачъ по подрядамъ съ казною, покинулъ этотъ городъ и въ 1720 году переѣхалъ въ Москву. При частыхъ сношеніяхъ своихъ съ голландцами, онъ

полюбилъ ихъ и желалъ, чтобы сынъ его Петръ (род. въ 1712 году) учился голландскому языку и правиламъ иностранной торговли. Поэтому молодой Рычковъ отданъ былъ на воспитаніе къ извѣстному въ петровскія времена директору полотняной фабрики, иноземцу Ивану Тамезу, и у него ознакомился съ иностранными языками, а также пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія по торговой части. Съ 1730 года Петръ Рычковъ жилъ подъ Петербургомъ, занимая частное мѣсто на заводахъ одного англичанина, а въ 1734 году, двадцати-двухъ лѣтъ отъ роду, отправился на службу въ отдаленный край, извѣстный подъ названіемъ оренбургскаго. Собственно его взяли туда, какъ рѣдкаго въ тѣ времена знатока иностранной бухгалтеріи; но вскорѣ Рычковъ сталъ завѣдывать всею перепискою главныхъ начальниковъ, которымъ поручено было устройство и успокоеніе края, взволнованнаго въ тѣ времена частыми возмущеніями инородцевъ. Здѣсь Рычковъ и провелъ всю остальную свою жизнь, то чиновникомъ на службѣ въ Оренбургѣ, то помѣщикомъ въ своемъ селѣ Спасскомъ, изрѣдка оставляя новую свою родину для дѣловыхъ поѣздокъ въ Москву и Петербургъ.

Если знать только эти обстоятельства изъ жизни Рычкова, то можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ при обстановкѣ, въ которой провелъ онъ всю свою жизнь, и при напряженной дѣятельности, которая выпала на его долю въ краѣ, гдѣ приходилось только-что водворять русское господство, какимъ образомъ онъ успѣлъ заявить себя на совершенно чуждомъ его обычнымъ занятіямъ поприщѣ, и притомъ заявить такъ успѣшно, что Миллеръ, этотъ извѣстный трудолюбецъ, отдавшійся весь ученымъ работамъ и бывшій чрезвычайно требовательнымъ въ отношеніи другихъ, высказался, какъ видѣли выше, съ такою похвалою о заслугахъ Рычкова Академіи?

Въ наше время нерѣдко можно слышать рѣзкія выходки противъ преобразованія, произведеннаго въ Россіи великимъ человѣкомъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Дѣйствительно, въ матеріалахъ для изображенія темныхъ сторонъ, на которыя, часто безъ

всякой повѣрки, смотрятъ какъ на послѣдствія этого преобразованія, недостатка нѣтъ; но притомъ было бы несправедливо проходить молчаніемъ, или вовсе отрицать тѣ замѣтные успѣхи, которые въ исторіи русскаго просвѣщенія были прямымъ послѣдствіемъ петровской реформы. Такъ на-примѣръ, въ русскомъ обществѣ XVIII столѣтія начинаютъ встрѣчаться люди, которые, не будучи учеными по обязанности, лишенные въ юности средствъ къ пріобрѣтенію основательныхъ знаній и почти всегда окруженные самыми неблагопріятными для духовнаго развитія обстоятельствами, являлись однако горячими и ревностными поборниками просвѣщенія и распространенія знаній. Иногда они сами пробовали браться за обработку той или другой части науки и — должно сознаться — часто безуспѣшно, потому что въ такихъ случаяхъ уже недостаточно одной доброй воли, одной любви къ предмету, а потребны научные пріемы, обширныя знанія; но не этого рода дѣятельностію слѣдуетъ оцѣнивать заслуги подобныхъ людей. У нихъ есть другія, несомнѣнныя права на признательность потомства — это безкорыстная любовь къ просвѣщенію и готовность содѣйствовать успѣхамъ его всѣми зависящими отъ нихъ способами. Если вспомнить, какъ невысокъ былъ уровень духовнаго развитія въ большинствѣ русскаго общества XVIII столѣтія, и какъ болѣе чѣмъ равнодушно относилось оно ко всему, что касалось науки, то конечно нельзя не принять, что люди, выказывавшіе иныя воззрѣнія, дѣйствовавшіе наперекоръ укоренившимся обычаямъ, должны были обладать даже самоотверженіемъ и вообще значительною твердостью убѣжденія. Правда, что такіе люди составляли у насъ значительное меньшинство; но это меньшинство, что̀ очень знаменательно, не переводилось со временъ Петра Великаго, такъ что едва угасалъ одинъ представитель, его мѣсто занималъ тотчасъ другой.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, Татищевъ первый изъ русскихъ обратилъ серьезное вниманіе на изученіе источниковъ русской исторіи; Кириловъ первый издалъ географическій атласъ Россіи; Соймоновъ первый собралъ обстоятельные мате-

ріалы для описанія Каспійскаго моря и горячо содѣйствовалъ странствіямъ промышленныхъ людей по маловѣдомымъ землямъ Восточнаго океана; наконецъ, Рычковъ оставилъ достовѣрныя извѣстія для исторіи и географіи почти неизвѣстнаго до него края. Вотъ лица, которыя безспорно должны остаться памятными въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ типы истинно образованныхъ русскихъ людей въ первый періодъ послѣ петровскаго преобразованія. Но гдѣ искать о нихъ извѣстій? Бумаги одного сгорѣли, другаго и третьяго невѣдомо гдѣ; четвертаго — какъ слышно, пошли на обклейку покоевъ. Тщетно изслѣдователь сталъ бы обращаться къ частнымъ лицамъ съ просьбами о доставленіи свѣдѣній о подобныхъ людяхъ: на всѣ вопросы почти заранѣе можно ожидать отрицательные и уклончивые отвѣты, потому что — надобно сознаться — у насъ вообще мало дорожатъ остатками прошлаго и обращаются съ ними съ удивительною небрежностью. Къ счастію для историка нынѣ открывается, что всѣ названныя сейчасъ лица были въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Академіею Наукъ и съ разными членами ея. Любовь къ знаніямъ связывала этихъ людей съ ученымъ учрежденіемъ, и въ перепискѣ съ нимъ они являются тѣми безкорыстными поборниками науки, о которыхъ было говорено выше. Такимъ образомъ, наша Академія можетъ по справедливости гордиться, что въ ея архивахъ уцѣлѣли памятники связей ея съ лучшими представителями русскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ матеріалы, можно безъ преувеличенія сказать, единственные въ своемъ родѣ для будущей исторіи русскаго просвѣщенія.

Очеркъ дѣятельности П. И. Рычкова я изложу почти исключительно по однѣмъ бумагамъ академическаго архива.

Рычковъ взятъ былъ въ такъ-называемую Оренбургскую коммиссію Кириловымъ. Послѣдній, по свидѣтельству самого Рычкова, «имѣлъ его всегда и во всѣхъ походахъ безотлучно при себѣ и подлинно содержалъ въ отличной милости». По смерти Кирилова, оренбургскими дѣлами управлялъ Василій Никитичъ Татищевъ. Его Рычковъ называлъ не иначе, какъ своимъ «от-

цомъ, милостивцомъ и благодѣтелемъ». Татищевъ устроилъ въ Самарѣ татарско-калмыцкую школу, и о ней, по отбытіи его въ Астрахань, сталъ заботиться Рычковъ. Изъ писемъ его въ 1741 году видно, что въ то время онъ уже занимался, по порученію и указаніямъ Татищева, переводами съ нѣмецкаго и хлопоталъ о составленіи татарско-калмыцкаго лексикона. «И хотя меня, писалъ онъ между прочимъ 28-го марта 1741 года, въ затѣяхъ моихъ многіе предосуждаютъ, вѣдаючи кромѣ того многія мои несвободности, но доброму намѣренію Богъ помогаетъ!»

Татищевъ долгомъ считалъ подобныя письма Рычкова сообщать Академіи, а впослѣдствіи, именно 30-го мая 1750 года, даже просилъ о избраніи его въ почетные члены ея. Шумахеръ ссылался, что объ избраніи Рычкова слѣдуетъ просить Теплова, товарища его по академической канцеляріи; на самомъ же дѣлѣ желаніе Татищева не было исполнено едва ли не потому, что изъ доставленныхъ въ Академію писемъ и извѣстій Рычкова видна была только охота его къ историческимъ и географическимъ занятіямъ, но не болѣе. Нудача перваго домогательства Татищева не охладила однако Рычкова отъ дальнѣйшихъ работъ, и въ 1755 году имъ была окончена первая часть замѣчательнѣйшаго изъ его трудовъ, «Оренбургская Топографія».

Въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ Петербургъ, Рычковъ познакомился съ Ломоносовымъ, а потому къ нему послалъ свое сочиненіе (2-го февраля 1755 г.), и впослѣдствіи разсказывалъ о томъ: «Михайло Васильевичъ Ломоносовъ, получа первую часть моей «Топографіи», письмомъ своимъ весьма ее расхвалилъ; далъ мнѣ знать, что она отъ всего академическаго собранія апробована; писалъ, что пріятели и непріятели (употребляю точныя его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырѣзать на мѣди»...

Изданіе при Академіи Наукъ перваго русскаго учено-литературнаго журнала, подъ названіемъ «Ежемѣсячныя Сочиненія», и помѣщеніе въ немъ «Писемъ о коммерціи» Рычкова были поводомъ къ сношеніямъ, перешедшимъ скоро въ короткую пріязнь

съ академикомъ Миллеромъ. Послѣдній употреблялъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобы заохотить своего корреспондента къ дальнѣйшимъ работамъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ отзывался о немъ съ похвалами. Такъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» на 1757 годъ (мартъ), въ статьѣ «Предложеніе, какъ исправить погрѣшности, находящіяся въ иностранныхъ писателяхъ, писавшихъ о россійскомъ государствѣ», исторіографъ прямо высказывалъ, что для русскихъ настало уже время, когда имъ самимъ слѣдуетъ опровергнуть все ложное и невѣрное, написанное о Россіи иноземцами или вслѣдствіе незнанія ими исторіи и языка ея, или же по личному предубѣжденію; что теперь необходимо приступить къ составленію, хотя бы краткихъ, географіи и исторіи Россіи, и что въ составленіи подобнаго сочиненія не представится большихъ затрудненій, когда «во всякой губерніи будетъ человѣкъ, искусствомъ и прилежаніемъ подобный г. совѣтнику Рычкову въ Оренбургской губерніи»...

Одобреніе Миллера снова возбудило надежду въ Рычковѣ на избраніе его въ члены-корреспонденты Академіи. Званіе это для самолюбія Рычкова, вращавшагося въ отдаленномъ провинціальномъ обществѣ, не могло быть особенно заманчивымъ; но у него были въ этомъ случаѣ иные виды. «Хотя я, писалъ онъ къ Миллеру 25-го декабря 1757 года, сначала бытности моей въ Оренбургской губерніи, по охотѣ моей, старался и всегда стараюсь, дабы чрезъ посылаемыхъ въ тѣ мѣста, гдѣ что либо курьёзное есть, достовѣрно развѣдывать, а иногда и описывать... (однако) критика и негодованіе, которымъ новыя дѣла часто подвержены бываютъ и у насъ, въ тѣхъ моихъ стараніяхъ нерѣдко самые лучшіе случаи изъ рукъ отъ меня отнимаютъ, ибо почитается то иногда за ненадобное, а иногда къ должности моей непринадлежащее. И такъ я... осмѣлился нынѣ на ваше разсужденіе... сообщить: ежели бы возможно и непротивно было... по силѣ регламента Императорской Академіи Наукъ причислить меня за то въ титулярные ея члены для исторіи и объ ономъ въ оренбургскую канцелярію дать знать, то тѣмъ не только бъ дались мнѣ лучшіе

и удобнѣйшіе способы все то свободно и охотно исполнять, что въ нашей сторонѣ Академія признаетъ на меня опредѣлить, но и отъ всякаго нареканія и негодованія совершенно бъ уже свободенъ я былъ...»

Миллеръ, обѣщая (30-го мая 1758 г.) хлопотать объ этомъ, присовокуплялъ: «его сіятельство г. президентъ обѣщалъ, но примѣра еще такого нѣтъ и не безъ охотниковъ, которые того желаютъ. И больше кажется, что надлежитъ прежде почтить симъ званіемъ нѣкоторыхъ изъ первѣйшихъ господъ здѣшнихъ»...

Желаніе Рычкова осуществилось въ 1759 году: онъ избранъ былъ, какъ мы видѣли вначалѣ, въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ. Со времени вступленія его въ переписку съ Миллеромъ, Рычковъ, кромѣ капитальнаго своего труда «Оренбургской Топографіи», доставилъ въ Академію: «Исторію Оренбургскаго края», «Опытъ Казанской исторіи», «О земледѣліи въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ», «Описаніе замѣчательнѣйшей пещеры въ Башкиріи», «О титулѣ бѣлаго Царя», и нѣсколько переводовъ съ нѣмецкаго языка. Всѣ эти сочиненія и статьи были изданы въ свѣтъ на счетъ Академіи Наукъ [1]). Сверхъ того, письма Рычкова къ Миллеру наполнены множествомъ мелкихъ объясненій и разныхъ описаній, иногда нелишенныхъ значенія и для нашего времени. Такъ на-примѣръ, тамъ находимъ замѣчанія о словахъ: казакъ, баранта, черная Россія; извѣстія: объ экспедиціи князя Бековича Черкасскаго при Петрѣ Великомъ, о такъ-называемой золотой уфимской книгѣ, о сѣрномъ заводѣ близъ Самары, и наконецъ даже цѣлыя статьи, въ родѣ

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что съ перваго года основанія Вольнаго Экономическаго Общества, т. е. съ 1765 г., Рычковъ былъ членомъ его и постоянно доставлялъ для «Трудовъ» этого Общества разныя статьи своего сочиненія. Главный основатель его, совѣтникъ академической канцеляріи Таубертъ признавался, что Рычковъ есть одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ въ помянутомъ журналѣ. Общество нѣсколько разъ награждало его труды и открытія медалями, а однажды присудило золотую медаль женѣ Рычкова, Еленѣ Денисьевнѣ. Съ 1773 года онъ состоялъ также членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ университетѣ, которое издало въ 1774 году его «Введеніе въ Астраханскую Топографію».

«Мнѣніе о распространеніи оренбургской коммерціи въ дальнѣйшія азіятскія страны и о средствахъ къ тому надлежащихъ» и т. п.

Независимо отъ доставленія историческихъ и географическихъ извѣстій, а также частыхъ посылокъ образчиковъ рудъ, разныхъ окаменѣлостей и пр., Рычковъ оказывалъ услуги Академіи по части естествовѣдѣнія. Своимъ описаніемъ выхухоли (mus aquaticus, myogale moscovitica) онъ далъ возможность пополнить и исправить неточности и невѣрности прежнихъ ученыхъ въ описаніи этого животнаго, о чемъ подробно указано въ Novi commentarii Academiae Petropolitanae, т. IV, стр. 46—49. Первые экземпляры выхухоли Академія получила отъ Рычкова (при письмѣ отъ 6-го мая 1759 г.), также какъ и гнѣзда птички ремеза parus pendulinus (1-го іюля 1759 г.); причемъ сдѣлано обстоятельное описаніе ихъ и не забыто народное повѣрье, что отъ окуриванія этими гнѣздами бываютъ здоровы дѣти. 2-го іюня 1759 года онъ доставилъ въ Академію нѣсколько экземпляровъ такъназываемаго бѣлужьяго камня, извѣстнаго тогда только по разсказамъ. Указавъ на несправедливость слуховъ, что будто его находятъ въ головѣ бѣлуги, Рычковъ замѣтилъ, что въ народѣ этому камню приписываютъ лечебныя свойства и даютъ женщинамъ при трудныхъ родахъ. Будучи въ имѣніи своемъ, Рычковъ обратилъ вниманіе на рѣдкую въ остальной Европѣ птичку — водяного воробья (sturnus cinclus, cinclus aquaticus). При отсылкѣ въ Академію экземпляровъ его, онъ описалъ свои наблюденія надъ нимъ, съ дополненіемъ, что народъ вѣритъ, что жиръ водянаго воробья предохраняетъ тѣло отъ стужи. По предложеннымъ изъ Академіи вопросамъ, Рычковъ послалъ туда подробности о добываніи рыбьяго клея на Яикѣ (Уралѣ). 29-го іюня 1763 года онъ сообщилъ Академіи чрезъ Миллера, что въ Оренбургской губерніи сбираютъ червецъ (coccus Polonicus) съ клубничныхъ стеблей и красятъ имъ ткани въ яркій алый цвѣтъ. Миллеръ, получивъ образчики, отвѣчалъ: «открытіе такого неизвѣстнаго предмета въ натуральной исторіи, какъ кошенили въ Оренбургской губерніи, заслуживаетъ величайшей признательности»... По

желанію Академіи, Рычковымъ сообщено туда (1-го сентября 1767 года) описаніе землянаго зайца (mys jaculus), который потомъ уже сталъ извѣстенъ изъ сочиненія Палласа Novae species quadrupedum e glirium ordine, стр. 284 и т. д.

Съ 1761 года Рычковъ, оставивъ службу, переѣхалъ въ свое село Спасское, гдѣ весь отдался сельскому хозяйству, не оставляя однако своихъ сношеній съ Академіею. Въ началѣ 1767 года онъ ѣздилъ въ Москву и здѣсь, по стараніямъ своего друга Миллера и президента Академіи, графа Разумовскаго, былъ представленъ императрицѣ Екатеринѣ II. Рычковъ при этомъ случаѣ не могъ не поддаться тому обаятельному впечатлѣнію, которое, по отзывамъ всѣхъ, видѣвшихъ эту государыню, умѣла она производить на окружавшихъ ее. «12-го числа марта, имѣлъ я», записалъ Рычковъ въ своей автобіографіи, «счастіе предстать ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей моей монархинѣ, и удостоился изъ устъ ея величества услышать слѣдующія слова: «я извѣстна, что вы довольно трудитесь въ пользу отечества, за что̀ вамъ благодарна». Послѣ того, поднесъ я ея величеству сочиненія моего печатную книжку, подъ именемъ «Опытъ Казанской исторіи», съ пріобщенною къ ней на высочайшее ея императорскаго величества дедикаціею, которую сама принявъ изъ рукъ моихъ, изволила еще болѣе благодарить и болѣе часа въ парадной своей опочивальнѣ разговаривала со мной, распрашивая меня о городѣ Оренбургѣ, о ситуаціи тамошнихъ мѣстъ, о хлѣбопашествѣ и о коммерціи тамошней такъ снисходительно и милостиво, что сей день наилучшимъ и счастливѣйшимъ въ жизни моей почитать надлежитъ...»

Въ 1770 году, Рычковъ, снова вступивъ на службу главнымъ правителемъ оренбургскихъ соляныхъ дѣлъ, увѣдомлялъ о томъ Миллера (3-го декабря 1769 г.), такимъ образомъ: «я, сдѣлавъ установъ моей коммиссіи, не премину трудиться, по привычкѣ моей, въ дѣлахъ до наукъ принадлежащихъ»... Не прошло и года послѣ того, какъ въ сосѣдствѣ съ Оренбургомъ случилось событіе, которое можно считать прологомъ въ кровавой драмѣ,

разыгравшейся потомъ въ Оренбургской и смежныхъ съ ней губерніяхъ и извѣстной подъ именемъ Пугачевщины: это — удаленіе изъ русскихъ предѣловъ около 170 тысячъ калмыковъ, которые до того времени кочевали въ низовьяхъ Волги. Любознательнаго Рычкова въ высшей степени интересовало это событіе; но тогдашній оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ, зная его наклонности къ писательству, тщательно скрывалъ отъ него весь ходъ дѣла и всѣ распоряженія, касательно возвращенія удалившихся калмыковъ. Это огорчало Рычкова, и онъ высказывался о томъ въ письмахъ къ Миллеру, который между тѣмъ настоятельно требовалъ отъ своего пріятеля письменныхъ извѣстій о событіи. Въ войскахъ, посланныхъ въ погоню за калмыками, служили двое сыновей Рычкова; сверхъ того, онъ распрашивалъ о подробностяхъ у пріѣзжихъ изъ Яицкаго-городка, Астрахани и другихъ мѣстъ. Изъ разсказовъ, собранныхъ этими путями, Рычковъ успѣлъ составить краткое извѣстіе о бѣгствѣ калмыковъ, которое стараніями Миллера, дошло до рукъ Императрицы. Узнавъ о томъ, Рейнсдорпъ разсердился и, 19-го января 1772 года, въ письмѣ къ Миллеру выразилъ удивленіе, какимъ образомъ Рычковъ могъ браться за описаніе такого извѣстія, когда офиціальная переписка заключается о немъ въ пятидесяти томахъ и производится вся съ надписью: «по секрету». Рейнсдорпъ объяснялъ себѣ появленіе сочиненія Рычкова ни чѣмъ инымъ, какъ его неограниченнымъ тщеславіемъ и самонадѣянностію, называлъ его неблагодарнымъ и тартюфомъ, но въ концѣ не могъ не замѣтить: «впрочемъ, я отдаю всю справедливость его, хотя и не воздѣланному — уму». Изъ писемъ Рычкова видно, что губернаторъ не ограничился одними письменными жалобами, но при случаѣ старался дѣлать ему разныя непріятности по службѣ, что ему, какъ начальнику края, не было особенно затруднительно.

Съ 1772 года начались волненія между яицкими казаками, а въ іюлѣ 1773 г. около Оренбурга появился Пугачевъ. Рычковъ, уже наученный опытомъ, не рѣшался писать къ Миллеру прямо о самозванцѣ, и 3-го сентября ограничился неопредѣленною фра-

зой: «здѣсь ничего достойнаго нѣтъ. Мы никогда еще въ такомъ безпокойствѣ не находились, какъ нынѣ, а въ чемъ оно состоитъ увѣдомлю васъ впредь»... Безпокойство, какъ извѣстно, все расло болѣе и болѣе, но чтобы скрыть его, Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру 19-го того же сентября, наивно хитрилъ: «здѣсь у насъ нѣтъ ничего новаго, да и что можетъ быть въ такой отдаленности достойное къ вашему увѣдомленію?»... Послѣ этого письма прерывается переписка Рычкова; до апрѣля слѣдующаго 1774 года онъ успѣлъ переслать къ Миллеру только два письма, тогда какъ прежде писалъ къ нему едва не съ каждой почтой. Извѣстно, что въ этотъ промежутокъ времени Оренбургъ находился въ осадѣ отъ мятежниковъ и терпѣлъ всѣ мозможныя лишенія отъ недостатка вообще предметовъ первой необходимости. Но едва осада кончилась, Рычковъ спѣшилъ извѣстить Миллера (въ апрѣлѣ 1774 г.): «Бѣдственное наше состояніе, сначала октября понынѣ продолжавшееся, не допущало меня къ пріятнѣйшей съ вами перепискѣ... Теперь избавились мы отъ злодѣевъ Божескимъ и монаршескимъ защищеніемъ... Во время осады, когда нечего было дѣлать, описалъ я астраханскій бунтъ Стеньки Разина и его сообщниковъ. Сіе извѣстіе прилично къ астраханской исторіи...» Нужно ли прибавлять, какъ высказывается Рычковъ весь въ этихъ строкахъ, писанныхъ нѣсколько дней спустя по снятіи осады, въ продолженіе которой часто многіе изъ жителей Оренбурга считали наступающій день послѣднимъ въ своей жизни? Въ маѣ того же года, онъ уже начинаетъ собирать матеріалы для описанія пугачевщины, а въ сентябрѣ пересылаетъ свой трудъ по частямъ къ Миллеру. Въ первый разъ онъ напечатанъ вполнѣ Пушкинымъ, въ его «Исторіи Пугачевскаго бунта».

Во время мятежа имѣнія Рычкова подверглись раззореніямъ, имущество его было разграблено, а незадолго до окончательнаго усмиренія бунта ему пришлось испытать еще большее несчастіе, которое описано имъ въ собственноручномъ письмѣ къ Миллеру 18-го сентября 1774 года: «Теперь снова посѣщенъ я печалью, но таковой, которой для меня больше быть не можетъ: сынъ мой,

старшій, тотъ, который былъ полковникомъ и симбирскимъ комендантомъ, деташированъ былъ съ малою командою на скопившихся около Симбирска злодѣевъ. Онъ трафилъ на многочисленную толпу злодѣевъ. Онъ тутъ скончался, убитъ оными злодѣями. Сдѣлайте въ такомъ случаѣ отраду и утѣшеніе вашему другу. Кончина его тѣмъ хороша, что онъ жизнь свою положилъ за отечество».

Между тѣмъ, для усмиренія взволнованныхъ Пугачевымъ губерній, былъ посланъ Императрицею графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. По рекомендаціи Миллера и Петра Дмитріевича Еропкина, онъ обратилъ особенное вниманіе на Рычкова, вызвалъ его къ себѣ въ Симбирскъ (въ сентябрѣ 1774 года) и поручилъ ему составленіе историческихъ извѣстій о башкирахъ и киргизахъ, о ихъ отношеніяхъ къ русскому правительству, торговлѣ, податяхъ и проч. Сверхъ того, на Рычкова возложено было присутствованіе, вмѣстѣ съ нелюбившимъ его губернаторомъ Рейнсдорномъ и къ крайней досадѣ послѣдняго, по всѣмъ пограничнымъ дѣламъ, а также касавшимся инородцевъ оренбургскаго края. Правительство было довольно трудами Рычкова, такъ-что кромѣ двухъ тысячъ рублей, данныхъ графомъ Панинымъ, въ 1777 г. императрица пожаловала ему значительную въ тѣ времена сумму 15 тысячъ рублей. Замѣчательно, что этотъ неутомимый человѣкъ, посреди множества занятій, и притомъ страдая уже отъ тяжкой болѣзни, не измѣнилъ своей страсти къ изслѣдованіямъ и разысканіямъ: едва только получилъ онъ вліяніе на всѣ дѣла по губерніи, какъ задумалъ составить географическій лексиконъ мѣстностей оренбургскаго края, для чего и разосланы были отъ него требованія во всѣ подлежащія присутственныя мѣста. «Сіе зачалъ я — писалъ онъ къ Миллеру 4-го февраля 1776 г. — по согласію съ Иваномъ Андреевичемъ, г. губернаторомъ; но есть уже здѣсь безпокойныя головы, которыя почитаютъ сіе за ненадобное дѣло, служащее къ отягощенію люда. И хотя я отъ такихъ безпутныхъ толковъ не имѣю опасенія, но чтобъ вправду не произошло отъ того помѣшательства, покорно прошу васъ отпи-

сать къ его превосходительству отъ себя, чтобъ и онъ въ томъ мнѣ способствовалъ съ своей стороны и не допущалъ бы безпокоить меня отъ такой негодной и вредной критики. Слышу, что здѣшній прокуроръ принимаетъ въ ней участіе, слушая приказныхъ служителей, самыхъ подлыхъ душей (sic)! Вотъ каковы здѣшнія обстоятельства и какъ помогаютъ полезнымъ дѣламъ!...»

Въ мартѣ 1777 г., Рычковъ получилъ новое назначеніе: ему было ввѣрено главное начальство надъ горными заводами въ Екатеринбургѣ, куда онъ прибылъ въ концѣ іюля, совершенно разстроенный въ здоровьи.

Двадцатилѣтняя переписка Рычкова съ Миллеромъ прерывается письмомъ жены, Елены Денисьевны Рычковой, отъ 11 ноября 1777 года: «Милостивый государь Ѳедоръ Ивановичъ. Пріятное письмо ваше къ любезному вашему другу, Петру Ивановичу, не застало его вживѣ, ибо по произволенію Божію, къ несносному моему мученію, скончался онъ октября 15-го дня, и я осталась теперь со всѣми своими дѣтьми въ наигорестнѣйшемъ состояніи. Надѣюсь, что и вы, такъ какъ бывшій другъ покойному моему Петру Ивановичу, примите соучастіе въ моемъ несчастіи...»

Рычковъ не забудется въ исторіи русской литературы, какъ писатель, оставившій достовѣрныя и разнообразныя свѣдѣнія о малоизвѣстномъ въ его времена краѣ и о событіяхъ, которыя тамъ совершались на его глазахъ. Въ исторіи просвѣщенія Россіи XVIII столѣтія онъ является представителемъ лучшихъ людей современнаго ему общества. Для нашей Академіи имя Рычкова въ особенности дорого по его безкорыстному служенію наукѣ и по его тѣснымъ и дружескимъ отношеніямъ къ большей части современныхъ знаменитостей ученаго общества. Рычковъ почиталъ Миллера не только авторитетомъ въ дѣлѣ науки, но и первѣйшимъ своимъ доброжелателемъ и другомъ. Хотя его письма къ исторіографу, согласно требованіямъ стариннаго этикета, всегда сопровождались церемоннымъ титулованіемъ въ родѣ: «высокородный и высокопочтенный господинъ коллежскій совѣтникъ,

милостивый государь мой!», однако въ этихъ письмахъ, нерѣдко оканчивавшихся словами: «прости мой дражайшій другъ», постоянно проглядывала теплая привязанность... «повѣрьте, милостивый государь мой и другъ, что я» — писалъ на-примѣръ, Рычковъ 8-го октября 1766 г. — «ваше здоровье и вашу ко мнѣ милость и дружбу почитаю неоцѣненною...» Подъ старость, онъ такъ привыкъ къ частому обмѣну мыслей съ Миллеромъ посредствомъ переписки, что тому достаточно было пропустить нѣсколько почтъ, и Рычковъ начиналъ безпокоиться. Во время пребыванія въ деревнѣ, онъ писалъ къ исторіографу 7-го сентября 1767 г.: «утѣшеніе мое наиболѣе состоитъ въ полученіи и въ отвѣтствованіи вашихъ дружескихъ писемъ...» Пріятельскія отношенія Рычкова къ Миллеру препятствовали первому сойтись съ знаменитымъ антагонистомъ исторіографа, Ломоносовымъ. Рычкову было извѣстно неблаговоленіе къ нему послѣдняго; но какъ только узналъ онъ, что Ломоносовъ, для сочиненія описанія рудъ и другихъ минераловъ, встрѣчаемыхъ въ Россіи, обратился къ русскимъ заводчикамъ съ приглашеніемъ доставлять описанія и образцы, то поспѣшилъ (1-го мая 1764 года) исполнить эту просьбу и потомъ съ нетерпѣніемъ допрашивалъ Миллера объ отзывѣ Ломоносова. Исторіографъ отвѣчалъ (24-го декабря 1764 г.): «Сегодня все наше академическое общество обѣдало у его сіятельства графа Григорія Григорьевича Орлова. При этомъ случаѣ я видѣлся также съ г. Ломоносовымъ и показывалъ ему ваше извѣстіе о рудахъ на Уралѣ. Оно было ему пріятно, и онъ обѣщался письменно благодарить какъ за это, такъ и за прежнія свѣдѣнія»... Когда Шлёцеръ просилъ Рычкова вступить съ нимъ въ ученую переписку, то послѣдній спрашивалъ совѣта о томъ Миллера. Что̀ отвѣчалъ онъ — неизвѣстно, только Рычковъ 1-го сентября 1767 года увѣдомлялъ своего друга: «Г. Шлёцеръ дважды ко мнѣ писалъ, и я ему также отвѣтствовалъ. Впрочемъ, буду я слѣдовать вашему совѣту. Мое почтеніе усугубляется всегда къ тѣмъ, кои къ отечеству моему усердствуютъ. Видно, что онъ имѣетъ изрядное свѣдѣніе въ наукахъ»...

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія начинается рядъ славныхъ путешествій по Россіи, совершенныхъ по предначертанію нашей Академіи членами ея. Всѣ академики, посѣщавшіе оренбургскій край, зная опытность и обширныя свѣдѣнія перваго описателя его, считали обязанностію заѣзжать къ нему за совѣтами. Такъ академикъ Крафтъ-младшій нарочно останавливался на нѣкоторое время въ г. Бугульмѣ, въ ожиданіи возвращенія въ село Спасское владѣльца его изъ Оренбурга. Въ экспедиціи Палласа находился сынъ Рычкова, Николай Петровичъ, подававшій большія надежды, но, къ сожалѣнію, умершій еще въ молодыхъ лѣтахъ. По словамъ отца, сынъ его и Палласъ были между собою «великіе друзья». Старикъ-Рычковъ записалъ въ своей автобіографіи, какъ случай особенно замѣчательный, пріѣздъ въ Спасское Палласа: «октября 5-го числа (1768 г.) пріѣхалъ ко мнѣ г. профессоръ Палласъ, для совѣтованія о дѣлахъ, до его экспедиціи принадлежащихъ, а 11-го того жъ поѣхалъ онъ отъ меня для осмотра по рѣкѣ Соку лежащихъ мѣстъ»... Академикъ, въ свою очередь, занесъ въ свой классическій трудъ: «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs»: «5-го октября, по почтовой дорогѣ пріѣхали мы... въ имѣніе Спасское — обычное пребываніе г. статскаго совѣтника Рычкова, столь же знаменитаго своими сочиненіями, сколько достойнаго уваженія по личнымъ качествамъ. При ласковомъ пріемѣ, въ радушной и назидательной бесѣдѣ, я здѣсь прожилъ незамѣтно до 11-го числа этого мѣсяца»... Между описаніями природы села Спасскаго, Палласъ не забылъ упомянуть и о водяномъ воробьѣ (у него sturnus cinclus), и притомъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ коихъ описывалъ его Рычковъ. Нѣсколько страницъ далѣе встрѣчаемъ въ «Путешествіи» свѣдѣнія о coccus polonicus, или червцѣ, въ той самой Черкасской слободѣ, о которой сообщилъ Рычковъ въ Академію въ 1763 году, при первомъ описаніи червца.

За мѣсяцъ до Палласа въ Спасскомъ былъ академикъ Лепехинъ. Въ его «Дневныхъ Запискахъ», подъ 1 — 4 сентября

1768 года, находимъ: «Время было уже позднее и для растеній мало надежное, почему я за полезное для меня призналъ просить совѣта у г. статскаго совѣтника П. И. Рычкова, мужа отмѣнными любопытными упражненіями у насъ знаменитаго»... Лепехинъ засталъ владѣльца Спасскаго за наблюденіями надъ пчелами, для чего онъ употреблялъ такой же улей съ стеклянными окошками, какой былъ у знаменитаго французскаго изслѣдователя насѣкомыхъ — Реомюра. Рычковъ подробно показывалъ Лепехину всѣ достопримѣчательности окрестностей, далъ совѣтъ, какимъ путемъ продолжать ученую поѣздку, назвалъ проводниковъ, которые могли быть полезны академику своею опытностью и расторопностію, а 7-го ноября 1768 года извѣстилъ Миллера: «Г. профессоръ Палласъ жилъ у меня здѣсь больше недѣли, а прежде его былъ г. докторъ Лепехинъ и жилъ столько жъ. Я уповаю (что) довольны они моими совѣтами...»

Вообще можно замѣтить, что Рычковъ сроднился съ Академіею, видѣлъ въ членахъ ея близкихъ людей и до такой степени, что, на-примѣръ, считалъ себя вправѣ быть несовсѣмъ довольнымъ, когда академики Фалькъ и Георги, въ бытность свою въ Оренбургѣ, не часто посѣщали его: «Гг. Георги и Фалькъ — сообщалъ онъ Миллеру 28-го октября 1770 г. — какъ слышу, здѣсь, но ко мнѣ рѣдко ходятъ, хотя и недалеко отъ меня живутъ»...

Таковъ представляется Рычковъ въ перепискѣ своей съ Академіею; оканчивая настоящій очеркъ, я смѣю думать, что послѣ знакомства съ подобною личностію умѣстно желаніе, чтобы въ нашъ XIX вѣкъ, когда такъ часто слышатся суровые приговоры временамъ, въ которыя жилъ и дѣйствовалъ Рычковъ, чтобы и въ XIX вѣкѣ являлись люди съ такою же любовью къ наукѣ, съ такою же готовностью оказывать представителямъ ея помощь словомъ и дѣломъ, какія выказалъ сынъ купца, чиновникъ и помѣщикъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до насъ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ I, № 4.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕРЖАВИНА,

КАКЪ ПОЭТА.

ПУБЛИЧНОЕ ЧТЕНІЕ

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1866.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 линія, № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 20 Іюля 1866 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*

Есть въ прошедшемъ явленія, которыя кажутся дотого знакомыми, такъ полно изученными, что возвращаться къ нимъ, повидимому, излишне. Но такой взглядъ угрожаетъ критикѣ односторонностью и предубѣжденіемъ. Историческое безпристрастіе не боится смотрѣть на каждый фактъ прямо и открыто, какъ будто бы онъ въ первый разъ возникалъ передъ нами. И именно тогда, когда вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ распространится въ обществѣ извѣстный взглядъ на явленіе минувшаго, всего нужнѣе бываетъ подвергнуть его новому анализу. Такимъ явленіемъ представляется въ настоящее время Державинъ. Случайнымъ обстоятельствомъ этого рода въ отношеніи къ нему было недавнее изданіе его *Записокъ*, въ эпоху самую неблагопріятную для спокойной оцѣнки отжившихъ дѣятелей. При этомъ случаѣ въ большей части нашихъ журналовъ произнесенъ былъ безпощадный приговоръ всей дѣятельности Державина, его литературному и гражданскому значенію, даже его поэтическому таланту. Здѣсь не мѣсто касаться настоящихъ причинъ такой строгости; довольно замѣтить, что по поводу загробныхъ Записокъ Державина въ литературѣ возбуждено было противъ него предубѣжденіе, которое отчасти продолжается еще и теперь. Это доказываютъ, между прочимъ, взводимыя на него голословныя обвиненія по дѣлу Радищева, тогда какъ изъ напечатанныхъ недавно документовъ можно извлечь относительно Державина одно только положительное свѣдѣніе, что Радищевъ доставилъ ему черезъ Козодавлева экземпляръ своей книги. Затѣмъ все остальное,

будто бы поэтъ поднесъ этотъ экземпляръ съ своими замѣчаніями Императрицѣ и проч., основано на однѣхъ догадкахъ и слухахъ, которые, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказываются очень сомнительными.

Какъ бы ни было, толки и нападенія подобнаго характера не вызываются предметами, лишенными интереса и значенія. Интересъ, соединенный съ изученіемъ Державина, давно побудилъ насъ заняться подробнымъ пересмотромъ его жизни, трудовъ и значенія. Такой пересмотръ оказался необходимымъ, когда толки, возбужденные Записками Державина, обратили на него общее вниманіе. Теперь, съ выходомъ третьяго тома издаваемыхъ Академіею сочиненій этого писателя, всѣ *поэтическія* произведенія его находятся въ рукахъ публики, и намъ кажется своевременнымъ попытаться охарактеризовать его, какъ поэта.

Между русскими писателями 18-го вѣка Державинъ есть одно изъ самыхъ живыхъ лицъ. Это не Херасковъ или Петровъ, писанія которыхъ отталкиваютъ своею безжизненностью. Въ Державинѣ жила кипучая сила, ознаменовавшаяся дѣятельностью не только разнообразною, но и чрезвычайно производительною. Масса того, что онъ успѣлъ написать въ свой долгій, но и тревожный вѣкъ, изумительна. Это одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ русскихъ писателей. Вотъ первая трудность полнаго изученія Державина. Другая причина, почему критикѣ не легко установить свой взглядъ на него, заключается въ разнородности его сочиненій, какъ по содержанію, такъ и по достоинству. Превосходное смѣшано у него не только съ посредственнымъ, но и съ дурнымъ, и потому вѣрная оцѣнка его требуетъ совершеннаго безпристрастія. Естественно, что въ сужденія о такомъ писателѣ должно входить много субъективнаго: каждый судитъ о немъ по тѣмъ изъ своихъ впечатлѣній, которыя оказываются сильнѣе; одинъ болѣе поражается красотами его, другой — недостатками, и на этомъ основаніи каждый произноситъ о немъ приговоръ, по преимуществу положительный или отрицательный. Не отъ того ли происходитъ отчасти и различіе между взглядомъ на Держа-

вина современниковъ и значительной части нынѣшнихъ его читателей? Старики видѣли въ немъ одно хорошее, внуки ихъ замѣчаютъ одно дурное. И это очень понятно: справедливость требуетъ прямо допустить, что поэзія Державина представляетъ много такого, чему новое время не можетъ сочувствовать. Намъ прежде всего несочувственны духъ и цѣль оды 18-го столѣтія, съ которой неразлучно восхваленіе лицъ, легко впадающее въ угодливость и лесть изъ корыстныхъ видовъ. Но намъ несочувственна и самая форма этой оды, — главная изъ тѣхъ формъ, въ которыя отливались созданія Державина. Сама по себѣ ода, какъ проявленіе высшаго лиризма, не есть ложный родъ поэзіи и можетъ быть свойственна всѣмъ временамъ; но характеръ и форма ея должны видоизмѣняться по требованіямъ каждой эпохи. Литература, вмѣстѣ съ жизнію, постоянно стремится къ упрощенію формъ, отвергая все искусственное, всякую ложь, всякое излишество, всякое незаконное стѣсненіе. Свобода и простота во всѣхъ отправленіяхъ жизни — вотъ одна изъ главныхъ задачъ новаго времени. Правда, что ода Державина вовсе не похожа на другія тогдашнія оды; что онъ, избравъ темою какое-нибудь событіе, съ изумительной свободой раздвигаетъ свою рамку и отъ частнаго съ необычайной силой воображенія и мысли переходитъ къ общему. Правда, что онъ торжественный и важный тонъ оды смѣняетъ шуточнымъ и забавнымъ, что онъ къ похвалѣ примѣшиваетъ тонкую и остроумную сатиру. Но справедливо однакожъ и то, что въ одахъ его рядомъ съ глубоко-поэтическими красотами встрѣчается много риторическаго паѳоса, что онѣ вообще не выдержаны и часто слишкомъ длинны, что поэтъ иногда послѣ необыкновеннаго возвышенія вдругъ падаетъ; что языкъ его доходитъ мѣстами до величайшей небрежности, что онъ тогда не можетъ совладать ни съ стихомъ, ни съ языкомъ. При такихъ неровностяхъ исчезаетъ все, что могло бы еще мирить насъ съ искусственностью оды, исчезаетъ стройность формы, гармонія звуковъ и правильность языка.

Неровность языка составляетъ одно изъ загадочныхъ явленій

въ нашемъ поэтѣ. Съ одной стороны, намъ кажется страннымъ, какъ человѣкъ, вовсе не знающій, ни грамматики, ни ороографіи, часто достигаетъ такой пластичности выраженія, такого плавнаго и легкаго стиха, такой ловкой и звучной поэтической фразы, какія свойственны только мастеру дѣла. Съ другой стороны, насъ поражаетъ его тяжелая, запутанная, неуклюжая проза; наконецъ, рядомъ съ совершеннымъ невѣдѣніемъ теоріи слова у него является удивительное богатство матеріала изо всѣхъ сферъ языка: изъ церковно-славянскаго, изъ русскаго книжнаго, изъ простонароднаго, и даже изъ областныхъ нарѣчій. Такимъ образомъ, онъ представляетъ блистательное исключеніе изъ высказаннаго Сумароковымъ правила:

«Нельзя, чтобъ тотъ себя письмомъ своимъ прославилъ,
Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ и правилъ».

Противорѣчія, замѣчаемыя въ стихотворномъ языкѣ Державина, объясняются тѣмъ, что онъ, обладая изумительнымъ природнымъ чутьемъ, вообще отличающимъ талантъ, могъ удачно побѣждать трудности версификаціи только тогда, когда былъ окрыленъ вдохновеніемъ, но, никогда не вникавъ въ разнообразныя формы и законы языка, не умѣлъ совладать съ нимъ въ обыкновенномъ, какъ бы будничномъ настроеніи духа. Точно такъ же онъ вовсе не имѣлъ понятія о законахъ художественно стихотворческаго произведенія, и отъ того-то проистекаетъ господствующее въ его одахъ отсутствіе выдержанности и изящества. Эти два существенные недостатка его стихотвореній, неровность языка и слабость художественнаго элемента, всегда останутся тѣнями въ его поэтической славѣ.

Но нашъ взглядъ на писателя другой эпохи никогда не будетъ вѣренъ, если мы, увлекаясь только требованіями настоящаго, не будемъ умѣть стать твердо на почву исторической критики. Посмотримъ теперь, чѣмъ Державинъ былъ для своихъ современниковъ.

Конечно, тогдашнее общество сознавало живую его связь съ

собою: иначе оно не могло бы такъ глубоко сочувствовать его поэзіи. Потомкамъ трудно представить себѣ неимовѣрную славу, какою Державинъ пользовался въ свое время. Послѣ Ломоносова въ русской литературѣ только и было два писателя, къ которымъ такъ чутко и восторженно прислушивалось общество: Державинъ и Пушкинъ. Всякое новое произведеніе ихъ переписывалось тысячами рукъ, быстро разносилось въ отдаленнѣйшіе концы Россіи и выучивалось наизусть; часто даже и напечатанные стихи ихъ продолжали распространяться въ спискахъ. Державинъ еще и въ царствованіе Императора Александра I пользовался прежнимъ сочувствіемъ. Когда въ 1804 году онъ переслалъ въ Москву извѣстному графу Мусину-Пушкину оттискъ своей только-что отпечатанной *Колесницы*, тотъ писалъ къ нему: «Напрасно не поставили вы своего имени; всѣ тѣ, которые у меня оную читали, единогласно сказали, что это вашего пера. Копій столько писецъ мой писалъ по требованіямъ желающихъ, что думаю, онъ знаетъ ее теперь наизусть». Въ современныхъ поэту періодическихъ изданіяхъ и рукописныхъ сборникахъ встрѣчается безчисленное множество стиховъ, которыхъ предметомъ онъ, его талантъ, его громадная слава, наконецъ его достоинства и заслуги: справедливость, любовь къ добру и къ человѣчеству. Многіе изъ лучшихъ людей эпохи платили дань удивленія Державину: не говоря о самой Екатеринѣ, которая съ большою разборчивостью отличала достоинство, не говоря о Потемкинѣ, Суворовѣ и другихъ, которые могли быть пристрастны, можно назвать Дашкову, Львова, Хемницера, Капниста, Карамзина, Дмитріева, Озерова, Храповицкаго и многихъ другихъ, оставившихъ несомнѣнныя свидѣтельства своего глубокаго уваженія къ Державину.

Поэтому любопытно изслѣдовать, что̀ именно въ такой степени влекло къ нему современниковъ, почему они такъ понимали и цѣнили его. Необходимо всмотрѣться, дѣйствовали ли на нихъ вѣчные, не старѣющіеся элементы поэзіи, или только случайные интересы минуты, теряющіе цѣну для потомства.

Когда началась литературная извѣстность Державина, прошло уже около 20 лѣтъ съ воцаренія Екатерины: уже давно славился ея *Наказъ*, учреждены были банки и воспитательные домы, присоединена Бѣлоруссія, заключенъ миръ въ Кучукъ-Кайнарджи, устраивались намѣстничества. Государыня успѣла уже поразить воображеніе своихъ подданныхъ блескомъ славныхъ дѣлъ и внушить имъ довѣріе къ ея мудрости и величію; уже чувствовался кроткій и благотворный духъ ея царствованія. Много было попытокъ воздать ей стихами заслуженную хвалу; но всѣ эти напыщенныя оды, не имѣвшія никакого отношенія къ жизни, оставались незамѣченными. Тогда-то раздался голосъ поэта, который облекъ въ живое, игривое слово то, что многіе чувствовали, но не умѣли выразить. Въ *Фелицѣ* воплотилась геніальная Екатерина не только со всѣмъ своимъ величіемъ, но и со всею своей глубокою человѣчностью, съ своими либеральными воззрѣніями и цѣлями, съ своею снисходительной привѣтливостью, съ своими литературными занятіями въ тиши царственнаго кабинета. Притомъ она явилась тутъ не одна, но во всемъ блестящемъ своемъ окруженіи, въ средѣ своихъ пышныхъ и прихотливыхъ вельможъ. Въ описаніи ея и ихъ образа жизни, въ тонѣ обращенія поэта къ сильнымъ міра, обитающимъ на высотахъ, считавшихся недосягаемыми, было столько новаго и смѣлаго, что образованное общество съ восторгомъ привѣтствовало появленіе необыкновеннаго таланта.

Но *Фелица* имѣла еще и другое, чисто-литературное значеніе. Незадолго передъ тѣмъ начали слышаться выходки противъ тяжелыхъ, бездушныхъ одъ, которыя наводняли литературу; уже ощущалась потребность чего-нибудь болѣе живаго, и *Фелица* явилась неожиданнымъ отвѣтомъ на эту потребность. Шуточно-сатирическій тонъ этой оды, простой языкъ ея и легкій, естественный стихъ были такъ поразительны, что произведенное ею впечатлѣніе можетъ быть сравнено развѣ только съ тѣмъ, какое ода Ломоносова на взятіе Хотина произвела на его современниковъ своимъ новымъ размѣромъ и складомъ.

Но самымъ существеннымъ условіемъ успѣха *Фелицы* была та искренность, которую въ ней почувствовали, и это свойство, безъ котораго немыслимо полное торжество таланта, сдѣлалось одною изъ отличительныхъ принадлежностей поэзіи Державина. Безъ искренняго чувства онъ не могъ воодушевляться; тогда ни одинъ писатель не становился такъ безсиленъ, какъ Державинъ. Однихъ житейскихъ побужденій было недостаточно, чтобы дать крылья его таланту; оды *Изображеніе Фелицы* и *На восшествіе на престолъ Императора Павла* предпринялъ онъ, какъ самъ сознается, съ тѣмъ, чтобы поправить свое положеніе, но онѣ удались ему только потому, что онъ дѣйствительно чувствовалъ то, что говорилъ. Напротивъ, когда Императрица приблизила его къ себѣ, сдѣлавъ его своимъ секретаремъ, когда для него была бы особенно выгодна роль придворнаго пѣвца, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина не разъ вызывала его писать стихи въ родѣ *Фелицы*, онъ не въ состояніи былъ создать ничего подобнаго, потому что, какъ самъ говоритъ, приближеніе ко двору, гдѣ онъ увидѣлъ передъ собой игру человѣческихъ страстей, охладило его и онъ уже «почти ничего не могъ написать горячимъ, чистымъ сердцемъ въ похвалу Государыни». Тогда-то вырвалось у него четырестишіе:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищитъ бѣдняжка вмѣсто свисту,
А ей твердятъ: Пой, птичка, пой!

Придворнымъ стихотворцемъ въ собственномъ значеніи этого слова Державинъ никогда не былъ и не могъ быть. Правда, что духъ современной ему литературы и самыя обстоятельства сильно влекли его въ сферу подобной дѣятельности; но тому противились, съ одной стороны, сила и самобытность его таланта, а съ другой —энергическій его характеръ, въ которомъ сама Екатерина замѣчала *строптивость*. Когда онъ, управляя Тамбовскою губерніей, поссорился съ генералъ-губернаторомъ Гудовичемъ, то

попалъ подъ судъ; но послѣ былъ оправданъ, и на аудіенціи у Императрицы въ Царскомъ Селѣ благодарилъ ее за правосудіе. «Она, подавъ руку, сказала, что не за что»; потомъ, вступивъ съ нимъ въ нѣкоторыя объясненія по его дѣлу, спросила: «Но не имѣете ли въ правѣ вашемъ чего нибудь строптиваго, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?» — Я служилъ съ самаго простаго солдатства и потому, знать, умѣлъ повиноваться, когда дошелъ до такого чина. — «Но для чего же раздорилъ съ Тутолминымъ» (Олонецкимъ генералъ-губернаторомъ)? — Онъ издалъ свои законы, а я присягалъ исполнять только Ваши. — «Для чего же разошелся съ Вяземскимъ?» — Онъ началъ насмѣхаться надо мной и притѣснять за написанную мною похвалу Фелицѣ. — «А для чего не поладилъ съ Гудовичемъ?» — Онъ не рачилъ о Вашихъ интересахъ, о чемъ я хочу бумаги представить. — «Хорошо, опослѣ: я дамъ тебѣ твое жалованье и опредѣлю тебя къ другому мѣсту.»

Хвалебное стихотворство, какимъ оно является при разныхъ европейскихъ дворахъ прошлаго столѣтія, отличается холодною напыщенностью и бездушною сухостью. Поэзія Державина почти всегда остается чуждою этого характера, и если нѣкоторыя изъ его одъ по направленію дѣйствительно подходятъ подъ этотъ разрядъ стихотворства, то по разсѣяннымъ въ нихъ истиннымъ красотамъ поэзіи онѣ носятъ однакожъ печать самостоятельныхъ созданій. Слѣдуетъ замѣтить, что въ отношеніи почти ко всѣмъ фаворитамъ Екатерины Державинъ хранилъ молчаніе. Даже Потемкина, при жизни его, онъ хвалилъ мало; въ Платонѣ Зубовѣ онъ похвалилъ его музыкальный талантъ, и привѣтствовалъ этого вельможу за ласковый пріемъ въ его домѣ. Валеріанъ Зубовъ внушилъ ему стихи своимъ несчастіемъ въ Польшѣ и подвигомъ въ Персіи: Державинъ искренно уважалъ его, какъ человѣка. Надъ Завадовскимъ, напротивъ, онъ позволилъ себѣ разныя шутки въ одѣ *На счастіе*. О другихъ любимцахъ нѣтъ и помину въ его стихахъ. Нельзя также забыть, что Суворова и Валеріана Зубова онъ продолжалъ воспѣвать въ то время, когда

они были въ немилости, и въ какую же эпоху? въ царствованіе Императора Павла. Когда, при его восшествіи на престолъ, этотъ графъ Зубовъ былъ внезапно отозванъ изъ Персіи, князь С. Ѳ. Голицынъ, встрѣтясь съ Державинымъ при дворѣ, иронически замѣтилъ, что теперь онъ уже не напишетъ стиховъ въ честь опальнаго. Вы увидите, возразилъ Державинъ, и возвратясь домой, написалъ одну изъ прекраснѣйшихъ своихъ одъ, которая, правда, оставалась долго ненапечатанною, однако тогда же сдѣлалась извѣстною въ спискахъ. Привѣтствуя Императора Павла при его воцареніи, Державинъ былъ искренно оживленъ надеждами, которыя съ нимъ раздѣляли всѣ, видя благія намѣренія и первыя дѣйствія новаго государя.

Впрочемъ поэтъ самъ сознавалъ затруднительное положеніе тогдашняго русскаго лирика. Пріятель его, статсъ-секретарь Храповицкій въ дружескомъ посланіи упрекнулъ его за то, что онъ хвалилъ иногда недостойныхъ, при чемъ указалъ особенно на Потемкина и на Зубовыхъ.

«Достойны громкихъ славы звуковъ
Пожарскій, Мининъ, Долгоруковъ
И за Дунаемъ храбрый Петръ;
Но Зубовыхъ дѣла не громки,
И спрячь Потемкиныхъ въ потемки:
Какъ пузырей, ихъ свѣетъ вѣтръ».

Державинъ въ отвѣтѣ своемъ говоритъ чистосердечно:

Страха скованнымъ цѣпями
И рожденнымъ подъ жезломъ,
Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?
А хотя бъ и возлетали,
Чувствуемъ ярмо свое.
Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильнымъ угождать,

Ихъ любимцамъ поклоняться,
Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать.
Рабъ и похвалить не можетъ:
Онъ лишь можетъ только льстить!

Замѣтимъ однакожъ, что не только упрекъ Храповицкаго былъ не вполнѣ справедливъ, но и приведенный имъ примѣръ неудаченъ. Платона Зубова Державинъ не хвалилъ за его дѣла, а въ одѣ *На умѣренность* высказалъ даже нѣсколько суровыхъ совѣтовъ этому вельможѣ, который, по его словамъ, хотя и имѣлъ многія любезныя качества, но былъ неумѣренно гордъ и скрытенъ. На-примѣръ онъ ему говорилъ:

Умѣй быть безъ обиды скроменъ,
Осанистъ, твердъ, но не гордецъ,
Рѣшимъ безъ скорости, спокоенъ,
Безъ хитрости ловецъ сердецъ.
Вздувъ въ ясномъ паруса лазурѣ,
Умѣй ихъ не сронить и въ бурѣ.

Т. е., объясняетъ Державинъ, умѣй при несчастіи быть твердымъ; но, прибавляетъ онъ, «Зубовъ сего качества не имѣлъ, и когда взошелъ на престолъ Императоръ Павелъ, онъ такъ струсилъ, что жалко было на него смотрѣть».

Совсѣмъ иначе относился Державинъ къ Потемкину. Своимъ *Водопадомъ* онъ воплотилъ въ величественный и вѣчный образъ свое глубоко-поэтическое пониманіе этого необыкновеннаго человѣка, который еще далеко не разъясненъ исторіей, но котораго Екатерина конечно не даромъ такъ высоко цѣнила, который не даромъ сохранилъ до конца полную ея довѣренность и оставался во всѣхъ обстоятельствахъ ея совѣтникомъ — «Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ, могущъ, хотя и не въ порфирѣ».

Не ты ли, Счастья, Славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды, —

Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?
Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И опершись на нихъ, хотѣлъ
Возвесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?
. . . .
Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны уйти чуть могъ...
Екатерина возрыдала!

Въ этой удивительной одѣ Державинъ проявилъ во всей полнотѣ именно ту сторону своего духа, въ которой главнымъ образомъ заключалась тайна его могущественнаго дѣйствія на современниковъ. *Пѣвцомъ величія* назвалъ его Гоголь, и это слово глубоко-вѣрно. Такимъ является Державинъ въ двухъ отношеніяхъ: какъ истолкователь великихъ обще-человѣческихъ идей и какъ провозвѣстникъ величія Россіи и русскаго народа.

Если обратимся къ общимъ направленіямъ 18-го столѣтія, то найдемъ, что важная дума о человѣкѣ, о его отношеніи къ высшему міру и положеніи въ здѣшнемъ составляла вездѣ одну изъ господствующихъ темъ литературы и искусства. Это настроеніе проникло и къ намъ, но тогда какъ у другихъ русскихъ писателей оно порождало только скучное прозаическое правоученіе, оно же у Державина становилось основою сильнаго и глубокаго лиризма. Даже и изъ лириковъ другихъ націй не было ни одного, который бы такими рѣзкими чертами, въ такихъ потрясающихъ картинахъ умѣлъ выставлять противоположность между роскошью земныхъ наслажденій и ихъ непрочностью, и вмѣстѣ такъ осязательно изображать высоту духовной нашей природы.

Насъ не должно поражать, что Державинъ въ дѣйствительной жизни самъ не всегда удовлетворяетъ требованіямъ высшаго

нравственнаго закона. Въ немъ живутъ какъ бы *два человѣка*: одинъ въ минуты творчества, съ величавымъ, недосягаемымъ идеаломъ человѣческаго достоинства, другой — въ треволненіяхъ житейской суеты, со всѣми страстями человѣческой природы. Эту двойственность поэта прекрасно выразилъ Пушкинъ, сознававшій ее въ самомъ себѣ; и къ Державину, столько же какъ къ нему самому, примѣняется сказанное имъ о поэтѣ, поглощаемомъ прозою жизни:

«Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.»

Зная исторію дѣтства и юности Державина, мы недоумѣваемъ, какъ могъ развиться такой высокій идеалъ въ человѣкѣ, который не получилъ почти никакого воспитанія и провелъ лучшій возрастъ въ самомъ дурномъ обществѣ, — сперва рядовымъ, въ низшей полковой сферѣ, а потомъ офицеромъ, въ омутѣ разврата, въ праздности, карточной игрѣ и разгулѣ всякаго рода. Но здѣсь мы находимъ и разгадку явленія. Изъ гибельной борьбы страстей эта сильная натура вышла съ торжествомъ, благодаря глубоко запавшимъ въ молодую душу урокамъ жизни. Проведя дѣтство въ средѣ благочестивой русской семьи, въ деревнѣ, онъ навсегда вынесъ оттуда самыя благотворныя впечатлѣнія. Десяти лѣтъ отъ роду онъ уже лишился отца. Нужда и притѣсненія, съ которыми пришлось бороться его матери, сильно подѣйствовали на его душу. Эти-то связи съ родительскимъ домомъ удержали поэта на краю бездны, у которой онъ стоялъ, когда 27-ми лѣтъ отъ роду жилъ по службѣ въ Москвѣ: негодуя на самого себя, онъ наконецъ рѣшился воспрянуть изъ грязи порока, и свое примиреніе съ совѣстью запечатлѣлъ неизвѣстными доселѣ стихами *Раскаяніе*, въ которыхъ сознается, что онъ уже

Повѣса, мотъ, буянъ, картежникъ очутился—
Порочной жизнію талантъ свой погубилъ;

Презрѣнъ теперь отъ всѣхъ, отъ всѣхъ уничижаемъ...
О городъ роскоши, распутства и вреда!
Ты людямъ молодымъ и горесть и бѣда:
Отдай скорѣй, прошу, отдай свободу мнѣ!

Наконецъ, говоритъ онъ въ своихъ *Запискахъ*, «возгнушавшись самъ собою, онъ взялъ у пріятеля матери своей 50 руб., бросился въ сани и поскакалъ безъ оглядки въ Петербургъ».

Это дорого-купленное нравственное перерожденіе отразилось въ поэзіи Державина религіознымъ ея направленіемъ въ послѣдующее время. Самымъ рѣшительнымъ выраженіемъ этого направленія была его ода *Успокоенное неверіе*, которая, по собственнымъ его словамъ, первая обратила на него вниманіе любителей литературы. Такимъ образомъ, и въ области духовной лирики, въ которой вѣнцомъ его славы сдѣлалась впослѣдствіи ода *Богъ*, Державинъ собственнымъ опытомъ выстрадалъ свое творчество, и здѣсь мы опять встрѣчаемся съ тою искренностью, на которую уже было указано, какъ на одно изъ существенныхъ свойствъ его духа, и о которой самъ онъ говоритъ въ своемъ *Признаніи*:

Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ:
Умъ и сердце человѣчье
Были геніемъ моимъ.

Объ одѣ *Богъ* въ наше время судили различно. Съ своей стороны замѣчу только, что причины ея безпримѣрнаго успѣха должно искать въ силѣ ея лирическаго полета, глубинѣ религіознаго убѣжденія и величіи начертанныхъ въ ней образовъ. Сравнивъ оду *Богъ* съ лучшими произведеніями другихъ европейскихъ литературъ въ томъ же родѣ, мы будемъ невольно поражены ея превосходствомъ со стороны быстроты движенія, высоты лиризма и поражающей картинности.

Потрясая своихъ современниковъ, какъ защитникъ Божіей

правды на землѣ, Державинъ не менѣе возбуждалъ ихъ сочувствіе пламеннымъ изображеніемъ величія судебъ Россіи, ея исполинской силы и обширности, ея грознаго торжества надъ всѣми врагами. То была пора гордаго юношескаго самосознанія русскаго общества, и Державинъ сдѣлался органомъ этого сознанія, или вѣрнѣе, самочувствія. Какъ глубоко и твердо вѣритъ онъ въ несокрушимость Россіи, въ высокое назначеніе русскаго народа, и особенно, — что весьма замѣчательно, — въ призваніе его дать миръ Европѣ (*Афету*):

Афету миръ? О трудъ избранный,
Достойнѣйшій его дѣтей,
Великими людьми желанный!
Свершишься ль ты средь нашихъ дней?

Такъ восклицаетъ поэтъ во время второй турецкой войны, въ 1790 году.

Доколь, Европа просвѣщенна,
Съ перуномъ будешь устремленна
На кровныхъ братіевъ своихъ?
Не лучше ль внутрь раздоръ оставить
И съ Россомъ грудь одну составить
На общихъ супостатъ твоихъ?

Рѣчь идетъ о Турціи. Тогдашнимъ фазисомъ Восточнаго вопроса былъ *Греческій проектъ*, любимая мечта Потемкина:

За нимъ златая колесница
По розовымъ летитъ зарямъ;
Сѣдящая на ней царица,
Великимъ равная мужамъ,
Рукою держитъ крестъ одною,
Возжженный пламенникъ другою
И сыплетъ блески на Босфоръ:
Уже отъ сѣвернаго свѣта

Лицо блѣднѣетъ Магомета
И мрачный отвратитъ онъ взоръ.

. . . .

Пусть только умъ Екатерины,
Какъ Архимедъ, создастъ машины,
А Россъ вселенной потрясетъ! —
Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя царей своихъ, свершить?
Умѣйте лишь, главы вѣнчанны,
Его безцѣнну кровь щадить;
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту
И правотой сердца плѣнить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь міръ себя заставить чтить.

Для таланта Державина было особеннымъ счастьемъ, что пора полнаго его развитія совпала съ царствованіемъ Екатерины. Въ этотъ героическій вѣкъ русской имперіи событія и люди своими исполинскими размѣрами именно соотвѣтствовали смѣлости этой оригинальной фантазіи, размаху этой широкой, своенравной кисти. Въ тогдашней Россіи на всѣхъ поприщахъ дѣятельности встрѣчаются лица, которыя, при всемъ разнообразіи своихъ физіономій, представляютъ одну черту общаго сходства: это — ихъ рѣзкія особенности, дающія имъ какъ бы типическій характеръ. Орловы, Потемкинъ, Суворовъ, Безбородко и другіе, — все это чрезвычайно оригинальныя, своеправно обозначившіяся личности, въ которыхъ слабости также рѣзки, какъ и достоинства: во всѣхъ ихъ много поразительнаго, страннаго, загадочнаго для насъ, людей 19-го вѣка. Всѣ эти своеобразныя лица, вмѣстѣ съ громадными событіями, въ которыхъ они участвовали, прошли сквозь призму поэзіи Державина, и мысль, не разъ уже выраженная, что въ созданіяхъ его живетъ цѣлая

эпопея чудной эпохи, совершенно справедлива. Если для таланта Державина было счастіемъ жить въ вѣкъ Екатерины, то съ другой стороны и это время могло гордиться появленіемъ поэта, призваннаго увѣковѣчить его въ образахъ. Но не одни герои встаютъ у него, какъ живые: онъ сохранилъ намъ очертанія и многихъ лицъ совершенно другаго характера. Возьмемъ хоть графа А. С. Строганова и Льва Нарышкина: какъ выразительны у него ихъ фигуры, особенно дышащее веселостью изображеніе послѣдняго, безъ котораго картина двора Екатерины была бы неполна.

Левъ именемъ — звѣриный царь,
Ты родомъ — богатырь, сынъ барскій;
Ты сердцемъ — стольникъ, хлѣбодарь;
Ты должностью — конюшій царскій;
Твой домъ утѣхой расцвѣтаетъ,
И всякъ подъ тѣнь его идетъ.

Идутъ прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тѣмъ, то сѣмъ повеселиться,
Въ бостонъ и въ шашки поиграть;
И словомъ, радость всю, забаву
Столицы ты къ себѣ вмѣстилъ.....

Что нужды мнѣ, кто, все зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился какъ дитя;
Но если онъ съ столь легкимъ нравомъ
Всегда былъ добрый человѣкъ, —

Хвалю тебя, ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ.....

И въ противоположность этому беззаботному баловню счастья выступаетъ И. И. Шуваловъ, этотъ остатокъ другаго времени, этотъ идеалъ просвѣщеннаго и благодушнаго вельможи-покровителя, о которомъ Державинъ всегда говоритъ съ такимъ теплымъ чувствомъ, какъ о своемъ благодѣтелѣ съ дѣтства. Съ равнымъ уваженіемъ за гражданскіе подвиги, хотя и съ меньшимъ сочувствіемъ, изображаетъ онъ Безбородко. И надъ всѣми этими лицами сподвижниковъ или приближенныхъ Екатерины господствуетъ собственный ея образъ, самый разительный и величавый изъ всѣхъ не по одному мѣсту, которое она занимаетъ, но по истинному величію и генію. Никто не понималъ ея такъ высоко, никто не изображалъ ея съ такимъ одушевленіемъ, съ такою поэтическою истиною и наглядностью, какъ Державинъ. Тѣ созданія его, которыя рисуютъ Екатерину, лучше исторіи сохранятъ для потомства прекраснѣйшія стороны ея существа и дѣятельности. Какъ понималъ онъ ее, можно между прочимъ видѣть изъ слѣдующихъ строфъ *Изображенія Фелицы*. Поэтъ проникаетъ въ самыя сокровенныя мысли монархини и слагаетъ «молитву Екатерины Великой», какъ назвалъ это мѣсто Карамзинъ *).

О Ты, Всесильный и Превѣчный,
Который волею Своей
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!
Когда ты есть душа едина
Движенью сихъ огромныхъ тѣлъ,
То Ты жъ конечно и причина
И нравственныхъ народныхъ дѣлъ:
Тобою царства возрастаютъ,
Твое орудіе — цари;
Тобой они и померцаютъ,
Какъ блескъ вечерней зари.

*) Карамзинъ выписалъ это мѣсто въ альбомъ избранныхъ отрывковъ, поднесенный имъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

Наставь меня, міровъ Содѣтель,
Да, волѣ слѣдуя Твоей,
Тебя люблю и *добродѣтель*,
И зиждy счастіе людей:
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И счастье ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу!
Да, удостоенна любви,
Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
Чтобъ я за кажду каплю крови,
За каждую бы каплю слезъ
Народа моего пролитыхъ,
Тебѣ отвѣтствовать могла
И чувствъ души моей сокрытыхъ
Тебя свидѣтелемъ звала!

По мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, Державинъ изображалъ только внѣшнія событія; но, вникнувъ глубже въ содержаніе его поэзіи, съ этимъ нельзя будетъ согласиться. Внѣшнія событія дѣйствительно доставляли поводъ къ его стихотвореніямъ и служили имъ рамкою; но достаточно прослѣдить ходъ его мыслей въ одахъ, посвященныхъ Фелицѣ, Шувалову и Строганову, въ *Вельможѣ*, въ *Монументѣ милосердію*, чтобы убѣдиться, что самое глубокое сочувствіе питалъ онъ къ гражданской доблести правительства, къ духу царствованія Екатерины, къ возникшимъ съ нею либеральнымъ и гуманнымъ идеямъ, которыхъ первымъ изъяснителемъ онъ и явился, какъ одинъ изъ первыхъ людей *того* времени.

Замѣчательно, что Державинъ былъ свидѣтелемъ и пѣвцомъ *двухъ* изъ величайшихъ эпохъ славы Россіи. Онъ видѣлъ дѣла и торжества Екатерины, видѣлъ ужасы и усмиреніе Пугачевщины, славилъ подвиги Румянцова и Суворова, пѣлъ елисаветинскаго министра Шувалова, — и на его же вѣку совершилось наше-

ствіе и паденіе Наполеона, прославился Александръ съ своими полководцами и молодыми министрами. Какіе два различные вѣка, — одинъ съ своимъ грознымъ концомъ, другой съ своимъ свѣтлымъ началомъ,—встрѣтились на глазахъ Державина! При воцареніи Александра талантъ поэта еще не утратилъ всей своей силы, и въ его привѣтствіяхъ молодому царю слышались величавые отголоски лиры, славившей Фелицу. Достойно Екатерины обрисованъ имъ и внукъ ея, котораго Державинъ, уже при рожденіи его, съ поэтическимъ предчувствіемъ нарекъ *человѣкомъ на тронѣ* и котораго роль, какъ примирителя Европы, была имъ предначертана уже при самомъ началѣ войны съ Наполеономъ. Но любопытно, что изъ всѣхъ героевъ Александра типически представленъ имъ только одинъ, Платовъ; кисть его, начертавъ исполинскіе образы екатерининскихъ орловъ, уже не чувствовала силы для новыхъ созданій этого рода. Самъ сознавая это, Державинъ говорилъ въ 1812-мъ году:

И мой ужъ гаснетъ жаръ;
Екатерины муза дремлетъ,
И юнаго царя достойно пѣть
Я не могу: младымъ пѣвцамъ гремѣть
Мои ввѣряю ветхи струны.

Въ другой разъ онъ говорилъ:

Уже надъ бездной гроба скользкой
Я преклонивъ главу стою:
Тебѣ въ наслѣдіе, Жуковскій,
Я ветху лиру отдаю.

И дѣйствительно, передъ «Пѣвцомъ въ станѣ русскихъ воиновъ» авторъ «Лиро-эпическаго гимна на прогнаніе Французовъ» долженъ былъ казаться какъ бы окаменѣлымъ организмомъ отжившаго міра. Устарѣлый пѣвецъ Фелицы не могъ переродиться: не могъ усвоить себѣ новыхъ, болѣе свободныхъ и изящныхъ

формъ, въ которыя постепенно облекалась поэзія. Но такъ живуча была эта лира, что и посреди слабѣвшихъ ея тоновъ иногда раздавались звуки, отзывавшіеся прежнею силой и величіемъ. Живой памятникъ другаго вѣка, старецъ встрѣчалъ съ недовѣріемъ явленія новой жизни и рядомъ съ *одой*, посвященной громкимъ событіямъ царствованія Александра, является у него *басня*, родъ поэзіи, который онъ разрабатывалъ уже и прежде, но полюбилъ особенно теперь, находя въ немъ удобную форму для протеста противъ того, что видѣлъ вокругъ себя.

Такимъ образомъ разнородныя явленія двухъ великихъ эпохъ отразились различно въ поэзіи Державина, и не безъ основанія нѣкоторые писатели давно называли его поэтомъ-историкомъ своего времени. Теперь, когда литературное наслѣдіе его дѣлается извѣстнымъ во всемъ своемъ объемѣ, историческая сторона его стихотвореній выдается еще полнѣе и разительнѣе. Обставленныя собственными его объясненіями, они становятся живою хроникой эпохи. При совершенномъ почти отсутствіи политическаго элемента въ тогдашнихъ нашихъ періодическихъ листахъ, при недостаткѣ у насъ мемуаровъ и бѣдности анекдотической исторіи, сочиненія Державина, богатыя примѣненіями къ обстоятельствамъ и лицамъ, пріобрѣтаютъ еще не довольно оцѣненное значеніе. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ его посмертныя мелочи, какъ-то: эпиграммы, надписи и т. п., которыя уже имъ самимъ приготовлены были къ печати. Изъ нихъ мы въ первый разъ почерпаемъ разныя историко-литературныя подробности, видимъ отношенія между тогдашними дѣятелями, узнаемъ тогдашніе взгляды на событія и лица, знакомимся короче и съ тѣми вліяніями, подъ которыми находился самъ поэтъ. Съ этой стороны, его сочиненія всегда будутъ представлять обильный запасъ историческихъ данныхъ для ближайшаго изученія его времени. Передъ нами проходитъ въ его стихахъ цѣлая жизнь даровитаго русскаго писателя, тысячами нитей связанная съ жизнью всей эпохи.

И посреди всѣхъ лицъ, ярко начертанныхъ его кистью, съ

особенною выпуклостью выступаетъ его собственный образъ, эта характерная физіономія сына Россіи 18-го вѣка. Державинъ неоспоримо принадлежитъ къ разряду тѣхъ типическихъ лицъ царствованія Екатерины, на которыя мы указывали; къ нему самому, какъ поэту, можно отнести слова, сказанныя имъ въ *Водопадѣ* Потемкину:

Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но пролагалъ ихъ самъ...

Оставляя за нимъ всѣ его слабости и темныя стороны, мы все-таки должны признать въ немъ необыкновеннаго человѣка, который, силой природныхъ способностей и энергической воли возвысившись изъ ничтожества, достигъ вліянія, почестей и славы. Какъ ни полонъ онъ противорѣчій, мы не можемъ не видѣть въ немъ замѣчательнаго въ высшей степени кореннаго Русскаго по воспитанію, быту, уму и нраву. Не смотря на раннее, случайное знакомство его съ нѣмецкимъ языкомъ, ни его молодость, ни дальнѣйшая жизнь не могли привить къ нему ничего иностраннаго. Онъ родился и выросъ въ провинціи, въ приволжскихъ низовыхъ губерніяхъ; обстановка, среди которой онъ развивался, была довольно сходна съ тою, которую недавно такъ искусно и вѣрно изобразилъ намъ покойный авторъ *Семейной хроники*. Во всѣхъ сочиненіяхъ Державина явственно проглядываетъ его глубокое знакомство съ жизнью и языкомъ народа, его давнее сліяніе съ Церковью, его совершенное знаніе славянской Библіи и богослужебныхъ пѣсень. Первоначальная основа воспитанія была у него общая съ Ломоносовымъ; но какъ расходятся за тѣмъ пути ихъ развитія! Классическое образованіе едва коснулось Державина скудными уроками латыни въ казанской гимназіи; ему неудалось побывать въ чужихъ краяхъ. Довольно обширныя историческія и литературныя знанія, которыми онъ насъ нерѣдко удивляетъ въ своихъ сочиненіяхъ, были плодомъ собственныхъ усилій и большой начитанности. Въ Россіи, сравнительно съ другими страна-

ми, богатой автодидактами, Державинъ является однимъ изъ самыхъ блистательныхъ самоучекъ. Вслѣдствіе этого образованіе его представляло конечно много пробѣловъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ могъ усвоить себѣ оригинальность, которая, при другихъ условіяхъ, безъ сомнѣнія, не была бы ему свойственна въ такой степени. У Русскихъ не было другаго писателя, который бы такъ отличался чертами творчества, ему одному принадлежащими. Своенравное воображеніе его давно уже оцѣнено; но въ его умѣ было одно свойство, на которое, кажется, еще не обращалось довольно вниманія: это какая-то насмѣшливость или, какъ ее тогда называли, *издьвка*, которая иногда прорывалась у него посреди самаго торжественнаго настроенія и за которую Екатерина въ душѣ не любила его. Слѣдуя современнымъ литературнымъ обычаямъ, Державинъ хвалилъ; но посреди похвалы онъ готовъ былъ какъ будто невзначай разразиться («брякнуть въ слухъ») какимъ нибудь смѣлымъ словомъ истины *). Это было что-то въ родѣ той юродивости, которая составляетъ отличительное явленіе русскаго народа и которую Ермоловъ находилъ въ Суворовѣ. Это было то, чѣмъ Державинъ особенно гордился, что̀ онъ относилъ къ своему правдолюбію. По ходу всего его развитія, рѣзкія противоположности были неизбѣжны въ существѣ его, и съ угодливостью, какъ чертою тогдашнихъ нравовъ, въ немъ дѣйствительно соединялась правдивость, выработанная собственнымъ его характеромъ — источникъ множества невзгодъ, постигшихъ его въ жизни. Итакъ чисто-русская натура, выразившаяся въ поэзіи Державина хотя со всѣми недостатками вѣка, его свѣтлый сатирическій умъ, его пылкій нравъ, его здравый смыслъ, чуждый всякой болѣзненной сентиментальности и холодной отвлеченности, наконецъ его изумительно-могучее и яркое воображеніе — вотъ что составляетъ сущность его таланта и всегда останется достойнымъ изученія.

*) См. напр. 19-ю строфу оды *На Мальтійскій орденъ* и разныя мѣста въ одѣ *На миръ 1807 года*, которая въ первоначальномъ видѣ не могла быть напечатана.

Все это придало поэзіи Державина жизненность, которой вовсе не было у его предшественниковъ. Изъ предѣловъ какой-то безпочвенной и безформенной области витіеватыхъ возгласовъ онъ свелъ поэзію въ міръ осязательной дѣйствительности и жизни; Ломоносовскіе земные боги еще остались по прежнему на сценѣ, но они явились у Державина съ людскими страстями и заговорили языкомъ человѣческимъ. Это былъ уже важный переходъ къ той простотѣ сюжетовъ и формъ, которою ознаменовался слѣдующій періодъ нашей поэзіи. Удаленіе Державина отъ школы, его влеченіе къ непосредственной жизни, его практическій смыслъ были первымъ началомъ всего возрожденія русской литературы. Отсюда уже ясно, какъ неправы тѣ, которые утверждаютъ, будто онъ не имѣлъ никакого вліянія на дальнѣйшія судьбы нашей поэзіи. Но Державинъ не только подалъ примѣръ сліянія поэзіи съ жизнью: онъ же первый, въ эту эпоху, сталъ вводить въ русскую поэзію народность, которой начатки мы встрѣчаемъ только у Ломоносова. Народность явилась у Державина частью въ характерѣ его воззрѣній на природу, человѣка, общество, церковь, въ духѣ его сатиры и шутки, частью въ изображеніи имъ разныхъ сторонъ русскаго быта, наприм. въ *Кружкѣ*, въ *Фелицѣ*, въ одѣ *на Счастье*, въ *Похвалѣ сельской жизни*, въ посланіи къ Платову. Но народность выразилась также въ языкѣ Державина. Не смотря на частую неточность и даже неправильность его оборотовъ, на встрѣчающееся также нерѣдко небрежное обращеніе его съ формами языка, рѣчь его замѣчательна, во-первыхъ, своимъ поэтическимъ достоинствомъ, во-вторыхъ, чисто-русскимъ складомъ, обиліемъ выраженій и словъ, заимствованныхъ изъ простонароднаго быта, наконецъ умѣстнымъ употребленіемъ пословицъ и поговорокъ и заимствованіями изъ русской сказочной и пѣсенной литературы. Черты народности, которыми богата поэзія Державина, всегда будутъ привлекать къ ней вниманіе и сочувствіе потомства.

Но что̀ еще болѣе обѣщаетъ прочности его славѣ, это тотъ великій нравственный и общественный идеалъ, который онъ по-

стоянно стремится создать предъ своими согражданами. Его ода *Властителямъ и судьямъ*, циклъ одъ, изображающихъ *Фелицу*, *Вельможа*, далѣе первыя оды Императорамъ Павлу и Александру были для своего времени гражданскими заслугами. Въ одѣ *Властителямъ и судьямъ* онъ именемъ совѣсти и Бога взываетъ ко всѣмъ земнымъ властямъ вообще. При чтеніи *Фелицы* сама Екатерина прослезилась и спросила, кто бы могъ такъ хорошо знать ее: не значитъ ли, что поэтъ уяснилъ ей самой идеалъ, который она стремилась осуществить собою? Какъ ей, такъ и двумъ ея преемникамъ, онъ, въ видѣ похвалъ, часто давалъ смѣлые совѣты, выражалъ общественныя желанія, начертывалъ какъ-бы программу достойной монарха дѣятельности. Самъ онъ считалъ своею задачей:

Блаженству общему радѣя,
Уроки для владыкъ гремѣть.

Въ *Вельможѣ* онъ противополагаетъ могущественнымъ въ то время Зубову и Самойлову бывшаго долго въ немилости Румянцова и ставитъ его всѣмъ власть имѣющимъ въ примѣръ скромной доблести. Но трудно было бы исчислить всѣ тѣ оды, въ которыхъ онъ, по словамъ Гоголя, усиливается начертать образъ крѣпкаго мужа правды, закаленнаго въ дѣлѣ жизни и борьбѣ, и этому идеалу умѣетъ онъ всегда придать черты того величія, о которомъ мы уже говорили. Что намъ нужды до того, что самъ онъ на дѣлѣ не вполнѣ осуществилъ этотъ идеалъ? Не онъ ли же говоритъ про себя:

Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ.
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ!

Довольно, что въ минуты вдохновенія онъ служилъ великимъ идеямъ человѣчества съ такимъ жаромъ, какого мы не замѣчаемъ ни у кого изъ другихъ поэтовъ. Силою своего исполинскаго вооб-

раженія, своей яркой мысли и рѣзкаго слова онъ переноситъ насъ въ тотъ высшій нравственный міръ, гдѣ умолкаютъ страсти, гдѣ мы невольно сознаемъ ничтожество всего житейскаго и преклоняемся предъ величіемъ духовнаго закона. Таково содержаніе главныхъ одъ Державина: не смотря ни на какія измѣненія временъ, ни на какіе успѣхи просвѣщенія и языка, образцы имъ начертанные не померкнутъ, и до тѣхъ поръ пока идеи Бога, безсмертія души, правды, закона и долга будутъ жить не пустыми звуками на языкѣ русскаго народа, до тѣхъ поръ имя Державина, какъ поэта, не утратитъ въ потомствѣ своего значенія.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ I, № 5.

О ВТОРОМЪ ОТДѢЛЕНІИ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1866.
Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
(В. О., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 20 Сентября 1866 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

О ВТОРОМЪ ОТДѢЛЕНІИ
АКАДЕМІИ НАУКЪ*).

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

Напечатанная въ № 54 *Московскихъ Вѣдомостей* передовая статья объ Академіи Наукъ коснулась, между прочимъ, и Отдѣленія русскаго языка и словесности. Такъ какъ съ положеніемъ его связаны важные для русской литературы и филологіи и для самой Академіи интересы, то вопросъ о немъ долженъ быть разобранъ подробно; тогда только дѣло можетъ представиться въ настоящемъ своемъ свѣтѣ.

*) Въ № 54 *Московскихъ Вѣдомостей* 1866 г. (12 марта) напечатана была передовая статья объ Академіи Наукъ, заключавшая въ себѣ между прочимъ слѣдующія строки объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности:

«Если смотрѣть на Академію какъ на ученое учрежденіе, то едвали не было бы достаточно, вмѣсто передѣлки всего устава Академіи, ограничиться согласованіемъ частныхъ постановленій, изданныхъ относительно ея въ разное время, и также согласованіемъ ея устава съ позднѣйшими общими узаконеніями. Только одинъ пунктъ требуетъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія, именно согласованіе Втораго или такъ-называемаго русскаго Отдѣленія, образованнаго изъ Россійской Академіи, съ двумя остальными Отдѣленіями (I физико-математическимъ и III историко-филологическимъ), изъ коихъ первоначально состояла, а говоря въ сущности и теперь еще состоитъ Академія Наукъ. Это вопросъ трудный, хотя по нашему мнѣнію совершенно ясный. Задача Втораго Отдѣленія наслѣдована имъ отъ Россійской Академіи; эта задача — блюсти чистоту русскаго языка — не можетъ быть ввѣрена такому учрежденію какъ Академія Наукъ, и требуетъ совершенно особенной органи-

Взглянемъ на отношеніе этого Отдѣленія какъ къ Россійской Академіи, изъ которой оно возникло, такъ и къ Академіи Наукъ, часть которой оно составляетъ съ 1841 года.

При основаніи Россійской Академіи въ 1783 г., учредительницы ея, Екатерина II и княгиня Дашкова, не дали себѣ яснаго отчета въ планѣ будущей дѣятельности задуманнаго ими обще-

---

заціи. Это вовсе не дѣло учености, а скорѣе дѣло вкуса, поддерживаемаго опытностью. Академическія кресла Втораго Отдѣленія должны быть доступны не только ученымъ, но и литераторамъ; они не могутъ идти въ параллель съ *каѳедрами* Отдѣленій I и III. Было бы очевидною ошибкой приводить къ одному знаменателю вещи совершенно разнородныя, и можно напередъ сказать, что обѣ стороны проиграли бы, еслибы, единственно въ видахъ наружнаго однообразія, преобразованіе Академіи Наукъ было сопряжено съ окончательнымъ введеніемъ въ составъ Академіи II Отдѣленія, существующаго на основаніи своихъ собственныхъ правилъ и штатовъ, совершенно отличныхъ отъ остальныхъ двухъ Отдѣленій. Академія словесности и Академія наукъ — различныя учрежденія. Слитіе ихъ воедино, по упраздненіи Россійской Академіи, не было счастливою мыслію. Успѣхъ заключался бы теперь въ ихъ взаимной эманципаціи, а не въ дальнѣйшемъ закрѣпленіи ихъ неестественной связи. Русскій языкъ, какъ предметъ ученыхъ изысканій, долженъ входить въ составъ историко филологическаго Отдѣленія (теперешняго III-го), и учрежденіе въ этомъ Отдѣленіи особой каѳедры для славяно-русской филологіи есть дѣйствительно потребность весьма ощутительная; отдѣлять эту каѳедру отъ остальныхъ каѳедръ историко-филологическаго Отдѣленія не только нѣтъ надобности, но было бы даже вредно для славяно-русской филологіи, которая пострадала бы отъ такого уединенія. Съ другой стороны практическая литературная задача, лежавшая на Россійской Академіи, не можетъ быть осуществлена иначе какъ обществомъ довольно многолюднымъ, и нѣтъ никакой причины требовать, чтобы всѣ члены этого общества состояли на постоянномъ казенномъ жалованьи».

Эти строки вызвали помѣщаемую здѣсь статью, которая и появилась въ № 102 *Москов. Вѣдомостей* (21 мая) съ такимъ примѣчаніемъ отъ редакціи:

«Эта статья была получена въ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* при слѣдующемъ письмѣ отъ 26-го марта:

«Препровождая къ вамъ статью, написанную мной по поводу высказанныхъ въ вашей уважаемой газетѣ мыслей о Второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ и разсматривающую предметъ съ другой точки зрѣнія, нужнымъ считаю объяснить, что она выражаетъ не одинъ личный мой взглядъ, но и общее мнѣніе участвующихъ въ трудахъ Отдѣленія членовъ его, которые выслушали ее съ полнымъ одобреніемъ. Зная, что вы болѣе всего дорожите истиной и всегда готовы содѣйствовать къ ея разъясненію, я покорнѣйше прошу васъ дать этой статьѣ мѣсто въ одномъ изъ ближайшихъ листовъ *Московскихъ Вѣдомостей*».

ства. Россійской Академіи предназначены были двѣ разнородныя цѣли: она должна была очищать, установлять языкъ и въ то же время обогащать литературу произведеніями краснорѣчія и поэзіи. Въ первомъ отношеніи ей было предписано «сочинить *прежде всего* россійскую грамматику, россійскій словарь, риторику и правила стихотворенія». Въ чемъ полагалась остальная дѣятельность Академіи, видно изъ слѣдующихъ словъ рѣчи, произнесенной княгиней Дашковою при ея открытіи: «Звучныя дѣла государей нашихъ, знаменитыя дѣянія предковъ нашихъ, наипаче славный вѣкъ Екатерины II явитъ намъ предметы къ *произведеніямъ*, достойнымъ громкаго нашего вѣка. *Сіе*, равномѣрно какъ и сочиненіе грамматики и словаря, да будетъ *первымъ* нашимъ упражненіемъ». Слѣдствіемъ такой неопредѣленности въ задачахъ Академіи былъ и смѣшанный составъ ея: объ условіяхъ для выбора 60-ти, или на первый случай 35-ти ея членовъ, не было иного постановленія, кромѣ слѣдующаго: «Выборъ членовъ будетъ изъ извѣстныхъ людей, *знающихъ россійскій языкъ*». Дѣйствительно, въ составѣ Россійской Академіи встрѣтились люди, не имѣвшіе между собой почти ничего общаго, кромѣ сказаннаго признака:

«Печатаніе этой статьи замедлилось по недостатку мѣста, причиненному обиліемъ извѣстій и статей, вызванныхъ днемъ 4-го апрѣля. Затѣмъ произошелъ перерывъ изданія. При помѣщеніи нынѣ статьи многоуважаемаго Я. К. Грота, выражающей мнѣнія его товарищей по Второму Отдѣленію Академіи Наукъ, необходимо привести и главныя основанія мыслей, высказанныхъ *Московскими Вѣдомостями*. Эти основанія состоятъ въ слѣдующемъ:

«1. Обособленіе славяно-русской филологіи и исторіи отъ историко-филологическаго Отдѣленія Академіи Наукъ не можетъ не быть вредно и для историко-филологическаго Отдѣленія и для предполагаемаго Отдѣленія славяно-русской филологіи и исторіи.

«2. Особое Отдѣленіе славяно-русской филологіи и исторіи было бы трудно удержать на требующемся отъ Академіи Наукъ уровнѣ, ибо замѣстить достойнымъ образомъ два или три новыя кресла историко-филологическаго Отдѣленія гораздо легче нежели сформировать особое Отдѣленіе.

«3. Устройство особаго Отдѣленія славяно-русской филологіи и исторіи въ Академіи Наукъ не устранило бы потребности въ литературной Академіи, которая, будучи, что весьма возможно, хорошо направлена, имѣла бы благотворное вліяніе на чистоту русскаго языка и на возвышеніе уровня русской литературы. *Ред.*»

именно, сверхъ нѣкоторыхъ писателей, въ число членовъ ея назначено нѣсколько профессоровъ Академіи Наукъ и Московскаго Университета по самымъ разнороднымъ предметамъ, также нѣсколько духовныхъ лицъ, сановниковъ и вообще служащихъ по гражданскому и придворному вѣдомствамъ, отчасти военныхъ. Не менѣе пестроты представляли и въ послѣдствіи списки членовъ этой Академіи. Такому-то смѣшанному собранію предлежала прежде всего трудная задача составить словарь и грамматику. Къ счастію, въ средѣ его нашлись люди, которые могли принять на себя руководство всѣми приготовительными работами и самую редакцію словаря, такъ что это дѣло было выполнено довольно скоро и, по тогдашнимъ требованіямъ, успѣшно. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія была издана Академіей составленная въ ней такимъ же образомъ русская грамматика. Бо̀льшая часть остальныхъ предпріятій Россійской Академіи не находилась ни въ какомъ отношеніи съ этими первыми ея трудами. Ея періодическія и другія изданія не имѣли ни опредѣленнаго характера, ни ясно сознанной цѣли. По смерти императрицы Екатерины, въ управленіе Академіей Бакунина, Нартова и Шишкова, однимъ изъ главныхъ предметовъ ея заботливости составляли переводы древнихъ и новыхъ писателей; но и въ этихъ трудахъ не было никакой руководящей идеи: по случайному выбору переводили то Демосѳена, Гомера и Овидія, то «Путешествіе Анахарсиса», «Ликей Лагарпа» и т. п. Болѣе положительнымъ характеромъ отличались собственные труды послѣдняго президента Академіи Шишкова по корнесловію, которыми наполнялись издававшіяся въ его время *Извѣстія* Россійской Академіи. Хотя онъ уже и сознавалъ отчасти, что главное призваніе этого учрежденія заключалось въ трудахъ филологическихъ, хотя въ состоявшемся по его проекту новомъ уставѣ Академіи (1818) ученыя занятія поставлены на первый планъ; однакожъ въ опредѣленіи всего круга ея дѣятельности остались, какъ увидимъ далѣе, прежнія сбивчивыя понятія: она продолжала задавать темы для панегириковъ и трагедій, награждала медалями иногда хорошихъ, но чаще посредственныхъ

писателей, и издавала безъ послѣдовательности и строгаго разбора сочиненія то своихъ членовъ, то постороннихъ ученыхъ и литераторовъ. Правда, что послѣдній періодъ существованія Академіи ознаменовался нѣсколькими полезными дѣлами, напримѣръ: она издала Иліаду въ переводѣ Гнѣдича, *Ключъ* Строева къ *Исторіи* Карамзина, и отправила на свой счетъ Венелина въ Болгарію; но, вообще говоря, дѣятельность ея и тогда не имѣла ни строго-научнаго характера, ни литературнаго значенія, ни, наконецъ, прямаго отношенія къ практическимъ потребностямъ общества. Съ претензіей быть «стражемъ языка», «охранительницей отъ вводимыхъ въ него злоупотребленій», и наставницей «возрастающаго юношества», она поставила себя во враждебное отношеніе ко всему живому въ литературѣ и существовала такъ вяло, что, наконецъ, званіе члена Россійской Академіи сдѣлалось почти синонимомъ жалкаго тунеядства.

Такое состояніе Россійской Академіи указывало на необходимость кореннаго ея преобразованія: рѣшено было дать ей болѣе ученое назначеніе и менѣе сложное устройство; а отсюда естественно развилась и мысль присоединить ее къ Академіи Наукъ, тѣмъ болѣе что къ соображеніямъ, касавшимся сущности дѣла, примѣшались и другія, чисто внѣшняго свойства: говорятъ даже, что эти послѣднія имѣли тутъ главное значеніе. Отпускавшіяся на Россійскую Академію суммы далеко превышали ея дѣйствительныя издержки, такъ что сбереженія отъ нихъ достигли, наконецъ, громадныхъ размѣровъ. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, радѣя о пользахъ бывшей подъ его предсѣдательствомъ Академіи Наукъ, обратилъ вниманіе на эти сбереженія, и еще въ 1837 г. испросилъ Высочайшее разрѣшеніе употребить изъ нихъ около 115.000 р. с.*) на построеніе Пулковской обсерваторіи. Но и это значительное пожертвованіе еще не истощило сундуковъ Россійской Академіи: вступленіе въ храмъ наукъ бывшей блюстительницы отечественныхъ

---

*) 402.500 р. асс. См. *Труды Имп. Росс. Академіи*, томъ I, стр. 90.

письменъ сопровождалось принесеніемъ въ казну его почетнаго вклада въ 78.400 р. слишкомъ, къ чему надобно еще присоединить библіотеку Екатерининской Академіи.

При этомъ личный составъ ея былъ уменьшенъ на цѣлыя двѣ трети: изъ полагавшихся прежде 60 членовъ ея, въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности оставлено было только 20 (16 ординарныхъ и 4 адъюнкта, или экстра-ординарныхъ), и дѣятельности новаго учрежденія данъ характеръ, выраженный въ Положеніи его слѣдующими словами:

«Въ кругъ занятій Втораго Отдѣленія входятъ:

«1) Основательное изслѣдованіе свойствъ русскаго языка, начертаніе сколь можно простѣйшихъ и вразумительнѣйшихъ правилъ употребленія его и изданіе полнаго словаря; 2) изученіе славянскихъ нарѣчій въ ихъ составѣ и грамматическихъ формахъ, относительно къ языку русскому, и составленіе сравнительнаго и общаго словопроизводнаго ихъ словаря, и 3) славяно-русская филологія, вообще, и въ особенности исторія русской словесности. Впрочемъ, при такомъ главномъ направленіи трудовъ Отдѣленія, ему не чуждо будетъ все входящее въ область изящной словесности и въ особенности русской исторіи».

Эта выписка показываетъ, что въ основу существованія Втораго Отдѣленія уже сознательно положена была идея филологической дѣятельности. Въ его уставѣ уже не было ничего такого, что̀ бы давало ему значеніе литературнаго ареопага или блюстителя чистоты языка и вкуса. При всемъ томъ, однакоже, отъ занятій его еще не устранена вполнѣ и изящная словесность. Согласно съ этимъ между членами новаго Отдѣленія Академіи Наукъ остались нѣкоторые писатели, труды коихъ не имѣли собственно ученаго характера: такъ оно удостоилось чести удержать въ своемъ составѣ, между прочими, высокопреосвященнаго Филарета московскаго, Крылова, Жуковскаго и князя Вяземскаго. Несмотря на то, оно, согласно съ своимъ ясно-опредѣленнымъ главнымъ призваніемъ, стало съ самаго начала развиваться въ смыслѣ ученаго учрежденія. Въ этомъ можетъ убѣдить самый бѣглый

взглядъ на изданія его: въ 1840-хъ годахъ оно напечатало *Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка*, въ 1852 году *Опытъ областнаго велико-русскаго словаря;* въ томъ же году начато изданіе *Извѣстій Втораго Отдѣленія*, которыя вмѣстѣ съ своими приложеніями почти исключительно посвящались научной разработкѣ языка и продолжались десять лѣтъ, пока не слились съ *Записками* Академіи, возникшими въ 1862 г. при дѣятельномъ участіи Отдѣленія. Съ 1854 г. оно издало семь томовъ *Ученыхъ Записокъ*, въ которыхъ содержатся главнымъ образомъ болѣе обширныя изслѣдованія по языку и исторіи. Между тѣмъ при Отдѣленіи изданъ былъ однимъ изъ членовъ его *Опытъ общесравнительной грамматики*, который хотя и не удовлетворилъ высшимъ требованіямъ науки, однакожь по идеѣ принадлежалъ къ тому же разряду трудовъ. Затѣмъ слѣдовали составленные Востоковымъ грамматика и словарь церковно-славянскаго языка. Наконецъ, позднѣйшія предпріятія Отдѣленія относятся также къ области филологіи или исторіи русскаго просвѣщенія. При такомъ господствующемъ направленіи дѣятельности Отдѣленія, естественно было, что тѣ изъ членовъ, которые не считали своимъ призваніемъ науку, въ занятіяхъ его не принимали участія, засѣданій его не посѣщали*), и только изрѣдка произведенія ихъ, какъ напримѣръ стихотворенія князя Вяземскаго, являлись въ приложеніяхъ къ *Извѣстіямъ* Отдѣленія.

Замѣтимъ, что приведенными опредѣленіями устава и *русская исторія* не исключена изъ круга занятій Отдѣленія. Дѣйствительно, въ первое время его существованія было въ немъ нѣсколько членовъ, которыхъ академическая дѣятельность почти исключительно посвящена была изслѣдованіямъ въ области отечественной исторіи. Эти члены были: Арсеньевъ, Бередниковъ, Бутковъ и Коркуновъ; такое же значеніе въ составѣ Втораго

*) Къ этому могло способствовать также и исключительное положеніе, въ какое поставлено было новое Отдѣленіе Академіи, членамъ котораго, вмѣсто жалованья, производимаго по другимъ ея Отдѣленіямъ, назначено было особаго рода вознагражденіе, состоящее въ платѣ за засѣданія.

Отдѣленія имѣетъ еще и теперь академикъ Погодинъ. Всѣ эти ученые оставили въ академическихъ изданіяхъ слѣды своихъ трудовъ по русской исторіи.

Изъ всего сказаннаго видно, что это Отдѣленіе ни по уставу своему, ни на дѣлѣ не наслѣдовало задачи Россійской Академіи блюсти чистоту отечественнаго языка. Въ 25-ти-лѣтній періодъ своего соединенія съ Академіей Наукъ Отдѣленіе, по преобладающему характеру своихъ трудовъ, дѣйствовало совершенно согласно съ общимъ ея назначеніемъ. Кто говоритъ, что въ составъ историко-филологическаго (нынѣ 3-го) Отдѣленія долженъ входить русскій языкъ и что учрежденіе въ этомъ Отдѣленіи кресла для славяно-русской филологіи составляетъ ощутительную потребность, тотъ, безъ противорѣчія себѣ, не можетъ желать отторженія отъ Академіи нынѣшняго Втораго Отдѣленія ея, назначеніе котораго именно и состоитъ въ широкой разработкѣ этой отрасли языкознанія. Для членовъ Историко-филологическаго Отдѣленія было бы, конечно, очень сподручно имѣть въ средѣ своей человѣка, способнаго разрѣшать всѣ встрѣчающіеся при ихъ работахъ вопросы по славянскимъ языкамъ; но непонятно, почему славяно-русская филологія могла бы успѣшно разрабатываться только въ составѣ чуждаго ей ученаго собранія. Никто не станетъ отрицать, что для занимающихся ею было бы въ высшей степени полезно частое общеніе съ представителями другихъ отраслей языкознанія; но она имѣетъ, сверхъ того, свои самостоятельныя нужды, которыхъ нельзя же приносить въ жертву этому удобству. Неужели славяно-русская филологія, въ русской Академіи Наукъ, могла бы довольствоваться изученіемъ ея въ одинакихъ размѣрахъ съ языками финскимъ и татарскимъ, для которыхъ учреждено въ Академіи также по одному креслу? Въ обширную область славяно-русской филологіи входятъ: и церковно-славянскій языкъ, и древне-русскій, и западно-славянскія нарѣчія, и составленіе русскаго словаря и сравнительное изслѣдованіе всѣхъ славянскихъ языковъ, и наконецъ исторія русской ли-

тературы съ ея тремя многообъемлющими періодами. Можно ли желать, чтобы всѣ эти предметы, изъ которыхъ каждый требовалъ бы по крайней мѣрѣ своего особаго дѣятеля, соединены были въ рукахъ одного или двухъ лицъ въ зависимости отъ посторонней коллегіи? Еслибъ и нашелся человѣкъ, довольно самонадѣянный, чтобъ одному, или съ помощникомъ, взяться за такую многосложную дѣятельность, то едва ли можно было бы съ довѣріемъ возложить ее на подобнаго ученаго. Притомъ не значило ли бы это прежде всего обѣднить самую Академію Наукъ, гдѣ Второе Отдѣленіе успѣло уже положить довольно широкое основаніе разработкѣ славяно-русской филологіи, гдѣ это Отдѣленіе, по особенному для Россіи интересу своихъ занятій, по своему чисто-русскому характеру, образуетъ весьма полновѣсную и многозначительную составную часть? Эти-то соображенія, конечно, и были причиной, почему въ новомъ проектѣ академическаго устава для славяно-русской филологіи и литературы предположено восемь креселъ, каждое съ опредѣленною областью занятій, что, безъ сомнѣнія, было бы важнымъ улучшеніемъ въ устройствѣ Втораго Отдѣленія, которое теперь, въ виду предположенія о преобразованія, затрудняется выборомъ новыхъ членовъ и по необходимости остается слишкомъ малочисленнымъ.

Но разсмотримъ поближе составъ нынѣшняго Историко-филологическаго Отдѣленія, чувствующаго потребность въ одной славяно-русской каѳедрѣ, которая замѣнила бы цѣлое отдѣленіе. Сверхъ 5-ти креселъ по азіятскимъ языкамъ и одного по финскому, Историко-филологическое Отдѣленіе заключаетъ въ себѣ еще: два кресла по классической филологіи, два по статистикѣ и политической экономіи и два же по исторіи Россіи и древностямъ русскимъ. Но мы уже видѣли, что русская исторія относится отчасти и къ занятіямъ Втораго Отдѣленія. Сравнивъ кругъ дѣйствія обоихъ Отдѣленій, мы найдемъ, что за исключеніемъ статистики и политической экономіи, они по остальнымъ предметамъ своимъ совершенно однородны, такъ что, собственно говоря,

нынѣшняя Академія имѣетъ *два* историко-филологическія Отдѣленія. Вмѣсто того, чтобъ одно изъ нихъ приносить въ жертву другому, не полезнѣе ли была бы иная комбинація? Очевидно, что отнесеніе одной и той же науки, то-есть русской исторіи, къ двумъ Отдѣленіямъ лишено логическаго основанія. Между тѣмъ историческое изслѣдованіе языковъ, составляющее въ наше время основу всей филологіи, а равно и исторія литературы, находятся въ такой неразрывной связи съ исторіею народовъ, что въ сущности *русская исторія* не можетъ быть вполнѣ отдѣлена отъ *славяно-русской филологіи*, и во всякомъ случаѣ она ближе къ этой послѣдней, нежели, напримѣръ, къ древнимъ и азіятскимъ языкамъ, съ которыми она теперь соединена въ одномъ классѣ. Не слѣдуетъ ли отсюда, что распредѣленіе предметовъ между обоими историко-филологическими Отдѣленіями Академіи требуетъ нѣкотораго измѣненія, и что русская исторія должна по настоящему войдти въ Отдѣленіе славяно-русской филологіи, какъ законная его собственность? При такомъ преобразованіи можно бы признать въ Академіи только одно совокупное историко-филологическое Отдѣленіе, распадающееся на два самостоятельные класса или разряда, изъ которыхъ одинъ представлялъ бы въ полномъ объемѣ славяно-русскую филологію и исторію Россіи, а другой сохранялъ бы въ себѣ всѣ нынѣшнія части Историко-филологическаго Отдѣленія, за исключеніемъ русской исторіи.

Но, можетъ быть, для пользы русскаго языка и литературы дѣйствительно полезнѣе было бы, чтобъ Второе Отдѣленіе, просуществовавъ въ настоящемъ своемъ видѣ четверть столѣтія, собравъ столько матеріяловъ и опытовъ для дальнѣйшей дѣятельности въ томъ же направленіи, снова было оторвано отъ Академіи Наукъ и, преобразованное въ прежнемъ смыслѣ, сдѣлалось бы опять чѣмъ-то въ родѣ Россійской Академіи? Какую же практическую задачу могло бы имѣть такое довольно многолюдное общество, составленное изъ ученыхъ и литераторовъ? Блюсти чистоту языка? Языкъ очищается и развивается независимо отъ

Академій и даже наперекоръ имъ: двигатели его—вопервыхъ, все образованное общество, вовторыхъ даровитые и мыслящіе писатели, пріобрѣтающіе авторитетъ не званіемъ академиковъ, а своимъ дѣйствіемъ на публику. Ломоносовъ создалъ русскій письменный языкъ совсѣмъ не въ качествѣ академика, а какъ геніальный писатель; Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Пушкинъ носили, правда, званіе академиковъ, но свой литературный подвигъ совершили они помимо Россійской Академіи; Шишковъ былъ не только академикомъ, но даже президентомъ Академіи, и однакожь въ борьбѣ съ Карамзинымъ не онъ остался побѣдителемъ. Карамзинская школа никогда не составляла корпораціи, но народное чувство и признаніе сказались за нее. Славяно-русскія крайности Шишкова, въ дѣятельности котораго нельзя впрочемъ отрицать и пользу, принимались съ восторженнымъ одобреніемъ всею Россійскою Академіей; для поддержанія ихъ онъ создалъ еще и другую Академію, — Державинскую Бесѣду; однакожь неакадемическій *Арзамасъ* покрылъ ихъ позоромъ и смѣхомъ. Вотъ какимъ стражемъ языка была Россійская Академія и будетъ окончательно всякая другая съ тою же задачей.

Или новая преемница Екатерининской Академіи должна бы сдѣлаться законодательницею вкуса, судилищемъ современной литературы, — раздавать награды за лучшія сочиненія, возводить въ званіе таланта и генія? Но какими средствами литературная Академія могла бы выполнять такую роль, которая, какъ дознано опытомъ всѣхъ народовъ, принадлежитъ опять-таки цѣлому обществу и болѣе никому? Французская академія была основана между прочимъ съ такою идеей, но и посреди націи, склонной подчиняться условнымъ законамъ вкуса и приличія, она могла только отчасти осуществить эту идею. Она предлагала темы для описательныхъ и нравоучительныхъ поэмъ, панегириковъ и драмъ, и за выполненіе ихъ раздавала премія; но славу писателямъ раздавала все-таки нація, а не она. Ея главная и всѣми признанная заслуга заключается все-таки въ учено-лингвистическомъ подвигѣ — въ со-

ставленія словаря. Однакожь и въ этомъ трудѣ успѣху ея повредили два обстоятельства: разнохарактерный составъ академіи и задача *установить* языкъ. Эта послѣдняя цѣль могла быть достигнута только временно: чопорные Французы вѣка Людовика XIV и ближайшихъ къ нему поколѣній, правда, признали въ языкѣ авторитетъ академіи, но напослѣдокъ нація переросла ее: французскій языкъ въ нынѣшнемъ столѣтіи отбился отъ самозванной законодательницы своей и заставилъ ее передѣлать свой словарь такъ, какъ хотѣла нація. Затѣмъ, какъ судилище вкуса, французская академія никогда не имѣла большаго значенія. У Нѣмцевъ, всегда ставившихъ выше всего свободу и самостоятельность мысли, академія этого рода была бы невозможна и дѣйствительно никогда не возникала. И въ Россіи подобное учрежденіе сдвали было бы сообразно съ направленіемъ, въ какомъ идетъ у насъ развитіе языка и литературы. Да и вездѣ академіи, какъ руководительницы вкуса и таланта, должны встрѣчать въ своей дѣятельности большія затрудненія и неудачи. Въ наше время литературная Академія была бы столько же мало полезна для общества, сколько и для самихъ писателей. Въ дѣлахъ вкуса окончательный приговоръ публики всегда будетъ вѣрнѣе суда академическаго. Литературная Академія можетъ быть благопріятна для успѣха посредственныхъ дарованій; но хорошій романистъ, драматургъ или поэтъ не нуждается ни въ званіи академика для успѣха своихъ произведеній, ни въ одобреніяхъ и наградахъ Академіи для оживленія своей дѣятельности: его поддерживаетъ, его вознаграждаетъ публика, — это верховное судилище таланта и искусства. Любопытно, что эту истину понималъ отчасти самъ Шишковъ, представлявшій себѣ Россійскую Академію стражемъ языка: давая ей самую смѣшанную организацію, составленную изъ ученыхъ, литераторовъ и поэтовъ, онъ въ написанномъ для нея уставѣ выразилъ однакожь мысль, что ученые труды «не приносятъ ни той славы, ни тѣхъ выгодъ», какъ произведенія таланта и вкуса, и потому должны пользоваться особенною поддержкой и ободреніемъ.

Такимъ образомъ не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что учрежденіе, посвященное языку и литературѣ, только въ такомъ случаѣ можетъ приносить дѣйствительную пользу, если будетъ имѣть задачею не мечтательное очищеніе или установленіе языка, не мнимую опеку надъ литературой, а изслѣдованіе ихъ во всѣхъ направленіяхъ, ученую разработку ихъ путемъ историко-филологическихъ трудовъ. Такая дѣятельность не можетъ считаться чуждою наукѣ, такое учрежденіе не только не въ противорѣчіи съ назначеніемъ Академіи Наукъ, но и необходимо въ средѣ ея для того, чтобъ упрочить ея связь съ обществомъ, чтобы дать ей вполнѣ національное и жизненное значеніе. Если въ русской Академіи Наукъ, наряду съ астрономіей, біологіей, химіей и т. п., находятъ достойное мѣсто языки инородцевъ, то не должна ли славяно-русская филологія тѣмъ съ большимъ правомъ и въ несравненно большихъ размѣрахъ входить въ кругъ дѣятельности этой Академіи? Не есть ли русская Академія Наукъ, по самому призванію своему, естественная покровительница славяно-русской филологіи, которая только въ Россіи и можетъ быть воздѣлываема съ надлежащею полнотой и многосторонностью? Пренебреженная здѣсь, въ какой странѣ образованнаго міра найдетъ себѣ пріютъ эта отрасль языкознанія? Правда, что она, особливо въ соединеніи съ русскою исторіей, могла бы доставить довольно пищи для дѣятельности цѣлой отдѣльной Академіи, довольно задатковъ для самостоятельнаго существованія такого учрежденія; но для самой Академіи Наукъ важно сохранить Отдѣленіе славяно-русской филологіи. Предлагаемая взаимная эманципація Академіи и нынѣшняго Втораго Отдѣленія ея не составила бы для послѣдняго слишкомъ чувствительной перемѣны; но для Академіи она едвали была бы событіемъ желательнымъ и благовиднымъ. Что касается до Отдѣленія, то оно, оглядываясь на свою двадцати-пяти лѣтнюю дѣятельность, смѣетъ думать, что, несмотря на несовершенство скромныхъ трудовъ своихъ, оно пріобрѣло нѣкоторое право на будущность. И оно твердо увѣрено въ своей будущности, что̀ бы ни предстояло ему, продолженіе ли нынѣшняго

существованія, или полное объединеніе съ Академіей. На мысль же о возможности исключить русское Отдѣленіе изъ Академіи Наукъ, оно можетъ спокойно повторить отвѣтъ Ломоносова на угрозу Шувалова отставить его отъ Академіи: «Развѣ Академію отъ меня отставятъ».

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
читанныхъ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ I, № 6, 7, 8, 9.

СВѢДѢНІЯ И ЗАМѢТКИ О МАЛОИЗВѢСТНЫХЪ И НЕИЗВѢСТНЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

I—XL.

И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 2 мая 1867 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Выпускъ I.

Выпускъ II.

Выпускъ III.

Выпускъ IV.

СПИСОКЪ

ПАМЯТНИКОВЪ ИЗДАННЫХЪ ИЛИ ОПИСАННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТЕТРАДЯХЪ СВѢДѢНІЙ И ЗАМѢТОКЪ *).

IX и X в.

— * Написаніе о правѣй вѣрѣ Константина философа, до 862 г., по сп. 1348. IV. 47—52.

— * Поученіе еп. Климента, 885—916 г., по кирилловскому списку XII в. и Латинскому, Фрейзингенскому, болѣе древнему. III. 58—60.

— * Похвала блаж. Кириллу, учителю Словѣнскому, еп. Климента, 885—916, по двумъ сп. XIV в. IV. 55—60.

— * Прилогъ Болгарскаго царя Симеона, до 928 г., въ сп. XV в. III. 3—4.

XI в.

— Запись объ образѣ Спаса что въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, писанномъ въ 1045 г. по сп. XVI в. IV. 98.

— * Отрывокъ изъ книги Евангельскихъ чтеній Русскаго письма. III. 44—57.

— * Отрывокъ изъ книги Евангельскихъ чтеній Русскаго письма. IV. 31—33.

— * Служба св. Константину философу по 8-ми спискамъ XI—XIV в. III. 67—78.

---

*) Памятники, которыхъ древнѣйшее написаніе нельзя отнести къ опредѣленному времени, означены въ тѣхъ вѣкахъ, къ которымъ относятся старшіе изъ доселѣ найденныхъ списковъ.

Звѣздочка * указываетъ на памятники изданные въ полномъ видѣ.

— * Поученіе, приписываемое Өеодосію Печерскому и внесенное въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, до 1116 г. = Слово о ведрѣ и казнѣхъ божіихъ по сп. XII в. III. 36—42.

XI—XII в.

— Глаголическая книга Евангельскихъ чтеній, Ватиканская: выписки изъ нея и описаніе. II. 51—69, 77—81.

— Глаголическое Зографское евангеліе: выписки. II. 69—76.

— * Отрывокъ изъ глаголич. списка поученій Ефрема Сирина. I. 27, 30, 31—35.

XII в.

— Странникъ игумена Даніила, ок. 1114 г.: выписки изъ сп. XVI в. IV. 97—98.

— Хроника Георгія Амартола, до 1116 г.; выписки изъ Русск. списковъ XIV—XV в. I. 20—26.

— * Отрывокъ изъ поученій Ефрема Сирина. I. 45—46.

— Златоструй: описаніе и выписки. III. 6—18, 23—27, 36—42.

— Торжественникъ: описаніе и выписки. III. 18—23, 28—33.

— * Слово о богатомъ и Лазарѣ, по двумъ сп. XII в. III, 28—33.

— * Слово о покоп Богородицы, по сп. XII и XV в. IV. 62—75.

— * Житіе Алексѣя ч-ка божія по сп. XII и XV в. IV. 2—11.

— * Сказанія о чудесахъ святителя Николая по сп. XII в. IV. 23—29.

— * Записи Сербскаго мниха Симеона до 1200. II. 20—23.

— Книга Евангельскихъ чтеній, Сербскаго письма, до 1200 г.: описаніе и выписки. II. 28—36.

XII—XIII в.

— Зарубскій монастырь: указанія и остатки. I. 51—53, II. 37—40.

— * Поученіе Зарубскаго черноризца Георгія въ сп. XIII в. I. 54—57.

XIII в.

XIV в.

XIV—XV в.

XV в.

XV—XVI в.

XVI в.

СВѢДѢНІЯ И ЗАМѢТКИ

О МАЛОИЗВѢСТНЫХЪ И НЕИЗВѢСТНЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

I.

Запись на камнѣ при крестѣ въ Юрьевѣ Польскомъ.

Въ Юрьевѣ Польскомъ, въ соборѣ за алтаремъ возвышает-ся вдѣланный въ стѣну большой каменный крестъ съ распятіемъ и по обѣимъ сторонамъ его еще четыре большихъ камня, съ ликами святыхъ. Все это священное изображеніе раскрашено и покрыто позолоченными ризами. Богомольцы стекаются къ нему съ благоговѣніемъ, чтя его между прочимъ и какъ остатокъ древности.

Какъ древне оно, свидѣтельствуетъ новая запись, нарѣзанная на доскѣ, вставленной въ деревянную обшивку основанія: на ней читается имя князя Святослава Всеволодовича и годъ ,ѕѱлв (6732=1224).

Объ этомъ далъ знать И. М. Снегиревъ уже за сорокъ лѣтъ передъ симъ въ извѣстіи, напечатанномъ въ Запискахъ Московскаго общества исторіи и древностей [1]).

Запись при драгоцѣнномъ изваяніи въ томъ видѣ, какъ сообщена была г. Снегиревымъ, возбуждала сомнѣнія только новизною своего языка [2]); но и этого было достаточно для не-

---

[1]) II. 1824, стр. 195.

[2]) Вотъ она:

Соорўжéн҆ сéй чт҃ный и живо
творящій кр҃тъ гд҃нь бл҃говѣр
нымъ княземъ С҃тославомъ Все
володовичемъ в лѣто ,ѕѱлв.

довѣрчивыхъ археологовъ: она могла имъ казаться составленною по преданію, съ помощію лѣтописей, и въ слѣдствіе этого, самый памятникъ, безъ особенныхъ изслѣдованій (при настоящемъ состояніи памятника очень затруднительныхъ), не могъ быть относимъ къ сколько нибудь опредѣленному времени [1]).

Теперь открывается, что, кромѣ записи, сообщенной г. Снегиревымъ, есть и другая, подлинная, высѣченная на камнѣ. Камень этотъ вставленъ въ основаніе креста и прикрытъ деревянною дверцею. Вотъ эта запись буква въ букву и строка въ строку [2]):

мца июня въ л. д
паша стго іѡ конн
ка поставленъ кртъ
стославъмь всево
лодичемь амн

Ни характеръ буквъ, ни правописаніе этой записи нисколько не наводятъ сомнѣнія, что запись нарѣзана въ началѣ XIII вѣка. Болѣе другихъ буквъ останавливаетъ на себѣ вниманіе наблюдателя особенная форма буквы м; и она, впрочемъ, не рѣдкость въ XII—XIII вѣкѣ: въ такомъ точно видѣ она нарѣзана два раза въ записи на чарѣ Владиміра Давидовича, до 1151 года, написана нѣсколько разъ въ Лаврскомъ Кондакарѣ и т. д. Недостающія же буквы (съ правой стороны) и самъ внѣшній теперешній видъ камня заявляютъ, что камень не сохранился въ прежнемъ, первоначальномъ состояніи. И не мудрено ему было общербиться. Нѣсколько разъ весь памятникъ переносимъ былъ съ мѣста на мѣсто, и всякій разъ передъ тѣмъ былъ вынимаемъ изъ стѣны, въ которую былъ вдѣланъ: онъ стоялъ—говоритъ г. Снегиревъ, повторяя сказанія старожиловъ — за престоломъ въ соборѣ, потомъ вставленъ былъ лицемъ наружу въ западной

---

[1]) По этой причинѣ, въ «Памятникахъ древняго Русскаго письма и языка» (стр. 46), имѣя въ виду только новую запись, рѣшился я отнести памятникъ к. Святослава Всеволодовича къ 1224 году только подъ сомнѣніемъ, съ вопросительнымъ знакомъ.

[2]) За доставленіе снимка съ записи я обязанъ признательностію художнику Д. М. Струкову.

стѣнѣ прежней осьмиугольной колокольни, разобранной въ 1781 году; въ бытность мою, продолжаетъ г. Снегиревъ, онъ стоялъ въ каменной часовнѣ при оградѣ церковной, а въ 1816 году перенесенъ въ соборный придѣлъ.

При подлинной древней записи получаетъ значеніе и новая своимъ указаніемъ на годъ сооруженія памятника: повторя имя князя, она, безъ сомнѣнія, повторила и годъ. Года теперь нѣтъ въ древней записи: отщербился и онъ, какъ отщербились нѣкоторыя буквы.

Годъ этотъ по новой записи — ,sѱлк = 6732, отъ Р. Х. 1224-й. Дѣйствительно ли этотъ годъ означенъ былъ въ древней записи? Это рѣшаютъ сказанія лѣтописей.

Князь Святославъ Всеволодовичъ, соорудившій священное изображеніе въ Юрьевѣ Польскомъ, есть тотъ самый, который, будучи еще четырехлѣтнимъ младенцемъ, назначенъ былъ своимъ отцемъ, в. к. Всеволодомъ, въ Новгородъ, въ 1199 году, и княжилъ въ немъ пять лѣтъ, черезъ четыре года вновь туда посланъ и оставался еще годъ [1]). Въ 1212 году, по смерти отца, онъ получилъ отъ своего старшаго брата, велик кн. Юрья, въ удѣлъ Юрьевъ Польскій и оставался княземъ этого города по крайней мѣрѣ до 1238 г., когда сдѣлался княземъ Суздальскимъ [2]). Могъ онъ слѣдовательно соорудить священное изваяніе въ Юрьевѣ Польскомъ и въ 1224 году. Впрочемъ, лѣтописныя свидѣтельства наводятъ не на этотъ годъ.

Древняя соборная церковь Юрьева Польскаго, которой принадлежитъ разсматриваемый памятникъ, основана была Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году [3]) и стояла нерушимо въ продолженіе восьмидесяти восьми лѣтъ. Къ концу этого срока она обветшала и «поламалась», и князь Святославъ Всеволодовичъ ее «рушилъ» въ 1230 году [4]). Могъ ли князь Святославъ думать о приготовленіи для этой ветхой церкви чего нибудь новаго за нѣсколько лѣтъ до ея паденія? Сомнительно. Святославъ рушилъ старую церковь, и на мѣсто ея создалъ но-

---

[1]) Новгор. л. I. 6707, стр. 25; 6713, стр. 29; 6717, стр. 30; 6718, стр. 31.

[2]) Воскрес. лѣт. 6720, стр. 118; 6746, стр. 142 — 143.

[3]) Никон лѣт. II, стр. 136.

[4]) Лаврент. л. 193—194; Воскрес. I, 137; Никон. II, 365.

вую. Эта новая церковь была готова въ 1134 году [1]). Лѣтописатель, свидѣтельствуя объ этомъ, прибавляетъ, что Святославъ Всеволодовичь эту церковь «сверши и Ꙋкраси». Въ числѣ украшеній могли быть и изваянія. И дѣйствительно, онѣ были. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сообщается извѣстіе объ этого рода украшеніяхъ Юрьевскаго собора: «бѣ бо изъ внѣ около всея цьркве по камени рѣзаны святыя чюдны вельми, иже єсть и до сего дни» [2]). Это показаніе довольно ясно намекаетъ на памятникъ, доселѣ сохранившійся и чтимый.

Но лѣтописи одинаково относятъ довершеніе Юрьевскаго собора съ его украшеніями къ 1234, а не къ 1224 году, на который указываетъ новая запись. Вѣрно ли, послѣ этого, сохранила она показаніе древней записи? Мнѣ кажется, нѣтъ: въ ней слѣдовало быть «҂ѕ҃. ѱ. мв» (6742) а не «҂ѕ҃. ѱ. лв» (6732). Ошибка эта впрочемъ легко объясняется: мв вязью можно было начертать такъ, что м, соединенный съ в, походитъ на л (мв). Такое ошибочное чтеніе м за л и было, думаю, поводомъ неправильнаго опредѣленія года сооруженія изваянія.

Какъ бы то ни было, на сколько археологамъ должно быть дорого Юрьевское изваяніе, какъ памятникъ ваятельнаго искуства XIII вѣка, на столько же палеографу дорога древняя запись, къ нему относящаяся: отъ этого времени осталось у насъ такихъ изсѣченныхъ записей очень немного.

---

[1]) Лавр. л. 6742, стр. 196; Никон. II, 369.
[2]) Воскр. I, 138; Царств. лѣт. 124.

II.

Каменецкая вежа [1]).

Къ числу драгоцѣнныхъ остатковъ древности въ западномъ краѣ Россіи принадлежитъ мѣстечко Каменецъ (Брестъ-Литовскаго уѣзда Гродненской губерніи), на берегу рѣки Льсны, вытекающей изъ Бѣловѣжской пущи и впадающей въ западный Бугъ, нынѣ мѣстечко, прежде городъ — съ высокою каменною башней, доселѣ уцѣлѣвшей. Это памятникъ XIII вѣка, одно изъ сооруженій Владимира Васильковича Волынскаго, умершаго въ 1288 году. Съ самаго вступленія своего на Владимирскій столъ, по смерти отца, Василька (по Ипатьевской лѣтописи 6779 или 6780: = 1271 или 1272 года), онъ принужденъ былъ держать свои сѣверныя владѣнія въ вооруженномъ положеніи противу Литовскаго князя Тройдена, и чтобы защитить свои города, Берестье (нынѣ Брестъ-Литовскій), Кобринъ и другіе, отъ внезапныхъ нападеній Литовцевъ, онъ задумалъ построить неподалеку отъ нихъ на сѣверъ крѣпость, выбралъ для этого мѣсто на южной окраинѣ Бѣловѣжской пущи, на берегу рѣки Льсны или Лосны, и построивши городъ назвалъ его Каменцемъ. Лѣтопись говоритъ объ этомъ такъ: «Вложи Богъ въ сердце мысль благу князю Владимерови, нача собѣ думати, абы кдѣ за Берестьемъ поставити городъ. И взя книги пророческыя, да тако собѣ въ сердци мысля рче... Што ми господи проявишь грѣшному рабу своему. И на томъ стану. Разъгнувъ же книги, и выняся ему пророчьство Исаино: Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя, благовѣстить нищимъ

[1]) Въ Старославянскихъ памятникахъ слово *вѣжа* пишется обыкновенно съ *ѣ*; въ Русскомъ издавна употребляется *е*: на основаніи этой давности оставляю *е*.

посла мя и цѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати поло-ненникомъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе, призывати лѣто Господне пріятно и день воздания Богу нашему, утѣшити вся плачущаяся, дати плачющимся Сіоню славу, за попелъ помазаніе и веселье, украшеніе за духъ унынія. И наркутся роди правды, насаженіе Господне во славу, и созиждуть пустыня вѣчная, запустѣвшая преже, воздвигнути городы пусты запустѣвшая отъ рода (Исаія LXI: 1 — 4). Князь же Володимеръ отъ сего пророчества уразумѣ милость Божію до себе, и нача искати мѣста подобна, абы кдѣ поставить городъ. Си же земля опустѣла бѣ по 80 лѣтѣхъ по Романѣ. Нынѣ же Богъ воздвигну ю милостью своею. И посла Володимиръ мужа хитра, именемъ Алексу, иже бяше при отцѣ его многы городы рубя; и посла и Володимеръ съ тоземьци въ челнахъ возверхъ рѣкы Лосны (= Лсны, Льстны = Лестны), абы кдѣ изнаити таково мѣсто городъ поставити. Се же изнашедъ мѣсто таково и пріѣха ко князю, и нача повѣдати. Князь же самъ ѣха съ бояры и съ слугами, и улюби мѣсто то надъ берегомъ рѣки Лысны и отереби е. И потомъ сруби на немъ городъ, и нарече имя ему Каменець, зане бысть земля камена» (Ипат. л, стр. 206). Таже лѣтопись о построеніи этого Каменца говоритъ и въ другомъ мѣстѣ, упоминая и о башнѣ, воздвигнутой кн. Владиміромъ: «Князь Володимеръ въ княженіи своемъ многы городы сруби по отци своемъ. Сруби Берестій и за Берестіемъ сруби городъ на пустомъ мѣстѣ, нарицаемѣмъ Льстнѣ, и нарече имя ему Каменець, зане бысть камена земля. Създа же въ немъ столпъ каменъ, высотою 17 сажней, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ нань» (Ипат. Лѣт. стр. 222). Какъ долго строился этотъ городъ, когда достроенъ, не извѣстно; но въ 1287 году, вѣроятно, онъ былъ уже готовъ, судя потому, что князь Владиміръ въ этомъ году могъ въ немъ остановиться больной, съ княгинею и съ дворомъ, на продолжительное время, и принимать въ немъ пословъ: «И поѣха до Любомля со княгинею и со слугами своими дворьними. Изъ Любомля поѣха до Берестья, и перебывъ во Берестьи два дни поѣха до Каменца. Ту же и лежаше въ болѣзни своей во Каменьци... Минувшимъ же днемъ нѣколицѣмъ пріѣхаша слуги его къ нему въ Каменець, иже то были въ Ля-

хохъ на войнѣ съ Татары... И приѣха къ Володимеру посолъ его (Мьстислава) въ Каменець, повѣдая рѣчь Мьстиславлю. По семъ же поѣха изъ Каменца до Раю» (Ипат. Лѣт. стр. 214).

Прежній городъ — нынѣ мѣстечко; прежде грозная вежа стоитъ теперь хоть и твердынею, но какъ развалина.

Въ какомъ именно видѣ уцѣлѣлъ этотъ городъ теперь, ясно изъ слѣдующихъ строкъ письма ко мнѣ г. Будзиловича, писаннаго на мѣстѣ 2 августа 1864-го года:

«Мѣстечко Каменецъ-Литовскъ стоитъ на рубежѣ огромной Бѣловѣжской пущи — извѣстной родины зубра, на поемномъ берегу сплавной весною въ половодье рѣки Льсны (вытекаетъ изъ Бѣловѣжской пущи и впадаетъ въ западный Бугъ). Нѣсколькими руслами, змѣйкой вьется она въ заросшихъ трясучихъ берегахъ. Только душегубка скользитъ по ровной поверхности темныхъ пуртовъ спокойно катящейся рѣки... Каменецъ далеко слыветъ своей рыбой и еще огурцами... Мѣстность ровной покатостью подпимается въ обѣ стороны рѣки; крутыхъ возвышеній нѣтъ, кромѣ насыпей, о которыхъ слово впереди. Грязные дворяне Палестины живутъ въ срединѣ мѣстечка—кругомъ лавокъ и базара; предмѣстья и боковыя улицы занимаютъ мѣщане. Церковь, костелъ, Жидовская школа, все какъ въ любомъ мѣстечкѣ здѣшняго края. Только тутъ носится духъ далекаго прошедшаго и самый недалекій изъ мѣстныхъ крестьянъ скажетъ, что было, чего нѣтъ: Литовская улица не разъ была дорогой королей; шесть православныхъ храмовъ указываютъ на былую численность населенія; загадочный столбъ стоитъ живымъ свидѣтелемъ многихъ вѣковъ.

Мѣстечко тянется съ востока на западъ версты на 3 (прежде на 5). На В. сторонѣ, гдѣ теперь чистое поле, стояла одна церковь, но по ней и слѣдъ простылъ; другая стояла на З.: по преданію она сгорѣла: «Людкове кажуть, що недалечка бувъ броварь, та яко почавъ вунъ горити, одна бачь бочка съ горилкою покотилася подъ церковь, такъ-то церковь и згорила. Нутечка но крыжь тамъ стоитъ — бульшь ничого не бачити». Одна еще церковь стояла на «кладучей» — вѣроятно насыпной горѣ: тамъ стоитъ крестъ и двѣ вѣтряныя мельницы. Одна только долинная Воскресенская церковь сохранилась лучше —

объ ней то я вамъ давѣче [1]) разсказывалъ. Древность ея очень неопредѣленная. Никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ нѣтъ. По преданію она при дѣдахъ дѣдовъ нашихъ старожиловъ уже валилась и была отстроена въ прежнемъ видѣ. А вотъ теперь она опять совершенно покосилась, стѣны вышли изъ угловъ, подвалы и доски въ стѣнахъ погнили, куполъ осунулся въ средину ветхой досчатой крыши: но всѣмъ признакамъ она въ настоящемъ видѣ простояла не одно столѣтіе. Въ нашемъ краѣ вы рѣдко встрѣтите церковь, построенную крестомъ: больше все какъ костелы, въ формѣ длиннаго сарая, часто крытыя соломой. Церковь Воскресенская построена крестомъ съ 4 придѣлами и 5 крестами на верху, слѣд. не позже конца XVI вѣка, когда всего сильнѣе обнаружилась Польско-Латинская пропаганда въ нашемъ краѣ и введена пресловутая Унія. Я не знакомъ съ теоріею искуствъ и не могу опредѣлить, къ какому стилю принадлежитъ роскошная стѣнная живопись и иконы этой церкви; но и для неопытнаго глаза она представляетъ что-то особенное, рѣдкое въ здѣшнемъ краѣ. Иконостасъ въ ней небольшой и царскія двери очень миньятюрны. Намѣстная икона Спасителя очевидно подновлена очень неудачно, выраженіе лица совершенно испорчено. Храмовой образъ Воскресенія довольно оригинальный: внизу въ перспективѣ множество бѣсовъ — въ свиныхъ и другихъ óбразахъ. Зато живопись восточной запрестольной стѣны превосходная: 12 апостоловъ во весь ростъ и 10 господскихъ праздниковъ, все съ Славянскими надписями, хорошо сохранились и прекрасной живописи. Вотъ тутъ собственно старина, остатки древняго православія въ здѣшнемъ краѣ. Много иконъ перенесено изъ Воскресенской церкви въ новую Семеновскую, все замѣчательной живописи. Да еще при входѣ въ старую церковь поражаютъ двѣ иконы мастерствомъ рѣдкой живописи. Стѣны раскраше-

---

[1]) Г. Будзиловичъ употребилъ слово *давѣче*, упоминая о времени не очень близкомъ ко 2-му августу, когда писалъ: о маѣ мѣсяцѣ. *Давѣче* отъ *давѣ* (какъ *нынѣче* отъ *нынѣ*), по коренному своему значенію (ср. давьній), конечно, могло бы быть употребляемо и въ такомъ смыслѣ; но общее употребленіе его для означенія времени очень недавняго (обыкновенно прошедшихъ часовъ того же дня) ставитъ это старинное значеніе въ число областныхъ странностей.

ны тоже довольно искусно, но уже въ позднѣйшія времена блаженной памяти Уніи—подъ сильнымъ вліяніемъ Латинской живописи: святые въ монашескомъ видѣ, подъ сѣнію деревъ молятся съ необыкновеннымъ смиреніемъ и горько плачутъ о сладостяхъ рая — все это совершенный контрастъ православному изображенію созерцающаго пустынника хоть бы св. Онуфрія, котораго образъ тоже остался въ этой церкви. Облаченія святыхъ все обыкновенныя, иногда съ примѣненіемъ къ Палестинскому климату, кромѣ архангельскаго шишака, щита и копья, довольно оригинальныхъ. Собственно свѣтской живописи, въ родѣ портрета, я нигдѣ не нашелъ: было время снять, если гдѣ и была. Не могу не прибавить, что скоро начнется, уже утвержденная епископомъ, перестройка этой церкви въ древнемъ видѣ, но въ меньшемъ размѣрѣ. Горько думать, что превосходная, но нѣсколько потемнѣвшая живопись можетъ попасть въ руки какого нибудь провинціяльнаго маляра, который не поцеремонится передѣлать все на свой ладъ, или что выбросятъ все старое, что древность пойдетъ на чердаки....

Другой замѣчательный остатокъ почтенной дѣдовской старины — громадная каменная башня, отъ которой мѣстечко получило свое названіе. Мѣстныя свѣдѣнія объ ней весьма смутны и преданіе не лишено чудеснаго элемента. Наши старожилы говорятъ, что ее строили великаны («верблюды»...), стоя на колѣнкахъ, во удивленіе грядущему поколѣнію: не было топора, и ступилъ верблюдъ однимъ шагомъ за 2 версты и прозвалась отъ того деревня Ступичевомъ. Одинъ крестьянинъ разсказывалъ мнѣ даже, что столбъ — надгробный памятникъ вождю верблюдовъ. Говорятъ, что есть документы о времени и цѣли построенія этой башни, что они найдены въ старой Воскресенской церкви и отосланы въ Петербургъ—вѣрно, въ Публичную библіотеку. Одинъ здѣшній археологъ пересказывалъ мнѣ наизусть эту бумагу, изъ которой видно, что столбъ построенъ въ XIII вѣкѣ Волынскими князьями, какъ пограничная сторожевая крѣпостца. Башня по своему положенію и устройству совершенно соотвѣтствуетъ этой цѣли. Какъ центръ многихъ старыхъ городовъ, Бреста-Литовскаго, Кобрина, Шерешева, Бѣльска, Высоко-Литовска и другихъ, Каменецъ былъ важнымъ

стратегическимъ пунктомъ. Внушающая толщина зубчатыхъ стѣнъ башни (1 сажень и 2 вершка) даетъ поводъ заключить, что она была въ свое время крѣпостью. Поднимаясь на значительную высоту (12 саж. 2 аршина), она владѣетъ большимъ пространствомъ вдаль; особенно къ сѣверо-востоку ее видно на разстояніи 15 верстъ. Самая гора, на которой стоитъ башня, на самомъ берегу рѣки, по всѣмъ признакамъ насыпная: правильный круглый видъ и крутой подъемъ на высоту 2 саженей доказываетъ это. Діаметръ столба 6 саженей. Онъ раздѣлялся на 4 этажа: первый сохранился со сводчатымъ потолкомъ; отъ другихъ этажей осталось нѣсколько перегнившихъ деревянныхъ балокъ. Окна узкія (4 вершка), длинныя (въ ростъ человѣка) вѣрно для военныхъ дѣйствій; только на 4 этажѣ четыре большихъ окна, въ 4 стороны свѣта, вѣрно для наблюденій и 5-е узкое (для дѣйствій?) Вверху сводъ; стѣны оканчиваются тупыми зубцами; внизу большой каменный погребъ. Столбъ построенъ изъ краснаго кирпича; глиняная смазка и известковые кирпичи такъ отвердѣли вѣками, что весь столбъ словно одинъ большой камень. Попытка помѣщика, покойнаго Косаржевскаго, разбить столбъ на кирпичь, кончилась ничѣмъ: нельзя отбить ни одного цѣлаго кирпича. Теперь столбъ стоитъ пустой, ни къ чему негодный. Лѣтъ десятокъ тому назадъ, разсказываютъ мѣстные жители, всякое воскресеніе и праздникъ виднѣлась на столбѣ хоругвь: пока не отойдетъ обѣдня нельзя было начинать торга на базарѣ. Сводъ столба покрытъ пластомъ песку, и на немъ растетъ теперь зелье и деревца».

Г. Будзиловичь доставилъ мнѣ и рисунки какъ деревянной церкви, такъ и башни.

Нельзя опустить изъ виду и того, что, по сказанію лѣтописца, какъ выше сообщено, и задолго до Владимира Васильевича, при его дѣдѣ Романѣ, умершемъ въ 1205 году, страна, гдѣ построенъ былъ Каменецъ, была населена, и уже послѣ Романа опустѣла: есть слѣдовательно надежда найдти близь Каменца остатки отъ времени болѣе древняго, отъ XII вѣка, если не древнѣе.

III.

Минологій Константина митрополита Мокійскаго.

Издавна обратила на себя вниманіе изслѣдователей рукопись Минологія, или какъ у насъ обыкновенно называютъ Пролога, принадлежащая Румянцовскому музею и внесенная въ Описаніе его рукописей подъ № CCCXIX. Въ этомъ Описаніи Востоковъ сообщилъ результаты своего подробнаго изслѣдованія рукописи (Опис. Р. муз. 1842, стр. 447—454), и между прочимъ отмѣтилъ, какъ особенность сборника 1) статьи въ память храмовыхъ праздниковъ Константинопольскихъ церквей и землетрясеній, бывшихъ въ Константинополѣ, 2) статьи Славянскія и особенно Русскія. На эти послѣднія еще прежде Востокова указалъ Калайдовичь (въ своемъ изслѣдованіи объ Іоаннѣ екзархѣ Болгарскомъ (1824, стр. 90: прим. 10), и сообщилъ, какъ особенно замѣчательную, статью о св. Меѳодіи, братѣ Константина философа. Статья эта не ушла изъ виду изыскателей. Скоро послѣ выхода книги Калайдовича, аббатъ Добровскій принялъ въ разсчетъ свѣдѣнія, въ ней сообщенныя, въ одномъ изъ своихъ разысканій о Кириллѣ и Меѳодіи (Mährische Legende von Cirill und Method. 1826. стр. 121—124). Позже, въ изслѣдованіи о времени происхожденія Славянскихъ письменъ (1855, стр. 73—76) Бодянскій вновь подвергъ критическому разбору эти свѣдѣнія, и подобно Добровскому старался объяснить ихъ. Къ сожалѣнію, Румянцовская рукопись не вполнѣ сохранилась, и написана съ такими ошибками писца, что въ иныхъ случаяхъ нѣтъ возможности добраться до смысла подлинника.

Въ числѣ рукописей, вывезенныхъ А. С. Норовымъ съ востока, былъ минологій такого же состава; но онъ исчезъ изъ виду прежде чѣмъ былъ изслѣдованъ. Объ немъ извѣстно только

изъ краткаго описанія, сдѣланнаго Востоковымъ (см. Журн. мин. нар. просв. 1836. XI. II, стр. 538—541). Рукопись писана на бомбицинѣ, неполная, поврежденная молью, съ истертыми краями, но также древняя — XIII вѣка — и притомъ съ Сербскими прибавленіями.

Теперь открылся еще одинъ списокъ того же минологія въ библіотекѣ Бѣлградскаго общества Сербской словесности (см. статью д-ра Шафарика, въ Гласникѣ друштва Србске словесности XVI. 1863. стр. 33—41), списокъ важный и для палеографа, потому что имѣетъ запись о времени написанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ по полнотѣ содержанія значительно болѣе цѣнный, чѣмъ списокъ Румянцовскій.

Рукопись эта написана на пергаминѣ въ 4-ку, на 341 л. по 26 строкъ на страницѣ въ одинъ столбецъ, довольно мелкимъ уставомъ. Сохранилась она такъ счастливо, что не утерялся изъ нея ни одинъ листокъ. Правописаніе Болгаро-Сербское: ѫ и ѧ употребляются смѣшанно и непостоянно; ѕ-а нѣтъ; *и* не рѣдко удвоется; вмѣсто ѧ пишется нерѣдко *е* или ѥ.

Рукопись эта сохранилась вся, а потому въ ней есть и начало:

спнаѯарь сь богомь поѵинаѥмь.

Въ Норовской рукописи начало такое: «съ бг҃мь почннаѥт прол°гь в°ѥ"ѹ лѣ͗. ѥже ѥ҃ сьбраниѥ всѣ͗ ст҃ихь». Очевидно, тутъ допущено переписчикомъ измѣненіе, между прочимъ и слово прологъ принято за названіе книги.

Въ краткомъ предисловіи, объясняющемъ между прочимъ содержаніе книги, отмѣчено, что статьи ея написаны «Костатиномъ хоудымъ митрополитомъ Мокиискымь».

Подъ именемъ митрополіи Мокійской, кажется, нельзя разумѣть никакой другой, кромѣ той, которая была въ Каппадокійскомъ городѣ Μωκησός = Μωκισός, сдѣлавшемся по установленію Юстиніана главнымъ въ Каппадокіи 3-ей (см. Прокопія de Aedif. V. 4, и Константина Порфир. de Themat. I, 2). Въ перечнѣ митрополій Епифанія Кипрскаго (IV вѣка) Мокисъ прямо показанъ, какъ митрополія Каппадокійская: «26. ἐπαρχίας Καππαδοκίας α ὁ Μωκησοῦ» (Tafel, Const. porph. de provinciis. 42); такъ же и въ перечнѣ Льва мудраго (886—907

годовъ): «29. ὁ Μοκισσός (т. ж. 45), и въ перечнѣ Андроника Палеолога (1282—1320 гг.): «36. ὁ Μωκησσοῦ (т. ж. 52). Имя одного изъ митрополитовъ Мокійскихъ извѣстно изъ подписи его въ числѣ другихъ, присутствовавшихъ на шестомъ вселенскомъ соборѣ (680—681 гг.): *Θεόπεμπτος ἐλέῳ θεοῦ ἐπίσκοπος τῆς Ἰουστινιανουπολιτῶν ἤτοι Μωκισηνῶν μητροπόλεως τῆς δευτέρας τῶν Καππαδοκῶν ἐπαρχίας* (Harduini, Acta conciliorum. III. стр. 1427, 1444). Когда жилъ митрополитъ Константинъ, можно догадываться развѣ только по времени, къ которому относятся содержаніемъ нѣкоторыя изъ статей минологія, ненаходящіяся въ другихъ минологіяхъ. Таковы именно статьи, касающіяся Константинополя. Позднѣйшія изъ нихъ относятся ко второй половинѣ IX вѣка, къ гг. 865, 869, 891 и т. п.[1]). Онѣ позволяютъ предполагать, что и самъ составитель жилъ въ концѣ IX вѣка. Константинъ Мокійскій, сколько знаю, лице пока неизвѣстное въ числѣ писателей Византійскихъ.

Въ Норовской рукописи, кромѣ Константина митрополита Мокійскаго, представленнаго сочинителемъ только приложенія (предувѣдомленія), упомянутъ еще какой-то Илія, какъ составитель пролога.

На послѣднемъ листѣ Бѣлградской рукописи находится слѣдующая запись:

Слава съвръшителю богоу вь вѣки аминь.⁝.

По милости божи. а по изволенїю великаго чиноначяльника архистратига Михаила. и сь помощиѭ прѣподобнааго ѡтьца Гаврила. азь рабь божи Станиславь сьврьшихь книгѫ сиѫ. вь дни прѣвысокаего крала Ꙋроша Стефана кго же ѡтець ѡслѣпи и посла вь Грькꙑ. и по седмихь лѣтѣхь изыдедь. и прѣкмь кралство всеѧ Срьпьскыѧ земла и Поморьскꙑѫ и ПодꙊнавьскѫ и Ѡвчепольскѫ. не по силѣ нѫ по изволенїю божию. и Грьчьскѫ зема ѡпоусти и градовѫ прѣѧ. и силнаго царѣ Бльгарьскаего Михаила оуби. вь то же лѣто сьврь-

---

[1]) Къ 865 г. относится память спасенія Царяграда ѿ всоудоу по земли же и по морю ѡбьстоупльшихь ны безбожьныхь... избавленикмъ владычици нашеи б҃ци; къ 869 г. память троуса, (когда) црк҃ви прѣс. б҃ци великаа въ Сигимѣ (т. е. въ Сигьмѣ = Σίγμα) падесе, янв. 9; къ 891 г. память затменія солнца при ц. Львѣ и Александрѣ 8-го августа.

писѧ книга сиꙗ. вь ѡбласти Ѡвчепольскои вь хорѣ Златовстѣи. вь горѣ Лѣсновьстѣи вь монастыри свꙗтаго архистратига Михаила и ꙋ гроба прѣподобнаго ѡтца Гаврила. ѡбдрьжѧщꙋ хорою Златовьскоѭ жоупаноу Драгославоу. при игоуменѣ Оеѡдоси. и при кромонасѣ Савѣ. и при кромонасѣ Кирилѣ. и при минсѣ Даниилѣ. и при икономѣ Германѣ. и при келари Висарионѣ. и при прочихъ братиꙗ. писажеса книга сиꙗ повелѣникмь смѣренна игоумена Теѡдѡсиꙗ. рѫкоѭ многогрѣшнаго раба божиꙗ Станислава.

Стефанъ Урошь, о которомъ говорится въ этой записи, есть Стефанъ Дечанскій, ослѣпленный отцемъ своимъ Милутиномъ, и по его смерти бывшій владѣтелемъ Сербіи въ продолженіи 15 лѣтъ—съ 1321 до 1336 г. Обстоятельство, ближе опредѣляющее время написанія книги, есть смерть Болгарскаго князя Михаила: онъ палъ, послѣ битвы у Теплицы на Струмѣ съ сыномъ Стефана Дечанскаго, Душаномъ, бывшей 16 іюля 1330 года, отъ ранъ. Книга написана слѣдовательно послѣ іюля 1330 года, и не позже сентября, съ котораго у Сербовъ начинался новый годъ.

И въ этомъ спискѣ, какъ и въ спискѣ Румянцовскомъ, есть статья о св. Меѳодіи и нѣсколько статей въ память Русскихъ святыхъ и праздниковъ, именно:

1. сентебра є҃. оуспеник Хлѣба свꙗтаго землк Роушскык. Того же 5 сентября совершается память о убіеніи князя Глѣба издревле.

2. априла к҃. благовѣрнааго кнѧза Мьстислава. кмꙋже въ свꙗтѣмь крьщени имѧ Ѳеѡдорь. Князь Мстиславъ Ѳеодоръ Володимеровичь скончался 15 апрѣля (1133 года, въ пятницу); но о памяти его въ церкви въ этотъ день, сколько знаю, не сохранилось никакихъ показаній.

3. маꙗ в҃. страсть свꙗтою моученикоу Роушьскою царю Борыса и Хлѣба. Въ Норовской рукописи это нѣсколько иначе: прѣнесеник мощемъ цр҃оу Роушьскоую Романа и Дав҃да сн҃а ст҃го Владимира кнеза Роушьскаго великаго въторaго Константина кр҃тившаго всоу Роушьскоу землоу. Мая 2 совершается память о перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба.

4. маꙗ г҃. памꙗть прѣподобьнаго ѡтца нашего Ѳеѡдо-

сиꙗ игоумена Печерьскааго монастырѣ. Препод. Осодосій скончался 3 мая (1074 года). Въ этотъ день и празднуется память его.

5. юлиꙗ ӏа҃. преставлениѥ свꙗтыꙗ царицѧ Роушьскыꙗ Олгы прѣматере. вьсѣхь кнѧзь Роушьскыхь. Княг. Ольга скончалась 11 іюля (969 года). Въ этотъ день и святится ея память.

6. юлиꙗ к҃д. свѧтоѭ моученикоу Борыса и Хлѣба. Роушьскоѭ. и вь крьщении Романь и Давидь. Іюля 24 (1015 года) убитъ князь Борисъ. Издревле святится въ этотъ день память его съ братомъ его Глѣбомъ.

Изъ извѣстія д-ра Шафарика не видно, есть ли въ этомъ спискѣ подъ 26 ноября замѣтка о священіи церкви вел. мученика Георгія, построенной Ярославомъ въ Кіевѣ въ 1037 году. Въ Норовской рукописи ея нѣтъ. Въ Румянцовскомъ спискѣ (л. 32 об.) означено это празднество такъ: мц҃а то҃. к҃ѕ. памет прп҃бнаго оц҃а нш҃го Алоумьниꙗ стльпника и сщ҃ениѥ великаго м҃ка Геѡргиꙗ.

Есть въ этомъ минологіи и нѣсколько статей Болгарскихъ, между прочимъ:

— мѣсеца генаря ӏ҃. е дне. памѧть прѣподобнаго ѡтца нашего поустынножителѣ Гаврила Лѣсновьскаго, основателя Лѣсновскаго монастыря. Въ статьѣ этой замѣчено между прочимъ, что спустя тридцать лѣтъ послѣ кончины и погребенія Гаврила «проꙗвисѧ ктеру Роусиноу вь градѣ Срѣдечьстѣмъ. и пришедь и изѧть и. и сьтвори ковчегь и тоу положи мощи ѥго. . . и по многоу времени прѣнесены быша мощє ѥго вь градь Трьновь Бльгарьскы. и положены бышѫ. вь трьпезици оу свꙗтыхъ апостоль. иде же и донинѣ лежѧть».

— мѣсеца генара к҃. дне. Въ тожь день моученика, ѥнепа. и ирина. и нина. Тии свꙗтии бѣашѫ ѡть Скиоиꙗ Сѣверьскыꙗ страны оученици свꙗтааго апостола Андреꙗ. и оучаще ѡ имени Христовѣ. многыꙗ оть поганыхъ (о)бращаꙗ кь правѣи вѣрѣ. того же ради ꙗти бышѫ».

— мѣсеца юлиꙗ .к҃г. дне. Вь тижь день сконьчавшихьсѧ. братии нашеи. при Никифорѣ цари ѡтьци Старокиѡнѣ. вь де-

іатое лѣто царьства его сключися рати быти. Грькомъ сь Блъгары. Абие цареви ѫ дрьжавѣ побѣдивьшоу. и посемь побѣдоѭ взнесьшоуса. оуставльшеса при Оугрѣхъ Блъгаре и нощиѭ на Грьчьскыѧ воѧ нападьше. самого же царѣ и синьглита вьсего. и воѧ. не стрѣгомыѧ сѫщѫ ѩшѫ. и много оубииство вь нихъ сьтворишѫ. не пощѧдѣшѫ ни единого же ни того самого царѣ. ѡть тѫдоу бо елико ѩзы приѩшѫ. абие непрѣставьше са ѡть житиѩ на гѫстѫѩ горы вьзбѣгьше избишѫ. а елико же ихъ ѩто бысть живо. нехотѧщи Христа ѡтьврьщиса. се оубо нѫдими бѣхѫ ѡть безбожныхь. и мѫченны вѣнець приѩшѫ·⁘· Никифоръ царствовалъ съ 1 октября 802 года до 25 іюля 811 года. Обстоятельство здѣсь описываемое и относится къ 23 іюлю.

Изъ выписокъ д-ра Шафарика видно, что въ Бѣлградскомъ спискѣ нѣтъ ни подъ 30 января памяти Петра цр҃ѣ Бльгарскаго, ни подъ 14 октября прп҃бные Петки, какъ есть въ Румянцовскомъ. Первая, по изслѣдованіямъ Востокова, могла совершаться или въ воспоминаніе о Петрѣ Симеоновичѣ (ум. около 966), или въ воспоминаніе о Кали Петрѣ (ум. послѣ 1186 г.) и скорѣе о второмъ; вторая въ воспоминаніе о перенесеніи мощей преп. Параскевы, именуемой пятки = пятницы, въ городъ Терновъ (1193 г.).

Въ Поровской рукописи нѣтъ ни одной изъ этихъ статей, а вмѣсто нихъ находятся иныя:

— окт. 19. прѣп. о. н. Іѡана Рильскаго, и прѣп. о. Прохора.

— февр. 13. паметь прѣп. о. н. Симеѡна Срьбьскаго новаго муроточьца лежащаго вь лаврѣ великие.

— іюн. 20: стр҃ть с. сщеномѫка Меѳодиѩ еп҃па Моравьскаго. Послѣднее слово поставлено писцомъ ошибкою вмѣсто «Патарьскаго». О Меѳодіи же въ Поровской рукописи нѣтъ ни слова.

Что касается до статьи о Меѳодіи Моравскомъ, то она представляется здѣсь по Бѣлградской рукописи вполнѣ.

мѣсеца авгоуста .ке҃. дне.

·⁘·вь тиже день. памать вь свѧтыхь по истинѣ прѣподобною ѡтьцоу нашею и архиепископоу Моравьскою Костандина

нарицаѥмаасо Кирила философа. и Методиꙗ брата ѥго. оучителѣ сѫща Словеньскомоу ѩзыкоу. и творить же сѧ памѧть ѥю .ѕ҃. априлѣ мѣсеца. и вельми црькви празноуѥть. вь день памѧть ѥю.

Сьй оубо блаженыи и прѣпо҃бный ѿць нашь Методиѥ ар҃хиѥпнь вышнихъ Моравы. бра҃ сѫщь прѣпо҃бнаго Кирила философа. прьваго оучителѣ Словѣньскы҃ книгь. ро҃мъ сѫща Солунѣнина. бѣ же сьй Методиѥ сь своимь братомь. вь Срацынѣхь и Козарѣхь оучила симь православнѣй вѣрѣ. прошедша же вьсѧ прѣж҃ реныхъ землѧ. и вь Моравѣ наоучьше оученикы. и поѥмша ж҃ вь Римь идоста. Римлѣне же дѣло ѥю ст҃о и ап҃лко нарекше. поставишѧ презвитерѫ Словѣньскыхъ оученикы. абиѥже починоу. блаженый Кирилъ. Андриꙗнь же папежь Римъскы поставий ар҃хиѥпа блаженаго Методиꙗ. на столь Андроника ап҃ла. Паноньскыхъ ѡбласти идеже оучѧ многыхъ напасти и пакости прѣтрьпѣ. ѿ сьпрѫческы҃ кнѧзь и презвитеръ. противѧщиихсѧ правѣй вѣрѣ. по изьблѧденїю Глигорѣ диѧлога. сѣдѣне вь земли Моравьстѣй прѣложи вьсѧ .ξ. книгь. ветхаго и новаго закона ѡ Грьчьскаго. вь Словѣньскый. вь .г҃. ѥндиктѣ. вь. .ѕ҃. тысѫ, триста. ҃ д ѥста третиѥ лѣто. при Стопльца кнѧзы. црь бѣше Грьчьскы Василиѥ. а Блыгаромь ѿ ба҃ кнѧзь Борысь. Краль Нѣмечьскымь лю҃мь. и наоучь же оученикы своѫ правѣи вѣрѣ. и пророкь ѡ свои смрти прѣж҃е трьми дьнми оусне ѡ г҃и сь миромь. лежить же вь велицай црькви Моравьстѣй ѡ лѣвѫѧ странѫ. вь стѣнѣ за ѡлтаремъ ст҃ыхъ бцѫ. дшѫ в рѫцѣ бѹ прѣдавше. приѥмь црство небное. тѣ҃ мл҃твами.

Выраженіе «вь ,ѕ҃. тысѫ триста ҃ д ѥста третиѥ лѣто» нельзя иначе читать какъ такъ: «въ шестьтысѧштное три ста деваноста третиѥ лѣто», т. е. 6393.

Годъ этотъ, когда, по выписанному сказанію, Меѳодій перевелъ священное писаніе на Славянскій языкъ, 6393-й, индиктъ 3-й, есть годъ кончины Меѳодія, какъ обозначено въ такъ называемомъ Паннонскомъ житіи (см. Шафарика Památky drev. písemnictví Iihoslovanuv. Život. sv. Methodia, стр. 9). Неправильное написаніе года въ Румянцовской рукописи могло вести къ другимъ заключеніямъ о годѣ; но именно только по-

тому, что написано неправильно. Считать же неправильнымъ, требующимъ исправленія чтеніе Бѣлградской рукописи кажется, и не возможно. Обознача годъ 6393-й, составитель сказанія о Меѳодіи правильно обозначилъ и соотвѣтствующій 3-й индиктъ. Передъ 6393 = 885 годомъ 3-й индиктъ былъ въ 6378 = 870 году; но его тутъ разумѣть нельзя, потому что онъ не сходится съ другими показаніями. Кириллъ философъ, по показанію Паннонскаго житія его, скончался 14 февраля 6377-го, индикта 2-го, слѣдовательно за 6½ мѣсяцевъ до наступленія 6378 года индикта 3-го. Меѳодій принялся за переводъ св. писанія въ мартѣ, но не въ мартѣ того года, когда скончался братъ его, а, какъ по всему видно, позже; слѣдовательно не въ 3-й, а въ какой нибудь слѣдующій индиктъ. Очевидно, что переводъ св. писанія къ 6378-му отнести нельзя, если только не отвергнуть показаній Паннонскихъ житій. Если же допустить, что составитель сказанія о Меѳодіи годъ перевода св. писанія могъ смѣшать съ годомъ кончины Меѳодія; то можно допустить, что онъ могъ ошибиться и въ другихъ показаніяхъ. При такомъ взглядѣ на сказанія нельзя удержаться при увѣренности въ его самостоятельную важность. Въ самомъ дѣлѣ, важно оно едва ли не болѣе всего тѣмъ, что представляетъ собою сокращеніе Паннонскаго житія, и слѣдовательно можетъ свидѣтельствовать объ относительной древности его.

Сказаніе это записано въ Минологіи подъ 25 августа: ни въ одномъ изъ древнихъ показаній нѣтъ упоминанія о праздновапіи памяти братьевъ первоучителей въ этотъ день. Память ихъ святилась обыкновенно 14 февраля, въ день кончины бл. Кирила, и 6 апрѣля, въ день кончины бл. Меѳодія. Встрѣчается еще упоминаніе о праздновапіи памяти бл. Меѳодія 11 мая. Будемъ надѣяться, что вопросъ о празднованіяхъ памяти Слав. первоучителей объяснится въ сборникѣ ихъ житій, приготовляемомъ О. М. Бодянскимъ.

За исключеніемъ этого сказанія о Меѳодіи всѣ другія Славянскія сказанія разсматриваемаго минологія суть Болгарскія и Русскія. Сербское прибавленіе въ Норовской рукописи, должно быть, сдѣлано позже, въ XIII вѣкѣ, такъ какъ мощи Симеона = Стефана Немани перенесены были въ Студеницу только

въ 1208 году, а лаврою монастырь этотъ сдѣланъ еще позже. Болгарскихъ сказаній менѣе чѣмъ Русскихъ, и притомъ они не всѣ въ обоихъ спискахъ: въ Бѣлградскомъ недостаетъ двухъ относящихся ко второй половинѣ XII вѣка, и есть одно мѣстное, Овчепольское, о Гавріилѣ Лѣсновскомъ, прибавленное во время переписи книги въ Лѣсновскомъ монастырѣ. Русскихъ сказаній болѣе чѣмъ Болгарскихъ, и всѣ они Кіевскія, а по времени самое позднее относится къ первой половинѣ XII вѣка. Нѣтъ повода сомнѣваться, что Болгарскія сказанія составлены Болгарами. Можно думать, что и Русскія сказанія писаны Болгарами. Впрочемъ, такой взглядъ можно опереть только на нѣкоторыхъ особенностяхъ выговора (Хлѣбъ, Роу*ш*ьскыи и т. п.). Историческія данныя въ нихъ, на сколько извѣстно, всѣ вѣрны, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дополняютъ извѣстное новыми подробностями (напр. о крестѣ Ольги, о Городищенской церкви Благовѣщенія, о Кіевскомъ монастырѣ св. Θеодора). Нѣкоторыя выраженія изобличаютъ прямо Русскаго человѣка (напр. «отъ Ольги възрастошѧ кнѧзы *наши*»). Принимая все это въ разсчетъ, можно заключить, что въ редакціи книги принимали участіе и Русскіе. Къ такому же заключенію приводитъ и употребленіе нѣкоторыхъ словъ въ другихъ статьяхъ. Такъ между прочимъ словомъ *глазатыѥ* передано названіе народа Βλέμμυες, жившаго въ пустынѣ на югъ и западъ отъ Египта и занимавшагося разбоями. Причина, почему переводчикъ назвалъ Влеммієвъ глазатыми, заключается, безъ сомнѣнія, въ сходствѣ ихъ имени съ Греческимъ словомъ βλέμμα взглядъ, видъ, отъ βλέπω глядѣть, обращать глаза на что нибудь. Русское слово *глазъ* (напоминающее Исланд. gloggva = Анг. glout = Нѣм. glotzen всматриваться) ни въ одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій не употребляется и, на сколько извѣстно, не было въ употребленіи. Слѣдовательно, только Русскій и могъ замѣнить имя Влеммієвъ именемъ Глазатыхъ (слово это употреблено въ такомъ же значеніи и въ другомъ памятникѣ такого же рода). Употребленіе такихъ Русскихъ словъ въ статьяхъ переведенныхъ изобличаетъ участіе Русское въ самомъ переводѣ, не только въ Русскихъ сказаніяхъ.

VI.

Русская редакція хроники Георгія Амартола.

Славянскій переводъ Временника Георгія Амартола нельзя не отнести къ числу памятниковъ древнихъ: имъ пользовался уже Русскій лѣтописецъ, составитель Повѣсти врем. лѣтъ, въ началѣ XII вѣка, до 1116 г. Кто прочтетъ хоть нѣсколько отрывковъ изъ этого Славянскаго перевода Временника Георгія Амартола, не можетъ оставить въ себѣ ни малѣйшаго недоумѣнія относительно главныхъ качествъ языка этого перевода: съ первой до послѣдней страницы въ немъ господствуютъ тѣ самыя черты, которыя повторяются во всѣхъ древнихъ Старославянскихъ книгахъ, церковныхъ и не церковныхъ. Русское правописаніе въ уцѣлѣвшихъ спискахъ перевода само по себѣ не можетъ остановить никого и въ этомъ случаѣ, какъ не останавливаетъ ни въ какихъ другихъ: какъ большая часть памятниковъ Старославянскихъ сохранилась въ спискахъ Русскихъ, отличающихся отъ списковъ не-Русскихъ особеннымъ Русскимъ правописаніемъ, такъ могъ сохраниться только въ Русскихъ спискахъ и древній переводъ хроники Георгія. Впрочемъ одного общаго заключенія о древности языка въ переводѣ Георгія Амартола еще мало для послѣдняго вывода о томъ, гдѣ сдѣланъ переводъ хроники Георгія Амартола, такъ какъ Старославянскимъ языкомъ пользовались въ книжной письменности всѣ православные Славяне. За отсутствіемъ прямыхъ указаній о лицѣ, мѣстѣ и времени перевода, необходимы были бы изслѣдованія научныя для рѣшенія этого вопроса; но такихъ изслѣдованій до сихъ поръ еще не было сдѣлано. Нѣкоторые рѣшались называть этотъ переводъ Болгарскимъ; но это дѣлалось только для отличенія его отъ другой болѣе поздней передѣлки перевода, Серб-

ской, на основаніи простодушнаго предположенія, что всѣ древнія произведенія Славянской письменности суть произведенія Болгарскія. Такія предположенія могли казаться тѣмъ позволительнѣе, что точныя изслѣдованія въ настоящее время едва ли даже и возможны. Трудно приступить къ нимъ между прочимъ и потому, что еще не найдено очень древнихъ списковъ хроники Георгія Амартола, по которымъ бы можно было сдѣлать соображенія о первоначальныхъ особенностяхъ языка перевода. Возможны теперь только соображенія о той редакціи перевода, которая повторяется въ найденныхъ спискахъ. Правда, что этой самой редакціей перевода хроники Георгія Амартола пользовался и Русскій лѣтописецъ до 1116 года; но въ Повѣсти времен. лѣтъ отрывковъ изъ хроники выписано такъ мало, что по нимъ однимъ, еще нельзя заключать, что въ такомъ же видѣ была у Русскаго лѣтописца и вся книга хроники.

Какъ бы то ни было на эту сохранившуюся редакцію перевода хроники Греческой нельзя не обратить вниманія со стороны языка. Въ этой редакціи при очень частомъ соблюденіи не-Русскихъ особенностей Славянскаго языка, мелькаютъ нерѣдко и черты языка Русскаго, такъ же какъ и въ самой Повѣсти времен. лѣтъ.

Между звуковыми отличіями любопытны слѣдующія:

1. Нерѣдко встрѣчается выполненіе требованія такъ называемаго Русскаго полногласія: *оло* вмѣсто *ла* и *лѣ*, *оро* вмѣсто *ра*, *ере* вмѣсто *рѣ*: — волочити: царевꙋ волочити триирю — ἐρέττειν; **золотникъ**: продаяти спꙋдъ единъ ячьнъ на двою на десяте золотьникꙋ; **осколобленнѥ**: осколобленнѥ разꙋмьно — μειδίαμα, оустремленнѥ осколобленню — ὁρμὴ μειδιάματος; **половыи**: приде кꙋзнець имѣя грича полова — κύνα ξανθόν; **пополошитися**: конь его пополошився въсхыти єго — θρηνθεὶς; **молоти**: Седекию же въ темнѣ мѣстѣ затворивъ молоти осꙋди — μυλωθρεῖν; **полова**: расѣяшася людье половы брати — ἄχυρα; **полоникъ**: бысть нѣкыи гигантии рекомыи полоникъ, имя ємꙋ Невъродъ; родишася гигантове. еже сказꙋется полоници; рожахꙋся гиганте. рекше полоници: слово *полоникъ* во всѣхъ случаяхъ есть прибавленіе Славянское, неимѣющее въ Греческомъ подлинникѣ соотвѣтственнаго выраженія; **холопъ**: из-

бра томитель каженика Никитꙋ холопа — σκλάβον; шеломъ: шеломи мѣдяни на главахъ ихъ—περικεφαλαῖαι; ворожа: тѣмъ и вълхвованию и ворожю и отравлению ꙋчахꙋся отъ нихъ — μαντεῖαι; городець: мꙋчитель пришедъ даже и до крꙋглаго городьця ꙋмре — καστέλλου; испоротокъ: кесарь еже есть сказаемо испоротокъ по Ромьскомꙋ ıазыкꙋ — ἀνατομή; мороморянъ: лохания мороморяна; Новъгородъ: въ Неаполь рекше въ Новъгородъ; норовъ: имь же и норовомъ = ндравомь избѣгнꙋти г҃лхоу отъ лица львова—τρόπον; пропороти: ꙋмерши матери его въ і҃о. мѣсяць. и пропоровше ꙋтробꙋ ея и вынявша его изъ матери—ἀνασχίσαντες; своробъ: ли своробъ на нозѣ ли въ ꙋсѣ звиздъ бꙋдеть — κνισμός; берегъ: посланъ же тогда Варда Фока берегомъ — διά γῆς; одерети: Хоздрои же ıако Ираклия видѣвъ не ıатъ его. одерети и повелѣ — ἀποδαρῆναι; ожерелик: злата ожерелия на выи носяще—μγνίσκους; перегиня; шьствоваше по перегинѣ Матѣи водимъ Персіяниномъ — αὐτὸς δε διὰ γῆς ἀπῄει δυσβάτου ποδηρούμενος ἀπὸ του ἀπατεῶνος Πέρσου; тересна: тересны отъ акvноа и прапрудъı, и пр.

2. Такъ же нерѣдко встрѣчается употребленіе *ж* вмѣсто *жд* и *ч* вмѣсто *щ*: вижꙋ божик испразньство, — гаженик, досаженик: славою и досаженикмъ, гаженикмъ и похваленикмъ, съзижетъ: съзижеть около тебѣ гроблю, жажа: жажею водною одержими, межи собою, на воженик конечное—ἡ ἐπαγωγή, наряженъ: кони наряжени, наряженомъ слономъ, нꙋжа: нꙋжею нꙋждьною, нꙋжати: нꙋжаше прилѣпитися, ц҃рская одежа, преже: азъ преже глаголю, чюжии Фока; въздрꙋчатися: изнемогаю и въздрꙋчаюся—πίπτω, Даниллина дъчи, печьныи зижитель — ὁ κωμωδοποιός, плюча: посредѣ полоныхъ плючь — πνεύμανος, скрегъчючимъ бѣсомъ — ἐπιτρισόντων, скрогчющи—βρόχουσι, таимечьныи: отъ таимечьнаго и неключимаго родителя—νόθου, таимичичь — ὁ νόθος: два сына Саꙋля таимичичя — νόθοι, заıачичь—λάγου. —Нельзя не замѣтить окончанія *ичь*, употребленнаго безъ исключенія постоянно.

Между формами образованія сложныхъ словъ замѣчательна форма образованія глаголовъ съ предлогомъ *вы*, какъ извѣстно неупотребляемымъ ни въ одномъ Югославянскомъ нарѣчіи, не

находящимся и ни въ одномъ памятникѣ Старославянскомъ не-Русскомъ: вынидти: епископомъ изъ Рима вышедшимъ; вылагати: прилагаеть же и злыя страсти о вылаганыхъ и иже сѫть събрании — τῶν ἐξανδραποδαζομένων, выложити: словесныя наречены дѫша бынна и тѣлесемъ тълыцыинмъ ыже о насъ выложена — ἐμβληθῆναι; вынити: аще имаше единого храбра въ воихъ своихъ. единомѫ на сѣчю вынити на единого сѣчьця Персянина — ἰσχύοντα μονομαχῆσαι; выняти: пропоровше ѫтробѫ выняша его изъ чрева — ἐξέβαλον; вынызти: възвративши же ся елени и за поясъ цареви рогъ задѣвъ. стъргнѫ и съ коня. и бѣгаше на розѣхъ нося его. единъ отъ сѫщихъ съ нимъ състигнѫвъ и мечь вынезъ поясъ пресѣкъ цр҃я избави — γυμνώσας; выступити: которыми ногами выстѫпиши на мостъ сеи — πατήσεις и др.

Наконецъ въ извѣстной намъ редакціи древняго перевода хроники Георгія Амартола есть и довольно много словъ, которыя, по исключительному ихъ употребленію вообще или въ какомъ нибудь особенномъ смыслѣ въ памятникахъ собственно Русскихъ, должны считаться въ числѣ Русскихъ, и заставляютъ думать, что эта редакція перевода Греческой хроники явилась въ томъ видѣ, какъ извѣстна, не безъ участія Русскаго. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ.

— быль. м. р. Июлии ѫбинкъ бысть былии своими — ἐπὶ συγκλήτῳ. И се слышавъ Кѵръ скоро посла быля своѥго къ нѥмѫ — μεγιστάνους.

— говорити: злымъ бѣсомъ предстоящимъ и прящимся и говорихѫ прилежно — λογοθετοῦντες. говорливъ: тъ о рѣчи неговорливъ бѣ — μέτριος.

— гълькъ: гълькомъ же и криницамъ и чашамъ очищеннѥ — ξεστῶν.

— гораздъ: забрала древяна къзнию гораздою замышлена — διὰ μηχανῆς. гораздъ бысть вълшвенымъ прельщениѥмъ — ἄκρος.

— гостиньница: дондоша гостиньница — πανδοχεῖον.

— гридь: семѫ ѫгодившоу цр҃еви причета ѥго Андрееви старѣйшинѣ гридемъ порѫчи и конѣ его набдѣти повелѣ — ἑταιριάρχῃ; магистръ Іоанъ избранниѥ соущихъ въ гридехъ въ

меньшихъ сътворивъ съ оружиемъ сия посла на дѹкса—τῶν τῆς ἑταιρίας καὶ τῶν ἐλατων; множьство много отъ ѹгрьскыхъ дрѹжинъ и отъ гридеи и отъ чиновъ—τῶν τῆς ἑταιρίας.

— докѹчати: докѹчаше премного богоу богоранъыми ѩзвами—διώλωλε (въ другомъ спискѣ: ѹлюташе).

— именины: Ромъ сътвори врѹмалия рекше именины; врѹмалия рекше имениньскъıи пиръ.

— клекътати: двѣма орлома клекчющема црсма бесѣдѹющема—δύο φασὶν ἀετούς.

— клюкати, переклюкати: клюкавъ же и въсхыщенъ—ὕπουλον τε καὶ ὕφαλον. Пакы на Уалента нападе на нь крамола. тѣмъ и того переклюкавъ добрымъ бѣжаниемъ—τροπωσάμενος.

— коврига: намочи ковригы рекше сѹхыя посмагы—ἄρτους.

кръхъть: кръхъти сребрени спадоша—ψεκάδας.

— лоханя: црь нѹжѹ творяше патриархѹ. да разорить цр҇ковь. хотя поставити на мѣсто сея фіалѹ рекше лоханю мороморянѹ.

мигати: тако и дѹша чл҇комъ мигающи очима разѹмнъıма. бг҇а видѣти не могѹть—καμμύουσα.

— оскомина: зѹбомъ чадъ ихъ оскомина бысть—οἱ οδόντες ἐμωδιάσαν.

— похритати: биенъıмъ же симъ бывшимъ и похританъıмъ сквозѣ града въ оземьствие посланы быша—δημευθέντες.

паяти, припаяти: знамение крьстьное абие златоприпааньмъ камениемъ изъобразивъ и на копие въстъкнѹвъ водитель своимъ воемъ повелѣ быти—χρυσοκομήτοις.

— пъртити: да не пъртять имѣния на безлѣпаа требования.

— пѹщи, пущьше: чловѣчьскаго свирѣпия пѹщи—χεῖρον. и нынѣ кѹпно вси тоя сѹдьбы потьрпѣли пѹщьше—ἢ χείρονα.

— росохатый: на древѣхъ росохатыхъ повѣсиша—διδύμοις.

— синии: нарече овомꙋ зелено. овомꙋ же чьрвлено. овомꙋ же сине — βένετον.

— стьпица: егда и Сисара Паинъ ꙋби стьпицею жена Хавѣрова — πασσάλῳ. (Суд. IV. 21).

— сꙋсѣкъ: дождю бывшю пшеница смѣшана съ водою много спаде. си же събравше сꙋсѣкы великыя створиша — σωρούς.

— сѣни: столицꙋ цр҃еви на сѣнехъ — ἐν τῷ ἡλιακῷ. на Вꙋколѣеньстѣхъ сѣнехъ — ἐν τῷ τοῦ Βουκολέοντος ἡλιακῷ.

— троскотание: ли троскотание бꙋдеть въ древѣ — τρισμός.

— ꙋжасть: бывахꙋ мечти нѣции и ꙋжасти нѣкоторыя — δείματα. страсть и ꙋжасти — δειλία. въ ꙋжасти — ἐν τῷ ϑαμβεῖσϑαι.

— ꙋзмень: тъгда ꙋзмень глаголемыи сꙋдъ и вся пожьгоша — στενόν.

— ꙋкромъ = ꙋкромие: на ꙋкромъ злобия приидоше — ἐπι το ἄκρον. добродѣтельствие бо на ꙋкромъ и разꙋмъ нагна — εἰς ἄκρον. сь родитель Андреевъ въ наша лѣта иконничю хытрость на ꙋкромые изгна — εἰς ἄκρον. на ꙋкромьи обоими поꙋчися — εἰς ἄκρον. — ꙋкромное желание съ Богомъ быти — ἀκρότατον на ꙋкромное злобие ꙋклонившася ч҃лка — εἰς ἄκρον κακίας. тѣлоу исъсохшꙋ ꙋкромнымъ жесточьствиемъ — δι' ἄκρον σκληροαγίαν. ꙋкромно гнѣвливъ — ἀκροχόλος. еще же и философии всеи ꙋкромно наꙋчиши — εἰς ἄκρον.

ꙋсобица: быша ꙋсобици и воиты по всемꙋ мирꙋ — στάσεις ἐμφύλιοι.

шатьръ: варваръ къ цр҃еви въ шатеръ вшедъ ꙋби его — κατὰ τῆς σκηνῆς. златорꙋкыи шедъ вечеръ ꙋ глꙋбокаго потока постави шатры — ἐσκήνωσε.

Эти и другія въ томъ же родѣ доказательства убѣждаютъ меня, что разсматриваемая редакція древняго перевода хроники Георгія Амартола есть созданіе Русское. Не заключаю еще, что и первоначальный переводъ хроники былъ сдѣланъ Русскимъ; но считаю непозволеннымъ и заключать, что онъ непремѣнно сдѣланъ въ Болгаріи, какъ думали нѣкоторые: ни для того, ни

для другаго вывода нѣтъ еще достаточныхъ доказательствъ. Могъ быть приготовленъ переводъ и въ Болгаріи, могъ быть приготовленъ и на Руси, какъ приготовлялись на Руси и другія произведенія—между прочимъ тропари, кондаки и цѣлые каноны, въ которыхъ нѣтъ ничего собственно Русскаго, кромѣ правописанія.

V.

Глаголическій списокъ поученій Ефрема Сирина.

Въ числѣ древнихъ глаголическихъ памятниковъ изданъ мною подъ названіемъ Македонскаго листка отрывокъ изъ сборника поученій (Извѣстія арх. общ. IV, стр. 381—390). Откуда взяты эти поученія, въ то время я опредѣлить не могъ. Теперь, разсматривая древніе списки сборника поученій Ефрема Сирина, называемаго Паренесисъ, я нашелъ въ немъ и то, что вошло въ Македонскій листокъ: на первомъ столбцѣ и на верхней половинѣ втораго помѣщенъ на этомъ листкѣ конецъ поученія «о судѣ и о любви и о покаяніи»; остальное занято началомъ другаго поученія «о возвращеніи назадъ, т. е. къ язычеству». Привожу здѣсь оба эти поученія (первое сокращенно) по Кирилловскимъ спискамъ XIII в. (съ варіантами по другимъ древнимъ спискамъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ глаголическій изводъ съ варіантами по Кириловскимъ спискамъ:

1.

Того же Ефрѣма ѡ соудѣ и о ѡ любъви. и ѡ покаӕньи. слово. п҃д (=п҃г, о҃ѳ).

Приидѣте вси братиѥ. послушаите съвѣта моѥго грѣшнаго. и ненаказанаго Ефрѣма. оуже бо постиглъ ны ѥсть ѡ братиѥ д҃нь онъ страшныи и великыи. и мы любимици глоумимъсѧ. нехотѧще нынѣ въспраноути въ малоѥ се времѧ и потщатисѧ къ б҃у. се бо д҃ньѥ лѣтъ нашихъ и м҃цѣ ӕко соны мимоходѧть (= преходять). . . . Молю вы оубо братьѥ моӕ възлюбленаӕ. ближьнаӕ. приидѣте отвьрзѣмъ печаль земльныхъ вещии. . . даю вы извѣстьство вашеи любви. плодовита древа. ӕко въ-

ноутрынмы ихъ. въ время предлагаютъ плодъ съ листьвикмъ. а не вн҃шнимы отнюдоуже одѣютьсѧ древеса въ свою лѣпотоу. но вноутрынмы ихъ повелѣнькмъ б҃икмь. предлагають плодъ (= — ы). кыиждо по кестьству. такъ и въ д҃нь онъ страшьнтыи предлагають вса тѣлеса ч҃лвчьскаıа. вса ıаже сътворила соуть. благаıа или лоукаваıа. понесеть (= — уть) къждо предъ соудищемъ соудьѧ страшьнаго дѣлеса. акы плодъ. рѣчи же ıако листвьк. и аще быхомъ вѣдали (= — ѣли) братьк. чьто намъ прѣдлежить. плакали сѧ быхомъ всегда въ д҃нь и въ нощь (= во дни и въ нощи). б҃оу молѧщесѧ. . . . въспрѧни оубо отъ сна свокго попе малы и измъждале (= о измъжчаль). отвьрзи оуста своıа. помолисѧ часто. плачисѧ непрестаньно. бѣжи слабости. възненавиди оунъıньк. да омьрзить ти лоукавьствик люби кротость. въсхощи въздьржанью. чьрнечьствоу. и безмолвьствомъ (= — выкмь) пооучаисѧ пѣнью. блаженъ иже тѧ Хе҃ възлюби отъ всеıа д҃ша свокıа (+ и) възненавидѣ мира. и ıаже въ немъ всѧ. да тъкъмо имать с҃таго владыкоу добраго бисьра съкровища живота (+ нашего) и ненасытимаго б҃а. иже сице любить б҃а всѣмъ ср҃дцемь. и тому на земли нѣ҃ оумъ (= — а). нъ горѣ всегда кесть. иде же бо възлюбила кесть д҃ша. тоуже и (= то) оумъ (= іде же и възлюбилъ кесть. и д҃ша въсхотѣла кесть. и жажеть оумъ). . . ѡгнь бесмрьтенъ кесть. любы б҃иа. сдѣлавакть же въ д҃ши възлюбившии б҃а свѣтлаıа дѣла и чювествыı кıа възносите (= — ь) ѿ земльı. и не навидьте (= — дить) зѣмьскыхъ (= земныхъ). . . . Вѣлик чюдо бр҃ак ч҃лвкъ зѣмьнъ (= на земли) б҃а (+ ѡ҃ца) нарчеть (= наре —) вь свокıи м҃лтвѣ чистѣ и с҃тѣ. бл҃жнъ (+ ч҃лвкъ) имѣıа(и) покаıаник всегда по бл҃жню. покаıаник бр҃ак цѣлеик д҃ши кесть (+ покаıаньк бр҃ак д҃ши просвѣщеньк есть). покаıаник бр҃ак грѣховъ ѳставленик. исходатаиству кесть (= ходатаиствукть) всегда покаıаник бр҃ак д҃ха с҃то въсхыщакть къ себе (= к собѣ). покаıаник бр҃ак Іс҃а кдиночадаго въселѧкть въ ны. кгда того желакмъ. боюсѧ бр҃ак исповѣдати вамъ силу слезъ. Ана до (= Анна) сльзами ѿ б҃а притъча (= прпıа) Самоила пр҃рка высоту (+ и) похвалу свокго ср҃дца. жена грѣшна въ дому Симони ѿ х҃а прıатъ ѳставленик грѣховъ (= — мъ) плачющи (+ сѧ и ѡмакающи) с҃тѣи нозѣ кго. Вѣлиıа сила слезъ бр҃ак. много мугуть (= мо —) сльзы по

бж҃ию. ѡмываюль присно д҃шу. ѿ грѣхъ (+ и) ѡчищають ю. ѿ безаконии. Слезы по бж҃ию дерзновѣние дають всегда къ б҃у. и не могуть (+ ни когда же) скверьнии помысли приближитисѧ д҃ши. имущи покаꙗние. что оубо ст҃ѣе есть сладости сеѧ. егда самого б҃а видитъ д҃ша приходѧщи к нему. егда же бо желаеть д҃на б҃а ѡ бр҃ие (= братьꙗ). видить и присно въ своеи м҃тве и ѡ нѣмь (= ѡ неї) поучаеться въ нощи и въ д҃нь (= д҃нь и нощь) скровище некрадомо(е) есть покаꙗнье. и неизг҃лаемаꙗ радость. радуетсѧ д҃на имѣющи (+ ꙗ) покаꙗние. (+ покаꙗние) же г҃лю не едниого д҃не. но бываемое въ нощи и во дне (= въ нощь и въ д҃нь) (въ) д҃ши ꙗко источникъ чистъ есть. покаꙗ (+ ние) присно въ д҃ши бр҃ие напаꙗющиꙗ (= напаꙗли) сады плодъвиты (= — тѣи д҃ши. сады же плодовитыꙗ) исправлѣние (= — ꙗ) г҃а и дѣтели и прославление (= ісправлениї) напаꙗемо (+ море присно) сльзами и въздыхании. Сади сады плодовиты бл҃гоцвьтуща въ души твоеи присно и напои ꙗ пакы сльзами молѧсѧ сады напаꙗемыꙗ сльзами и м҃лтвами и оумножи плъдъ (= плодъ) бл҃гоцвьтущь въ д҃ши (+ си) присно. Потрѣбьни и избра (+ нии) краснии да суть ти садове беспрѣстани напаꙗи сады своꙗ бр҃а сльзами молѧсѧ да напаꙗеми въздрастуть плъды (= плоды) творѧ (+ ще) по всѧ д҃ни. и не буди ми подражатель слабу и грѣшну г҃лщу всегда и не творѧщю никогда (+ же). оунъло (= — ъ) прѣдложѣниемь. слабъ волею нѣ имыи покаꙗниꙗ и (= ни) м҃лтвы же чисты нѣ свѣдыи (+ же) себе (+ всегда) грѣшна. (+ и) боюсѧ (+ суда) будущаго. и ѿвѣта нѣ имыи ѡ грѣсѣхъ (+ своихъ). моеꙗ (+ ради) слабости молю вы оубо нынѣ (+ чю) бр҃ие (= — ꙗ) моꙗ елико же васъ есть боꙗщесѧ (= — щиї —) б҃а и творѧще всегда ему оугодьнаꙗ. помолитьсѧ (= — те —) ему за мѧ (— мене) ѡканьнаго. да приидє(+ ть) на мѧ ст҃аꙗ его бл҃дть. вашими м҃лтвами и сп҃сѣте (= сп҃сеть) ми д҃шу въ годину ѡну страшьную и великую егда (+ же) придетъ г҃ь ѿдати комуждо (хотѧ) по дѣломъ его. Слава единому б҃у ст҃у (= ст҃ому) бе см҃рти (= — тьну) благоу и страшноу. прѣч҃тоу (+ и) м҃рдоу подвигшемоу ѧзыкъ мои бл҃гдатию възгласити г҃лы соуднꙑѧ (+ и) покаꙗниѧ и любъве пакы создати д҃ши просвѣщение (+ и) ср҃цю и оумъ полезьнъ да всѧка

дш̃а поющи си и насладившися и възведетьсѧ (=изведетьсѧ) въ жизнь вѣчную. бу̃ же нашему слава (+ и нынѧ ⁘).

Конецъ этого поученія въ глаголическомъ спискѣ читается такъ:

(Потрѣ)бнии красьнъи избрании. да сѫтъ ти садове беспрѣстании напаѣни садъи своѧ братре слъзами молѧсѧ, да напаѣеми вь(з)драстѫть. плодъи творѧ по вьсѧ дни. и не бѫди мi подражатель слабоу и грѣшноу. гл̃щю всегда и не творѧщю никогда же. оунылъ прѣдьложеньемъ. слабъ волеѭ. не имъи покааньѣ. ни млвъи (=млтвы) же чистъи не съвѣдъі же себе всегда (+грѣшна). и боѭсѧ сѫда бѫдѫщааго. и ѿвѣта не имъи о грѣсѣхъ моеѧ слабости, молѭ въи нн̃ѣ чю бра̃ѣ моѣ. елико же васъ есть болѧщеся ба̃ и творѧщъ (= — ще) всегда емоу оугодьнаа. помолитесѧ емоу за мѧ окаанааго. да придеть на мѧ ста̃ѣ его благодѣ̃. вашими млвами (=млтвами). и спетъ ми дшѫ въ годинѫ онѫ. страшнѫѭ. и великѫѭ. егда же приде̃ гъ̃ (= хъ̃). ѿдати хотѧ комоуждо по дѣломъ его. слава единому Бо̃у сто̃у бесьмрътьноу благоу и страшноу прочто̃у мл̃доу (=мл̃рду) подвигъшюмоу ѧзкъ мои благодѣтыѭ. възгласити глъ̃и сѫдьнъиа. и покаанье и любьве паки съзъдати дш̃и просвѣщенье и срцю и оумъ польз̃ннъ да вьсѣка дш̃а поѭщи си и насладившисѧ изведетсѧ (=възведетьсѧ) вь жизнь вѣчьнѫѭ. Бо̃у же на̃моу сла̃ (+ и) нн̃ѣ ⁘

2.

Слово. блжн̃аго Ефрѣма како възвращаютьсѧ въспѧть юже есть на ѩзычскаа дѣла (=ѩко неглумити кр̃тыѩномъ поганьскы̃ дѣлы). слово. ӥ: (= сл̃ пе̃)

ѩко не подобають играти. ѩкоже и правила (= — о) сто̃хъ ѿць̃ гл̃ть и ѩко ходѧи (+ на игрища) со идолослужителемь (= — тели) имать часть. ѩко же и ап̃лъ (+ блжн̃ый гл̃ть.) вѣсть (= — е) ли бра̃ѧ моѧ любимаѩ. како възвращаютьсѧ (= — тесѧ) вс̃пѧть. и пакы печетесѧ и творить (= — ти) ѩзычьскаѩ. всѧкъ пекися плотьскими и глумаисѧ не (+ въ) Ха̃ ли съволкъсѧ ють (=ѡболъкписѧ юсте) ѩко нечаѩ слова оуздати оу дн̃ судьныи. ѩко же гл̃ть божествьными своими оусты. ѩко и ѿ праздьнѣ словеси. слово оуздадѧть чл̃вци оу дн̃ь ѡнъ. да аще

ѡ словесѣхъ спцеваѩ. суть нѣкслабна ти ѡ дѣлѣхъ оубо. (+ѡ) кака си будуть (+ й аще хощети ꙗко на среду извести I вса исповѣдати, недоволно ми будеть.) во врѣмѧ да всѧ исповѣдѣ безаконьнаѧ дѣла и вещи ꙗко же слышимъ бра̃к бл҃жнаго Дв҃да оу псалтыри гл҃юща се дн҃ь иже створи гь̃ оуздрадуѥ́мъ (=—имъ) сѧ и оузвеселимъсѧ во нь въ ст҃ую недѣлю воскрн҃ью (=—ниѧ) бо ѥсть праздьникъ и жизнь ст҃иѧ. в ню же сѧ дасть бъ̃ бл҃гн҃ькмъ (+ бж҃икмь) тѣмь же нынѣ бра̃к ѿложьше (= — пвъше) дѣла тмѣ (= темнаѧ) и ѡблецѣтесѧ во ѡружьѥ свѣта. и ѡтнпудь всѣхъ злыхъ сихъ ѿверзѣмъ сѧ. и ѥдинако (= ѡтинудь) молю совлецѣмъсѧ ветхаго чл҃вка и съ дѣлы (=—дѣлъ) ѥго и ѡблекущесѧ оу новаго Адама ѥже ѥсть во Хс҃ и оу поганьскыѧ щюди оуже не ходите (=—имъ). но и пакы причащаѥтеся да ѥ́же добрѣ забывше пакы (+въ) злѣ поминаѥ́те и ѡбращающесѧ оуспать пакы такоже (= таже) оусприѥ́млете дѣла безбожныхъ странъ щюдии. и требованыѧ (= — иѥ) и словеса ꙗже (= ѥже) срамъ ѥсть и ѿкрыти и на срѣду извести. ѡ велезлоба неприꙗзнина. ѡ велененависть(никъ) добру и ненависть (никъ) чл҃вчк҃а (=чл҃вку) ѿ нечт҃аго дх҃а. како ти кимъ (=коїмь) жидо художьствомъ. запинаѥть и ѡбиѧльстить (=льстить) и прѣбореть и (= да) Хс҃ завущю пррк҃ы и ап҃лы и куаньгелисты тоже изо многа мало чади приходить а дьꙗволъ зоветь. гусльми и плꙗсци (+ зоветь) и пс҃ми неприꙗзнинами (= — ьными зоветь) тоже мнози събираютьсꙗ (=—ющесѧ) нато (=тамо) чл҃вколюбець же бъ̃ призываѥть и гл҃ть приидѣте ко мнѣ вси. то нѣкто идый. нѣкто сѧ подвижа (= — гна), а ненавидаи чл҃вка (= — ъ) дьꙗволъ аще наречеться (= за — тесѧ) зборъ (= — а) какъ (= какого любо) то мнози стекутьсꙗ. а ѥгда повѣстьсѧ (= за —) постъ или бдѣньѥ то вси (+ оубо) оужаснутьсѧ и ѿпадуть (+ и) ꙗко мерьтви будуть. и аще сꙗ нарекуть пирове или вечерѧ или гусли или свирѣли или пс҃ни неприꙗзнины (= — ниньскꙑꙗ) то вси мастити будуть и текуть (= по —) (+ и) оублудꙗтьсꙗ другъ друга зовыи. и стекутьсꙗ на злыи тои (=ть) путь. и бореться (=борю—) на злѣ (=злой) тои брани не ꙗко же кр҃тьꙗномъ подобаѥть но ꙗко поганымъ. не ꙗко бж҃ии раби но ꙗко же оубѣжиници. и многаждꙑ весь дн҃ь трудꙗтьсѧ чрѣва своѥго ради. и всю нощь нѣоусыпающе скон-

чаю́ть на пагубу дш҃амъ своимъ играюще (+и) пустошь(но) дѣюще. и ничто же (+ино) притѧжаще ѿ труда и ѿ бдѣныя(+того) *но* точью горе себѣ ꙗко же и (= бо) г҃ь ре҃. ⊙ горе вамъ смѣющимъсꙗ нынѣ ꙗко страдати имуть (= имате) и плакати сꙗ (+ иже бо не хоще́ть сдѣ страдати. то тамо имать плакатисѧ) оу непроходимыꙗ вѣкы (= в непроходящихъ вѣцѣхь). но да нѣ ѡбльстить васъ никто же бра҃е. нѣ бо (+то) кр҃тыꙗньскы по поганьскихъ брании (=странъ) ꙗко же ре҃ влдка нѣ ѡслаблꙗитесꙗ се бо все поганьстии чл҃вци творѧтъ. въ нихъ же нѣ надежа сп҃сꙗ. ни желаꙗ (=жалѧть) вѣчного добра Аврааму (=самъ) ре҃ не любите мира ни кже кеть оу мирѣ. иже бо любить миръ сь нѣ ѿ ба҃. но ѿ мира сего кеть. миръ бо сеи (=сь) мимоходить (= — идеть). и похотѣние (= — хоть) кго а иже творить волю бж҃ю (+ тотъ) пр*и*бываеть (= пре —) оу вѣкъи (+и не) вѣсте ли братье. ꙗко елико сꙗ кеть васъ во Х҃а (=во креста) сꙗ ксте (+ кр҃стили. и въ кр҃та сѧ ксте) ѡблекли (= ѡболъкли). то како ѡблекъшесѧ (= ѡболк —) во Х҃а дыꙗволу работаю́ть (=—кте) не вѣсте ли ꙗко ѡбразъ (+и слава бж҃ꙗ) ксте. то како ѡбразъ, бж҃и носꙗще не чтете кго но ругаетеся кму поганьскыми дѣлы. ⊙ колика бл҃га лишихомъсꙗ. сихъ ради дѣлъ. проповѣдалъ (= — о) ти сꙗ кеть братьꙗ ѿ ап҃лъ (= — а) вся оу славу бж҃ю творити да оу плясѣ ли ксте слава бж҃ꙗ. то ты поганьскыми дѣлы дьꙗволу оугажаеши а чл҃вколюбцѧ ба҃ нѣ чьтиши (= — еши). заповѣдало ли ти сꙗ кеть ба҃ беспрѣстани молити то ты беспрѣстани съмѣкшисꙗ (+и) играеши. проповѣдало ти сꙗ кеть ѿврѣщи сꙗ мирьскыхъ похоти и заповѣдь бо оузѧтъ ѿ влдкы Х҃а да не глумишисꙗ то ты на то же тщишися (=зриши) и слухъ ѡбращаеши. да послѣдь (+же) ѡбрѧщеши горчѣе (= — чаиши) золчи и меча наѡстрена ѡбоюоуду ѡстра тако *ти* кеть вѣць грѣховнаꙗ. радуетьсꙗ оу малѣ а сътражеть много краситьсꙗ оу малѣ (= мало) а мучитьсꙗ оу вѣкы. аще хощеши (+ли) разумѣти (=да вы прсирю) ꙗко бѣсъскаꙗ (= — совьскаꙗ) кеть служба игра *то* послушаи ап҃ла г҃лща. не будьте (= — ите) бѣсомъ служители. писано бо кеть ꙗко сѣдоша людие (+мои) пити и кєсти (= — ъ). (+ не в сытость) и оусташа играть. и прогънѣваша ба҃ в томъ да погыбе *ихъ* оу томъ гр(ѣс)ѣ. в҃. тьмѣ и .т҃. тысѧща (= — чѣ) (+да)

блюди (+и) ты не люби игры да нѣ ѡбращешися тамо съ бѣсовьскыми слугами. кождо бо свок брѣмѧ понесеть и пожнеть кождо кже оусѣявъ. блюдисѧ кгда сдѣ насѣкши терньк (=—ы) смѣхомь. (+и) глумлѣныкмь. да (=а) тамо (по)жнеши слъзы и рыданык. много имамъ глати. но не могу нынѣ всего издрещи но се кождо да вѣсть яко наре гь (=бь). и постави днь во нь же хощеть судити живымъ и мертвымъ (=чловкомъ) но терьпить яко чловколюбець не хотѧ никого же погубити. но всѧ оу покаяньк оумѣстити. придеть (+ же) днь гнь егда нба гораша раздрушатьсѧ. яко же кстъ писано. да вси любо хотѧще любо нехотѧще ту имамъ собратися и стати на судищи Хвѣ. иде же аньгели (+ съ страхомь) стануть иде же къниги разгънутьсѧ (=ѿверзутьсѧ). яже нынѧ почитакмъ (=чтемъ) ѡсужающая (=—ще) ны (=насъ) яко же ре апл оу днь ѡнъ во нь же судить гь таины (=—ѣ) члвка (=—чьстѣи). по исповѣданью кмоу. и гь глть слово кже глхъ. ѡнъ (=—о) судить члвку. въ послѣдниі днь (+ ѡнъ) блюдѣтесѧ. яко по кваньклью кмоу имамъ ѡсудити вы оу днь ѡнъ оуздержитеся (+ испытаитесѧ и) испытающе оу книгахъ а не небрѣзѣте. ѡ горе гудѧщимъ (=хулящему) стыя книгы. и мнози бо суть самосули сами ся лихо льстяще. да кгда (оу)слышать ѡ судѣ и ⊙ муцѣ то смѣюцеея глть дѣкши ли азъ ксмь добрѣ и всѣхъ члвкъ иде же вси члвци ту азъ. кто мя хощеть ѿлучити ѿ всѣхъ члвкъ но да ся наслажю добраго вѣка сего. яко же и вси члвци тако и азъ. кончавшю же ся оуроку житья сего (=кго). приидеть посланыи англъ иже изметь дшю (+ кго) гля кончася твое житьк оу вѣцѣ семь приидиі (=по—) оуже во иныі (=другыя) члвкы поиди на свок мѣсто оуже бо ѡсътави житья красоту. идеже чаяше ѹ вѣкы сѧ кормити (+ и) поидѣть влѣкома ѿ англъ лютыхъ на мучимок (=—чьнок) мѣсто и видѣвъ (+ и) оустрепещеть и оузобьктьсѧ по лицю свокму рукама (=—и своими) и возрѣвъ сѣмо и сѣмо (=ѡвамо) (и) побѣгнути мыслить и не будеть камо бѣжати держимъ будеть твердо свѧзанъ ѿ англъ. тогда глють кму держаще англи что ся оужасакши оубогыи члвѣче что ся матеши (=мечеши) чьто си жалиши. что боишися ѡканьниче что трепещеши стратниче (=страньниче) ты самъ себе оуготова мѣсто

се. ты пожни (= —еши) ѥже оусѣꙗвъ. слышаше бо ѡ̑ притраньнои (= — нѣи) муцѣ *и* смыꙗшеса *и* г͠лаше (+ а). иде же вси чл҃вци ту и азъ то по что нынѣ трепещеши нѣси ѥдинъ иде же вси чл҃вѣци ту и ты. а (= и) ꙗко влѣзеть на мѣсто ѡно нудимъ (= нудми) и (= а) не хота начнеть малы ѡ̑ставлꙗти гласы и молити иже надъ судомъ стоать дабы оулучилъ ѡ̑слабу поне малы (= —у) и ѡ̑вѣщають ѥму (+ что вопиши и) дѣѥши *ли* тебе ѥсть оуныи (= — е) чл҃къ иде же *и* вси чл҃вци ту и ты ꙗкоже ѥси г͠лъ (= молвилъ) и тогда оуздьхнувъ изъ глубины ср҃дца г͠ть (= рчетъ) то ч*то* ми оуспѣша вси чл҃вци ѡ̑ горе ꙗко ѡ̑больстихъ сꙗ и себе поручихомъ (= —гахъса) и поругахомь правыи путь (= судъ) б͠жи нынѣ разумѣхомь (= —ъ) во истину ꙗко же ѥсть (= сѣѥть) чл҃къ тако и пожнеть (+ и) ѥже свяжеть *берема* то и понесеть. ѡ̑ горе мнѣ ꙗко слыша нѣ внимахъ колико подъвижющь (= —щихъ) сꙗ видѣхъ и бдащь и постащь са (+ и) со всѣми прахъ сꙗ (= прехода) *и* поругахъ (= ѡб — са) ꙗко ѥлико (= колико) видѣхъ стражюща (= — ь) и плачющасꙗ (= — щиса) то же всѣхъ не родихъ (= всѣмъ смѣꙗхъса) (+ оуне ми бѣ р҃. л҃ѣ. тамо страдати. нежели ѡ̑брѣсти са на мѣстѣ семь. муць давъшимъса. нынѣ молюса г͠ла. дадити ми врема покаꙗнию понеже три д͠ни за ѡ̑нъ вѣкъ. иже злѣ їждихъ не могъ тъгда г͠ть ѥму. търгъ са оуже расыпа да нѣ оуже ни коеꙗ пользы така подобна симъ рекуть въ муцѣ. їже зде ругаютьса с͠тымъ книгамъ да оубоимъса оубо братьѥ. оустрашениꙗ мучьнаго. ї прѣстанѣмъ ругающеса б͠у. ѥму же (+ подобаѥть всака) слава (+ ч͠ть и поклонаниѥ ѡ̑тцю о с͠ну и с͠тму) ⁘

Это поученіе озаглавлено такъ же и въ Греческомъ чтеніи: τὸ πῶς ἐπιστρέφει τις εἰς τα ὀπίσω, καὶ ὅτι ὀ χρὴ παίζειν χριστιανὸν, καθὼς οἱ κανόνες τῶν ἁγίων πατέρων λέγουσιν. ὅτι, καὶ ὁ βαδίζων καὶ κιθαρίζων μετὰ τῶν εἰδωλολάτρων ἔχει τὴν μερίδα. καθὼς λέγει καὶ ὁ θεῖος ἀπόστολος.

Въ глаголической рукописи сохранилось только начало этого слова въ такомъ видѣ:

Слово и͠з бл҃аго Евре ѣко (= како възвращаетеса (= —тьса) вьспать еже е(с)ть на а͠зчьнаѣ (= — чьскаа) дѣла.

Ѣко не подобаетъ играти ѣко же и правила с͠тхъ о͠ць г͠лж

и ѣко *же* ходѧи съ идолослоужителемь иматъ часть. ѣко же бжсьны (= блжнън) аил глё. вѣсте ли браѣ (+ моѧ) любимаа како възвращаетесѧ вспѧть. и паки нечетеся творити ѧзыскаѣ всѣ(+къ)пекънсѧ плътскыми и глоумлнсѧ, не Хсли съвлъклъсѧ естъ. ѣко не чаѧ слова воздати вь дьнь сѫдьны. ѣко же глё Гь бжсьными своими оусты ѣко и о праздиѣ словеси. слово въздадать чци вь дьнь онъ. да аще о словесехъ сѫтъ сицеваѣ неослабьна. то о дѣлѣхъ оубо ѡ како си бѫдѫтъ. и аще хощеши ѣко на срѣдѫ извести и всѣ (+ и)съповѣдати. не довольно ми бѫдет врѣмѧ. да всѣ (+ и)съповѣдѣ. безаконнаѣ дѣла и вещи. ѣко же слъшимъ браѣ блаженааго Дда вь псалтир(+ и глаголюща се днь иже сътвори Гь възра)доуимсѧ и възвеселимсѧ вь нь вь стыхъ не́лѣх вьскрѣшенью (=—се—) бо естъ праздьникъ и жизнь стаа. вь нѫ же сѧ дастъ благоволеньїмь Біе тѣло (= бъ) тѣм же и́нѣ браѣ ѿвръгъше (=ѿложьше) дѣла тьмнаа. (+ и) облѣцѣтесѧ вь орѫжье света. і ѿнѫдь всѣхъ зълыхъ (+ сихъ) ѿвръѕѣмсѧ. и единако молѧ съвлѣцѣмся ветьхааго чка. и съ дѣлъ (= — ы) его. (+ и) облѣкѫщесѧ вь новааго Адама. еже есть вь Хѣ. и вь поганьскънѧ къзни (=щюди) юже не ходите. ни (=но и) паки вьпрѣчаитесѧ (=причащаитесѧ) да еже добрѣ забънвше паки зълѣ поминаете и обращ(а)ѫщеесѧ вьспѧт(ь) па тажде (+ вьс)приемле(те) дѣла безбожьныхъ странъ щюди и трѣбованьѣ и словеса. еже срамъ есть и ѿкрыти и на срѣдѫ извести. ѡ велезълоба неприѣзнина ѡ велененависть (+ никъ) доброу и ненависть (+ никъ) чча (=члвчка). ѿ нечистааго дха како ти и кымьждо хѫдожьствомь (+ запинакть) и ѡбильстить (+ и прѣбореть) и (= *да*) Хоу зовѫщю прркы (+ и а)пслъ (+ и куаньгелисты то)же и за (=изо) многа мало чади приходитъ. а диѣволъ зоветъ гѫсльми и плясьци (+ и) пѣми неприѣзнинами. то же мнози събиражтсѧ на то. чкбцъ же бъ призъиваетъ и глё. придѣте къ мнѣ вси. то нѣкто идьи. нѣкто сѧ подвижѧ. а ненавидѧи чка дьѣволъ. аще наречетсѧ съборъ какъ то мьнози съберѫтсѧ (=сгекутьсѧ). а кгда повѣстъсѧ постъ или бьдѣнье то вси оужа(+ снутьсѧ и ѿтпадуть).

Нельзя не замѣтить, что и этотъ отрывокъ изъ поученія Ефрема Сирина какъ будто разбитъ на два чтенія и при вто-

ромъ, начинающемся словами «ѣко же слъшимъ бра҃ѣ блаженааго Дд҃а», обозначено время чтенія: «вь не҃ м҃», т. е. «въ недѣлю мясопустную». Въ Кирилловскихъ сборникахъ поученій Ефрема Сирина слово такого же содержанія назначено также для этой недѣли увеселеній: «Слово ѡ покаяньи и ѻ спасеньи дш҃и ⁖ в недѣлю мясопустную», начинающееся такъ: Отреченик. иже въ ст҃мь кр҃щеньи творимъ мало оубо ıавлаıеться гл҃емо.

Какъ бы то ни было, очевидно, что Ефремъ Сиринъ былъ извѣстенъ глаголитамъ вмѣстѣ съ Іоанномъ Златоустымъ и Епифаніемъ Кипрскимъ. Тому же, кто вникаетъ въ разницу между изводомъ Кирилловскимъ и глаголическимъ, не можетъ не быть очевиднымъ, что оба извода суть списки одного и того же перевода, отличающіеся правописаніемъ, описками переписчиковъ и очень немногими словами.

VI.

Книга поученій Ефрема Сирина до 1288 г.

Въ Императорской публичной библіотекѣ, въ числѣ нѣсколькихъ списковъ книги поученій Ефрема Сирина, есть пергаменная рукопись (на 255 лл. въ л. въ два столбца), особенно любопытная въ палеографическомъ и филологическомъ отношеніи.

Когда именно она писана, должна свидѣтельствовать запись, находящаяся на послѣднемъ листѣ и писанная тѣмъ же почеркомъ, какъ и вся книга, только мельче и гуще. Вотъ она слово въ слово и буква въ букву:

слава тобѣ г҃и въ сии часъ ⁘
В лѣто семок. тысащѣ на
писашасѧ книгꙑ сиѩ при
ц҃ртвѣ благ҃вѣрнаго ц҃ра
Володимѣра с҃на Василко
ва. оунука Романова. бо҃лю
бивому тивуну кго Петрови
да аще приключитьсѧ ко
му сиѩ книгꙑ прочита
ти. то первок помѧни стро
итела ихъ (.) написа же сиѩ
книгꙑ на сп҃ньк своки д҃ши
и чадомъ своимъ. Лаврѣ
нтькви. Варварѣ. да и азъ
грѣшныи худꙑи Иквъ
ѿверзъ скверпаѩ своѩ оу
ста похвалю избранника
б҃жіѩ. списавшаго книгꙑ си

за ѿпущѣньк кго даи к
му гн бе здравьк. и телеси
кго. ѡ десную тебе вдко
стоıати. совкуплену. съ
пражениццею своюю и съ
чады и судъ млтвъ оу
сприıати ѿ тебе съ сты
— ми твоими (.) причти ихъ
гн во цртвьи своимь съ
паси дша ихъ: —
Семок тысащѣ оу коне
чномь родѣ бы мужь в та
лѣта кму же издѣно бы
оу стомь крщѣньи Петръ
сын баше оу та времена
тивунъ оу князıа Воло
димѣра (.) и бы оу него снъ
именемъ Лаврѣнтии. е
го же оуда оучити стымъ
книгамъ. наказываш(е)
апльскыми заповѣдьм(и)
на вся часы. самъ же сы(н)
строıапеть сиıа книгы с(ъ)
многомь тщаньем. на
вса дни милуıа мастера (.)
О таковыхъ бо ре прркъ
блжнни млтвии до сир(о)
тъ ıако то помиловани
будуть на судѣ. страшнѣ
мь. и пакы Павелъ ре к Се
лунаномъ бгословле
ни суть иже исполнаю
ть писаныа стхъ кни
гъ. ти бо нѣ оутакни бу
дуть прѣдъ ѡцемь мои
мь иже кть на нбхъ по
чиваıа на серафимѣхъ (.)

⊙ таковыхъ бо рё пррк҃ъ
— Двд҃ъ. праведник(ъ ѩко)
фюникъ процвѣте (.) да аще
кто не похвалить с(тро)ит(е)
лѧ симъ книгамъ имене
мь Петра. буди ѥму ѡнафе
ма. ѩко же Моисѣи рё не по
хваливъ ѥго первоѥ то же
чти сиѣ книгы. написа
ѥму сиѣ книгы худы
и недостоиныи. и много
грѣшныи и пересъ силу
безаконьныи худолъ Ие
въ. пакы написа Павелъ
къ Тимофѣю будьте твр҃ци
слову и оучители. многа
лѣта кнѧзю Володимѣру
и кнѧгини Волзѣ. и стро
ителю книгамъ симъ.

Князь Володимеръ, сынъ Васильковъ, внукъ Романовъ, супругъ Ольги, цесарь, упоминаемый въ этой записи, очевидно, есть князь Владимирскій Волынскій, двоюродный братъ Льва Даниловича князя Галицкаго, сдѣлавшійся княземъ Владимирскимъ по смерти своего отца Василька Романовича, брата Даніила Галицкаго, въ 1271 году, женатый на дочери Романа Михаиловича князя Брянскаго, Ольгѣ, и умершій 10 декабря 1288 года, въ пятницу (Полн. собр. лѣт. II, 220). Если взять во вниманіе, что князь Владиміръ Васильковичь послѣдніе четыре года жизни страдалъ отъ жестокой болѣзни, а въ записи выражено въ отношеніи къ нему простое пожеланіе многихъ лѣтъ безъ упоминанія о здоровьи и т. п.; то можно сдѣлать предположеніе, что эта запись, а слѣдовательно и книга писаны не позже 1284 года [1]).

[1]) Тіунъ этого князя Петръ, упоминаемый въ книгѣ, изъ другихъ памятниковъ неизвѣстенъ, равно и сынъ его Лаврентій. Неизвѣстенъ тоже и художъ Іевъ, мастеръ, какъ онъ самъ себя называетъ, написавшій книгу поученій Ефрема Сирина для тіуна Петра.

Во всякомъ случаѣ по свидѣтельству записи надобно отнести книгу къ концу XIII вѣка.

Тѣмъ не менѣе было мнѣніе, что эта рукопись вовсе не такъ древня.

Такъ ниже приведенной записи есть еще приписка,—относящая книгу къ гораздо болѣе позднему времени:

> рокꙋ ,аѱло (1739) ѿ Рожде^ст^ва Хв҃а сей
> книзѣ сполнися лѣ҃ смз҃ (247).

Тотъ, кто написалъ эти строки, относя къ концу XV вѣка, едва ли могъ опереть свое мнѣніе на чемъ нибудь другомъ, кромѣ выраженій вышеприведенной записи: «в лѣто семоє тысящѣ» и «семоє тысящѣ оу конечномъ родѣ». Видя въ нихъ упоминаніе о 7000 лѣтъ отъ сотворенія міра и вычитая изъ нихъ 5508 л. отъ сотворенія міра до Рождества Христова, онъ могъ думать, что книга написана въ 1492 году по Р. Х.

Нѣкоторые изъ любителей древности нашего времени, имѣя въ виду тѣ же выраженія записи «в лѣто семоє тысящѣ» и «семоє тысящѣ оу конечномъ родѣ», также считаютъ разсматриваемую книгу памятниковъ конца XV вѣка, и оправдываютъ свое предположеніе даже и палеографическими соображеніями, находя, что начертанія нѣкоторыхъ изъ буквъ рукописи напоминаютъ письмо именно XV вѣка, а не XIII-го: таково между прочимъ начертаніе буквы ч (=древ. ү), вошедшее въ ходъ съ XV вѣка. Мнѣніе это, хотя и нигдѣ незаявленное печатно, никакъ не можетъ быть считаемо недостойнымъ вниманія: палеографическія доказательства его, дѣйствительно, даютъ ему цѣнность.

Не принадлежитъ ли въ самомъ дѣлѣ эта Волынская книга поученій Ефрема Сирина къ памятникамъ конца XV вѣка?

Рисунокъ буквы ч, очень похожій на современный печатный, дѣйствительно, въ ней именно таковъ, какой былъ въ обычаѣ въ XV вѣкѣ; но почти этимъ однимъ и ограничивается сходство въ написаніи отдѣльныхъ буквъ въ этой рукописи съ ихъ написаніемъ въ рукописяхъ XV вѣка. Изъ буквъ особенно ха-

рактеристическихъ по рисунку должно отмѣтить для сравненія въ этомъ случаѣ слѣдующія:

— ж въ Волынской книгѣ Ефрема Сирина писано пятью пріемами такъ, что какъ будто л и к соединены вмѣстѣ лк и къ верху косой черты л прибавлена почти горизонтальная черточка. Такого почерка ж нѣтъ во всѣхъ мнѣ извѣстныхъ памятникахъ XV вѣка; въ нихъ или употребляется ж такое же какъ въ памятникахъ XIV вѣка, т. е. къ л прибавлено сверху двѣ крошечныя почти горизонтальныя черточки, упирающіяся въ і, или же эта буква пишется тремя пріемами: по написаніи отвѣсной толстой черты і она перечеркивается одною по большей части тонкою чертою съ лѣва на право, а другою по большей части толстою чертою съ права на лѣво.

— ʒ въ Волынской книгѣ Ефрема Сирина имѣетъ продольную черту въ верхней половинѣ толстую, а нижнюю черту опускающуюся за строку, очень небольшую, въ корнѣ своемъ изогнутую правильнымъ полукругомъ. Въ XV вѣкѣ продольная черта въ верхней половинѣ писалась тонко, а нижняя изогнутая за строку въ корнѣ была очень толстая и сравнительно съ верхнею большая.

— ω въ книгѣ Ефрема Сирина написано изломанно съ довольно острою до половины строки поднятою серединою. Въ XV вѣкѣ писали букву ω или такъ, что середина была очень толста и едва поднималась, или же она поднималась въ ровень съ боковыми чертами, и была толстотою равна съ ними.

— χ въ книгѣ Ефрема Сирина представляетъ косой крестъ, котораго черты перекрестились близко отъ верхняго начала, и та, которая идетъ съ лѣва на право тонкая, длиннѣе противоположной и оканчивается довольно остро. Въ XV вѣкѣ перекрещивали черту буква χ гораздо ниже, опускали ихъ въ низъ за строку равномѣрно, и ту, которая идетъ съ лѣва на право большею частію оканчивали толсто, обдѣланно.

— ц въ книгѣ Волынской Ефрема Сирина написано въ три пріема: одна продольная черта шла до низу строки, другая продольная опускалась свастриваясь за строку, третья поперечная по низу строки соединяла ихъ. Въ XV вѣкѣ, писали и такъ, но длинную продольную не завастривали, а срѣзывали,

или же, написавши ч, придѣлывали четвертымъ пріемомъ подстрочный конецъ съ права нѣсколько косѣе чѣмъ верхнія продольныя черты.

— ч въ этой книгѣ Ефрема Сирина имѣетъ продольную черту правильно отвѣсную, а лѣвая изогнутая черта составляетъ правильную четверть круга. Въ XV вѣкѣ въ буквѣ ч этой формы продольную черту писали наискось съ права на лѣво, а боковую лѣвую или опускали къ ней на искось почти подъ прямымъ угломъ, или же закругляли почти въ полукругъ такъ, что ся правый острый конецъ сходился съ верхомъ продольной черты.

— ꙑ въ Іевской книгѣ Ефрема Сирина составленъ изъ ъ и і по серединѣ перечеркнутаго поперечной черточкой. Въ XV вѣкѣ такого ꙑ не писали.

Кромѣ этого нельзя не замѣтить, что въ Волынской книгѣ Ефрема Сирина нѣтъ ни одного случая написанія ни Т тремя равно опущенными продольными чертами, ни Ѣ съ лѣвою чертою, опущенною до низу строки (ѣ), что такъ обычно стало во второй половинѣ XV вѣка.

Не менѣе отличается почеркъ устава Волынской книги Ефрема Сирина отъ почерка книгъ XV вѣка общимъ своимъ характеромъ: въ XV вѣкѣ уже не отставляли буквъ такъ далеко одна отъ другой, какъ отставлены онѣ въ этой книгѣ, и писали буквы или сравнительно гораздо уже, сжато, подражая почерку XIV вѣка, или же шире; притомъ же и мѣшали чистый уставъ съ пріемами скорописи, чего въ книгѣ Ефрема Сирина нѣтъ и слѣдовъ.

Не то и правописаніе въ Волынской книгѣ Ефрема Сирина, что въ книгахъ XV вѣка. Для образца переписываю отрывокъ изъ Волынской книги Ефрема Сирина и изъ списка XV вѣка:

ѿрицаюса сото	ѿрицаюса сата
ны и всѣхъ дѣлъ кго· а	ны и҃ всѣ҃ дѣлъ его, а
не кдиного дѣла ни дво	не є҆диного ни двo
ю ни пати. но ѿ всѣхъ дѣ	ю дѣлꙋ. ни ,е, но ѿ всѣхъ дѣ-
лъ сотонинъ. се оубо до	лъ е҆го сътонинъ, сего ѻубо до-
браго разума. и ѿрица	браго ѿрица-

ныѩ. оупросимъсѧ во
тъ часъ и бли҄жнъ ѥсть
иже ѥсть схранилъ ѥди
нѣмь оубо словомь ѿри
цаѭтьсѧ ѿ всякыѩ зъ
лыѩ вещи. неприѩзни
ны любодѣяныѩ. нечи
стоты зависти. разбоя
лжа татьбы чаровъ кле
веты гнѣва напрасныѩ
памѧти злу злобы. бла
зньбы вражьды пья
ньства бесѣдъ пустыхъ
гордости красоты. съ
мѣха гужѣныѩ. свирѣ
лии плѧсаныѩ козлогла
сованыѩ пѣныѩ дѣмонь
ска. лихоиманыѩ. и
ѩже симъ подобна. бра҃
ненавидѣныѩ ѿрицаю
мо сѧ всякъ кр҃тьянъ на
дъ ст҃ою купѣлью ѥго ѿ
рицаныѩ оустажемъ
сѧ во тъ годъ.

горе лю
бодѣицю. и с нимь пь
ѩници. горе прелюбо
дѣицемъ. и чародѣице
мъ. горе тѣмъ иже пью
ть вино съ гусльми и
с ликы горе тѣмъ иже
скверниѧть съблазните
ли. горе тѣмъ иже хулѧ
ть ст҃ыѩ книгы. горе
лъживымъ. горе тѣмъ
иже губѧть покаанью

ніѩ, въпроси҃сѧ въ
тыи ча҃, и҃ бли҄жнъ ѥсть
иже е҆сть съхрани҃ ѥди
нѣмъ оубо слово҃ ѿри
цаѥ҆мъ҃ ѡ всякоѩ з-
лы вещи неприѩзни-
ны, любодѣяніѩ печи҃-
тоты, зависти разбоѩ
лъжа, татьбы чародѣяніѩ, кле-
веты, гнѣва, напрасньства
памѧти зл҃у, злобы, е҆реси, бла-
жненіѩ вражды, піѩ-
ньства, пу҆сты҃ бесѣ҃,
гордости, красоты, с-
мѣха, гудѣніѩ, свирѣ
ліи, плѧсаніѩ, козлогла-
сованіѩ, пѣніѩ дѣмонь-
ска, лихоиманіѩ, сего и
ѩ҃ си҃ подобнаѩ, брато
ненавидѣніѩ ѿрица
е҆тѣ҃ всякъ кр҃тіанинъ на҃
ст҃ою кѹпѣлью. сего ѿ-
рицаніѩ, въстаже҃-
сѧ въ тои го҃.

горе лю-
бодѣицю, горе пь-
ѩници, горе прелюбо-
дѣица҃,

горе тѣ҃ иже піютъ
вино съ гусльми, и
съ лики, горе тѣ҃ иже
сѧ скверна҃ съблазните-
ли, горе тѣ҃ иже хулѧ-
ть ст҃ыѩ книги, горе҃
лживы҃ горе тѣ҃
иже губѧ҃ покаѩніе

годъ. въ смѣхъ въ весе	ѩрѣмя, въ смѣсех и весе
лик възищютъ кго съ	ліи, възищют бо єго съ
сльзами. иже злѣ жи	слезами, иж злѣ зде жи-
вше. не ѡбрмщютъ. го	вшии и не ѡбрѧщут, го-
ре тѣмъ иже ѡправда	ре тѣ иже ѡправдѧ-
ютъ безаконика мь	ть безаконьника м-
зды ради. горе тѣмъ	зды радм, горе тѣ
иже суть хыщьни	иже сут хищьни
(ци туждему имѣнию)	ци чюжму мшелу.

Различіе въ правописаніи этихъ двухъ рукописей до такой степени очевидно, что, кажется, нѣтъ надобности входить въ подробности объясненій.

Не то видимъ, сравнивая Волынскую книгу поученій Ефрема Сирина съ рукописями XIII вѣка: и начертанія отдѣльныхъ буквъ, и общій характеръ письма, и правописаніе не представляютъ, вообще говоря, никакихъ важныхъ признаковъ отличія.

Касательно начертанія отдѣльныхъ буквъ можно сдѣлать замѣчаніе только о ж и ч.

— ж того начертанія, которое обычно въ Волынской книгѣ поученій Ефрема Сирина, и которое уже описано выше, встрѣчается вообще очень рѣдко: оно есть впрочемъ не только въ Смоленской грамотѣ 1284 года, но и въ Семеоновомъ евангеліи 1164 года.

— ч того начертанія, которое описано выше, употребляется въ Волынской книгѣ поученій Ефрема Сирина не исключительно, а смѣшано съ болѣе древнею формою ч. Что касается до болѣе новой формы буквы ч, той, которая начинаетъ преобладать съ XV вѣка, то отнюдь нельзя сказать, чтобы она была слишкомъ поздняя. Она встрѣчается не только въ памятникахъ XIV вѣка, но и ранѣе. Что касается до памятниковъ XIV вѣка, то однобокое ч встрѣчается преимущественно въ тѣхъ изъ нихъ, которые писаны въ Сербскихъ и Волошскихъ земляхъ: такъ въ Кормчей 1305 года Воскресенскаго монастыря, въ Апостолѣ 1324 года, въ Синодальномъ (1345 года) и Ватиканскомъ спискахъ хроники Манассіи, въ грамотѣ Стефана Душана 1348 года, въ записи на крестѣ Стефана Душана 1348 года,

въ Синодальномъ спискѣ хроники Георгія Амартола 1386 г., въ Румянцовскомъ служебникѣ 1386 года, въ Волошскихъ грамотахъ и т. д. Изъ памятниковъ Русскаго письма XIV вѣка могуть быть здѣсь вспомянуты: Моисеевское Новгородское евангеліе до 1355 г., грамота Семена Лыгвенія 1389 года, грамота старосты Бенка 1398 года, Воскресенское евангеліе и нѣкоторые другіе. Рѣже встрѣчается однобокое ч въ памятникахъ XIII вѣка, но то же встрѣчается: оно употребляется въ Смоленской грамотѣ 1229 года, въ евангеліи Погодинскомъ до 1250 г., въ Рязанской Кормчей 1283 года, въ Синодальномъ спискѣ Никона Черногорца 1296 года. Не думаю, что нельзя его найдти и въ памятникахъ болѣе древнихъ: даже и въ памятникахъ XI—XII вв. употребляется постоянно боковое ч какъ знакъ музыкальный, а ч какъ знакъ цифирный.

По общему характеру почеркъ Волынской книги есть тотъ, который можно назвать почеркомъ XII—XIII вѣка, отличающійся отъ почерка XIII—XIV вѣка, переходящаго и въ XV вѣкъ, широтою и раздѣльностію буквъ.

Правописаніе Волынской книги сходно съ правописаніемъ XIV вѣка преимущественно частымъ употребленіемъ у вмѣсто оу послѣ согласныхъ, и ѡ въ началѣ словъ вмѣсто простаго о. Обычай этотъ начался впрочемъ не въ XIV вѣкѣ, а ранѣе, какъ видно изъ образцовъ, представленныхъ мною въ Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка. Въ какой же степени сохранялъ Іевъ черты древняго правописанія, видно будетъ изъ слѣдующаго отрывка, приводимаго мною изъ его книги и изъ Троицкаго сборника XII вѣка:

Оумилисꙗ ѡ҆ дш҃е мо	Оумилисѧ дш҃е мо-
ꙗ҆ оумилисѧ ѡ҆ всѣ	ꙗ оумили(сѧ). ѡ҃ всѣ-
хъ бл҃гыхъ ꙗ҆же при	хъ бл҃гыих. ꙗже при
ꙗла есп. ѿ б҃а нѣ схра	ꙗла есп. отъ б҃а и не съхра
нила. покаисѧ всѣхъ	нила. покаисѧ о всѣхъ
ꙗ҆же б҃ъ терпить ѡ҆ те	ꙗже б҃ъ дълготьрпить о те
бе. покаисѧ оумили	бѣ. покаисѧ и оумили
сꙗ. да не кромѣшь	(сѧ). да не кромѣшь-
нѣи тмѣ придана	нии тьмѣ прѣдана

будеши. покаиса ѡ	боудеши. покаиса
дше ѡканьнаꙗ да не	дше оканьнаꙗ. да не
постыдишися на	постыдишися. на
страшнѣмь судищи.	страшьнѣмъ соудищи
Хвѣ. ѡ лютѣ мнѣ грѣ	Хвѣ. оу лютѣ мнѣ грѣ-
шному. ѡскверививъ	шьникоу. оскврьньшю-
шему чтоту срдца мо	оумоу чистотꙋ срдца мо-
юго слабостью мою	юго слабостию мою
не рожѣныѥ мою и лѣ	не рожениѥ мою и лѣ-
ность. дерьзновѣньѥ	ность дьрзновениѥ
срдца моюго. ѡмрачи	срдца моюго. ѡмрачи-
ла юсть лукавыми по	ла юсть. лоукавѣствиꙗ
хотьми. ꙗко влдка	похоть ꙗко влдка рабоу
запрѣщаюсть ми и а	запрѣщаюсть ми. а-
зъ абыю съ страхомь	зъ абиѥ съ страхомь
ꙗко младѣнець послу	ꙗко младеньць послоу-
шаю.	шаю.

Къ тому, что уже отмѣчено прежде, не лишнимъ считаю прибавить, что въ Волынской книгѣ очень часто, почти исключительно употребляется ꙗ послѣ согласной, вмѣсто обычнаго ѧ. Памятниковъ съ такимъ употребленіемъ ꙗ очень мало, и важнѣйшіе изъ мнѣ извѣстныхъ относятся къ XIII вѣку. Таковъ между прочимъ сборникъ житій до 1250 года (см. Древніе памятники Русск. письма и языка, стр. 227). Встрѣчается кромѣ того є въ значеніи ю (єгда, дерзъновенье) и ѻ вмѣсто простаго о и двойнаго ѡ (не ѻблѣнися).

Предполагая, что всего сказаннаго достаточно для того, чтобы оставить въ сторонѣ палеографическія сомнѣнія относительно того, что книга поученій Ефрема Сирина, написанная Іевомъ для Петра, тіуна князя Владиміра Васильковича не позже 1288 года, сохранилась не въ спискѣ, а въ подлинникѣ, думаю, что не для чего много останавливаться и на выраженіяхъ записи «в лѣто семою тысящѣ» и «семою тысящѣ оу конечномь родѣ». Седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра продолжалась отъ 492 г. до 1492 г. послѣ Р. Х. Худолъ Іевъ могъ и не знать года отъ сотворенія мира, какъ не зналъ Максимъ

Станимиръ, переписывая книгу Апостольскихъ чтеній въ началѣ XIV вѣка (Опис. Синод. рпс. I. стр. 295), и по этому одному могъ обозначить просто седьмую тысячу лѣтъ. Выраженіе «оу конечномъ родѣ» онъ употребилъ, безъ сомнѣнія, въ отношеніи къ концу XIII столѣтія послѣ Р. Х.

Признавая Волынскій списокъ поученій Ефрема Сирина памятникомъ Русскаго письма конца XIII вѣка, считаю его достойнымъ особеннаго вниманія какъ одинъ изъ очень немногихъ древнихъ памятниковъ Южно-русскаго письма. Къ тому, что уже отмѣчено выше, слѣдуетъ прибавить, что вся эта книга писана не желѣзистымъ черниломъ, писана не мастеромъ (какъ и замѣчено въ самой рукописи современною рукою: «не мастеръ псалъ»), но широко, вовсе не скупо въ отношеніи къ пергамену, и, какъ кажется, не однимъ и тѣмъ же писцомъ, а нѣсколькими (изъ которыхъ одинъ любилъ употреблять ѳ), одинаково впрочемъ давая точкѣ мѣсто на низу строки, какъ это дѣлается и теперь.

Важенъ этотъ памятникъ болѣе всего тѣмъ, что, не смотря на общую вѣрность переписки въ немъ текста древняго перевода, въ его написаніи выразились нѣкоторыя особенности языка въ его мѣстномъ развитіи, особенности, которыя хотя отчасти годятся для объясненія древняго состоянія Южно-русскаго нарѣчія.

Въ чисто-грамматическомъ отношеніи сохраненъ въ этой книгѣ древній Славянскій языкъ, безъ нарушенія обычныхъ Русскихъ требованій его правильности. Такъ между прочимъ правильно сохранены формы двухъ прошедшихъ простыхъ (имѣ и имѣаше), двойственнаго числа и неопредѣленнаго достигательнаго. Вотъ на пр. случаи употребленія достигательнаго: пришелъ кси покаꙗтъ сѧ, два страдалца приидоста подвизатъсѧ, идѧше оу Дамаскъ гонитъ вѣровавшихъ, иде почрътъ воды, прииде видѣтъ. Изъ примѣровъ двойственнаго числа приведу только удаляющіеся отъ обычной правильности: своє именѣ, два супругы. Удаляется языкъ рукописи отъ древней правильности чаще всего въ слѣдующихъ случаяхъ:

— *ого* и *его* въ род. пад. един. ч. прилагат. именъ вмѣсто

аго, ыго: кдиного, святого, небесного, служебного, пространьного, ищющего, ропщющего.

— *ому* и *ему* въ дат. п. ед. ч. прилаг. им. вмѣсто *оумоу* — постоянно.

— мы въ 1-мъ лицѣ множ. наст.: идемы, творимъ, кемы.

Несравненно болѣе особенностей представляетъ рукопись въ отношеніи къ выговору, на сколько онъ выразился употребленіемъ буквъ.

Кромѣ отсутствія удвоенныхъ гласныхъ (ааго, ъимь, аахъ и т. п.), и употребленія иногда *о* вмѣсто Слав. *е* (ωдинъ, геωна) можно замѣтить слѣдующее:

1. При правильномъ употребленіи буквъ ъ и ь, какъ знаковъ твердаго и мягкаго выговора согласныхъ, эти буквы ъ и ь очень часто замѣняются чистыми гласными *о* и *е* или же совершенно опускаются — такъ, какъ этого требуетъ и новый Русскій языкъ. Въ приводимыхъ примѣрахъ пропуски ъ и ь отмѣчены знакомъ̀, а буквы *о* и *е*, ихъ замѣняющія — косымъ наборомъ:

Что оубо оуспѣкть члвкъ аще и в*е*сь миръ приωбрящеть. дшю же свою ωтщетить. ли что дасть чл҃вкъ измѣну за дшю свою. не бо кєть начало труду. кже оузложити ωснованьк. н*о* кже свершити зижемок. клико бо в*о*зноситься здань. толико же труда зижющему. до коньчины дѣлу... кто оубо ѿ васъ хотя здати столпа. то не первѣк сѣдъ сочтеть жито. аще имать до скончаньы. да не когда положью ωснованье. и не оузмогшю свершити. вси видяще начнуть сы кму ругати.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что и *о* вмѣсто ъ и *е* вмѣсто ь нерѣдко употреблены и тамъ, гдѣ бы можно было ожидать опущенья гласной: забовѣньы, сукословоници, разум*о*, бодите (= бъдите), б*о*х*о*ма, — м*е*зды, невѣрьствиы, лукав*е*ство, ковар*е*ство, воин*е*ство. туж*е*дему, ыр*е*му, въ конецихъ; *е* вмѣсто *о*=ъ постоянно употреблено въ словахъ ск*е*рбь, ск*е*рбенъ, ск*е*рбѣти; почти постоянно написаны съ ь плъть, поглътити, а безъ ъ: свѣсть (совѣсть). свѣтъ (совѣтъ).

Еще стоитъ отмѣтить, что *и*, за которымъ слѣдуетъ ы, к, и, или ю, постоянно замѣнено ь-емъ: пьяньство, говѣньк, путьк, въ терпѣньи, лѣностью, вопью и т. п.

VII.

Поученіе Зарубскаго черноризца Георгія въ спискѣ XIII в.

Подъ 6655 годомъ въ Кіевской лѣтописи (Ипатьевской, стр. 29), между прочими подробностями о поставленіи Климента Смолятича митрополитомъ, на первомъ мѣстѣ находится слѣдующее показаніе:

«Въ то же лѣто постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича выведъ изъ Зарꙋба. бѣ бо черноризець (и) скимникъ. и бысть книжникъ и философъ такъ. ꙗкоже въ Рꙋской земли не бяшеть».

(Тоже извѣстіе, подъ тѣмъ же годомъ, повторено въ Воскресенской лѣтописи (стр. 38) и нѣсколько переиначенное въ Никоновской (стр. 172), а сокращенно въ Лаврентьевской (стр. 137) и въ Новгородской IV (стр. 7, гдѣ Климъ названъ калугеромъ).

Останавливаюсь на этомъ извѣстіи, какъ на свидѣтельствѣ о томъ, что въ половинѣ XII вѣка въ Зарубѣ былъ монастырь, и не совсѣмъ незначительный, такъ какъ въ немъ спасался просвѣщеннѣйшій изъ Русскихъ черноризцевъ того времени, отличенный изъ числа всѣхъ великимъ княземъ Кіевскимъ.

Гдѣ же была эта Зарубская обитель?

О Зарубѣ упоминаютъ лѣтописи не рѣдко. Такъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 6604 годомъ читаемъ:

Приде Тꙋгорканъ тесть Святополчь къ Переꙗславлю мѣсяца мая 30 (=31). и ста около города. а Переꙗславьци затворишася на градѣ. Святополкъ же и Володимеръ поидоста нань по сей сторонѣ Днѣпра и придоста къ Зарꙋбꙋ. перебродистася.

и не очютиша ихъ Половьци. . . и испотчившеся пойдоста къ градȣ».

Въ этомъ извѣстіи «сею стороною» Днѣпра названъ правый берегъ этой рѣки. По этому берегу шла дорога изъ Кіева на югъ и доходила до Заруба, гдѣ была переправа.

Въ той же Кіевской лѣтописи подъ 6654 годомъ есть другое извѣстіе также объясняющее положеніе Заруба:

«Посла Игорь къ Изяславȣ. рече: Се брата нашего Богъ понялъ. а стоишь ли на хрестьномъ цѣлованіи. Онъ же ни отвѣта кму не дасть противу той рѣчи. ни посла къ немȣ пȣсти. и не ȣгоденъ бысть Кыяномъ Игорь. И посланася Перемславлю къ Изяславȣ рекȣче: поиди княже къ намъ. хощемъ тебе. Изяславъ же се слышавъ и съвъкȣпи вои свои. поиде пань изъ Перемславля. вземъ молитвȣ ȣ св. Михаила. ȣ епископа ȣ Еоимыл. и перейде Днѣпръ ȣ Зарȣба. И тȣ прислашася къ немȣ Черніи Клобуци и все Поросье... И поиде Изяславъ къ Дерновомȣ. и тȣ совокȣпишася вси Клобȣци и Поршане... томъ же мѣстѣ прислашась къ немȣ Бѣлогородьци и Василевци. . . томъ мѣстѣ приѣхаша отъ Киянъ мȣжи парекȣче: ты нашь князь. поиди».

Ясно, что дорога между Кіевомъ и Зарубомъ шла черезъ Дерновое, и что у Заруба была переправа черезъ Днѣпръ для тѣхъ, которые отправлялись изъ Кіева въ Переяславль или изъ Переяславля въ Кіевъ.

Эта переправа черезъ Днѣпръ у Заруба называлась Зарубскимъ бродомъ. Такъ подъ 6659 годомъ, описывая приступъ кн. Юрія къ Кіеву на кн. Изяслава, Кіевскій лѣтописецъ разсказываетъ, что кн. Юрій не имѣлъ возможности перейти Днѣпръ у Кіева, пошелъ въ низъ къ Вятичевскому броду, былъ и тутъ отраженъ войсками Изяслава, и рѣшился двинуться еще далѣе на югъ и взять Зарубскій бродъ, что ему и удалось.

Опуская другія лѣтописныя показанія о Зарубѣ (на пр. въ Повѣсти врем. лѣтъ подъ 6613 годомъ, въ Лаврентьевской подъ 6659, въ Ипатьевской подъ 6659 и 6654 и пр.), не считаю лишнимъ вспомнить показаніе Троицкой лѣтописи подъ 6731 годомъ въ описаніи перваго похода Русскихъ противъ

Татаръ, повторенное въ Воскресенской и въ Никоновской лѣтописяхъ:

Совокꙋпивше землю Русскꙋю всю противу Татаромъ. и придоша къ рѣцѣ Днѣпрꙋ на Зарꙋбъ. (и) къ островꙋ Варяжьскомꙋ.

Изъ всѣхъ показаній одинаково видно, что Зарубъ былъ на правой сторонѣ Днѣпра противъ устья Трубежа.

Что именно въ этомъ мѣстѣ былъ монастырь, свидѣтельствуютъ современныя названія двухъ мѣстностей ниже села (прежде города) Терехтемирова: село Зарубинцы лежитъ въ 6-ти верстахъ отъ этого села, а деревня Монастырокъ въ трехъ. Вѣроятно, тамъ, гдѣ теперь находится эта деревня, и былъ тотъ монастырь, въ которомъ спасался Климъ Смолятичь.

Въ этомъ Монастыркѣ и доселѣ есть «пещера на подобіе Кіевскихъ съ подземельными церквами, въ коихъ еще и нынѣ примѣтны признаки древняго богослуженія» (см. Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи, стр. 593—594).

Есть и древнее свидѣтельство объ этихъ пещерахъ. Въ Южно-Русскомъ спискѣ поученій Ефрема Сирина XIII вѣка вставлено небольшое слово подъ такимъ заглавіемъ:

«Отъ грѣшнаго Георгиꙗ черноризца Зарубьскыꙗ пещеры. поучѣные к дХовному чаду».

Нѣтъ въ виду ничего, что бы могло заставить искать этой Зарубской пещеры не въ томъ же мѣстѣ, гдѣ доселѣ цѣлы пещеры у Заруба.

Что касается самого Поученья, то нельзя, кажется, не поставить его въ число замѣчательныхъ остатковъ древности. Оно написано черноризцемъ Григоріемъ къ какому то юному чаду, пожелавшему имѣть его вождемъ своимъ, и принадлежавшему, какъ кажется, къ знатному роду. Старецъ Григорій наставляетъ его: помнить о смерти и о томъ, что готовитъ она человѣку, дать въ сердцѣ мѣсто страху Божьему, любить Бога, украшать себя смиреніемъ, милостынею, защитой сиротъ и вдовъ, любить всѣхъ, хранить тайны друзей, убѣгать клеветанья, беречь себя отъ клятвы, отъ зависти, отъ всякаго суетнаго веселья, замѣнивъ гусли псалтыремъ и книгами повѣстей

и ученій св. отецъ, пострадавшихъ за господа. Замѣтить слѣдуетъ, что старецъ Георгій не упоминаетъ ни о пьянствѣ, и объядѣньи, ни о рѣзахъ, ни о поборахъ и т. п. Слово любопытно и по языку, представляя между прочимъ слова и выраженія, не встрѣчающіяся въ другихъ памятникахъ.

От грѣшного Георгі
ꙗ черноризца. Зарубь
скыꙗ пещеры. поучѣнь
є къ д҃ховному чаду. . . с

Се пишю к те чадо моє
оузлюбленоє ѡ г҃и.
єлма же оусхотѣлъ
єси д҃шю свою сп҃ги ство
рилъ мѧ єси оуб҃гаго ста
рцѧ. вожа оуности твоєѧ
то помѧни како в҃дка тво
— рець н҃бу и земли сын тво
рець. ѡбразъ собою всѣмъ
даꙗ. пришедъ ѿ толикы
власти. до нижныхъ насъ
нѣ оусхотѣ поклонити сѧ
ц҃рю самъ сын ц҃рь ц҃ремъ
ни иному властелину вла
дыка сын в҃дкамъ. ни фи
лософомъ ни краснымн лици
и любимымъ си. но слышавъ
ѡ старци єдиномь. странъ
нѣ оубозѣ. и алчемь заморь
шиса. назѣ портъ носѧща.
ризныи до колѣну. и вса
ческы оуморьшаса само
вольствомь к тому прише
дъ поклони нр҃тую главу
свою. глава си всѣхъ обра
зъ вамъ даꙗ. да не и мы

прѣзрѣвъше нищелюби
вътл мужа ѡбнищавша Ха҃
ради. пути правлщаꙗ Хвъ҃ı
оузьпцѣмъ блгъ҃ и чтъ҃ı
и оучитель погодивъ на
мъ. ты же чадо моѥ сла
— дъкоѥ. аще точню спсениꙗ
ищеши. а нѣ иного никоѥ
го же славохотиꙗ то и ми
мо мою грубость нѣ ищи оу
чителꙗ иного си. моꙗ бо
ти грубость доволна ѥсть
сказати имже спсеши сꙗ
аще схраниши ѥлико же ти
реку аще ѿ бѣсъ възнивъ
сꙗ и прѣзрꙗ мꙗ начнеши
искати ино любь знати ли
цемь оучителꙗ. то аще и
иного грѣха не створиши то и
то ти прѣзорьству гонити
начнеть на погибель дшу
нъ си храни чадо моѥ сладко
ѥ поминаи присно смрть лю
тую напрасньство ѥꙗ. ка
ко многы въскорѣ въсхы
щаѥть. не дадущи ни по
нѣ ѥдиного словесе издрещи
потомже токомо что. не
— страшноѥ ли то судище. и
мукы различьныꙗ. лю
ты бесконечныꙗ. оугото
ваныи диꙗволу. и творꙗ
щимъ волю ѥго. и ѥже по
ношѣниѥ грѣшникомъ
и похулѣниѥ предъ аггл҃ы
и члвкы. и оуготованы
ꙗ блгтына. и прѣсто

лѣ славѣ и вѣньци на не
бесѣхъ праведникомъ.
но присно имѣи си на оу
мѣ сими присно поуча
юсѧ. въсели страхъ бжи
въ срдци си. и любовь ве
ликую ıаже к нему оукра
шаıсѧ паче злата и срѣ
бра. и камене драгаго
смѣрѣниемъ добрымъ
своимъ паче. и паче ми
лостынѧ. помогаи ни
щимъ. заступникъ буди
— сиротамъ и вьдовицамъ лю
бьвь имѣи ко всѣмъ равну
дружнѧ таннъı храни клеве
таныı же зѣло оубѣгаи. клѧ
твы хранисѧ. зависти нѣ
имѣıı. чюжихъ добротъ нѣ
съглѧдаи. да нѣ оусхоще
ши имъ. смѣха бѣгаи ли
хаго. скомороха. и сла то
чьхара. и гудцѧ. и свирцѧ.
нѣ оуведи оу домъ свои глу
ма ради. поганьско бо то к
сть а не кртыıаньско. да лю
бѧи та глумлѣныı пога
нъ есть. и съ кртыıаны при
частыı нѣ имать. дьıаво
ли бо то суть. всегда сли съ
мысци. и созваныı и ве
сѣлыı блудьскаıı бо то к
сть краса. и радость. бѣсıı
щихсѧ ѡтрокъ. а кртьѧ
ньскы суть гусли прѣкра
снаıı доброгласнаıı псалты
— рѧ. юже присно должьни

кемы веселитися. къ прчто
му вадцѣ млтвому Ху Бу на
шему. стъ. стъ. стъ. кси бе
исполнивыи нбо и землю сла
вы твокиа. то ти драго кєсть
весѣлык. то ти прѣславнаа к
сть нѣ со анкелы иы совкупла
ющи. и ту же чть подаа на
мъ грѣшникомъ. то ти прѣ
дивны суть гусли. всакои
дши животъ подающи и ве
сѣлык. аще ли глума ищеши
и весѣлыа. и всакоа втѣхы
то приимъ животворныа къ
нигы. и почти стхъ мужь по
вѣсти. и оучѣныа и дѣла и стра
кже приаша за Ха Ба. постра
давшаго насъ ради. грѣшны
хъ. и обращеши въ нихъ ста
до. точны оутѣхы. ѿ стго дха
оустроены. ꙗко же бо бчелы
ѿ различенъ цвѣтець. не
— суща оутремно неразумь
но слово. оутремове створа
юща стыдива достоины
множьствомъ клѣтокъ
красныхъ. и ѿ росы нбны
а напокныа цвѣтца. и сморъ
цающа. на жалѣхъ посиаща
наполнающа сласти свокиа
тому слава оу вѣкы. аминь.

(л. 290—292).

Во всемъ поученіи нѣтъ ничего, что бы напоминало о Татарахъ, о необходимости терпѣть ихъ иго, и т. п. Не можетъ ли это поддержать догадку, что поученіе свое старецъ Георгій писалъ еще до нашествія Татаръ.

VIII.

Запись при книгѣ поученій Ефрема Сирина 1377 г.

Книга поученій Ефрема Сирина, написанная въ 6885 = 1377 году (на 258 лл. въ л. въ два столбца), есть одна изъ замѣчательныхъ рукописей библіотеки Академіи наукъ, какъ памятникъ древняго письма и правописанія опредѣленнаго времени, и какъ одинъ изъ важныхъ текстовъ древняго перевода поученій учителя церкви, очень чтимаго издревле.

Не менѣе самой книги замѣчательна запись, занимающая на послѣднемъ листѣ этой книги полтора столбца первой страницы и половину столбца второй. Вотъ эта запись строка въ строку:

В лѣ ,ѕ ѿ пе напи
саны быша книги
сиꙗ бг҃одхновены
ꙗ рекомꙑꙗ ІЕфрѣ
мъ по житию преже бы
вшихъ ст҃хъ ѿць поре
ченіемъ и мдртью
и ѿкровеньемъ ст҃хъ
книгъ писании. а пи
саны быша сиꙗ книги
ст҃му архиерѣю ѡцю Ни
колѣ на Болото въ бг҃о
хранимѣмь градѣ Переꙗ
славли а при велицѣмь
и бл҃городнѣмъ кнѧзи Дми

три Ивановичи всеꙗ Руси
и при братѣ єго при кнѧзи
Володимерѣ Аєдрѣєвї и
при архиєпѣ Алексѣи
— митрополитѣ всеꙗ Руси.
а стѧжеными раба бїа
бомолца Дмитриꙗ игуме
на ѡбщежителѧ. ꙗже ѡ
Хѣ с братьєю. а рукою
маломощнаго а много
грѣшнаго і недостоінаго
члвка раба бїа дьꙗка
Алексѣика: се же азъ грѣ
шнъıи. неразумнъıи. ра
бъ бїи дьꙗкъ Алексѣико
нарѣцаємъıи Владъıчь
ка ѡкушахъ сѧ напи
сати сиꙗ книгъı. худъ
имѣꙗ разумъ не імѣ
ꙗ оума добра к покаꙗ
нью. аки древо в пустъı
ни вѣтромь колеблѣ
мо ∻

В се же лѣ ѡполчишасѧ
їноплеменьници іти на
Русьскую землю на Новъ
городъ на Нижнии за оу
множеньє грѣховъ на
шихъ. кнѧзь же вели
кыи Дмитрии Костанти
новичь Новгородьскъıи
посла вѣсть къ кнѧзю
к великому Дмитрию
Івановї затю своєму
на Москву. и кнѧзь

— .
.
. *(шесть строкъ оставлено,*
. *чтобъ дописать извѣстіе,*
. *начатое на предъидущей*
. *страницѣ)*

Ги҃ помози рабоу б҃жю
Владычкѣ написа
вшемоу книги сиѧ
ст҃моу великомоу Ни
колѣ. а замышлени
ѥмъ игоуменимъ.
Дмитриѥмъ. нищ.

Извѣстно, что при многихъ древнихъ рукописныхъ книгахъ, обыкновенно въ концѣ ихъ, писцы, ихъ писавшіе, или иногда и другія лица, записывали кое какія данныя относительно написанія или назначенія книгъ. Древнѣйшая изъ такихъ записей, доселѣ открытыхъ, относится къ первой половинѣ XI вѣка: въ ней «попъ Упырь лихый», переписавшій книгу пророчествъ съ толкованіями, отмѣтилъ, что онъ началъ писать «въ лѣто 6555 (=1047) мая 14, а кончилъ того же лѣта декабря 19, и что написалъ се въ Новгородѣ при княженіи Владимира, старшаго сына в. к. Ярослава». Иногда въ такихъ записяхъ помѣщались цѣлые разсказы о лицахъ, которыми или для которыхъ писались книги, письма къ такимъ лицамъ, даже вкладныя грамоты. По всему этому записи при древнихъ книгахъ достойны вниманія: изъ нихъ добываются различныя любопытныя свѣдѣнія, неизвѣстныя изъ другихъ источниковъ.

Въ чисто историческомъ отношеніи особенно замѣчательны тѣ изъ записей, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія о событіяхъ историческихъ.

Вотъ нѣсколько образцовъ такого рода записей:

При Пандектѣ Никона черногорца, писанномъ въ 1296 г., отмѣчено писцомъ между прочимъ слѣдующее:

Того же лѣта (6804 г.) бысть по ѡскоудоу хлѣба. а въ

Суждальской земли голодъ бяше. мнози хоудии идахоу к Новгородьскоую волость. кормитъся. то же бяше все по грѣхомъ нашимъ. не имѣяхомъ бо любъви межи собою. нъ зависть. нъ сънѣдахоу дроугъ дроуга завистию. яко же рече пррк. снѣдающе люди моя въ хлѣба мѣсто. Га не призваша.

Это сказаніе писца такъ сходно съ того же рода сказаніями лѣтописей, что его можно ожидать въ любой лѣтописи. Для сравненія привожу примѣръ:

Того же лѣта (6799 = 1281) поби морозъ обилие по всей волости Новгородской. то же богъ кажеть насъ. хотя отъ насъ покаанця. да быхомъ ся остали отъ злобъ своихъ. мы же ни хуже попечемся о грѣсѣхъ своихъ. а господь дльго трьпить. ожидая нашего покаанця.

При книгѣ Апостольскихъ чтеній 1307 года часть записи передаетъ слѣдующее:

Сего же лѣта (6815) бысть бои на Русьскои земли. Михаилъ съ Юрьемъ о княжение Повгородьское. при сихъ князѣхъ сѣяшется и ростяше оусобицами. гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы. и вѣци скоротишася чловкомъ.

Въ записи при книгѣ Златоустъ 1395 года, писанной въ Псковѣ, писано:

В том лѣто (6963) бы въ Новѣгородѣ блжныи митрополитъ Кипрѣянъ. и видѣша и многаци иже ходиша послове Псковици. въ городъ. и говорахоу о миру. обаче не сговориша. и владыцѣ Ивану (*далье соскоблено три строки съ половиной*). на томъ сташа.

Всѣ такія записи просятся въ лѣтопись и конечно будутъ занесены въ свои мѣста тѣмъ собирателемъ лѣтописныхъ данныхъ, который найдетъ нужнымъ свести въ одинъ сводъ всѣ лѣтописныя показанія разныхъ древнихъ лѣтописныхъ сборниковъ и извѣстій: онѣ достойны этого по новымъ свѣдѣніямъ, дополняющимъ собою то, что вошло въ древніе лѣтописные сборники.

Всегда ли однако можно ожидать отъ этихъ записей только новыхъ данныхъ? Не могутъ ли въ нихъ быть повторенными и такія сказанія, которыя уже извѣстны изъ лѣтописей? На

этотъ вопросъ отвѣчаетъ часть записи при книгѣ поученій Ефрема Сирина 1377 года.

Въ первой части ея и въ концѣ сказано, что книгу написалъ «дьякъ Алексѣйко, нарѣцаемый Владычько» въ городѣ Переславлѣ «святому архиерѣю отцю Николѣ на Болото», т. е. для того Николаевскаго монастыря, который былъ основанъ на берегу Переславльскаго озера игуменомъ Димитріемъ, въ послѣдствіи Спасо-Прилуцкимъ (см. Словарь истор. о святыхъ, прославл. въ Рос. церкви. 2-е изд. стр. 74—76), около 1370 года (какъ догадывается П. М. Строевъ: см. Указатель къ Выходамъ, стр. 60). Дьякъ Владычко замѣтилъ, что писалъ онъ книгу «стяженьемь и замышленьемь раба божия богомольца Дмитрия игумена» въ 6885 = 1377 году, слѣдовательно, очевидно, того самого Димитрія, который и основалъ Николаевскую обитель на Болотѣ. Онъ замѣтилъ кромѣ того, что писалъ «при архиепископѣ Алексѣи митрополитѣ всея Руси», слѣдовательно до 12 февраля 1378 года, потому что въ этотъ день митрополитъ Алексѣй скончался. Нельзя пропустить изъ виду и того, что книга съ переписанною выше записью не есть списокъ, болѣе поздній, а подлинникъ, какъ очевидно изъ почерка: если бы записи при ней и вовсе не было, то никто изъ знающихъ палеографическіе признаки почерковъ по вѣкамъ не могъ бы не отнести эту книгу къ памятникамъ XIV вѣка, а не къ болѣе позднимъ.

Имѣя въ виду все это, нельзя не глядѣть какъ на современное подлинное сказаніе и на ту (среднюю) часть записи, въ которой вспоминается о нашествіи иноплеменниковъ на Русскую землю, и которая, по какой то странной причинѣ, осталась тутъ недописанною (въ книгѣ для окончанія ея оставлено шесть строкъ).

Конецъ сказанія впрочемъ извѣстенъ: его можно вмѣстѣ съ началомъ читать въ Воскресенской лѣтописи (см. въ Полн. собр. лѣт. VIII: 25) или же съ подновленіями въ Софійской (т. ж. V: 236) и въ другихъ. Для сличенія переписываю еще разъ эту часть записи вмѣстѣ съ выпискою изъ лѣтописи:

Въ се же лѣ ѡполчиша-ся іноплє(мє)ньници іти на	Того же лѣта перебѣже изъ Синіе орды за Волгу. . .

Русьскую землю на Новъгородъ на нижнии за оумноженые грѣховъ нашихъ. князь же великыи Дмитрии Костянтиновичь Новгородьскыи посла вѣсть ко князю к великому Дмитрию Івановичю затю своему на Москву. и князь	царевичь... Арапша и въсхотѣ ити ратию къ Новугороду нижнему. Князь же Дмитреи Костянтиновичь посла вѣсть къ великому князю Дмитрию Ивановичю зятю своему. и князь великии приде къ Новугороду въ силѣ велицѣ. и не бысть вѣсти про царевича Аграпшу. и възвратися на Москву. и посла противу Татаръ рати своя.

Этимъ ли оканчивалась бы запись Владычки, если бы она была дописана, рѣшить невозможно. Одно можно считать несомнѣннымъ: въ записи, для окончанія которой оставлено только шесть небольшихъ строкъ, не могло заключаться все сказаніе о побоищѣ на р. Пьянѣ, или же Владычко оставилъ слишкомъ мало мѣста для окончанія начатаго имъ сказанія.

Какъ бы то ни было, дословность того, что занесено въ запись Владычки, съ тѣмъ, что находится въ лѣтописи, не отрицаема, и необходимо приводитъ къ заключенію—1) что передъ писцомъ Владычкою должно было быть тоже самое сказаніе (съ концомъ, имъ не списаннымъ), которое было и передъ лицомъ, оставившимъ лѣтописное извѣстіе о побоищѣ на Пьянѣ; 2) что такъ какъ это побоище было 2 августа (въ воскресенье) 1377 года, а событія предшествовавшія должны были совершиться немного ранѣе, весною или лѣтомъ сего же года, писецъ же Владычко писалъ свою запись не позже февраля слѣдующаго 1378 года, то передъ нимъ было сказаніе о походѣ противъ Татаръ не далѣе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ самого похода.

Нельзя не обратить также вниманія на то, что въ сказаніи, которое вздумалъ было переписать Владычко, при всей дословности его со сказаніемъ лѣтописи, не упомянуто о царевичѣ Арапшѣ. Не должно ли это наводить на мысль, что передъ лѣтописцемъ было два сказанія: одно то же, что и передъ Владыч-

кой безъ упоминанія объ Арапшѣ, а другое съ упоминаніемъ объ Арапшѣ, съ описаніемъ битвы на Пьянѣ и, можетъ быть, еще и событій послѣдовавшихъ? Если же можно допустить утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, то нельзя ли допустить и заключеніе, что сказаніе, которое вздумалъ переписывать Владычко, составлено прежде, чѣмъ узнано имя предводителя Татаръ; а другое сказаніе, которымъ воспользовался, вмѣстѣ съ первымъ, лѣтописецъ, составлено нѣсколько позже? И это второе сказаніе впрочемъ очевидно современно подобно первому: подробности въ обозначеніи времени (августа 2 въ недѣлю о полудне, августа 5 въ среду, и т. п.) доказываютъ это. Могли быть слѣдовательно два современныя сказанія объ одномъ событіи, одно другое дополняющія, и могъ какой нибудь писецъ книги воспользоваться каждымъ изъ нихъ тогда же, когда онѣ были составлены, такъ же какъ пользовался ими послѣ лѣтописецъ.

Что же это за современныя сказанія, составляемыя непосредственно послѣ событій, въ нихъ отмѣченныхъ, одинаково доступныя и лѣтописцамъ, и писцамъ книгъ? Очевидно, не просто лѣтописныя сказанія, а какія то особенныя. Кѣмъ, какъ и для чего онѣ составлялись? На это пока нельзя дать отвѣта: надо ждать открытія другихъ данныхъ въ томъ же родѣ.

Во всякомъ случаѣ запись дьяка Владычки есть явное свидѣтельство близкаго сродства записей книжныхъ съ лѣтописными сказаніями и вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ любопытныхъ данныхъ относительно составленія современныхъ сказаній о событіяхъ въ древней Руси.

IX.

Списки древняго перевода поученій Ефрема Сирина.

Сдѣлавши нѣсколько замѣтокъ о нѣкоторыхъ изъ списковъ древняго перевода поученій Ефрема Сирина, считаю къ стати сдѣлать и одну общую.

По крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ произведеній Ефрема Сирина извѣстны были Славянамъ очень издавна. Такъ между прочимъ есть онѣ и въ сборникѣ, переведенномъ по желанію Болгарскаго князя Симеона (+927) и извѣстномъ у насъ преимущественно по списку, сдѣланному для князя Святослава въ 1073 году. Ефрему Сирину принадлежитъ и помѣщенное въ немъ *слово о злыхъ женахъ*, начинающееся выраженіемъ: «Никыи же оубо звѣрь тъчьнъ женѣ злѣ и язычьнѣ» (ὀυδὲν τοίνυν ἐφάμιλλον θηρίον γυναικὸς πονηρᾶς καὶ γλωσσώδους. III. 70, IV. 138), повторенное безъ его имени во многихъ сборникахъ нашихъ и подавшее кое-кому поводъ думать, что у сочинителя этого слова были въ виду злые нравы Рускихъ женщинъ древняго времени.

Что цѣлый сборникъ поученій Ефрема Сирина существовалъ отдѣльною книгою на Славянскомъ языкѣ въ первой половинѣ XII вѣка, свидѣтельствуетъ показаніе описи Аѳонскаго монастыря пресв. Богородицы Ксилоргу, составленной 14 декабря 6651 года инд. VI. Въ числѣ Русскихъ книгъ въ этой описи обозначена и одна книга св. Ефрема (см. Журналъ мин. нар. просв. 1848 г. LVIII. Отд. II. стр. 133; Чтенія общества древностей. 1846. № 4: О Русскомъ Пантелеим. монастырѣ, стр. 12).

Эта книга, вѣроятно, заключала въ себѣ то же собраніе поученій Ефрема Сирина, которое повторяется во многихъ спискахъ почти совершенно одинаково подъ названіемъ:

«Книгы стаго Ефрѣма гр̃ѣмъна грьчьскымъ ıазыкомъ паренесисъ. сказаıеть же сѧ паренеси притъча. оутѣшениıе. молениıе. поученııе. наказаниıа потребна».

Переводъ этого собранія, судя по языку, нельзя не отнести къ числу древнѣйшихъ памятниковъ Старославянской письменности.

Онъ былъ переписываемъ и глаголицей, какъ доказываетъ случайно сохранившійся отрывокъ (см. выше).

Отъ XII вѣка сохранились отрывки его и въ одномъ изъ памятниковъ Русской кириллицы, въ сборникѣ Троицко-Сергіевской лавры (см. о немъ Древнія памятники Рус. письма и языка: стр. 39 и 199), очевидно выбранные изъ полнаго собранія.

Отъ XIII вѣка сохранился довольно полный списокъ Волынскій, писанный для тіуна князя Владимира Васильковича (✝1288 года), еще при его жизни (см. выше), и отрывокъ.

Отъ XIV вѣка имѣю въ виду пять списковъ: одинъ Сербскій 1337 года въ библіотекѣ Бѣлградскаго дружства словесности, четыре Русскихъ: 1 и 2 (на пергаменѣ и на бумагѣ) въ Императорской Публичной библіотекѣ, 3-й—1377 года въ библіотекѣ Академіи Наукъ, 4-й—отрывокъ въ библіотекѣ графа Уварова.

Всѣ эти списки очень мало отличаются порядкомъ статей. Для показанія содержанія книги и частныхъ отличій списковъ въ отношеніи къ содержанію, представляю оглавленіе по Академическому списку 1377 года, и къ нему прибавляю, гдѣ нужно, указанія объ отличіяхъ другихъ списковъ. При каждой статьѣ обозначаю начало ея и конецъ.

Заглавіе въ спискѣ 1377 года не вписано. Смотри выше. Далѣе:

— Бѣ на въстоцѣ. мужь именемь Ѥфрѣмъ Сурянъ родомь сы—ты ıеси Ѥфрѣмъ Сурянъ ⁛

— Наказанье. в҃.

Азъ Ѥфрѣмъ грѣшныи. и неразумныи. и слабыи — подобаıеть ти всѧки слава чт҃ь и покланѧниıе ѡц҃ю и сн҃у ⁛

— Наказанье. г҃.

Слава тобѣ бж҃е нашь слава тобѣ—ıако тому подобаıеть слава в вѣки ⁛

—Поученье къ блгочтью. сло҃. д҃.

Възлюблене кртьянъ ли еси бжію блгтью — то бо есть оуча чл҃кы разуму. тому слава в вѣ҃.

— Наказание къ новоначалникомъ черньцемъ. є.

Възлюблене аще ѿвергъсѧ житья сего — никакоя же злы вещи глати ѿ васъ ⁘

— Слово г҃.

Възлюблене се прѣдълагаю ти другое прѣдложение ѿ гѣ — и гь дасть ти часть со всѣми стыи. тому слава въ вѣкы амн҃.

— Слово. з҃.

Възлюблене. аще створиши. зачало (= начало) добра яко сверши и старость свою—да мы того оубжствомь ѡбатимъсѧ. ему же сла҃.

Въ спискѣ XIII вѣка этого слова нѣтъ.

— Слово. и҃.

И ино ѿ (=въ) ручнѣмь дѣлѣ не предлагаи (=не пренемагаи)—и толкущему ѿверзетсѧ. тому слава въ вѣкы аминь.

— Слово. ѳ҃.

По времени не пренемагаи — претерпѣвыи же до конца спстьсѧ. тому слава в вѣ҃.

— Слово. і҃.

Възлюблене (+не) оуклапаисѧ ѿ лица—блгнъ еси бе давыи намъ крѣпость. на невидимаго врага. тому слава въ вѣкы аминь ⁘

— Слово. аі҃.

Брате подвизаисѧ. яко (+ и) добръ воинъ ісъ хвъ.

— Слово. ві҃.

Брате аще ѿвергъсѧ. суетнаго житья — смѣренымь же даеть блгть. тому слава въ вѣкы амн҃.

— Слово. гі҃.

Брате поручилъ ли сѧ дши—ту есмь азъ посрѣдѣ іхъ. тому слава въ вѣ҃.

— Наказанье. ді҃.

Подробну съзидаеться градъ — въздастьсѧ правда тому слава въ вѣкы амн҃ ⁘

— Нака҃ние. еі҃.

Брате сподобилъсѧ ѥси стму ѡболченню (=ѡблъченію) мнишьскому — ї работати ѥму вьсѧ дни живота нашего. тому слава въ вѣкы ами ⁘

— Наказанье ѕї.

Брате что прельщаѥшисѧ—ꙗко възлюбиши славу члвчьску паче славы бжиꙗ. ѥму же слава въ вѣкы аминь.

Въ спискѣ XIII вѣка этого наказанія нѣтъ.

— Наказаньѥ. зі.

Брате ѥда ѥслиеть ти братъ нощью — гь же въздвигнеть дши ваши на страхъ свои. тому сла в вѣ.

— Наказаньѥ. ӥі.

Възлюблении (+ по) разумѣимъ стоꙗщаꙗ предъ земнымъ црсмь—и круподшью крѣпость подасть. тому сла.

— Наказаниѥ. ѳі.

Брате помышлѧю (=непщюю) ꙗко триѥ суть дрѣманьꙗ— тому подобаѥть сла и нꙑ.

— Наказаньѥ. к.

Аще ключитьсѧ брату которому прити. въ мнишьскоѥ житьѥ—мьногы бо щедроты гнѧ. на призывающихъ во истину. тому слава въ вѣкы ами.

— Наказанье. ка.

Съ ѡбщеживущими оунъпьꙗ (=оунымп) мнихы различно бореться врагъ—гь же направить срца ваша на страхъ свои. ꙗко тому подобаѥть ⁘

— Наказанье. кв.

Различно борються сущеи подъ дховнымъ ѡцмь — испытающе заповѣди ба моѥго. ꙗко тому сла.

— Наказанье (+ ѥже подобаѥть на ѥдиномъ мѣстѣ до кончины быти. кг.

Вложить помыслъ брату. селико лѣтъ имаши въ стѣмь мѣстѣ семь гви работаꙗ — вниди в радость гн своѥго. ѥму же слава въ вѣки ⁘

— Наказаньѥ. ꙗко не подобаѥть смѣꙗтисѧ и глумити. слово. кд.

Зачало(= не —) развращениѥ (= — ꙗ дши) мнихови (=—ѣ) смѣѥъ и дерзость—тебе славу всылаѥ ѡцю ⁘

— Поученьк ко оунымъ ѡ послушаньи слово. ке.

Внемли собе (= себѣ) ѿ оуности — ꙗко тому подобаѥть всꙗка сл҃.

— Наказаньк ѡ терпѣньи. слово. кѕ.

Любимици будѣмъ ꙗко храбри воини за црь нашь оумирающе—спникк вѣчнок получимъ. ѡ Хѣ Ісѣ Гѣ нашь кму же слав.

—Наказаньк. кже не прѣходити ѿ мѣста на мѣсто⁘ сло҃. кз ⁘

Вѣра мти есть всꙗкому блгодателю (= — дѣ —) — гпы же мої да съблюдеть твок срце. бу нашему слава ⁘

— Нака҃ник. ки.

Аще приключить сꙗ (= сꙗ приключить) брату ѡбщаꙗ жизни ѿлучити — сращемъ кго с дерзновеникмь въ славѣ. ꙗко тому слава.

— Наказаник ѡ Поладьї (= Паладии) черьньци. І кже бе страха бжиꙗ жити в непокорьствѣ. кѳ.

Братъ ктеръ повѣда ми гла—ѡполчисꙗ англъ гнь ѡ кртъ боꙗщимсꙗ кго избавить ꙗ тому слава в вѣкы.

—Наказаньк ѡ томь. кже имущему дастьсꙗ. слово. л.

Пишеть бо імущему дастьсꙗ—приіменъ ѡбѣтованиꙗ кго. ꙗко тому слава.

— Наказаньк кже стоꙗ въ сборѣ и (+ли) ходꙗ омраченькмь своімь падеть на земли внезапу ⁘

Братьꙗ аще кто ѿ говѣньꙗ (= говѣниꙗ) браꙗ стоꙗ въ сборѣ—пѣник (=спасении) мок гь бї въ спник тому слава.

— Наказаньк ѡ смѣреньї мдрти. лв.

Възлюблене аще по(лу)чиши предъспѣꙗньꙗ — тебѣ подобаѥть слава чть покланꙗник купно с безначалнымь ѡцмь и съ стымь дхомь І ны.

— Наказаньк ꙗко подобаѥть кртьꙗну долготерпеливу. и незлобиву быти ко всѣмъ ⁘

Аще приключитсꙗ злоба — да кто положить дшю свою за друга своѥго. тому сла҃.

— Наказаньк ѡ страстехъ земны҃ (= земленыхъ = блудныхъ).

Мужь дпи свои в лѣности живыи самъ са прелщаеть — оуста бо гна глша си. тому слава.

— Наказание ѩко (= како) подобаеть оутѣшати пренемагающаѩ ·:·

Братъ искаше своего брата — възвратиса в кѣлью свою хваля ба ѡ ползѣ брата своего. тому слава.

— Наказанье како подобаеть чтущему прилѣжно въ оуши братьи почти (-і-неборзаса). слово. ле.

Брате аще повелѣно ти будеть почести въ оуши братьству (=братии)—когда ѡбращется в нихъ прекословие чтущемоу. ли преписающему. тому слава и нын.

— Наказанье супротивно ѡ дѣвьствѣ. и ѡ цѣломудрии. слово. ls.

Брату или сестрѣ вложить помыслъ нечтыи бѣсъ гла — хощеть бо гь вса ны спти многиѩ ради блгтына. ѩко тому слава ·:·

— Наказанье ѡ чтотѣ. слово. лп.

Възлюбленыи братъ (=—е) оуподобиса чистотою фюникови—да радость створимъ дху бпю живущему в насъ ему же слава въ вѣ.

— Наказание еже не намѣтати ѡчима сѣмо і ѡвамо. но долу имѣти ѡчи. сло. лө.

Въпроси (=—ъ) чимъ оупражьнаеться брань блуднаѩ — срца скрушена и смѣрена бъ не оуничьжить. бу наше ·:·

— Наказанье о кротцѣи стртн. слово м.

Мнише неси (= нѣси) ли са ѡбѣшалъ Ху оугодити — ізгыблъ бѣ ѡбрѣтеся. тому сла.

— Наказанье к непокоривымъ. и ѡ (-і-оу) строкньи і ѡ страсѣ бпи и ѡ судѣ будущемь. слово. мв.

Брате аще пришедъ братъ молить ти са—ѩко тому подобаеть всака слава чть и покла.

— Наказанье ѡ говѣньи. сло. мв.

Брате внемли зѣло не погуби праваго пути—ѩко тому подобаеть всака сла.

— Наказанье (-і-о) ѡтъпадающихъ (=ѿпадъшихъ) ѿ своеѩ лѣности непщюющи вины ѡ грѣсѣ. сло. мг.

Брате минишьскому житью похотѣлъ иси — иже оуготова любащимъ тому слава и нн҃ѣ.

— Наказаньк о̃ блаженыхъ (=на бла—). слово. м҃д.

Блж҃нъ иже възненавидить житьк се чл҃вчкоке — да гл҃ю въ краснѣ раи. со всѣми ст҃ми. и нынѧ и присно ⁖

— Наказаньк о̃ судѣ и м҃лтыни. сл҃. м҃е ⁖

Бъ҃ сы бл҃гыи чл҃вколюбець — кму же подобакть слава и ч҃ть и покланланьє.

— О дѣвьствѣ и о̃ ч҃тотѣ. слово. м҃ѕ.

О дѣвьствѣ и ѡ҆ св҃щеньи дш҃евнѣмь гл҃ѧ Павелъ ап҃лъ—ꙗко тому подоб ⁖

— Сло҃ на исправленьк страньно живущи҃(=—ихъ). (+и) ч҃ти саномъ ищющимъ (=—хъ) слово. м҃з.

Подвижусѧ братьꙗ моꙗ и трепещю ї печалью оуюзвленъ ксмь — възвеселить ны въ ц҃ртвиї своксмь. в бесконечныꙗ вѣкы аминь.

— Ѡ ст҃рти сп҃вѣ. слово. м҃и.

Боюсѧ гл҃ти (+ и) ꙗзыкомь коснутисѧ ѡ҆ страшнѣи повѣсти Іс҃вѣ — слава їзволившему сп҃ти грѣшника многими щедротами м҃лрдиꙗ твоксго въ вѣкы аминь.

—Повѣсть бла҃жнаго Ѥфрѣма ѡ ст҃мь Аврамьї. сло҃. м҃ѳ.

Братьꙗ (=братик) моꙗ хощю вамъ повѣдати житьк добро и свершено — буди г҃и м҃лть твоꙗ на насъ ꙗко же оуповахомъ на тѧ.

— Того҃ Ѥфрема слово. ѿ покаꙗньї. н҃.

Сшедъ г҃ь ѿ ꙗдра ѡ҆ч҃а — ꙗко твоке есть ц҃ртвик и сила и слава въ вѣкы҃ ⁖

— Пооученьк (Ѥфрѣма Сурина).

Болѣзнь нудить мѧ изречи — ѡставлѧкть ти в покоснѣниꙗ мѣсто вл҃ко. кму же слава в вѣкы вѣкомъ ⁖

— Того же Ѥфрѣ҃ ѡ҆ покаꙗньї сло҃. н҃в.

Понеже оубо мира ѿверглъсѧ кси любимиче—и г҃у будеши оугоденъ и собѣ потребенъ бл҃годатью и чл҃вколюбьксмь г҃а нашего Іс҃а Х҃а кму же сла҃ ⁖

Въ сп. XIII вѣка нѣтъ.

— Того҃ Ѥфрѣ҃ ѡ҆ покаꙗньї. слово. н҃г.

Вънемли оубо собѣ (= себѣ любимиче) ıеда въ оунынию предаси собе—славимъ бā. ıему же слава въ вѣкъ вѣкомъ амӣ.

Въ сп. XIII вѣка нѣтъ.

— Того же Ѥфрѣⷯ͞ сло.ⷡ ѡ покаıаньи. ӣд.

Без лица иище ıесть зерцало—блг͞нъ ıеси въ вѣкы вѣкомъ амӣ.

Въ сп. XIII вѣка нѣтъ.

— Тогоⷤ͞ Ѥфрема слово ӣе.

Придѣте любимици мои. придѣте ѡ͞ц͞и ї братьıа—тому подобаıеть всѧка слава ч͞ть и покланⷶ͞.

— Похваⷧ͞ ѡбщеживущихъ (=—щеи братьи) тогоⷤ͞ слово Ѥфрѣмоⷡ͞ Сурина. слово. ӣѕ.

Раи їсполненъ ıесть плода (+и) весела (=—лиıа)—оукрашенъ различныимь цвѣтомъ ⁘

— (1) житиїскыⷯ͞ печалеⷯ͞. ї ѡ͞ вeщеⷯ͞. слоⷡ͞. ӣз.

Ꙗко (+и) съвузъ (=съоузъ) и раздрѣшениıе ѡрлу—ѡклеветаниıе таить д͞шю мнихову.

— (1) высокомудрьⷯ͞ и ѡ дѣлѣ завистнѣ. ї ѡ прехоⷤ͞еньи ѿ мѣста на мѣсто слоⷡ͞. ӣи.

Ꙗко древо высоко оуто ї красно бес плода же—ѡбнови въшю ны въ бесконечныıа вѣкы вѣкомъ аминь ⁘

— Слов ıеже г͞ла егда придоша к нему братьıа (+чинити віна) ї въпросиша и ѿ дѣлѣⷯ͞ (=дѣлесѣⷯ͞) слоⷡ͞. ӣѳ. їмыи глаⷡ͞. к͞в прологъ ⁘

Бл͞жю вашю жизнь ѡ͞ хⷭ҇олюбци—изгнану быти ѿ чертога ѡ͞ного ⁘

— Слоⷡ͞ ѡ͞ страсѣ б͞ии. глава. а͞. слово. ѯ.

Бл͞жнъ оубо ч͞лвкъ тамо аще (=иже) имать страхъ б͞иї всегда в себѣ—въ мнозѣ оубо благѣ вина бываıеть страхъ б͞иї стѧжавшимъ ⁘

Слоⷡ͞ ѡ бестрашьї (=бестрастии) глаⷡ͞. (+в) ѯа͞.

Неимѣıа же страха б͞иıа в собѣ повиньнъ ıесть таковыи дьıаволемь начинаныıемь—кто оубо не ѡжаıеть сицеваго.

— Слово ѡ͞ любьви. глава. г.

Бл͞жнъ мужь имѣıаї любовь б͞ию—пребываⷭ͞и в любви въ б͞зѣ пребываıеть ⁘

— Сло͡ ѡ неимущиⷯ любви (=—ве). глаⷡ. д͡. з͡г.

Окаиенъ (= Окаа́нъ) же и страстенъ ѿ любве далече ѿстоıа—и не вѣсть ıако въ тмѣ ходить ⁘

— ѡ долготерпѣньı. глаⷡ. э͡. слоⷡ. з͡д.

Бл͠жнъ по истинѣ ч͠лвкъ ѡнъ иже долготерпѣнιе стажа—долготерпѣнье бо всегда иц͡ѣлить (=цѣ—) ⁘

— ѡ неимущиⷯ (+долго) терпѣньı͡ глаⷡ. ͞. слоⷡ. з͡з.

Неимѣıа (+и) долготерпѣниıа—таиныı не терпить хранити. готовъ на ѿкровенιе слову. и҆ что сего ѡканьнѣе ⁘

ѡ терпѣньи҆ глаⷡ. з͡. слоⷡ. з͡ѕ.

Бл͠жнъ брати иже (+с) терпѣнιе стажа—терпѧ потерпѣхъ г͠а и҆ внѧтъ ми ⁘

— ѡ неимущиⷯ терпѣньıа. глаⷡ. и͡. з͡з.

Окаиенъ (=Окаанъ) же и стр͡тенъ нестажавъıи҆ терпѣниıа—стажите терпѣнιе сп͡сетесѧ.

— ѡ безмолвьи (=безгнѣвии) глаⷡ. (+о) (слово з͡и)

Бл͠жнъ ч͠лвкъ ѡнъ. и҆же не оудобь разгнѣваıемь (=—вленъ) биваıеть (= будеть) — ıако сего дѣло и д͠ша всегда здрава ıесть.

— ѡ наглоѿшьи рекше ѡгнѣвѣ. глаⷡ. і͡. слоⷡ. з͡ѳ.

Наглоѿшыıемь держимъıи҆ скоро множицею бещиньныıа ради вещи—внемлѣте себѣ ѿ наглоѿшьıа въ вѣкы.

— ѡ кротости глаⷡ. а͡і. слово о͡.

Бл͠жнъ и треблжнъ въ истину и҆мѣıа кротость—кротость всѣми славима ıесть ⁘

— ѡ лукавьствѣ (=—ии) глаⷡ. в͡і. слоⷡ. о͡а.

Рыдати оубо подобаıеть. и плакатисѧ ѡ неимущихъ кротости—ıеже хранитисѧ ѿ многословесьıа.

— ѡ истинѣ глаⷡ. г͡і. слоⷡ. о͡в.

Бл͠жнъ иже (=оубо) въ истину животъ свои҆ оучини и҆ во всѧкои҆ лжи не оувѧзну.—бл͠жнъ оубо ıесть всегда и҆же истинѣ работаıаи҆ ⁘

— Слоⷡ. ѡ лжаⷯ (=лъжемъıх) (+глава д͡і). о͡г.

Окаиенъ (=Окаа́нъ) же и стр͡тенъ. весдѣ лжа воину. — ıеже воину не лгати ⁘

— Сло͡ ѡ послушаньı. глаⷡ. е͡і. о͡д.

Блжнъ иже стяжа себе (=себѣ) послушание—блжнъ члвкъ стяжавыи послушание ⁘

— Сло҃. ѡ непокоренӹ (=—рьствѣ) и роптанӹ. (глава ѕі҃) слов. ѻ҃е.

Проклятъ и ѡканенъ (=ѡкаанъ) и̂же послушания не стяжа—иже супротивь вѣтуимъ. но православнимъ.

— Сло҃ о томь. юже не ї мѣти зависти (+ни ревности) (глава з҃і) ѻ҃г.

Блжнъ иже зависти ї ревности не наслѣдова (= послѣдствова — и ѡ҆ всякомь предоспѣяньи. Ї мужьствѣ подруга своюго радуюся независтьный.

— Сло҃ о зависти и ревности. гла҃. и҃і. ѻ҃з.

Въ сихъ же себе оуязвивъши ѡкаянъ (=ѡканенъ) ють — да не съ дыяволомь осужени будемъ ⁘

— Сло҃ юже не быти клеветнику (глава ѳ҃і). сло҃. ѻ҃и.

Блжнъ и треблжнъ. и̂же языка своюго не ѿщетить на друга своюго клеветою—бжнъ съхранивъи ся (=себе) ѿ клеветы (=—ъ).

— Сло҃ о клеветѣ (глава к҃). ѻ҃ѳ.

Наслаждаяся клевстахъ (+по)друга своюго. — клеветници и хищници црствия бжия не наслѣдать ⁘

— Сло҃ ѡ въздержанӹ. гла҃. к҃а. п҃.

Блжнъ во истину и̂ треблжнъ съхранивъи въздержание— и желаюсть сулшаго и̂ страха будущаго вѣка.

— Слово ѡ (+не)въздержанӹ гла҃. к҃в. п҃а.

А невъздержаися не ї мѣяи въздержания—тому подобаюсть сла҃ і чть ї держава и̂ покланяние ѡцю и сну и̂ стму дху ⁘

— Наказанье того же Юфрема ѡ҆ покаянӹ дп҃и. сло҃. п҃в.

Давець всѣхъ блгыхъ и̂сточникъ и̂цѣленьюмь — да сподоблюся спричастникъ быти праведникомъ твоӥмъ оугодившимъ ти въ вѣкы вѣкомъ ⁘

— Сло҃ того҃ Ефрема ѿ покаянӹ. п҃г.

Оумилися дша моя оумили. ѡ҆ всѣхъ блгыхъ — яко тому подобаюсть слава и̂ покланянью съ ѡцмь ⁘

— Того҃ Ефре҃ (+ѡ судѣ и ѡ любъви и) ѡ покаянъі. слово. пд.

Придѣте вся братья послушаите вси—изведеться (=въз—). въ жизнь вѣчьную. бгу нашему слава. и нынѣ.

— Сло҃ бл҃жнаго Ефрема ѡ недѣли. яко не глумитися крстьяномъ поганьскы҃ дѣлы. (= С. б. е. како (= яко) възвращаються въспять иже ни языческая дѣла) сл҃. пе.

Яко не подобаеть играти якоже и правыи стыхъ ѡць гл҃ть—ему же подобаеть вcяка слава. чть и поклоняние ѡцю и сну и стму ⁘

— Сло҃ бл҃жна Ефре҃ ѡ просфурѣ (=проскурѣ). рекше комканье (=ѡ комканьи). слово. пѕ.

Гл҃ху ѡ братѣ етерѣ яко бывшю сбору в недѣлю въста по ѡбычаю братъ—яко тому подобаеть сла҃ ѡц. ⁘

Въ другихъ спискахъ слѣдуетъ за этимъ:

— Наказанье къ брату ѿпадшу и ѡ покаяньи.

Въ покорствѣ сѣдящимъ—слава оу вѣкы вѣкомъ аминь.

(См. сп. XIII в., Бѣлградскій, оба списка Публ. библ.).

— Наказание къ кому (= тому) слово рено бы. суле женити. и посягати. нежели ражизати. сло҃. пѳ.

Послушаи аила глща хотѣлъ быхъ да быша вси человѣци были яко же есмь и азъ — иже въздасть ми гь въ днь ѡнъ праведный судья. і нетокмо мнѣ (+но) и всѣмъ възлюбльшимъ явленье е ⁘

— Наказание ѡ любви. сло҃. ч.

Любимиче аще сподобишися разуму—да дасть и мнѣ гь с вами воити въ цртвие его радьма. яко тому слава ⁘

— Наказание ѡ цѣломудрии (=Б:зломудри) сло҃. ча.

Рѣ гь славѣ внидѣте тѣсными двьрми — бе ѡщѣсти грѣхы и достоины створи ны црьтвия твоего аминь ⁘

— Наказанье ѡ злоѡбычнѣи мысли. чв.

Ацѣмь же ѡбразомь мечь живы (= жагы) посѣкаеть (=пре—)—яко тому есть слава и сила и цртвие ѡца и сна и стго дха и ны.

Въ другихъ спискахъ за симъ слѣдуетъ:

— Наказание ѡ пользахъ мнишьскаго житиа.

Възлюбленыи брате. аще ѿвергъсѧ житиꙗ—нынѣ и присно и оу вѣкы аминь.

(См. сп. XIII в. и Бѣлградск.).

— Наказанье ꙗко не подобаєть клѧти. чв.

Гу̃ и спсу нашему Ісу Ху. рекшу слышасте ли ꙗко речено єсть первыми не кленешисѧ (=не кльнисѧ)—ꙗко во всѧ вѣкы млтъ єго аминь ⁖

— Наказание къ Євлогию. сло. чг.

На плодъ послушаныꙗ взираꙗ брате. потщихся писати—да ицѣлѣєте именемь га нашего Іса Ха. єму же сла в вѣ.

— Того Єфрѣ (+ о бл҃жныхъ = о блажения) сло. чд. ги блгви ѿче ⁖

Блажени възлюбившеї (= възлюбльшеи) га. ї не родивше ѡ всѧчьскыхъ земныхъ вещехъ любве єго ради—кланѧющасѧ и славѧща ѿца и сна. и ны и пр.

— Того Єфрѣ о покаꙗныї. слово. чє.

Придѣте любимици. придѣте ѿци ї братьꙗ моꙗ избраноє стадо ѿче—ꙗко тому подобаєть (+слава въ вѣкы).

— Того Єфрѣ о покаꙗныї. слово. чѕ.

Оувидимъ (=оувѣ—) грѣшници милосердиє—и бъ прославитьсѧ: єму же слава въ вѣкы вѣкомъ ами ⁖

— Того Єфрѣ (+пѣсчиньна=пѣсничина) к согрѣшающимъ. и кающимсѧ. сло. чз.

Доколѣ ѡ друже держимъ врагомь (+ по всꙗ дни) свершаєши єму оугоднаꙗ—не бо їмаши тверды банѧ. на ѿмовеник пакы предълежащаго. бу же (=ти бу) нашему слава ⁖

— Того Єфрема ѡ стртехъ. слово. чи.

Хощю рещи предъ славою твоєю (моєю) Хе—и слава подобаєть спсающему грѣшникы щедротами Ха ба нашего єму же слава въ вѣкы ⁖

— Того же Єфрѣма ѡ терпѣныї. и ѡ кончинѣ ї ѡ вторѣ пришествиї Хвѣ. и ѡ поручены (= пооучени) бжтвеныхъ книгъ. что (=и почто) єсть безмолвьє (=ю) полза (=и ѡ ползѣ). ги блгви ѿче.

Свѣтло житьє праведныхъ—ꙗко твоє єсть цртвиє и чть держава ѿцю и сну и стму дху и ны ⁖

— Сло҃ того҃ Ефрѣма ѡ покаꙗньи. слово. р҃.

Молю вы оубо братьꙗ потъщимсѧ чти и непорочнꙗ ѡбрѣстися — да получю млть твою и милосердиꙗ. ꙗко твоꙗ есть црствиꙗ и спа ⁘

— Сло҃ ѡ безмолвьї того҃ Ѥфрѣ҃. ра҃.

Стяжи брате безмолвиꙗ ꙗко стѣну тверду — ꙗму же слава подоба(ꙗть) съ ѡцмъ и стмь дхмь. и нъі ⁘

За симъ въ сп. XIII вѣка слѣдуетъ:

— Отъ грѣшного Геѡргиꙗ черноризцѧ Зарубьскыꙗ пещеры новчѣньꙗ дховному чаду.

— Того҃ Ефрѣ҃ сло҃ ѡ покаꙗньї ѡ любви же ї ѡ кріщньї. ї ѡ исповѣданьї. (+ и) крту похва. (+ и) ѡ будущемъ судѣ. рв҃.

Ничто же почтемь (= паче чтѣмъ) любимаꙗ братьꙗ — то бо ꙗсть бъ нашь. и тъ свори ны. и тому слава въ вѣкы аминь ⁘

На этомъ оканчивается Бѣлградскій списокъ.

Въ сп. XIII вѣка это слово помѣщено ниже.

— Сло҃ стго Ефре҃ Сурина ѡ второмь(=—ѣмь)пришествіи Хвѣ. рг҃.

Возлюбленаꙗ братьꙗ. оуклонивъще (= —ньше) сѧ вси злаго пути оуслышимъ га глаголюща — тъ бо ꙗсть кающихсѧ бъ ѡць и спъ и стыи дхъ тому слава и чть и держава и нынѧ и при ⁘

Въ сп. XIII. в. нѣтъ.

—При҃бнаго оца нашего Ѥфрѣма. ѡ прекраснѣмь Иѡсифѣ. сло҃. рд҃.

Бг҃ Аврамовъ бг҃ Исаковъ бг҃ Иꙗковль. бъ блгнъ ибавлꙗꙗ сѣмѧ праведноꙗ своихъ слугъ — ѡ (= за) всѣхъ же сихъ Ха славимъ. съ ѡцмь и престмь дхмь. ꙗму же слава и держава чть и поклонаниꙗ и нъі.

Въ перг. спискѣ Публ. библ. нѣтъ.

Въ сп. XIII в. за симъ слѣдуетъ:

— Сто Ѥфрѣма слово о судѣ:

Придѣте вси братьꙗ. послушаите мене малаго Ѥфрема—ѡ Хѣ Їсѣ спсенъ будеть. аминь.

— Сло̑ стго Ефрѣ̑ ѡ Антихртѣ. рд.

Тако (=како) азъ грѣшныи Єфрѣмъ исполненъ. многимь невижьствиємь възмогу изрещи болшаꙗ мене — радуються съ женихомь. радостью неизреченьною со всѣми стми во вся вѣкы вѣкомъ аминь ⁘

Въ сп. XIII вѣка за симъ слѣдуетъ:

— Того же ѡ покаꙗнии слово. и ѡ любови. єже и ѡ кршении исповиданиє. и крту похвала и ѡ будущемъ судѣ.

Ничто же паче чтемъ —

Этимъ словомъ и оканчивается списокъ XIII вѣка.

Въ перг. спискѣ Имп. Публ. библ. ниже.

— Мци генваря. въ .кн. днь. Житьє пр҃бнаго ѡца нашего Єфрема Сурина. гн блгв.

Сиї пр҃бныи ѡць нашь Єфрѣмъ бѣ ѿ въстокъ слнца. Суринъ родомь—тому Ху бу нашему подобаєть вся слава. чть и поклань̑ниє съ ѡцмь и съ стмь дхомь и нп̑ и пр̑ ⁘

Въ спискахъ Имп. Публ библ. за симъ слѣдуетъ:

— (II) Амфилофиєво (слово).

Братиє повѣсть хощю створити—ꙗко тому подобаєть.

Въ перг. спискѣ Имп. Публ. библ. далѣе слѣдуютъ четыре слова:

— Пр҃бнаго оца Єфрѣма чтениє ѡ сты̑. и пр̑чтыхъ таина̑ гнихъ.

Не довольно єсть намъ братия єже слыти —

— Сло̑ пр҃бнаго оца нашего Єфрема о подвизаньи:

Потъщимъся оубо братиꙗ—бисера Ха.

— Стго оца нашего Єфрѣма слово о Аврамѣ и Исацѣ.

Преселяєть бъ праведнаго Аврама — да на всемъ мѣстѣ кланяємъся оцю и сну и стму (дху) нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. ами̑.

—Пр҃бнаго Єфрѣма похвала о стмъ Василии архиєппѣ Кесариꙗ Кападокѣꙗ.

Възлюбленни приклоните мнѣ слухы — слава чть и покланяниє. ныня и пр̑.

Далѣе въ спискѣ 1377 г. и въ другихъ:

— Сло̑ ст҃го ѡ҃ца нашего Васильꙗ еп҃па Кѣсарѣꙗ Каподокѣїскыꙗ кацѣмь єсть лѣпо бъіти чер(нь)цемь. г҃и бл҃гви ѡ҃че.

Слышасте (= али єсте) братьꙗ моꙗ бл҃гословленаꙗ г҃а гл҃ица — потщимсѧ ѡ Х҃ѣ І҃сѣ г҃ѣ нашемь и нынѧ и присно і в вѣкы.

Въ перг. спискѣ Имп. Публ. библ. нѣтъ.

— Того* Ефрѣма слово ѡ покаꙗньї. и о спасеньи д҃ши (+ и о страшнѣмь судѣ). в не̑лю мѧсопустную г҃и бл҃гви ѡ҃че ⁘

Отреченик єже въ (+ при) ст҃мъ кр҃шньї творимъ мало оубо ꙗвлꙗєтьсѧ гл҃емо — ѡ҃цю и с҃ну.и прест҃му и животворѧщему д҃ху. и нынѧ и присно и в вѣ̑ ⁘

Въ спискѣ бумажномъ Имп. Публ. библ. помѣщено послѣ слѣдующаго.

— Сло̑ ст҃го ѡ҃ца нашего Афанасьꙗ архиеп҃па Александрьскаго (= — дрии —). ѡ їконѣ г҃а нашего І҃са Х҃а. їстиньнаго (б҃а) нашего. (+ и) ѡ бывшемь чюдеси. въ Вирутѣ градѣ.... Господи благослови ѡ҃че ⁘

Въздвигнѣте ѡ҃чи оума вашего. и видите новыи дивъ сиї — ꙗвѣ ꙗко своєи вѣрѣ сподоби насъ. и своєму разумѣнью. ѡ Х҃ѣ І҃сѣ г҃ѣ нашемь. с нимь же ѡ҃цю купно съ ст҃ымь д҃хмь и нынѧ и присно и в вѣ̑ ⁘

Въ пергам. спискѣ Имп. Публ. библ. нѣтъ, а въ слѣдъ за предъидущимъ словомъ, помѣщено послѣднею статьею:

— Статья Єфрема слово о Антихристѣ (см. выше).

Этимъ оканчивается списокъ 1377 года.

Въ бумажномъ спискѣ Имп. Публ. библ. помѣщены еще:

— Сказание Афродиана ȯ бывшимъ чюдеси въ Персьстѣи земли.

Отъ Персъ оувѣдѣнъ бы̑ Х҃ъ исперва.

— Поученіе о Х҃ѣ в кумирницѣ Єлиньска б҃а Аполона.

Бывшю гладу въ Елиньстѣ земли велику зѣло —

— Слово о покаании и о сп҃сени д҃ши и о страшнѣм судѣ в не̑лю мѧсопустную (въ друг. сп. помѣщено выше):

Отреченик еже при ст҃ѣмь кр҃щении.

— М҃ца апрл̑ а҃. д҃нь житье ст҃ыꙗ и пр҃бныꙗ М҃рьи

Егуптаньпы въздержавшися преславнѣ въ пустынѣ Иерданьстѣ. ги блгви.

Таину црву добро есть таити —

Ни одинъ изъ указанныхъ списковъ XIII—XIV вв. нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ: въ каждомъ изъ нихъ есть недосмотры писца—такъ, что если бы надобно было сдѣлать изданіе древняго перевода Ефрема Сирина, то нельзя было бы держаться ни одного изъ этихъ списковъ предпочтительно передъ другими. Самый худшій въ этомъ отношеніи есть списокъ Волынскій: писцы, его писавшіе, очень часто искажали текстъ недописками, пропусками буквъ и цѣлыхъ словъ, раздѣленіемъ частей словъ посредствомъ точекъ, и т. п. и дѣлали это, очевидно, отъ невнимательности. Вѣроятно, что вся эта книга произведеніе учениковъ Іева.

Что касается до самого текста перевода, то хотя онъ вообще и одинъ во всѣхъ спискахъ, тѣмъ не менѣе по мѣстамъ представляется въ разныхъ спискахъ не дословно одинаковымъ. Для показанія различія избираю одно мѣсто изъ слова объ антихристѣ и переписываю его по Волынскому списку XIII в. и по пергаменному списку Имп. Публичной библіотеки:

— Приидеть	— Приидеть
скверньнъıи. ıако тать	пресквернавъıи. а къı тать
лъжью гова. прѣль	лжею говѣıа. хота прель
стити вса чл҃вкъı. сме	стити вса члвкъı. смѣ
ренъ и молчаливъ нена	ренъ и молчаливъ ıавлааса и ıако се рещи нена-
вида ре҃ неправдъı ѿвра	видя неправдъı *и* отъвра-
щаıа ѿ идолъ. чьтъıи блго	щаıасакумиръ. чтъı же блго-
вѣрествие блгъ пищелю	вѣрье нищелю-
бць блгообразенъ. мно	бець благо добро образенъ. мно-
го зѣло строинъ тихь	го зѣло строинъ тихи*и* ко
всѣмъ. чтъı*и* з(ѣ)ло ıазъı	всѣмъ. чтъı же зѣло ıазъı-
къ Жидовьскъ. ти бо	къ Жидовескъ. ти*и* бо
чають пришествиıа ıего	чають прихода ıего
посрѣ(дѣ) же всѣхъ сихъ чю	межю же сими всѣми чю-

деса творить знамени	деса и знамениꙗ страшнаꙗ
ꙗ и страхы со ѡбла	твора со многою
стию многъю оугоди	областию. оугоди-
ти же всѣ(мъ) подвизаса	ти всѣм подъвизаꙗса
лестию ꙗко да възлю	лестию. ꙗко же възлю-
бленъ будеть въ скорѣ	бленъ буде̑ въ скорѣ
ѿ многыхъ. и мезды	отъ многи. мыта
же не приемлеть. съ	спрѣчь да не приметь. с
гнѣвомь не речть оувъ	гнѣвомъ не речеть. и
не ꙗвлаетьса нъ ти	не ꙗвитѣ оунылъ но всегда
хъ присно. ѿ всѣхъ же	веселъ. надъ сими же
сихъ ѡбразомь оучени	всѣми образомь оучине-
ю. прѣльщаеть весь ми	нъмь прельщаеть весь ми-
ръ дондеже цр҃ь будеть.	ръ. дондеже цр҃ь будеть
егда бо видать люди	егда оубо зрать лю-
е множи. народи то	е множи и народъ то-
лика добра дѣꙗниꙗ	ликаꙗ добродѣиства
добротою же и силою (оу)	красотою же и силою суща оу-
крашена. вси вкупѣ во	творена. вси купно въ
единои воли будуть и	единого воли будуть и
радости. и въ радости ве	съ радостью ве-
лию цр҃а сътворать и	ликою поставать и цр҃а
гл҃ю(ть) к себе егда оубо ѡ	гл҃юще сами себѣ. где инъ о-
брѣтаетьса. толикъ	бращемъ сицъ
чл҃вкъ бл҃гыи праведникъ.	чл҃вкъ бл҃гъ и праведенъ.

Такихъ отличій въ спискахъ довольно много.

Какъ бы то ни было сборникъ поученій Еврема Сирина во всѣхъ древнихъ спискахъ есть важный источникъ для узнанія богатствъ Славянскаго языка: въ немъ употреблено очень много такихъ словъ, которыя въ другихъ памятникахъ встрѣчаются рѣдко или же и вовсе не встрѣчаются.

X.

Грамота короля Казимира городу Ковну на пользованіе Магдебургскимъ правомъ, 1463 года.

† Станъся. во имя. Бжье: амень. новы". приходячи причина" новы" слушно е. успомочи. лѣкарствы. для то. на вѣконсту тое. речи наметкоу. мы Казимир. бжию лакою. коро Польский. великий кнзь. Литовский. Руский. па и дѣди. знаменито. делами. пре тые литы. нинѣ будоучи". и пото". до которы". знаймоть. або вѣдая инѣшии" наши" лито прийдѣ. яко нейсчастною. годиною. мѣсто наше Ковно. огне" вы"жено. и выпалѣно. и мѣща то. мѣста. къ великой шкодѣ привело. и те то места. мѣщановъ. права. доброволе"ства. волности. даныя. и на"даныя. привилей. пре пре"ки наши. великие. кнзи. А'лексадра. або Витовта. Жидимота. дѣди наши милые'. огне" соуть попалѣны. которые. за правду. привилей. права. воли. вольности. дая. и наданыя. пре певные наши литы. были есмо. досвѣтчили. и потвердили. и посилили. для вѣрны" слоу"бъ. преречоны". мѣщано". инъший наданыя. къ мѣсту. з лаки нашое'. дали есмо. и даровали. которые вся. перворечоный ого попали. и пожо. а про то мы которые. подайны". наши". робутуе мы. убо"ство отдали. а" бы чау наше. счатнаго, ряжея могли бы ра'мо"ныя. и вжики мя. жизнейший. ты" те" мѣща. мѣста намѣненаго. маючи жалоть. млтиву. на и" убо"ство. и на и" покорные про'бы. склонение лаковѣ. которыми" про'бами. просили покорне. права. вольноти. воли. даровая наданьи. привилеи. обновити и направити. з лаки нашего милосердья. которую лаку. маемъ срчнѣ к наши". поданы" спирилато. и боярь наши". доброю и развакеною радою. умыслили есмо быть. обновѣны и направѣны. пре нинѣ чинитые литы. обновлямы. и направлями. изнову да-

вамы. а прото напре. вси^м посполитѣ. и ка^ж ны^м. особне мѣщано^м намѣненаго мѣста. на светчю правдивꙋ. посполитꙋ вѣрꙋ хртьꙗнъскꙋ. из Ри^м скаго послоуше^н ства. вызнаваючи^м давамы. дарꙋе^м. и взычае^м. право Нѣмецко Патьборъское. та^к бы поживано. тримамано и заховано ꙗко въ ины^х ихъ мѣстехъ... ^с твоу наши^х поданы^х. тримано е и заховано. тримано бывае и заховано. съ всеми члонки клявзоулами. або за ки^м. с прислоуханы^м залежанье^м: ѡбычайми. и зь иными которыми коли боу. хвалебными захованьи. такъ. а^ж ^о рада. и вои. который то ча^с бꙋдеть. боуде моглъ. и мае соудити. межи сторонами мовити. ѡ^т соудити и сказати. полоуг права истности. ꙋ книга^х нареченаго права. триманаго. алѣ старота за правдꙋ на^м. на тъ ча боудꙋчи. оу и^х право не мае ся ꙋстꙋпати. ани намѣстник которы^м коли ѡбычае^м. або по вымышленою причиною. кꙋ мордовалю. коралю. ѡбтяженью давать. алѣ кды ся пригоди. а^ж бы некоторый поданы^х бояро^в. або села наши^х. ми бы дѣло. сваръ або неправу^в. полоу права из мѣщанино^м то исто мѣста. тогды старота. або его намѣстни при соуди може быти. и мае быти алѣ сꙋдячи. полоу истности. ꙋ преречено^м правѣ писаной. а ели на^м ся пригоди. некоторомꙋ боярннꙋ. ꙋмѣсте што. противкоу. мѣстьски^м ѡбычае^м. право^м. або доброволе^н ствомъ. згреши: престоупи. або извроди. а в той престꙋпце. або грехꙋ. бы бы зыма. або ꙋфицо. тогды не полоу истности. пререче наго права Немецко^г. мае быти ѡсꙋже^н або сказа. алѣ полоу. захова. ѡбычае^в. зе^м ль. велика^г княжства. на соу маеть да^н быти старо^с те. вынявши из особно нашего прейзволеныя. або вѣда. або староты. сказаю. и ѡсоужению. бꙋде поданъ прау^н намѣненомоу. алѣ мѣщаня. вси посполитѣ. и ка^ж ньи ѡсобне. ничиемоу соудоу. только. свои^х ряски^х. або воита маю быти послоушни. вынявши. ни^ж ли бы и^х. або некоторо с ни^х. пригодило бы ся. до ѡ^т близноти. стольца. вѣльмо^ж ности нашеe. пре^с певные. явные. ли тынаши. бы ѿзванаго. и позванаго. або пре^д ихъ. або некоторо^г из ни^х. которые бы не хотели сꙋда. и права и^м данаго слухати. а до на бы ся ѿзывали. и ѿволали. в которы^х реча^х. гоны^м соуею. и навыши^м. мы хоче^м быти сами. преко^н наши^х. наслѣдꙋючи це^с робливые стопы. пре^д реченомꙋ мѣстоу. и

мѣщано^м наши^м. давамы дарѹе^м. прейзволымы: вагѹ. толенье. або смольцоваⷭ воⷭкоу. стрыженье соукна. фѹрлю. або срото-ванье. и^ж бы посполитыми оужитки. ѹ свои потребы. мѣли бы моць обратити. ꙗко сѧ налѣпеи бѹде видѣти и^м. кѹ ихъ оужи-кѹ. давамы те^ж дарѹе^м пре^дречоны^х наши^х прековъ. приста-ваючи. наданью. и дароваю. мѣстѹ. и мѣщано^м. прреченое право. Наваръское тримаючи^м. з дрѹгое стороны реки Не^мна. кѹ Прѹсом. лѣсы. гаи. поля сеножати. вси посполите и кожныи осъбне хросты. лозники. почавши на ты^х мѣстъ. поле реки Немна. от мѣста. оли. гдѣ река имене^м Єзь. ѹпадает оу прре-ченоую. рекоу Немонъ. мало вышеи. на мѣнены^м мѣсто^м Ков-но^м. алѣ на^х на долъ. нижей. реки. Немна. оли^ж до Кгоцвѣда а в ширину за правдѹ. от реки Не^мна. оли до реки Шашѹпы. в длжиню тро^х миль. а^ж бы оу прречоны^х. лѣсехъ. гае^х. храстохъ. мѣстьца^х. кѹ и^х оужиткѹ подобны^х. рѡи. сеножати. бѹдованыя. домы. и вси речи словѣче... пожиткоу потребные. сеяти... бѹ-довати. могли бы имѣ. алѣ ты^м обычае^м а^ж которые наши се-ножати. поля. або ролья. были давные. старые. або наши^х се-ляно^в наши нехай боудоу. ꙗко пнѣ и пото^м. ты^х только селя-новъ. которые по горою. поле реки Не^мна. и ꙗко на хребе горы. быва ѹсхожено. з давна мешкали. и седели. тые те^ж селяны. ѹ прречоны^х лесехъ гае^х. борохъ. могли бы. дѣлати и направляти борти и оулья. подоугъ обычае^в земль наши^х. прречоные те^ж мѣ-щаня. повинни соу и маю давати на^м и по на бѹдоучи^м чинъше. и дани. дати и платити. ис прречонны^х. ихъ. роль. ꙗко е писано ѹ прречоно^м правѣ Натьборско^м имъ даны^м а ис ка^жнаго ть е домоу и^х. повинни соу. и маю давати. ка^жный изь и^х оди гро^ш. а шо^с те^ж. повинни соу и маю давати. и платити. ꙗко ѹ прре-чономъ правѣ есть выписаино. чаоу т^ж и причиною. коли потре-бно^сте^м наши^м и оужитко^м. земль наши^х. вси посполите осъбне. мешкаючи. ѹ наши^х землахъ. помо мѣли бы дати и дадоу. то-гды и они прречоные мѣщаня. подоу достойности свои^х силъ и моцей. маю и бѹдоу повинни помо давати. аче и некоторые. за правдоу, Литвы. або Роуси. або которо коли роженыя. лю^д прреченомѹ Натьборъскомѹ. и мѣстѹ. намѣненомѹ. хотели бы приста^т. и мѣстьскии прия из особна наше прейзволеныя. то

все" посполите. и ка"номоу. ѡсъбне. боудѣ слоушно. и гѡно дѣлати. даваны таке". ты"жо мѣщано" еди ра".оу ро". ꙗрморо. и" бы могли нмѣти. и нань заволати. на сто. пайны. Марии. взатыꙗ в небо. и"бы то истьпи ꙗрморокъ стоꙗлъ на ѡсмъ. дпъ. тые вси речи посполите. и ка"ныи ѡсобне. ꙗко вамѣжно е. наши" прековъ. стопы наслѣдоючи. дали есмы. и даровали есмы. даваны и дарѹемъ. пр" ннѣшнии лиѳы. Еще к томѹ. ꙗко есмо. мѣнили. досвѣтченыꙗ. потверженыꙗ. послѣныꙗ. нашего. пре ннѣшнии литы. досвѣтчаючи. потвержаю. моцно дѣлаю. вси речи пререченые. зновоу ѹставыꙗмы сказоуемы и" бы жаномоу го"тю не годилосꙗ. коу"чить торговати. продати або коупити. або которыи коли фремаркъ. або ѡмѣна. мѣти. з некоторы". або из некоторыми. едно ты". ѡбычае". ꙗко е писано. ѹ прερечено" Немѣцко". правѣ. Натьбоу"скомъ. инъде. ѹ наши" оустава". тримано. и ѡбычаевъ. ины" мѣстъ. которые исто сꙗ права веселю. е захованo. и тримано. и то прерεченаго мѣста. ѡбычаемъ захованно есть. и тримайно. полꙗ те" наше и сеножать. скавы речоные ѹ до"жиню ѡ мѣста. ѡли" до рѣки. або оузрою Кгиръстопень а в широкоть. ѡ реки Не"на. ѡли" до горы. поле реки Вилиꙗ. стоꙗчей. дꙗ паствы. або на выгонъ. томоу истомоу мѣстѹ. и мѣщано". даваны тые речи. вси. пополите. и ка"но ѡсъбне. прερечоные. и намѣненые. ꙗко ксмо ѹзычили. дали. даровали. такъ взычамы. даваны. дарѹемы. и надаваны. на часы. вѣкойстый свѣдетъство" ты" листовъ ннѣшни". коу которы". печа наша е завѣшена. писано. и дано оу Гронѣ. оу патокъ ѹ ѡставы. оустоупе"ꙗ. в небо наше избавителꙗ. лѣта. або рокѹ е тысꙗча. четыре" сотъ шестьдеса" третего. при ты" реча" боудоучи". вѣлѣбно" панѣ Кристоусѣ. ѡцоу кнзю Миколаю пискоупоу Виленъскомоу и ѡсвѣтчоными. ве"мо"ными моу"ными. шлꙗхотными. Юрьи Семенови. а Ива. а Юрьи Лоуквеневи кнꙗжаты. Михаилоу Кезкгайлови. воеводѣ Виленскомоу. канцьлерю велико кнꙗ"ства Литовьска. "Ѡндрею Сакови. воеводѣ Троцкомоу. Радилоу "Ѡстирови. марша"кѹ великаго кнꙗ"ства Литовьскаго. а Ивашкоу Вꙗжеви. Смоле"скомоу. а "Ѡлексею Соудимонтови Полоцкомоу. Станиславоу Соудивоеви. Городенъскомоу. Станиславоу Мордасоу Ковѣнъскомоу старостѣ. Миколаю Немирови. намѣстникоу Вите"скомоу і ины". мно.

свѣтко". землѧно". и боѧро" = исто великаго кнѧ"ства. при ты" реча" пререпоны" боудоучимъ.

Подлинникъ, съ котораго сообщается здѣсь дословно вѣрный списокъ, писанъ на толстомъ пергаменѣ въ листъ широкими строками: хранится въ частныхъ рукахъ. Доставленъ мнѣ И. П. Великановымъ.

СВѢДѢНІЯ И ЗАМѢТКИ

О МАЛОИЗВѢСТНЫХЪ И НЕИЗВѢСТНЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

XI.

Христіанская топографія Козмы Индикоплова.

Сравненіе Славянскаго перевода съ Греческимъ подлинникомъ по содержанію.

Въ Ватиканской библіотекѣ, въ Римѣ, хранится рукопись IX—X вѣка, очень замѣчательная и по содержанію и по множеству богатыхъ рисунковъ, ее украшающихъ, это — Χριστιανικὴ τοπογραφία, «Христіанская топографія» монаха Козмы, прозваннаго Индикоплевстомъ. Другая подобная по красотѣ и по древности находится въ Лаврентіевской библіотекѣ, во Флоренціи. Остальные списки, находящіеся въ разныхъ библіотекахъ, и новѣе и проще. Не совершенно полна первая изъ означенныхъ рукописей, еще менѣе вторая и другія болѣе позднія.

Сочиненіе Козмы Индикоплевста давно обратило на себя вниманіе. Часть его издана во Французскомъ переводѣ въ собраніи Тевено (Thévenot), Relation des divers voyages curieux, томъ 1-й (1663 года). Монфоконъ издалъ его вполнѣ въ подлинникѣ и въ Латинскомъ переводѣ въ 1706 году: Collectio nova patrum et scriptorum Graecorum (томъ II, стр. 113). Галланди издалъ вновь въ Bibliotheca patrum (XI, стр. 399). Въ слѣдствіе этихъ изданій, объяснилась вполнѣ важность книги Козмы. Часть космографическая любопытна, какъ попытка опровергнуть Птоломееву систему міра, посредствомъ сведенія разныхъ мѣстъ св. писанія, и доказать справедливость другой системы, по которой

земля не шаръ, а возвышенная плоскость, системы, господствовавшей въ средніе вѣка довольно долго. Часть описательная любопытна по описанію Адулійскаго престола, по замѣчаніямъ объ Индіи и Сину, о произведеніяхъ Индіи, о Тапробанѣ (Цейлонѣ?). Все это тѣмъ болѣе любопытно, что относится къ началу шестаго вѣка: Козма самъ говоритъ, что онъ путешествовалъ въ Адули, въ началѣ царствованія императора Юстина (518—527), а писалъ свою книгу лѣтъ двадцать пять спустя послѣ того (Греч. подл. стр. 140)[1].

Книга Козмы Индикоплевста извѣстна и въ Славянскомъ переводѣ. Есть нѣсколько списковъ этого перевода, XVI и XVII вѣка: въ Синодальной библіотекѣ, въ Императорской Публичной библіотекѣ, въ библіотекѣ бывшаго купца Царскаго, нынѣ графа А. С. Уварова, въ бывшей библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора, въ библіотекѣ купца Болотова и пр. Заглавіе въ нихъ такое: «Книги о Хѣ обнемлюща весь миръ» и еще: «Книги Козмы нарицаемаго Индикоплова избраны отъ бжественныхъ писаній благочестивымъ и повсюдꙋ славимымъ киръ Козмою». Списковъ древнѣе XVI вѣка, сколько мнѣ извѣстно, доселѣ не было найдено. Можно было думать, что и переводъ сдѣланъ

---

[1]) Это обстоятельство отмѣчено было уже Монфокономъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и допускалъ, что одна изъ послѣднихъ добавочныхъ частей сочиненія Козмы писана гораздо прежде, въ 535 году. Никѣмъ не отмѣченнымъ осталось астрономическое показаніе Козмы, указывающее на время написанія перваго добавленія къ его книгѣ (слова VI-го):

«Истязанъ бывъ фофа (Θωϑ) мѣсяца. пришедшꙋ .і҃. мꙋ индиктꙋ (δεκάτης ἰνδικτίονος), отъ мꙋжа хитра Анастасїа именемъ . . . пророщи ѡбыванія сл҃нцꙋ. рече. быти въ то время по в҃і мехира мѣсяца (κατὰ τὴν δωδεκάτην τοῦ Μεχὶρ μηνός), еже и бысть. и лꙋнное мерсоя мѣсяца. .к҃д. паки въ то время (μεσορὶ κδ΄. πάλιν τῷ αὐτῷ καιρῷ)».

Имѣя въ виду, что годъ по Египетскому счету (которому, очевидно, слѣдовалъ Козма) состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ, по 30 дней, и пяти или 6 дней добавочныхъ, и начинался мѣсяцемъ фоѳомъ, по нашему счету 29 или 30 августа и что мехиръ былъ 6-мъ мѣсяцемъ (=февралю съ 26 или 27 янв.) а месори, 12-мъ (=августу съ 25 или 26), легко вывести, что отъ 12 мехира до 24 месори прошло 193 дни, и что 12 мехира можетъ соотвѣтствовать 6 февр. а 24 месори—17 августу. Таблицы затменій указываютъ, что затменіе луны 17 августа спустя 193 дня послѣ солнечнаго 6 февраля было въ 547 году по Р. Х. Этотъ годъ соотвѣтствуетъ 6055 году отъ с. м. по Греческому счету — и есть годъ X по индиктному счету, какъ обозначено и Козмою.

Итакъ, Козма окончилъ основную часть своего сочиненія до 547 г., и первое дополненіе къ ней писалъ въ 547 г.

поздно. Случайное открытіе навело меня на мысль, не принадлежитъ ли эта книга къ числу произведеній нашей древней литературы. Въ бывшемъ Софійскомъ сборникѣ XIV — XV вѣка отмѣчена была мною статья «О исходѣ вѣдки Ха̂ словесы и дѣлесы проповѣданиіа»: оказалось, что эта статья есть отрывокъ изъ книги Козмы. Слича свои выписки съ полными списками Козмы я увидѣлъ, что переводъ отдѣльной статьи изъ книги Козмы вообще тотъ же, что и цѣлой книги, кромѣ нѣкоторыхъ отклоненій переписчиковъ, и по этому позволяю себѣ заключить, что и въ сборникѣ XIV — XV вѣка статья писана изъ цѣльнаго списка книги Козмы Индикоплова, что слѣдовательно, цѣльный списокъ былъ уже въ XIV — XV вѣкѣ. Само собою разумѣется, что въ спискѣ XIV — XV вѣка правописаніе сохранилось болѣе древнее, чѣмъ въ спискахъ XVI — XVII вѣка. Всмотрѣвшись за тѣмъ и въ эти списки, я замѣтилъ и въ нихъ остатки древняго правописанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ языкѣ перевода вообще нѣкоторые признаки древности.

Это заставило меня заняться болѣе внимательнымъ разсмотрѣніемъ книги Козмы Индикоплова въ Славянскомъ переводѣ сравнительно съ подлинникомъ. Тогда замѣтилъ я, что этотъ Славянскій переводъ важенъ не только для насъ, но и для тѣхъ, которые изучаютъ подлинникъ Христіанской топографіи, представляя въ себѣ дополненія нѣкоторыхъ мѣстъ, въ подлинникѣ (изданномъ) недостающихъ, и указывая на болѣе правильное расположеніе другихъ[1]).

Христіанская топографія составлена Козмою первоначально въ пяти словахъ, по настоянію христолюбца Памфила, и ему посвящена. Въ предисловіи обозначено и содержаніе каждаго изъ пяти словъ. Въ первомъ словѣ Козма изложилъ свой взглядъ на понятія языческихъ ученыхъ о мірѣ и небѣ, и свои доказательства тому, что вѣрнаго разумѣнія міра надобно искать въ

---

[1]) Ссылки мои на страницы Греческаго подлинника относятся къ изданію Монфокона. Выписки изъ Славянскаго перевода приводятся изъ списковъ Синод. библіотеки, Болотовскаго и списка, доставленнаго С. И. Гуляевымъ.

св. писаніи. Не могъ Козьма миновать и вопроса объ антиподахъ. Во второмъ словѣ подробно развиты ипотезы (ὑποθέσεις) о фигурѣ и положеніи міра, и при этомъ приведено довольно много географическихъ данныхъ. Третье слово состоитъ изъ доказательствъ достовѣрности показаній Моисея, пророковъ и вообще св. писанія о мірѣ. Тутъ же о 6-ти дняхъ творенія и нѣкоторыя данныя историческія. Четвертое слово заключаетъ въ себѣ сводъ прежде сказаннаго съ нѣкоторыми новыми припоминаніями. Въ пятомъ словѣ помѣщено подробное описаніе сѣни Моисеевой, какъ образа міра, съ припоминаніями о переходѣ Евреевъ изъ Египта въ обѣтованную землю, и затѣмъ указанія изъ пророковъ и апостоловъ о воплощеніи Бога на землѣ. Въ концѣ пятаго слова не только повторено заглавіе сочиненія, но и приложены заключительныя молитвы.

Не долго спустя, по поводу вопросовъ, возбужденныхъ книгою, Козма написалъ еще слово — шестое, въ которомъ яснѣе и подробнѣе высказалъ свои понятія о солнцѣ.

Особое сочиненіе написалъ Козма по просьбѣ какого то Анастасія въ отвѣтъ на его вопросъ о небѣ. Въ немъ онъ ссылается на Христіанскую топографію, какъ на сочиненіе оконченное и состоящее изъ шести словъ: въ полномъ собраніи оно сдѣлалось седьмымъ словомъ.

Другому другу своему Петру Козма посвятилъ слово о пѣсни царя Іезекіи, написанное по настоянію этого Петра и друга его Өеофила: въ полномъ собраніи оно сдѣлалось восьмымъ словомъ. Что на него не глядѣлъ и самъ Козма, какъ на часть своей Христіанской топографіи, это видно изъ повторенныхъ въ немъ ссылокъ на это сочиненіе (подл. стр. 305, 306).

Въ слѣдъ за нимъ, какъ девятое слово, въ полномъ собраніи помѣщено слово о теченіи звѣздъ (περὶ δρόμου ἄστρων). Это кажется, то самое, о которомъ Козма упоминаетъ въ предисловіи къ общему собранію, какъ о посвященномъ діакону Омологу, и присоединенномъ къ полному собранію.

Десятое слово полнаго собранія замѣчаетъ въ себѣ свидѣтельства отцовъ и учителей церкви, которыми подтверждаются, по мнѣнію Козмы, его взгляды на міръ.

Одиннадцатое слово полнаго собранія и по внѣшнему виду

и по исключительности содержанія рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ словъ Козмы. Въ немъ нѣтъ ни вступленія, ни заключенія, такъ что слово кажется отрывкомъ безъ начала и конца. Такимъ же отрывкомъ это слово кажется и по содержанію. Въ немъ заключаются описанія нѣсколькихъ животныхъ и растеній и описаніе Тапробаны и Индіи. Къ первому отдѣлу приложены рисунки всего, что описано, и между прочимъ прежде всего рисунокъ слона, а между тѣмъ слонъ не описанъ. Глядя же на это слово, какъ на отрывокъ, трудно отказаться отъ предположенія, что это отрывокъ изъ особаго географическаго сочиненія Козмы. И такое особое сочиненіе Козма дѣйствительно написалъ: самъ онъ упоминаетъ о немъ, какъ о достойномъ прочтенія, въ предисловіи къ полному собранію, говоря что, посвятя его христолюбивому Константину, описалъ въ немъ подробно всю землю.

Двѣнадцатое слово полнаго собранія посвящено доказательствамъ важности сказаній Моисея и вообще Еврейскихъ сказаній въ сравненіи особенно съ Греческими сказаніями. Оканчивая это слово, Козма или кто другой за него говоритъ: «Старались люди собирать золото, другіе насиліемъ овладѣть землею или жемчугомъ и всякимъ богатствомъ; а господинъ этой книги мудро искалъ не жемчуга и дорогаго бисера, и не золота, а достойнаго описанія міра, и собралъ богатство, неисчезающее. Тлѣетъ все на землѣ; остается одно слово».

Отличія изданнаго подлинника отъ перевода начинаются съ первой страницы. Въ подлинникѣ послѣ заглавія, почти такого же, какъ и въ переводѣ «Книги о Хѣ̑ обнемлюща весь миръ», помѣщено обращеніе къ Богу и за тѣмъ πρόλογος а҃, обращенный къ читателямъ и объясняющій, какія именно сочиненія написалъ Козма кромѣ Христіанской топографіи (стр. 113 — 114). Въ переводѣ вмѣсто этого читаемъ «Оглавленїе сказаемое настоıащиа книги. а҃. Къ хр҇тианьствити оубо хотаащим҇. по внѣшним же. крꙋговидно н҇бо. и млащи҇ и прославлающи҇. в҃. Положенїа хр҇тианьска. ѡ образѣ҇, и мѣстѣ положенїи всего мира. ѿ б҃жественаго писанїа оука҇ имꙋща. г҃. Ӏако истинно е҇. и достовѣрно. б҃жественое писанїе. и съгл҇но себѣ еже ѡ не҇ повѣдаемо. вѣтхыи҇ и новыи завѣтъ назнаменоуа҇. и потребными

образы міра. д҃. Главизна въ скорѣ. написаніе образо҆ міра по бж҃ественомꙋ писанію. крꙋглоѡбратно разꙋмѣвати въ҆вращеніе. є҃. Въ нем же есть сѣни написаніе. прр҃къ и аг҃лъ согласіе. ѕ҃. Сложено ѡ величествіи слн҃ца. ꙁ҃. Къ Анастасію. ꙗко неразрꙋшима сꙋть нбс҃а и ѡ жилищи нбн҃ѣмъ. и҃. Въ пѣснь Іезекиевꙋ. и о заходѣ слн҃чномъ. ѳ҃. О теченіи звѣздъ. і҃. Потребы ѡч҃ескы приходащи къ всѣ҆ списаніемъ. аі. О животны҆. Индіискы҆. написаніе и сказаніе. вї. И еще ино слово знаменаа. ꙗко мнози ѿ внѣшни҆ ветхы҆ писатель послушествꙋють начальствію. бж҃ственаго писанія. еже Моvсеѡ҆ прр҃кы реченаа».

За этимъ находится предисловіе Козмы нарицаемаго Индикоплова, начинающееся со словъ: «Нѣции ꙋбо христіанствовати хотяще» — тоже что и Πρόλογος в҃ изданнаго подлинника, кромѣ первыхъ его строкъ съ обращеніемъ къ Памфилу (Πάλαι μὲν — κατὰ τῆς ἐκκλησίας). Монфоконъ замѣтилъ, что въ Ватиканскомъ спискѣ подлинника начало короче, чѣмъ во Флорентинскомъ: въ этомъ сходится онъ можетъ быть со Слав. переводомъ.

За предисловіемъ слѣдуетъ первое слово съ заглавіемъ:

«Книга Козмы нарицаемаго Индикоплова. избрана отъ божественныхъ писании. благочестивымъ и повсюду славимымъ киръ Козмою *слово* а҃ (Κοσμᾶ μοναχοῦ λόγος α҃). Въ этой первой книгѣ по изданному подлиннику есть значительное мѣсто, не находящееся въ переводѣ, гдѣ сочинитель въ кратцѣ высказываетъ свои взгляды на міръ языческихъ философовъ (стр. 117 — 121: Πρῶτον μὲν — ὑποθέσεις). Въ Славянскомъ переводѣ, непосредственно послѣ общихъ замѣчаній противъ нихъ, говорится объ антиподахъ. Затѣмъ слѣдуетъ опять пропускъ мѣста о физическихъ явленіяхъ (стр. 122 — 123: Εἰ δὲ καὶ — χαρίζονται).

Второе слово почти совершенно одинаково въ переводѣ и въ изданномъ подлинникѣ. Только объясненій къ написяль Адульскимъ въ переводѣ менѣе: первыхъ четырехъ (стр. 143: Ἔπειτα — εἰς τὸν Ὁμηρίτην ἐστίν) нѣтъ, а есть только о землѣ Сасꙋ въ такомъ видѣ:

«Сасоуя и Ливано(но)сиꙋ мѣнитъ. Послѣдняя Ефиопьскыя земля. и оубо Сасоу. на югъ и на западъ лежащꙋ. Варварію же

на востокъ и на югъ лежащꙋ. Варварїа же есть. идеже ливанъ творящія земля. Сасоу же златотворяціа земля рекомое тагхаранъ».

Кромѣ того, во второмъ словѣ (изданія стр. 149), въ слѣдъ за замѣчаніемъ объ Ефорѣ («Извѣсто Ефоръ. и слово^м^ и написаниемъ. ꙗко^ж^ бж҃ественое писание проповѣдаеть. сложеніе земли. и звѣзꙺъ приношеніе. сь бо Ефоръ бы҃ ѡбразописець (ἱστοριογράφος). ꙗко же въ четверто^м^ его писаніи сіа списавъ повѣда»), сказано слѣдующее, что въ Греч. подлинникѣ выше (Ἔστιν μὲν οὖν οὐκ ἴσον ἕκαστον ταύτων τῶν μερῶν): «Есть оубо неладно каажꙺо ѿ сп^х^ частіи. но оубо Скифово и Ефиѡпьско болѣ. І Индиское же, и Кельтское хꙋжꙺьше. и приближнее косжꙺо къ себѣ имать мѣсто количествїа. ѡви оубо сꙋть страны (= стрѣжемъ) жатвеным. и зимни^х^ востокомъ. Келти же ѿ жатвены^х^ даже до зимни^х^ западъ. странꙋ имꙋ^т^. и се оубо ладно есть ѡного ѿстоꙗнїю. и паче како противꙋлежащее. Скифꙺское же пребываніе ѡво случнаго прехоженїа неѿлучно имать мѣсто. прилежить же къ Ефиѡпьскꙋ ꙗзыкꙋ. ꙗко же мнѣти простерети ѿ въстокъ зимни^х^ до запаꙺ меньши^х^».

Въ *третьемъ* словѣ отличій между Славянскимъ переводомъ и изданнымъ Греч. подлинникомъ нѣтъ, кромѣ отсутствія въ первомъ небольшаго мѣста, гдѣ недавность міра доказывается успѣхами Грековъ въ наукахъ (стр. 182: ποῦ γὰρ καὶ αὐτοὶ — παρα κυρίου).

Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить вставку, допущенную въ переводѣ въ исчисленіи странъ и народовъ, куда проникъ свѣтъ христіанства (въ подл. стр. 178—179). Вмѣсто выраженія «καὶ λοιπῶν ἐθνῶν» въ переводѣ читаемъ: «и на западнѣи странѣ великаꙗ страна нарицаемїи Рꙋсь и ины страны».

Въ *четвертомъ* словѣ есть нѣсколько такихъ же небольшихъ отличій: въ Славянскомъ переводѣ нѣтъ между прочимъ ни общаго очертанія міра (стр. 187—188: εἰς ταύτην τὴν γῆν — το σχῆμα τοιόνδε), ни возгласовъ о движеніи міра (стр. 190: ἔτι ἀλλ'ἐν τῇ φθορᾷ — τὸ χρειῶδες αὐτῶν).

Кромѣ того въ 4-мъ словѣ въ подлинникѣ нѣтъ слѣдующаго

мѣста стоящаго, вмѣсто ἡνίκα οὖν ἔνθεν ὁ ἥλιος — τὰ ἄλλα πάντα ἐπακολουθοῦσιν (стр. 189):

«Слнцу лѣ имā. ҃тѯе. дни. и четверть. Сїа же четверть на. ҃д. ҃е. лѣто днь. и бываеть присту. сїи же днь приступается февралю. Лоуна же лѣ имā. днiи. ҃тн. творѧ .вг. мцъ по. ко. дни. лишается. аі. днiи солнчнаго кроуга. се же ѐ епакти лоунѣ. бываетъ оущербъ лоунѣ. ҃дi. и по днiи. и четверть. четверть же есть. ҃г. часы. Рожєнїе лоунѣ бываеть въ ко. днь. и по. си же полъ есть часовъ .г.»

Въ *пятомъ* словѣ находимъ отличій болѣе.

Въ слѣдъ за упоминаніемъ о приходѣ Израильтянъ въ пустыню Сурскую (стр. 195: παρελθόντων — τὴν νύκτα), недостаетъ въ подлинникѣ:

«Сеи Моисїи сїе море раздѣли. и люди проведе. и въ пустыни непроходнѣи препита. и ина многа потомъ сотвори вся сїя чюдеса. Подобаетъ вѣдати. ꙗко .(ѵ). потоне въ мори колесницъ. а по .к. конеи въ колесници. а по ҃і мужь на колесници а на .ві. частей море раздѣли. ві. родомъ избранныхъ ,х. а. Ердань проидоша .у. тысящь.

«Здѣ къ Меррѣ отъ Ѳиникона пришедше. прїяша бес писанїя заповѣдь отъ Бога. Мерра же то горка бѣ вода ея. и повелѣно отъ Бога древо вложити въ воду. и усладися. и пишя людїе. Сего ради наречется Мерра еже есть горка. и есть мѣсто то и до сего дни.

«Таче паки шествовавше отъ Мерры приидоша во Елимъ еже наричемъ Рапфу. идѣ же бяше ві источника и ҃о. стеблии финикъ (= οἱ δὲ φοίνικες πολὺ πλείους ἐγένοντο). Сличи въ св. писаніи Числ. XXXIII: 9. (= Греч. стр. 195).

Затѣмъ, послѣ объясненія праздника субботы, въ переводѣ находимъ добавку:

«Зде собравше единъ гоморъ. мѣра тако зовома. вложиша въ сосудъ златъ. стамну тако наричему. яко же заповѣда имъ господь на сохраненїе иже по тѣхъ родомъ. и положиша въ кивотѣ свѣдѣнія. егда и скинїю сотвориша. даши убо быша имъ крастели за ҃і. днии. манна же лѣть м»

Далѣе, послѣ упоминанія о боѣ съ Амаликомъ (стр. 196), въ переводѣ читается:

«Егда видѣніе ангелово видѣ въ пѹстыни и сътре тѣло свое. иде и дрѹгаго сына Семфора не обрѣзана сѹща обрѣза. Есть ѹбо и то написати сице. бысть и третіе крещеніе. закономъ Моисеомъ даныимъ. всякъ бо нечистъ омывашеся водою. и отираше ризы. и тако вхожаше въ сиемъ. Въ третии же мѣсяцъ придоша въ горѹ Синаискѹю. и различно глагола Богъ Моисеови во столпѣ облачнѣ. По сихъ показаетъ Богъ людемъ страшное оно видѣніе. ꙗкожь ѹжаснѹтися людемъ. и ѹбоятися зѣло. горѣ палящи. и дымѹ ꙗко изъ пещи горящи. и тма и мракъ бѣяше. и вихорь и гласъ трѹбъ гласящихъ бѣяше. идѣ же возведъ великаго Моисея и съкры во облацѣ. не ꙗдина за .м҃. днеѵъ тои показуетъ емѹ видѣніемъ. како начятъ творити миръ и изведе твореніе въ ѕ҃ днии. и въ з҃. преста. и таковъ дасть законъ написанъ. Есть ѹбо написаніе предирѣченымъ сице».

Должны были бы за этимъ слѣдовать заповѣди, но ихъ нѣтъ. Въ подлинникѣ же, послѣ утраченнаго листа слѣдуетъ листъ съ заповѣдями (стр. 196).

Не достаетъ сице въ подлинникѣ и слѣдующихъ строкъ:

«Зде сподобися великии Моисіи. по .м҃. днехъ. во инѣхъ .ѕ҃. днии. видѣти въ видѣнии. како въ .ѕ҃. дни сотвори Бг҃ъ небо и землю. и вся яже въ нею. по чинѹ единого коегождо дне. тѣмъ дерзнѹ и написати сия. прославленъ бывъ и лицемъ своимъ отъ Бога».

Въ переводѣ нѣтъ окончанія описанія скиніи (стр. 199: καὶ δύο τοίχων — δερμάτων), нѣтъ описанія сопровождающаго рисунки свѣтильниковъ и пр. (стр. 201: αὕτη ἡ λυχνία — φωστήρων).

Описаніе іерейской одежды, въ переводѣ отличается отъ изданнаго подлинника (стр. 203—204).

«Риза же іереова сице. ѡдежа позлащена. ѿ главы даже и до ногѹ. и поꙗсомъ препоꙗсася. ѿ прапрѹда и ѿ висса. и ѿ накинфа. въ ѡскриліи же имяше расы пришвены. и по межѹ ихъ златы клаколы. и по долѹ ꙗко цвѣтца. трѣсны ѿ ѵакѵнфа. и ѿ прапрѹды. и ѿ червьца. и виссы. сыскано. и сътворивше колоколы ѿ злата чиста. пришвени быша по межѹ трѣсномъ. по ѡтокамъповлачнымъ ѡкрѹгъ. Ѡблачаше же ся и въ дрѹгѹю

одежꙋ. ѿ виса. накиноа. и працрꙋда. и чрьвьця. и злата. и ѿ всякоа красоты оукрашенꙋ и ѿдѣноу. и даже и до бедрꙋ сходимꙋ. и сънодобноу к прьвомꙋ поꙗсꙋ. състегновенꙋ. еже напленикъ и ефоудъ нарицется. к немоу жь пригвождени бѣахоу. сардонихи. на ѡбою рамꙋ златомъ чистомъ приковано ѡ кругъ. и ина. ві. камени красотою различна. и чл҃комъ недооумѣнна. иже д҃. ми стихіи. ѡба полы приложени. и тако златомъ прикована. чю́но нѣкое стяжаніе зрящимъ ꙗвлꙗшесѧ. и на всѣхъ тѣхъ патріархова имена. написано на коемꙁо камени свое имꙋцꙋ имѧ. старѣишинѣ родꙋ. на главѣ* ношааше клобꙋкъ златыми нитьми. ꙗже митрꙋ и кидарь г҃лють. ѿ него же и платъ златъ лежаше на тѣмени его. на нем же грамотами ст҃ми. б҃жіи привѣтъ и҆ѡбразисѧ. ꙗко же ꙗвлꙗше б҃жіе имѧ к Моисеѡви г҃лѧ. азъ есмь сый. ибо иерейскою ѡдеждею архіереи. таино и приточно ѡблачашесѧ. и во ст҃аꙗ входѧ. тѣми ѿ всего мира вседержителя. и г҃а оумолꙗше. И понеже бѣша людіе Иоудеистіи. непокоривии и жесточаишіи. и забытливи чюдесъ б҃жіихъ. и преклонни на идолослоужение. тѣмъ не возбрани имъ ꙗко же страны приносѧтъ идоломъ. такожде и сіи. жертвы кровавы да приносять въ славоу б҃ви вседержителю. тѣмже иерея оукраси да людіе чюдѧтсѧ. сам же іерея наоучаꙗ како подобаетъ д҃шꙋ оукрасити. и добрыми дѣлы ѡдѣти ю. ꙗко же рече г҃ь сп҃съ нашь во еу҃аліи. аще око твое свѣтло есть то все тѣло просвѣщаетсѧ. аще ли ѡко твое лоукаво бꙋдеть. все тѣло во тмѣ есть. и такѡ да просвѣтится свѣтъ вашь предъ чл҃кы. да видѧще добраꙗ дѣла ваша. прославѧтъ ѿца вашего иже есть на нб҃сѣхъ. Есть оубо и тъ ѡбразъ іерейскыи написати сице».

За описаніемъ постановки стана (Греч. изд. стр. 206) въ переводѣ читаемъ, какъ необходимое продолженіе того, что сказано выше: «тако стающе и тако шествующе по исписанію сему» (κατὰ τὴν διαγραφὴν ταύτην).

«Тако оубо вополчаахꙋся на все д҃нь. прьвіи на въсто҃. чинъ полка Июдина с силою ихъ и съ кн҃зи сп҃овъ Июдинъ. Насонъ сынъ Аминодавль. сила его съглядание и҃. ,о҃. ,д҃. х҃. выпльчающися оужикы его. Племене Исахарова. ,н҃. ,д҃. у҃. выпльчающи оужикы е҃. книꙁ же сп҃овъ Исахаровъ Наоананлъ сн҃ъ Асегаровъ. сила его и съглѧданіе ихъ. Племени Заоулонѧ. кнѧзьже сп҃овъ

Заоулонь. Елиса". сн҃ъ Холонь. сила его и съгладаніе и". ,п҃. ,з҃. у҃. И вси съгладани ѿ полка Июдина. с силою вс҃ѣ". ,р҃. ,п҃. ѕ. и. у҃. Вторыи чи҃ полка Рꙋвимлѧ. къ югꙋ с силою ихъ. кн҃зь же сы-но" Рꙋвимль. ЕлисꙋРъ сн҃ъ Седивуровъ. сила его ,м҃. и. ,ѕ҃. ф҃. вополчающи оужикы его. Племени Симеѡнѧ. кн҃зь сн҃овъ Семи-ѡнь Саманлъ сн҃ъ Сарисадинъ. сила его согладаніе ихъ. ,п҃. ,ѳ. у҃. выпълчающи ꙋжикы его. Племени Гадова. кн҃зь Елисавъ сн҃ъ Ра-гꙋи". сила его ,м҃. и. х҃и. и вси согладани пълка Рꙋвимлѧ. ,р҃. ,п҃. ,а҃. у҃и. с силою и". вторіи да востають. и да въздвигнетсѧ храмъ свѣ҃ниꙗ. Полкъ же Левви҃скіи. среди полковъ. ꙗко же вополчаю҃ также да востаю҃ кожо дръжасѧ старѣйшин"ства своего. Чинъ полка Ефрѣмлѧ подолгъ морѧ с силою ихъ. Кнѧзь же сн҃въ Еф-рѣмль Елисавъ. сила его и согладаніе ихъ. ,м҃. ф҃. выпълчающи оужики его. Племени Манасіина. кн҃зь же сн҃овъ Манасіинъ Га-маліилъ. сила его и согладаніе ихъ. ,л҃, ,в҃. с҃. выпълчающи оужи-кы его. Племени Веніамина. кн҃зь же сн҃овъ Веніаминь. Авиданъ. сила его и согладаніе ихъ. ,л҃. ,е҃. у҃. и вс҃ѣ" полка Ересмлѧ. ,р҃. ,н҃. с силою и". тіи. г҃. тако востаю҃. Чинъ полка Данова. к сѣверꙋ с силою ихъ. кн҃зь же сн҃овъ Дановъ Ахиезеръ. сила его и соглѧ даніе ихъ. ,ѯ. ,в҃. ѱ. выпълчающи оужики его. Племени Асирова. кнѧ" же племени Асирова. Ѳаган". сила е҃ и согладаніе ихъ. ,м҃. ,а҃. ф҃. выпълчающисѧ оужикы его. Племени Неоталимлѧ. кнѧ" же и". Ахеиръ. сила его и согладаніе ихъ. ,п҃. ,г҃. у҃. Вс҃ѣ" же сочтены" полка Данова. ,р҃. ,п҃. х҃. послѣдніи да востаю҃ по чиноу ихъ. Се согляданіе сыновъ Израилевъ. по домомъ отьчества ихъ. с сила-ми ихъ. вс҃ѣ" ,х҃. и ,г҃. ф҃. п҃. А Левити" тогда. несочтени быша. но егда заповѣда г҃ь Моусею. И рече г҃ь к Моисею. поими племѧ Левгіино и постави ꙗ пре҃ Арономъ жерцемъ. и да слоужать емоу. и да стерегꙋ" стра"бы его. и стражбы вс҃ѣ" сн҃овъ Ил҃евъ пре҃ храмомъ свѣдѣниꙗ. дѣлати храмъ. и да набдѧ҃ всѧ съсꙋды храмоу свѣ҃ніѧ. по вс҃ѣ" дѣло" храма. и да дася Левгиты Аароноу братоу своемꙋ. и сн҃омъ е҃. жерце". да не едини сꙋть мнѣ ѿ сн҃овъ Ил҃евъ. Аарона же и сыны его пристави къ храмоу свѣ҃ніа. и да набдѧть жрѣчество сихъ. и все иже оу требника и вн҃ꙋтренаꙗ завѣсы. иноплеменникъ же присѧзаꙗ оумреть. си" имена сно" Аароиемъ. Аданавъ. Авиоудъ. Еліѧзаръ. и Ѳамаръ. и скончавсѧ Аданавъ. и Авиоудъ пре҃ г҃домъ приносѧще ѻ҃гнмъ своимъ. Соглѧ-

даста же Моусїи. и Ааронъ. с͠новъ Левгїинъ. гласо^м^ г͠нн^м^ ꙗко же повелѣ има г͠ь. и бѣахꙋ с͠нове Левгїини. Гедеѡ́. Каафъ. Мерари. си же имена с͠новъ Гедеѡнь по сонмꙋ и^х^. Ловинъ и Семеи. с͠нове же Каафи. по сонмꙋ и^хъ^. Авраа^м^. Исахаръ. с͠нве же Мерарини по сонмоу ихъ. Моли. и ѡ Мꙋси. се сꙋть сонми Левгистїи по домо^м^ ѿ͠чтва ихъ. се сонмъ Геѡнь. согладанїи по числоу всего мꙋжеска полоу. ѿ м͠ца едииого еже есть м͠лцъ и выше до па^ти^десѧ^т^лѣ^т^ число^м^. ,з. и. ф. Сеи сонмъ Геѡнь. за храмо^м^ выпꙑчаесѧ. и слоу^ж^ба с͠новъ Геѡнь. ѡ храмѣ свѣ͠нинѧ. попоны и покровъ дверный храмоу свѣдѣнїа. и ѡпоны двериныѧ. и завѣсы дворца. еже оу храма ѡкр͠тъ. и ѡкр͠тъ требника. и оу всѣхъ дѣ^л^ его. слоужити. и воздвизати покровъ храма и храмъ свѣдѣнїа. и покровъ его попонꙋ синюю. и попонꙋ дворпоую храмоу свѣ͠нинѧ. и всѧ сосꙋды слоуженинѧ ихъ. да творѧ^т^ по словоу Аароню и с͠новъ его. по всѣ^м^ слоужбамъ и^х^ дѣ^л^ ихъ. си слоу^ж^ба с͠новъ Геѡнь. во храмѣ свѣ͠нїа. стражба же ихъ в роуцѣ Аоамари с͠на Аронѧ жерца. Сие^м^ Кааоовъ по числоу весь моужескъ по͠л. ѿ м͠ца едїного и выше. ,н. х. стрегуще стражбы с͠тхъ. выпꙑчаютсѧ по странѣ храма къ югоу. стражбы ихъ ковчегъ. и трапеза. и свѣтилникъ. и требникъ и сосꙋ^ди^ с͠тго. и покровъ. и всѧ дѣла и^х^. к͠нзь же бѧше Левгїискыи. Елеазаръ с͠нъ Арона жерца. стрегоущи стражбы с͠тхъ. Се сонмъ Мерарїи. согладанїе по числꙋ весь моужескъ полъ ѿ м͠ца единого. и выше. ,ѕ. ф. стра^ж^ба же с͠новъ Мераринъ. дъскы храма и развора его (= завора = завѣса). и столпы его. и стоѫла и^х^. и всѧ сосꙋды и^м^. и всѧ столпы дворныѧ. еже ѡкр͠тъ стола ихъ. и колца ихъ. и верви и^х^. выпꙑчающе же сѧ с прихода храмꙋ на въстокъ. Моусїи. и Ааронъ и с͠нве его стрегоуще всѧ стражбы с͠тго. Се согладанїе Левгїиское. еже соглада Моусїи. и Ааронъ по сонмоу и по домомъ ѿ͠чтва ихъ. ѿ к. лѣтъ. и выше до н͠. лѣ͠. весь идыи на дѣло дѣлати въ храмѣ свѣдѣнїа. и быша съгладани вси. ,н. и. ф. и. п. ꙗкоже повелѣ г͠ь Моусею. приходѧщи^м^ же левгито^м^ къ с͠тхъ с͠тмъ. Ааронъ и с͠нве его влазѧхꙋ преже. да оустроѧ^т^ ꙗ ко^ж^о ихъ по чиноу ихъ. ꙗко^ж^ заповѣда г͠ь. да не влѣзꙋ^т^ в незааноу видѣти с͠тое. и оумрꙋтъ. и ѡблакъ бѧше н͠а храмомъ въ д͠нь. и ѡгнь бѧше н͠а ними в нощи пр͠е всѣ^м^ Ин͠лемъ. въ всѣ^х^ пошествїи^х^ ихъ. егда^ж^ въстꙋпаше ѡблакъ ѿ храма. въ͠звизахꙋ^ж^ с͠нве Ин͠лви. съ

именіемъ свои". на нем же мѣстѣ станяше шблакъ на то" же мѣстѣ столхоу сн҃ве Ин҃лви по повелѣнію г҃ню. егда же премѣнитъ шблакъ на храмѣ дн҃и многи. да снабдх сн҃ве Ин҃лви снабдѣніе б҃жіе. и да не востан. и аще двигнетсѧ шблакъ до заоутра. да воздвизается Израиль днью или нощью. и сотвори Моусїи двѣ троубы сребряны по г҃лѹ г҃ню. да будета съзываніе сонмоу. и воставлѧти полкы. аще ли единою вострѹбить прихожахоу вси кн҃зи Ін҃льстїи. и егда троублахѹ въ знаменїе и воздвизахѹсѧ плъци. и вылъчающимсѧ на востокы. и вострѹблахоуть вгорое. и въздвигнѹтсѧ полци. и вылъчатсѧ ѿ юга. и вострѹбять .г҃. и въздвигнѹтся полци и вылъчатся ѿ морѧ. и вострѹбх. д҃. и воздвигнѹтсѧ плъци и выполчатсѧ ѿ сѣвера. и пакы въстрѹбх въ знаменїе двигнѹтисѧ» (срав. въ кн. Чиселъ: II и III-гл.).

Значительную часть пятаго слова занимають свидѣтельства патріарховъ и пророковъ о Христѣ. Въ первой изъ этихъ статей, объясненіе (παραγραφή: стр. 210) въ переводѣ начинается не такъ, какъ въ подлинникѣ:

«Есть оубо наоучитї хотѧщемоу. оустрои и силы ключаютсѧ. ибо ч҃лкъ кый же любо б҃жію казнію ключаетсѧ шнемъ строи. и томѹ всемѹ словесномѹ. согрѣшившю оубо томоу. и прїимшѹ ѿвѣ смр҃тныи и сїи рыдахѹ и себе ради и всѣ". ненадѣяніе помышлѧюще. ꙗко и сего сѣмѧ погибноути хощет в потопѣ».

За этимъ въ переводѣ, безъ упоминанія о первыхъ двухъ сыновьяхъ Адама, сказано прямо о рожденіи Сиѳа:

Далѣе, статьи о пророкахъ въ изданномъ подлинникѣ не въ такомъ порядкѣ какъ въ Слав. переводѣ. Въ подлинникѣ: 1) Осія, 2) Іоиль, 3) Амосъ, 4) Авдій, 5) Іона, 6) Исаія, 7) Михей, 8) Наумъ, 9) Амбакумъ, 10) Іеремія, 11) Софонія, 12) Іезекіиль, 13) Даніилъ, 14) Аггей, 15) Захарія, 16) Малахія. Статья объ этомъ послѣднемъ (стр. 238) оканчивается заявленіемъ сочинителя, что по осмотрѣ двѣнадцати пророковъ (малыхъ) онъ хочетъ перейдти къ четыремъ великимъ. Далѣе, послѣ дополнительнаго обзора двѣнадцати (малыхъ) пророковъ (стр. 238—239), сочинитель вновь заявляетъ, что онъ переходитъ къ великому Исаіи; но вмѣсто статей объ Исаіи и остальныхъ трехъ (Іереміи, Іезекіилѣ и Даніилѣ), помѣщенныхъ выше, поставлена статья объ Іоаннѣ Предтечѣ. Очевидно, переписчикъ подлинника,

не руководствуясь мыслію сочинителя, слѣпо слѣдовалъ списку, въ которомъ листы были перепутаны, и исказилъ должный порядокъ. Въ Славянскомъ переводѣ порядокъ малыхъ пророковъ такой: 1) Осія, 2) Амосъ, 3) Михей, 4) Іоиль, 5) Авдій, 6) Іона, 7) Наумъ, 8) Аввакумъ, 9) Софонія, 10) Аггей, 11) Захарія, 12) Малахія. За тѣмъ общая объяснительная статья о нихъ съ переходомъ къ разсмотрѣнію четырехъ великихъ пророковъ и статьи о нихъ. Очевидно, что въ этой части сочиненія подлинный порядокъ Козмы сохраненъ въ Славянскомъ переводѣ, а не въ изданномъ подлинникѣ.

Передъ описаніемъ пророчества Давида въ Греч. подлинникѣ нѣтъ слѣдующаго описанія изображенія (ср. Гр. стр. 224):

«Написае оубо того Дѣда сѣдѧща. и лики прѣ нимъ. ѡдесно и ѡшюе. ѩко да оувѣдѣти. кто. и видѣніе чина ихъ. по сихъ глюще. і ихже самъ сподобисѧ прорещи ѱалмы. еже ѡ вѣцѣ Хѣ строеніа. хытры таковы въ сложеніи. и разноличь примѣнивъ ѡбразо. ѡ страсти. и ѡ воскрніи въчтеніа его рекъ ѡ всемъ. такоже и ѡ бжствѣ ѩко безначаленъ. и сдѣте есть всѣ. и ѡбновитель всего. к немоуже зри весь разоумъ бжтвеннаго (= бгодхновеннаго) писаниѧ».

Въ статьѣ объ евангелистѣ Матоеѣ въ изданномъ подлинникѣ (стр. 246) не достаетъ объясненія:

«И сіи не вехаго. но новаго завѣта проповѣник. иже списа намъ како и когда родисѧ. и ѿ кого. иже втораго составлениѧ началникъ. еже есть вѣка Хс. и како поживе. и оубіенъ бысть и воскрсе. и на небеса взыде. идѣже есть того втораго съставленіа житіе. слава иже из начала оуготовльшемоу. и провозвѣстившемоу ѡ семъ бгоу. і нинѣ совершившоу и совершающоу аминь».

Часть 5-го слова, свидѣтельство апостоловъ Петра, Стефана и Павла, и заключительныя статьи, кромѣ послѣдней (по изданію стр. 249—260, до παράγραφή), въ Славянскомъ переводѣ перенесены въ 8-е слово (по изданію стр. 308, между словами προσέταξαν и οὕτως).

Слово 5-е оканчивается въ Славянскомъ переводѣ молитвами, которыхъ нѣтъ въ Греч. подлинникѣ:

«Молите ѡ мнѣ грѣшномъ. ѩко да всѣхъ гь не презри мене. но помиловавъ съравночислена мене сотворитъ съ вами съ дес-

ными его. презрѧ наша грѣхи. и да не ѿлученъ бѹдѹ того блаженьства неизреченнааго. молитвами и моленїемъ ваши̂. м҃лрдем же и ч҃lколюбїемъ. и бл҃гтїю всѣ̂ на̂ спаса Х҃а. с ним же ѿц҃ѹ слава. со ст҃ы̂ д҃хо̂. нынѣ и всегда и в вѣки вѣкомъ аминь».

М҃лтва Козмъ списавша̂ книгы сиѧ.

Б҃же бл҃гїи м҃лрде. дълготрьпѣливе. и мно҃млтве. помилоуи мѧ недостоинаго раба твоего. и не ѡсѹди мене по грѣхомъ мои̂. ꙗко ты нечеши̂ ѡ всѣ̂ на̂. и вѣси когождо таиныѧ мысли. но любовїю ꙗ̂ к тебѣ и твои̂ щедротъ просивъ. не скрыхъ преданое ми твои̂ м҃лрдїемъ. и бл҃гтїю и щеротами. на по'зѹ чтѹщи̂. ѿ моихъ ꙗже ми вдасть оученїи. промышленїемъ спаса нашего Х҃а. в вѣкы аминь».

Славянскій переводъ *шестаго* слова не представляетъ отличій, кромѣ двухъ пропусковъ. Такъ, при рисункѣ паденія лучей солнца въ разныхъ климатахъ (обезсмысленномъ недорисовкой нижней части, т. е. климатовъ) недостаетъ въ немъ объясненія; нѣтъ въ немъ и объясненія ко второму рисунку, равно какъ и самаго рисунка (по изд. стр. 273).

Седьмое слово озаглавлено въ Славянскомъ переводѣ такъ:

«Къ Анастасїю. ꙗко неразрѹшима сѹть небеса. о жилищи небеснемъ. Слово з҃».

Кромѣ приведенія стих. 44—49 XV главы 1-го посланія къ Коринѳяномъ въ слѣдъ за стих. 42—43 (изд. стр. 281), Славянскій переводъ не представляетъ особенныхъ отличій отъ изданнаго подлинника. Ошибкою одного изъ писцевъ можно считать вставку, находящуюся въ Болотовскомъ спискѣ, въ концѣ этого слова, мѣста принадлежащаго четвертому слову (стр. 189 подл.):

«Внегда оубо зде зашедъ с҃лнце. течетъ ко слоу̂бѣ невидимы̂ силъ. ꙗкоже бж҃твеномоу писанїю мнитсѧ. нощь по дроузѣи части. д҃нь же вселеннеи творитъ. внегда̂ тамо течетъ. зде нощь творитъ. совокупльше же подобїю паки напише̂ н҃бо. и землю. есть же сице. По҃писаніе.

«Си пакы часть землѧ. за сѣверомъ есть поуста. идѣже текѹть ѿ запада по сѣвероу. просто. ꙗко же оу стѣны бывъ. на

дроугѹ́ю часть тоѧ живомоую нощь творять. но неизмѣрнѣи оубо широтѣ на живущи͗ тоѧ части. исподи по̑ ѡкїано͗. даже до верха высоты еѧ. идѣ же предѣлѧюци свѣто͗ звѣзды͗. им же нощи ини вса послѣдоують».

Въ *осьмомъ* словѣ (ср. стр. 304) не достаетъ въ подлинникѣ передъ изложеніемъ пѣсни Іезекіи:

«Блг҃влю тѧ и прославлю тѧ вынѹ. ꙗко͗ и всакъ живыи дължень є҃ се творити. ѿ днь бо дѣти сътворю. ꙗ͗ возвѣстѧ̑ правдоу твою. г҃и спасеніа моего. но ни ѿ селѣ рече к томоу себе не приѡбщѹ. еже наче мене помышленію. и воспрїемлю подрѹжїе и сътворю чада. и сїа наѹчю твоꙗ оправданиꙗ любити. И непрестаноу блг҃вѧ тѧ съ пса҆тырею. во всѧ дн҃и живота моего. пре̑ домомъ г҃а б҃а моегѡ. да речеть не токмо͗ чада наоучю твоѧ повелѣнїа любити. но и себе исправлю во все живота моего времѧ. на твою хвалоу тщатй. и прилпѣти. ҆вынѹ твоеи цр҃кви не ѿстоуиаа. не брегн к томоу въ тѣ͗ пребывати. Сїѧ рекъ въ пѣсни Іезекїа. и въставъ ѿ болѣзни. прїимыи. є҃і. лѣтъ приложенїе живота. и брачисѧ абїе. и роди Манасїю. соуща. в҃і. лѣтъ ѡстави. испльни прѣимника. и житїа изыде. по ѡбѣщанїю бо б҃жїю. исполнивъ по болѣзни приложенїа б҃жїа лѣтъ. є҃і. И сїа оубо ꙗ͗ ѡ пѣсни. ꙗ͗ и ꙗвлена ключаютсѧ пре̑реченою в пре҆словїи ѡ части тлъкованїа. иже предиречеными мысльми прехожаше Іезекїѧ.

«Начинаемже г҃лати ꙗко же сѧ ѡбѣщахъ ѡ заходѣ слн҃ца. б҃жтвенеи бл҃ти сьдѣтельствоующи на͗. Пръвое оубо съключисѧ быти домѹ Іезекїинѹ. и ꙗко к вечероу вй бѣ. в ча̑. ѳ҃. внегда знаменїе бысть. и каꙗ вина таковаго знаменїа. и каꙗ ѿ него приѡбрѣте҆ бывшиѧ. Дверь оубо домоу Иезкїева. идѣ же бѣша. і҃. степени. къ въстокѹ смотраше. приклоньшію оубо слн҃цѹ на запады. при часѣ о҃. мь. дн҃е поужа приде. сѣнь домѹ запа̑наꙗ сѹщи на вышнемъ степени. до послѣ̑нѧго десѧти степении. Пр҃р҃кѹ оубо Исаїи. ѿ оустъ б҃жїихъ рекшоу Иезекїи. полѹдньнаго просити знаменїа. ли прейти на пре̑стѣнию десѧти степеней. ли възвратити стѣнѧ на десѧ̑ степенїи. ѿвѣща Іезекїа г҃лѧ. легко стеню прѣклонитися» — и пр.

О неумѣстномъ прибавленіи въ изданномъ подлинникѣ къ концу.

8-го слова того, что должно быть послѣ 9-го слова, судя по самой ссылкѣ подлинника на девятое слово (ἐν τῷ ἐννάτῳ λόγῳ), будетъ сказано въ замѣткѣ о X словѣ.

Къ *девятому* слову въ Славянскомъ переводѣ приложенъ рисунокъ, ненаходящійся въ изданномъ подлинникѣ, съ надписью «Ангели движѹще звѣзды». Это кругъ съ землею въ срединѣ, съ ангелами солнца и луны подлѣ земли и съ ангелами звѣздъ вокругъ.

Десятое слово въ Славянскомъ переводѣ отличается отъ изданнаго подлинника нѣкоторыми надписаніями. Такъ: VI посланіе Аѳанасія названо 7-мъ; XXII вовсе не отмѣчено; слово Григорія Назіанзина на пасху (стр. 319) названо вторымъ; 1-е посланіе Ѳеофила Александрійскаго названо 2-мъ, а во второмъ отрывкѣ 10-мъ; 2-е слово Севиріана во второмъ отрывкѣ (стр. 323) названо 3-мъ; 3-е (стр. 325) — 4-мъ; Филонъ Карпатскій названъ Филономъ Карпомъ Фивійскимъ (стр. 329); Ѳеодосій Александрійскій названъ Меѳодіемъ; въ выпискахъ изъ словъ Тимоѳея названіе мѣсяца παχῶν принято за пасху.

Въ концѣ *десятаго* слова (а въ нѣкоторыхъ спискахъ неумѣстно въ *пятомъ*, передъ выше приведеннымъ мѣстомъ объ одеждѣ іерейской), въ Славянскомъ переводѣ прибавлено слѣдующее мѣсто:

«Ꙗко же и. ·ві. хлѣба иже на трапезѣ прѣложенїю лежащеи. ѡбразъ сѹть всего лѣта. и плодовъ земныˣ. ꙗко же преди речеса въ скинїи. и пнѣ написахоˣ кроу҆. ві. мцѹ всѐ лѣта. и косгож҇о мца плоды. блгодарѧще. всѣˣ датела бга. ꙗкоˣ и Двъ дхоⷨ҇ъ стмъ движиˣ глть къ бгѹ сице. блгвилъ еси вѣнець лѣта блгти твоеꙗ. чюнѣ вѣнець блгти кру҆. ві мцѹ всѐ лѣта рекъ. ꙗкоˣ оубо вѣнчающа свыше красотою землю. възрастающа же и ботѣюща. стихїами растворенїи. ꙗˣ невиⷣмыѧ силы. строⷽ҇. мчнꙑѧ сѧ плоды. того ради паки реˣ сице. и полѧ твоѧ испоⷧ҇нѧтсѧ тоука. и паки. оуготоваⷧ҇ еси пищѹ иˣ. ꙗко тако есть оуготованїе твое. и инде паки реⷱ҇ сице. вси ѿ тебе чаю да даси. иˣ пищѹ в подобно врѣмѧ. ꙗко се на всѧко времѧ подобно наˣ и ꙗˣ ѡ наⷭ҇ оуготоваꙗ питаеши. і инде же ѡ нѹжнѣи нашеи пищи.

ѩ҄ чн҃ жатвеныи въ тріє҄ мцн҄ дѣлаѩ по ра҄ ѿдаѥ҃. рє҃ сице. ѿ плода пшеница. и вина. і елеа є҃. ӱмножша҃ изра҃но. паки въ бл҃годареніи чн҃ сохрани҃. и первѣє оубо рекъ. пшеницоу. и вино. и масла. ѩко же по правдѣ бж҃іимъ чиномь. аг҃лы гл҃ю и чл҃кы. въ тріехъ мцѣ҄ жатвѣ грады оустроиѭ. подобаѥ҃ оубо всако҄ хрт҃іанинoу. не просто. ни ѩко҄ прилӱчи»... (Конца нѣтъ ни въ одномъ изъ мнѣ извѣстныхъ списковъ.)

Рисунокъ описаннаго здѣсь круга приложенъ и къ подлиннику, а самое мѣсто приставлено въ немъ неумѣстно къ VIII слову, въ концѣ (стр. 308—309).

Одиннадцатое слово такъ же отрывочно въ переводѣ, какъ и въ подлинникѣ,—и въ переводѣ представляетъ кое гдѣ нѣкоторые незначительные пропуски.

Въ *двѣнадцатомъ* словѣ есть въ переводѣ такой пропускъ съ самаго начала: недостаетъ выраженія: «Ἐν τοῖς χαλδαϊκοῖς γράμμασι Βηρώσου καὶ ἑτέρων τινῶν γέγραπται οὕτως». Въ подлинникѣ напротивъ того недостаетъ конца слова. Вотъ онъ:

«Тѣм же и мы и ѡбразы и мѣста всего мира. и звѣздамъ прехожєніа смотривше. и вылъчивъшеса и въѡрӱживъшеса на тѣхъ ѿ бж҃ественыхъ писаніи. написахомъ. показати тщацеса тѣми всѣми. и бж҃ественое писаніе истиіно ключаемо. и хрт҃іяньско проповѣданіе. въ коупѣ и исчезновеніе свѣтиломъ. ими же тіи могуть тѣми съвръшити. нѡдписаніе.

Слово ві҃. Знаменаа. ѩко мнѡзи прьвыхъ сьписатель прежде бытіа Елиньска. Халдеи же и Финикеи. и Егѵптяне. послоушьствӱють начальствію бж҃ественаго писаніа. иже ѿ Моѵсеа. и прр҃ки реченаа. и ѩко послѣжде всѣхъ Елини ѩвляются наоучьшеся ѿ тѣ҄ прореченіи. и вѣровавше. и пакы лѣты многы въ древнее невѣріе оуклонишася.

Съвръшителю всего зданіа. тебѣ слава Хе҃. и честь въ вѣкы. аминь.

Потщашася мнози злато ѡбрѣсти. инїи же землю тщатся или жемчюгъ. и всяко богаство пріати насиліемь. гн҃ь же си҄ книгъ. не жемчюги. ни бисеры драги. ни злато. добротӱ же списаніе мира мӱдро оубо ѡбрѣть. и изрядно и бж҃твено. ѿноудӱ же събра

бгатство. иже всегда пребывае. Тлѣють вся. ѿ земли бо. слово же пребываеть едино. ѡ Хѣ Ісѣ Гѣ нашемъ. емоу ж слава въ вѣкы вѣкѡ амннь.

Всего этого, кажется, довольно, чтобы убѣдиться, что Славянскій переводъ сочиненія Козмы Индикоплова необходимъ для изучающихъ Греческій подлинникъ по древнѣйшимъ спискамъ, Ватиканскому и Флорентинскому. Нельзя, однако, сказать, что для этого годится каждый изъ списковъ перевода. Напротивъ того ни одинъ изъ мнѣ извѣстныхъ и указанныхъ не можетъ самъ по себѣ считаться удовлетворительнымъ. Вотъ почему я отлагаю разборъ перевода до пріисканія хорошаго списка.

---

*

XII.

Сербская книга Евангельскихъ чтеній XII вѣка (1199—1200 года).

Всѣхъ доселѣ открытыхъ памятниковъ Сербскаго письма XI и XII вѣка такъ немного, что каждый вновь открытый стоитъ вниманія по крайней мѣрѣ въ палеографическомъ отношеніи. Памятникъ, отмѣчаемый здѣсь, есть книга Евангельскихъ чтеній (189 лл. въ 4-у въ два столбца). Онъ принадлежитъ къ богатому собранію рукописей преосв. Порфирія.

Книга эта достойна особеннаго вниманія, потому что время ея написанія опредѣляется записью, находящеюся на послѣдней страницѣ.

Вотъ эта запись слово въ слово и строка въ строку *).

Понеже мнози начеше
чинити. и п°вѣсти дѣяти ѥже ѿ и
звѣстныихь вещехь: случи
се мнѣ грѣшьн°мꙋ присно и ѹны
ломꙋ: и хꙋждьшюмꙋ всѣхь: ни
нидостоин°мꙋ назвати се име
нем*и* симь: мьниха: Сӱмеѡ҃на:
вьзвѣстити вса п° редꙋ: ѥаже
сьврьши вѣка всѣхь: проше
ниѥмь: и м°лениѥмь: мене грѣ

---

*) Буквы по мѣстамъ изъѣдены червями: тѣ изъ нихъ, которыя могли быть угаданы по смыслу, я ставлю въ скобкахъ, а неразгаданныя мною обозначаю точками. Буквами въ разрядку отличены факты, касающіеся написанія книги.

шьнаго: Сумеѡна старьца:
бышаго ме нѣкогда у мирѣ: и к
ще бо ми сущю неразлученѹ ѿ ро
да: ино мⷪленије моје не бѣше: то
кьмо гⷭи Исⷭ Хⷭь споⷣби ме и(е)достои
наго: достоину быти пⷪдысти иго
твоје на се: ѡнь же јакⷪ благь: и
милостивь: рекы гредуща
го (по) мнѣ неⷪжденѹ вонь: испль
(ни) желаније моје выскорѣ: оузе
на бр. . . го же чаахь за мно
гије дⷭи: и јеще сущу ми у манастырⷪ
вь ѡбьщежити: и паки ужделѣ
вшю ми се: пⷪнудихь се изити
изь манастира: и ѿ братије: и по
слѣдовати Хⷭу: ⷪ не помиловахь
себе: ни пⷪщедѣхь немⷪщьныје
старости (ма)тере своје: за ние
. . . . и любимую братию
ѡставихь и сестры. и иню про
чю присиь: да сьбудетьсе г(ле)
мⷪје: не прⷪркы ни апⷭлы: иу самѣ
мь гⷭемь нашимь Исⷭ Хⷭтомь:
всакь ѡставлен: матирь и бра
тию: ина прочаја: и по мнѣ иди:
стократь при . . . животь вѣчь
ны: Двⷣь бо пишеть: каја пⷪльза
у крьви мⷪоји: јегда сьнидѹ вь и
стьлѣније: једа исповѣсть ти се прь
сть или възвѣстить истинѹ твою:
се врѣме покајанија настоить.
јакⷪ нѣсть у сьмрьти поминаји те
бе: вь адѣ же кто исповѣсть ти
се . . . и вса сьмысливыю . . .
сподобихь се страньнь быти к сво
2. јемѹ родителю и братиї: присные
досажденије и укⷪреније: и ѡба

д . . . оклеветаник: о злыхь
чловкь: а о врага напасти и бра
ни: наче всѣхь: нѹ азь то вса
вз(е)млю за име Хстово: поменѹк
слово Двдово: ако тебе ради по
рѹгань быхь всь днь: и паки тѹ
ждь знакмымь моимь: и
страньнь снь матери моки: симь
же всѣмь свьршивьшимь се
мною грѣшнымь: спобихь се
жити ѹ Пеки ѹ градѣ Расѣ и написа
хь сик книге: своюмѹ гнѹ: вели
кмѹ жѹпанѹ:

(подчищено строкъ 11-ть *)

О неизреченыик бѹи бжьствь-
ныи (га?)м(ѹ?)кы: чюк . . . е . . . са
модрьжьныхь властелѣхъ: тѣ
мь же изрекѹ о нихь: ѹжасаю
се зѣло ѹмомь же и словомь
обаче дрьзнѹхь: вспомина
ю величиа ихь: и подвигы дш
выык: ѣже сьврши не
бсьны црь о таковѣхь власте
лѣхь: понеже влкы а гь на
шь Ис Хс: по неизьмѣрьнѣи к
го милости: и по изволенню прѣ
стык гже бце: прѣдасть Хсь.
чьстьны вѣньць великмѹ
жѹпанѹ Вльку: вла
дычьствѹющю кмѹ: свокю
Срьбьскоювь землею: и Зе
тьскоювь страною: и По
морьскыми градь:

*) Сколько именно, навѣрно сказать нельзя, потому что вся эта запись писана не по наводамъ, а вольно — такъ что строки за строками слѣдуютъ то рѣже, то чаще.

. . . и Нишевьскими прѣ
лы велеродьномꙋ: велесла
вьномꙋ: великмꙋ жꙋпанꙋ
Вльку: с҃на самодрьжь
наго г҃на ѡбласти
своие: Стѣфана Немане:

Раса, о которой упоминается въ записи, какъ о мѣстѣ написанія книги, извѣстна теперь какъ городъ подъ именемъ Новаго Пазара, и находится на юговосточномъ краѣ Сербскихъ земель, въ землѣ, которая, по рѣкѣ Расѣ, и вся называлась Расою, Рашскою землею. Въ разстояніи 20 часовъ конной ѣзды отъ Нов. Пазара на югъ, у р. Дрины, стоитъ городъ Печь, когда то столица Сербскаго патріарха. Выраженіе записи «ꙋ Пеки ꙋ градѣ Расѣ» заставляетъ думать, что и слово Печь было названіемъ и города и земли. Въ значеніи земли слово Печь употреблено и въ другой записи, при книгѣ Апостольскихъ чтеній 1324 года: «оу Пеки въ градѣ рекомѣмь Жрѣлѣ».

Время написанія книги Евангельскихъ чтеній опредѣлено въ записи такъ:

Старецъ Симеонъ въ то время, когда жилъ въ городѣ Расѣ, написалъ эту книгу своему господину великому жупану Волку, сыну самодержавнаго Стефана Немани.

Великій жупанъ Стефанъ Неманя, родоначальникъ дома Неманичей, владѣлъ Расой и Сербіей во второй половинѣ XII вѣка. О послѣднихъ годахъ его жизни есть свидѣтельства современниковъ. Таковы:

1. Латинская грамота, хранящаяся въ Вѣнскомъ архивѣ отъ 5 индикта 27 сентября, т. е. 6695 года отъ с. м. по Греческому счисленію, что равняется 1186 году. Подъ грамотой подписи: (ве)ли жꙋпань кльнь се и подьписахь. ѣзь кнезь Мирославь кльнь се и подписахъ *).

Подъ великимъ жупаномъ здѣсь надобно разумѣть Стефана а князь Мирославъ былъ братъ его.

*) *Miclosich*, Monumenta Serbica № III, стр. 1.

2. Жалованная грамота Стефана Немани Хиландарскому монастырю: хранится въ этомъ монастырѣ (фотографически снята г. Севастьяновымъ). Въ этой грамотѣ замѣчено Стефаномъ Неманею, что онъ, желая успокоиться отъ свѣтской жизни, принялъ монашескій чинъ, подъ именемъ Симеона, и оставивъ на престолѣ своемъ «любовнаго» сына Стефана великаго жупана и севастократора, зятя Алексѣя царя Греческаго, пошелъ въ Святую гору, тамъ нашелъ «монастирь некоми бывыши, зовомы Хиландарь. идѣже не бѣ камень осталь на камени. ноу развалень ѿноудь. и потрудивь старость свою обнови . . . и да ере испроси . . . Парике оу цара оу Призьрѣнѣ. да да . . . ѿ нихь монастироу». Года при грамотѣ не означено; есть однако возможность пріурочить ея написаніе къ опредѣленному году, пользуясь свидѣтельствомъ современника, младшаго сына Стефанова, св. Саввы. Въ Типикѣ, имъ данномъ Хиландарскому монастырю, сказано между прочимъ, что «пришьдьшоу кь мнѣ трьблаженомоу наставьникоу отьцоу нашемоу Симеоноу мниху, вь сию приде поустыноу мѣсеца ноемвра въ . в. днь. въ лѣто . ѕ҃ѱ҃. и . ѕ҃. (= 6706 г.) и вьсхотѣ ѡнь блажены: испроси ꙋ цара мѣсто сие поустоѥ и поеть мене грѣшьнаго изъ Ватопеда и въ мѣсто сиѥ вьселивь се и нѣколико мало прѣбывь сь мною . . . и҃. мѣсець прѣбывь. кь вѣчномоу прѣложисе блаженьствоу». Годъ 6706 г. отъ с. м. соотвѣтствуетъ 1198 году отъ Р. Х. Грамота слѣд. писана въ 1198 году или немного позже.

3. Помянутый Типикъ, данный св. Саввой Хиландарскому монастырю. Онъ свидѣтельствуетъ и о времени кончины Стефана Немани: «Въ лѣто ,ѕ҃ѱ҃.и҃. мѣсеца феврара въ . г҃і. дьнь къ вѣчномоу прѣложї се блаженствоу ѡтьць нашь Стефань. завѣтомь ѡставивь манастырь си на мнѣ». 6708 годъ (13 февр.) соотвѣтствуетъ 1200 году.

4. Житіе Стефана Немани, написанное, какъ видно изъ изложенія, сыномъ его, черноризцемъ, въ послѣдствіи архіепископомъ Саввою (изд. въ Památkach dřevního písemnictví Jihoslovanův: Život. s. Symeona). Оно представляетъ хронологическія данныя о всей жизни Стефана Немани. Въ общемъ перечнѣ обозначено: «Отъ рождьства же емоу . м҃. и . ѕ҃. (46) лѣть и тоу абїе богоу изволившоу пріеть владычьство, и прѣбысть на-

кы вь владычьствѣ .л҃. и .з҃. (37) лѣть. и тоу абїе прїе светы анельскыи образь. и пожи вь томь образѣ .г҃. (3) лѣта. и вьсего живота его бысть .п҃. .з҃. (87) лѣть. прѣставленїе же бысть блаженому штьцоу и хтитороу господиноу Симеѡноу въ лѣто ,ѕ҃.ѱ҃.и҃. (6708) мѣсеца феврара вь .г҃і. дьнь. прѣложи се кь вѣчномоу блаженствоу». Изъ этого видно, что Стефанъ Немана родился въ 6621 (=1113) году, и удалился въ монастырь на 84 году жизни. Въ изложеніи жизни своего отца, св. Савва отмѣтилъ еще, что онъ, отрекшись отъ власти, постригся въ монахи 25 марта 6703 = 1195 г., въ монастырѣ Студеницкомъ пробылъ 2 года, отправился оттуда въ Св. гору 8 октября 6706=1198 г., прибылъ туда 2 ноября, пробылъ тамъ годъ и 5 мѣсяцевъ, въ возобновленномъ имъ монастырѣ Милеѣ (Хиландарскомъ) 8 мѣсяцевъ, и скончался 13 февраля 6708=1200 г. Показанія не всѣ взаимно сходятся; тѣмъ не менѣе и въ лѣтописи деспота Бранковича, который пользовался тѣмъ же житіемъ, онѣ означены также. Въ ней сказано: Tradidit regnum in manus primo coronati regis. ipse vero abiit in monasterium Studeniczense religiosumque habitum mojorem et minorem induit factus monachus, dictus que Symeon 6703 (Christi 1195), a Calinicho episcopo factus monachus mense martio die 25 . . . Postquam duos annos exegisset Studeniczae, abiit in montem Atho anno 6706 (Christi 1198) die 8 octobris, et renovavit vetus destructum que coenobium Hilandar, et transit in id, et in eo vixit 8 menses, et obiit in Domino.

Запись разсматриваемой книги называетъ Стефана Неманю самодержавнымъ господиномъ своей области: такъ не могло быть сказано о покойникѣ; слѣдовательно запись писана до 13 февраля 1200 года.

Запись свидѣтельствуетъ, что книга написана Вльку, сыну самодрьжьнаго г҃на ѡбласти своѥѥ Стѣфана Немане.

Изъ Житія Стефана Немани, о которомъ упомянуто выше узнаемъ, что у него было кромѣ Саввы, еще два сына: Стефанъ и Вл̃канъ. Стефана, по отреченіи отъ власти, онъ назначилъ на свое мѣсто (говоря, «сего имѣите оу мене мѣсто»), самъ вѣнчавъ его и благословивъ. «И другаго си благородьнаго и любимаго сына кнезя Вълкана постави его кнеза велїа и вьроучи емоу землю

довольноу». И тогда наставляя ихъ увѣщевалъ онъ, «да любите братъ брата», а передъ кончиною своей повторилъ свою волю: «заповѣдь же прѣждьнюю вьдаю има. имаита любовь междоу собою. иже ли сю истоупить сь оуставлѥнаго има мною. гнѣвь божїи да поиметь его и сѣме его». Изъ повѣствованія св. Саввы не видно, что братья не исполняли воли отца при его жизни: Савва упоминаетъ о ихъ согласно-дружескихъ отношеніяхъ во время перенесенія останковъ отца ихъ Стефана изъ Св. горы въ Студеницу черезъ 8 лѣтъ послѣ его кончины, т. е. въ 1208 году. Другія свидѣтельства ближе вводятъ насъ въ отношенія братьевъ и прямо говорятъ о ихъ враждованьи.

1. Одинъ изъ братьевъ, Стефанъ, въ Житіи своего отца (Шафарика, Památky, Život s. Symeona od kn. Štěpána, стр. 19), говоритъ объ отношеніяхъ своихъ къ брату, въ письмѣ, которое писалъ онъ къ меньшому своему брату, черноризцу Саввѣ: «Сии мои господинь светыи ѡставль мене сь ѥдинородьнымь братомь моимь, благословивь и оутврьдивь законно, ѩко да хранеца непрѣстоупьно заповѣди его . . . нь грѣхь моихь ради сии вьса ѡсташе. Ѡнь бо ѡставль заповѣдь господа и ѡтьца своѥго. и бысть прѣстоупьникь. изведь бо иноплеменьникы на ѡтьчьство своѥ, и ѡземльствовавь ме, створи ѥ на ѡпоустѣниѥ . . . не надѣѥмо се на ѡроужиѥ наше, нь на силоу господа и на правоѥ благословениѥ . . . тѣмъ же и надежде наше непогрѣшисми. побѣдивь бо ихь силою своѥю, вьзврати ме пакы вь ѡтьчьствиѥ своѥ. тѣмъ же . . . молоу те, ѡ прѣподобьне ѡтьче нашь Саво . . . скоутавь моци светаго, да просвѣтить се ѡтьчьствиѥ ѥго . . . ѡскврьни бо се землѩ наша безаконии нашими, и оубиена бысть крьвьми и выпадохомь вь плѣнъ иноплеменьныкьь».

2. Другой свидѣтель, также современный, іеромонахъ Доментіанъ, въ Житіи св. Саввы, разсказываетъ о враждѣ братьевъ такъ: «Враждевааше великыи кнезь Вльканъ брата своего самодрьжца Стефана ѡ благословеніи ѡтьчи. ѡтьходе бо прѣпод. Сїмеѡнь вь Светоую гороу, приемь сына своего Стефана вь себе мѣсто владыкоу и самодрьжца всеи земли Срьбьскии постави . . . По ѿшьствии же ѡтьчи непокорьствомь Вльканъ ѡдрьжимь, и зависти рабь бывь, глагола вь себѣ: да приближетсе

дыніе ѡтьца моего, и тогда свое ѡтьмьштеніе сьтворю. По прѣставлѥнии же светаго старца всѣми ѡбразы бѣ подвизаѥ се. враждоуе и озлоблѣѥ брата своѥго Стефана самодрьжца, и иноплеменныє ѩзыкы многы вь помощь приемае, вьстааше на нь многашти . . . злыихь сьвѣтомь подвизаемъ. нь аште и многы єзыкы сьбирае и всѣми бранми подвизаше се . . . ничесо же своемоу помыслоу оуспѣти вьзможе. посрамлень бо многашти бывь ѡть него и ѡбраштень, и сь соуштими сь нимь иноплеменными плѣнита вьдавше сь стоудомь вь свои вьзьвраштаахоу се и страхомь ѡдрьжими вь тѣсныихь мѣстѣхь поути за собою ѡть Стефана зазыдаахоу. и вь сицевомь враждеваніи и гонѥнии междоу братома, вь вѣлицѣи ноужди . . . Срьбьсцѣи земли ѡдрьжимои бывши, и многымь плѣнованіемь и пролитіемъ крьве запоустѣвши и неѡраніемь гладемь до конца погыбаюшти, ѩко многыимь по тоуждеи земли разыти се. вьсиса же богоносномоу и блаженомоу Савѣ . . . самодрьжьць Стефань» . . . и пр.

3. Третій современникъ, свидѣтельствующій о враждѣ сыновей Стефана Немани, есть Никита Хонтскій. Первой причиной несогласія между братьями онъ выставляетъ то, что Волкъ (Βόλκος), принялъ подъ свою защиту жену Стефана Евдокію, поруганную и прогнанную мужемъ. Несогласіе скоро превратилось въ открытую войну, и Волкъ, побѣдивъ Стефана, изгналъ его и лишилъ власти. Въ войнѣ этой приняли участіе не только Далматы и Паннонцы, но и Тавроскифы и Персы (Nic. Chon. стр. 278).

4. Когда именно совершалось это, изъ показаній Никиты Хонтскаго опредѣленно не видно. Объясненію дѣла помогаютъ грамоты Ватиканскія и другія (см. *A. Theiner*, Vetera monumenta Slavorum meridionalium historiam illustrantia. Romae, 1863, стр. 5—36). Изъ нихъ видно, что въ распрѣ братьевъ приняли участіе король Венгерскій и папа Иннокентій III, что оба брата, желая сохранить другъ передъ другомъ первенство, искали у папы короны, не считая беззаконнымъ обѣщать ему подчиненіе себя и своего народа Римской церкви, что папа находилъ полезнымъ поддерживать и того и другаго, а король Венгерскій стоялъ за Волкана, что все это дѣло разыгралось послѣ

1200, особенно около 1202 г. и не рѣшилось въ 1204 г. (см. въ сборникѣ Тейнера стр. 36: грамоту папы отъ 15 сент. 1204 года); а началось, какъ кажется, въ 1199 году.

Не мѣсто здѣсь входить въ подробный разборъ этого дѣла; замѣчу только, что показаніе разсматриваемой записи, какъ свидѣтельство современника, должно быть принято къ свѣдѣнію тѣмъ изслѣдователемъ, который захочетъ вникнуть въ подробности событій первыхъ лѣтъ послѣ кончины Стефана Немани, и что, кажется, ничто не мѣшаетъ эту запись отнести къ 1199—1200 году. Всматриваясь-же въ запись со стороны исторической, нельзя, мнѣ кажется, не видѣть, что смиренный писецъ писалъ свою запись во время самой усобицы, когда Волканъ только что былъ провозглашенъ владѣтелемъ земель Сербскихъ.

Глядя на книгу Евангельскихъ чтеній старца Симеона, какъ на памятникъ конца XII вѣка, именно 1199—1200 года, цѣня ее какъ одинъ изъ важнѣйшихъ остатковъ Югославянскаго письма опредѣленнаго времени, считаю обязанностью разсмотрѣть ее въ палеографическомъ отношеніи съ полнымъ вниманіемъ.

Рукопись эта сохранилась почти вполнѣ: въ срединѣ не достаетъ только нѣсколькихъ листковъ, и въ концѣ, передъ послѣднею тетрадью, тетрадей двухъ или трехъ. Тетради перемѣчены были численными знаками на первой страницѣ каждой изъ нихъ въ верху у праваго столбца; но такъ какъ книга для новаго переплета была вновь обрѣзана, то отмѣтки сохранились только на нѣкоторыхъ (л. 22—д, л. 35—ѕ, л. 50—и, л. 56—ѳ, л. 72—аі, л. 78—вї, л. 84—гі, л. 106—ѕі, л. 129—ѳі, л. 145—ка, л. 152—кв, л. 160—кг).

По пергамену рукопись не принадлежитъ къ числу хорошихъ: пергаменъ вообще дуренъ, неровенъ, съ залпзями, изъ которыхъ нѣкоторыя очень велики, съ такими частями, на которыхъ чернило промокло на сквозь. Украшенія рукописи такого же достоинства; грубо сдѣланы изображенія евангелиста Іоанна и Спасителя, и рисованныя буквы. Письмо строчное также нельзя

назвать особенно красивымъ и тщательнымъ, кромѣ немногихъ страницъ.

Писецъ былъ не одинъ, одному главному помогли нѣсколько другихъ. Писанье писцовъ отличается и почеркомъ и пріемами писанья буквъ и самымъ правописаніемъ. Особенно отличаются: первые листки, на которыхъ строки писаны подъ прочерками, и часть 10 листка, отличающаяся неровностью буквъ и написаньемъ строкъ между прочерками.

Касательно употребленія буквъ можно замѣтить слѣдующее:

— з употребляется исключительно: ѕ встрѣчается только какъ численный знакъ.

— ı=ї употреблено иногда вмѣсто *и* (изїдоуть. 18. сь нїмї. 14. їзгнаши. 23. кьнїгы. 23.); впрочемъ *и* господствуетъ.

— изъ іотированныхъ буквъ употребляются часто ꙑ=ꙑ̈, ѥ, ꙗ: впрочемъ двѣ первыя пишутся иногда и для показанія мягкости предъидущей согласной (просрѣ` морꙑ. 49. искꙑ̈ши се. 35. приѥдоуть. 35); а *е* замѣняетъ мѣсто ѥ (смоу, твоемоу и т. п.) часто.

— ω = ѿ употребляется въ началѣ словъ, *о* въ серединѣ и въ концѣ, ⊙ въ концѣ строки (ωставль нар⊙|дꙑ̈. 31. х⊙|щоу же. 48. любо⊙|дѣице. 51. двѣма ст⊙|ма. 67).

— оу и ȣ пишутся безразлично.

— щ постоянно: не сложеннаго написанія шт нѣтъ ни одного случая. Отмѣтить можно слово нѣщо: имамь ти нѣщо рѣщи. 85.

— ь исключительно и вмѣсто ъ: только на л. 10 есть ъ смѣшанно съ ь.

— ы = ꙑ̈ = ꙑ.

— ѫ только пять разъ: четыре раза на л. 10 (вь ладиѫ, вѣтроу велию дыхаѫщоу, дѣлаѫще не брашно гыблоущее. нь брашно прѣбываѫщеѧ) и разъ на л. 100 (доньдѣже ωкопаюѫ).

— ѧ и ꙗ довольно часто, обыкновенно вмѣсто ѫ и ѭ, рѣдко въ подлинномъ своемъ значеніи, какъ показано будетъ ниже. Случайною ошибкою разъ вмѣсто ѥ (прѣбываѫщеѧ).

— ѧ только пять разъ: разъ на 10 листкѣ (Пилатъ же дивесѧ), и еще четыре раза въ другихъ мѣстахъ (недивитесѧ се-

моу. 8. Въ врѣмѧ ѿ. 78. покажите цѧтѧ. 110. бѣше нѣкьто болѧ Лазарь. 145).

— Встрѣчаются случаи удвоенія гласныхъ:—*аа*: женаа. 17. даа паки. 19. спаахоу. 74;—*иї*, *ии*: вь ниїхь. 13. творіїши. 14. вь иїстиноу. 16. водиї. 17. ктии. 122. выпросии. 123.

Къ особеннымъ обычаямъ правописанія можно причислить:

— Надписаніе гласной надъ строкою для сокращенія мѣста: ѿ з^апада, и^зроди, к^нньсь, вр^ъхоу, и т. д. Особенно употребительно надписаніе о: д^омь, кг^о, дост^оыше, мѣст^о, рек^оше, суб^отоу и т. д.

— Пропускъ гласныхъ при титлѣ, млоуи, млю, и т. п.

Правописаніе рукописи вообще выдержано довольно правильно, но выражаетъ смѣшеніе двухъ разныхъ оттѣнковъ языка, изъ которыхъ одинъ удержался случайно кое въ чемъ, а другой даетъ о себѣ знать постоянно.

Первый изъ этихъ двухъ оттѣнковъ языка отличается употребленіемъ носовыхъ звуковъ. Для изображенія ихъ употребленъ въ большей части рукописи одинъ и тотъ же знакъ: ѧ.

Вотъ случаи употребленія ѧ какъ знака тонкаго носоваго звука: пристоупише Ученици Ісови кдиномоу: и выпр^осише и иже бѣхоу ѡ немь сь ѡбѣма на десете: притьчѧ сѣменьнѣк. 62. (Марк. IV. 10). петь же бѣ ѿ н^нхь боунѧ. 74. изыде Ісъ и оученици кго (вь) вьси Кесаринѧ Филиповы. 143. (Мр. VIII. 27). поставить козлищѧ ѡ лѣвоую. 155. Ть . . . чѧ^с (=чѧсть) кго сь лицемѣри положить. 154. приде жена имоуци алавастрь хрізьмы: нарьдьны: пистикиѧ драгы. 156 (Мр. XIV. 3). не дѣите кѩ. 156. вѣроуѩи вь ме. 163. большѧѩ сеѩ любве никто не имать. 165. — Гораздо болѣе случаевъ употребленія ѧ и ѩ за ѫ и ѭ: крен вь црькви сѧботѧ скврьнеть. 37. неповини сѫ. 37. прикосно(у)се рѧцѣ кк. 37. слышите притьчѧ. 40. не имѣкть же корене въ себе: нѧ врѣменью кєсть. 40. прѣходите море и со(у)шѧ творите. 52. не сынасла се би вьсѣка пльть: нѧ избраныхь. 55. аще бо вѣдѣлъ Гнь храмоу: которѧѩ стражѧ тать придеть. 55. подавлѧѩ слово. 62. бываѩ. 66. слышахѧ. 69. выпрошахѧ. 69. сьбиракши ѩдоу же не расточивь. 72. протрьзаахѧ. 79. дрьжахѧ. 79. ѿтемлѧщомоу. 82. вь ризѧ не ѡб-

лачаше се. 93. пѧты. 93. каѧсе. 104. имѧ҃. 104. прѣдо мьноѧ. 107. бѫдѧть. 112. 149. нѫль сынаднѧ. 113. нѧ токмо иноплеменьникь сь. 114. да мьщѧ. 125. облькь и вь ризѧ свѣтлѧ. 138. за нѣкоторѧѧ крамолѧ. 138. милостынѧ вашѧ. не творите. 139. вьсприимѧ мьздѧ свою. 139. вь главоу ѧглоу. 147. вараѧ вы въ Галилеи. 161.—Случайное употребленіе ѫ и ѧ, перваго какъ знака широкаго, втораго какъ знака тонкаго носоваго звука въ очень немногихъ мѣстахъ указываетъ на особенный подлинникъ, съ котораго были списываемы части рукописи, и (на л. 10) на особые навыки писца.

Второй изъ оттѣнковъ языка рукописи отличается отсутствіемъ носовыхъ звуковъ: мѣсто ѫ заступаетъ оу, а мѣсто ѧ—е: случаи на каждой страницѣ. Этотъ оттѣнокъ языка и есть господствующій въ рукописи.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ носовыхъ гласныхъ въ чистыя *оу* и *е*, господствуютъ въ рукописи и нѣкоторыя другія особенности выговора. Таковы:

— Неотличеніе твердыхъ слоговъ и мягкихъ, и вслѣдствіе этого употребленіе послѣ согласныхъ ь и какъ ь, и вмѣсто ъ, *а* вмѣсто ꙗ, *и* вмѣсто *ы* и на оборотъ, *оу* вмѣсто *ю* и на оборотъ. Случаи употребленія ь вмѣсто ъ чуть не на каждой строкѣ. Употребленіе *а* вмѣсто ꙗ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: ꙗвлакши. 5. ѡнь поль мор*а*. 9. корабл*а*. 10. мол*а*ше. 11. чеда Авраамл*а*. 16. клан*а*ти се. 17. распр*а*. 19. дивл*а*хоу се 38. и т. д. — Буква *и* употреблена вмѣсто ы въ слѣд. словахъ: воды мног*и*. 6. пак*и*. 10. вь поуст*и*ни. 11. вьсѣк*и*. 12. м*и* знаемь. 12. ѿць послав*ы*ї ме. 12. хлѣбь животын*и* сышьд*и* сь небсе. 12. т*и* б*и* просила. 16. животь вѣчын*и*. 17. расх*и*тить. 38. и пр. — Рѣже написано *ы* вмѣсто *и*, какъ напр. ꙗст*ы*. 13. вїдымь. 19. обитѣл*ы*ї многи. 24. и пр. — *Оу* вмѣсто *ю*: прикл*оу*чьшихь се. 2. *лоу*дьми. глоуть. 3. ꙗзь сл*оу* вы. 6. година вь н*оу* же вси соу*лоу*щеи вь гробѣхь оуслышеть глась. 8. створ*оу*. 9. 33. прием*лоу*ще. 9. слав*лоу* се. 18. пл*оу*ноу. 20. вьзложи на н*оу* роукоу свою. 41. вол*оу* ѿчю. 51 и пр. — *Ю* вмѣсто *оу* (особенно въ значеніи носоваго ѫ): вь *ю*тробоу. 5. одѣна вь одежд*ю* бѣлоу. 11. межд*ю* собою. 12. сьб*ю*детьсе слово. 13. свѣть мир*ю*. 15. азь ид*ю*. 15. прид*ю*. 17. боуд*ю*. 18. посл*ю*шають. 18. не ид*ю*ть.

19. гредють. 20. слюшають. 20. ѿкоудю. 21. ω дюсѣ. 28. придю оубо слюги кь арьхиереомъ. 28. люна. не дасть свѣта своѥго. 55. глюбины земле. 60. люкавьствиѩ. 61. разлючеть. 155. и пр.

— Частое употребленіе гласныхъ полныхъ *о* и *е* вмѣсто глухихъ *ъ* и *ь*: оть сотьника. 10. не изиденоу вонь. 12. мы вѣмо. 21. вѣтромь. 36. плодь ѥго золь. 46. во вьскрѣшениѥ. 52. кьниго-чиѥ. 54. тощьно. 90. соньмище. 90. токьмо. 91. ко мнѣ. 118. со мьною. 139. ѡбразось. 151. надо дври. 173. и пр. праведьнь. 9. весь. 21. бисерь. 32. лесть богатествиѩ. 40. ωльтаремь. 53. дверьница. 108. старѣишина же жеречьскь. 169. и пр. Нерѣдки впрочемъ случаи совершеннаго опущенія гласныхъ глухихъ (какъ напр. вси, всѣкь и пр.). Замѣчательно такое опущеніе, постоянно выдержанное въ словѣ дверь: дверемь затворенамь. 6. надь двери гробоу. 10. при двреxь. 55. 126. дври. 113. 154. оу двреи. 129. надо дври гробоу. 173. Не менѣе замѣчательно употребленіе *а*, какъ видно вмѣсто вставленнаго глухаго ь (=ъ). въ словѣ *манась*: «мана^с^ твои :і҃: придѣла *мана҃* (ἡ μνᾶ σου δέκα μνᾶς προσηργάσατο. Лук. XIX. 16.); мана^с^ твоѩ г҃и. створи :е҃: манась (ἡ μνᾶ σου ἐποίησεν πέντε μνᾶς. т. ж. 18); се манась твоѩ (ἰδοὺ ἡ μνᾶ σου. т. ж. 20). Тоже *а* вмѣсто *ъ* вставлено и въ словѣ корвана: не достоить ѥго выложити ѥго вь *каравань* (εἰς τὸν κορβανᾶν. Мар. XXVII. 6).

— Постоянное употребленіе *ь* послѣ *л* и *р* (какъ на пр. врьхꙋ, дрьжати, тльцѣте). Замѣтить слѣдуеть случай превращенія *лъ* въ *лꙋ*: праведьници просвьтетьсѩ ѩко слоуньце. 41. и помрьче слꙋньце. 139.

— Частое употребленіе *о* вмѣсто *е* въ окончаніи дательн. пад. мужс. прилаг. мягкаго окончанія: просещомꙋ ꙋ тебе даи; и хотещомоу ꙋ тебе заѥти не ѿврати. 30. сбывьшомоу. 40. биющомоу. 87. имоущомꙋ. 87. 155. послѣдоующомоу. 90. нищому. 91. тлькоущомоу. 92. вѣроующому. 144. бывьшомоу 184.

— Частое употребленіе *е* не только вмѣсто *ы* но и вмѣсто *и*: те соуть. 9. почрѣсти воде. 16. соуботе не хранить. 21. и пр. г҃ль божеи. 18. с҃нове божеи. 24. мнеи есть. 88. стадо свинеи. 94. чеи ѥсть ωбра^з^. 110. не дѣите дѣтеи. 118. вьсѣхь

заповѣдеи. 124. болеи. 135. вь храмь б҃жеи. 141. достоинь вмѣсто достоинъ постоянно: 31, 34, 43, 89 и пр.

— Правильное употребленіе ѥ въ его особенномъ значеніи (кромѣ нѣсколькихъ ошибокъ: вы же сѣдете вь градѣ. 23. прахь прилѣпьшии. 99. приде кь нѥи. 49. 148. на нѥи. 50. 72.148. нѥ суть. 167) и вмѣстѣ съ тѣмъ употребленіе ѣ вмѣсто ꙗ: всѥкого. 1. вьсѥкь. 5. ѥко. 10. дѣла Авраамлѥ. 16. клапѣемь се. 17. месиѣ. 17. родителѥ кго. 20. дивлѣхоу се. 68. соуботѣ дѣлѥ. 140. боуди волѥ твоꙗ. Замѣтимъ еще, какъ особенность: вьнемлѥите. 34. 104. 111. 122. Гораздо чаще впрочемъ іотированное а изображается посредствомъ ꙗ (ꙗзь. 5. ꙗзвы. ꙗко. 59. ꙗвѣ. 59. ꙗсти. 59. братиꙗ моꙗ. 59 и пр.), а неіотированное въ мягкихъ слогахъ остается безъ всякаго знака смягченія слова (см. выше).

— Употребленіе ȣ вмѣсто *въ* и *оъ* вмѣсто ȣ: вь ȣскрѣшеніе живота. 8. ȣстане. 11. оупрашахоу. 21. ȣзлюблены. 24. ȣстанѣте. 25. оузбȣждоу. 21. 145. хотѣ бо *оъ*мрѣти. 1. ти би проспла *въ* него. 16. зрьно не *въ*мреть. 22. и пр.

— Употребленіе п вмѣсто ф, т вмѣсто ѳ: парисѣи. 1. 5. 28. Иосипови. 174. Тадѣꙗ. 59.

— Опущеніе *в* въ словѣ сквозѣ: скозѣ иглиии оуши. 59. скозѣ проходь. 70. ск°зѣ црьковь. 73. скозѣ поустꙑ̈ноу. 93. и пр.

— Употребленіе *с* въ прошедшемъ простомъ: сию заповѣдь принесь ѿ о҃ца моего. 19. вѣсе (= ведоша) и къ фарисеомь. 21.

Изъ числа грамматическихъ особенностей можно замѣтить слѣдующія:

— Имен. падежь прилаг. муж. ед: на ы = ꙑ̈: животь вѣчьны (срав. вѣчнои. 14) 8. видѣвꙑ̈ ме. 24. вь кꙑ̈ часъ. 71. и пр.

— Склоненіе прилагательнаго одночленнаго: сь гласомь великомь троубьнꙑ̈мь. 55. дверемь затворенамъ. 6. гробомь поваплеиомь. 53. нечистама роукама сирѣчь неоумьвенѣма. 69. вь книгахь Моисеи̇̈вахь. 123. вь бѣлахь ризахь. 186. — Склоненіе прилагательныхъ двучленныхъ не представляетъ особенностей, кромѣ слѣдующихъ: ищеи славы пославшаго. 15. ꙇ̈юдеискааго. 14. пославшоумȣ. 8. створьшȣмоу. 23.

— Неопредѣленное достигательное большею частію не сохраняется: приде же жена ѿ Самарѣнь почрѣсти воде. 16. пришьль кси сѣмо прѣжде года моучити нась. 39. вышедь же цръ видѣти. 65. посла и на села своꙗ пасти свинеи. 128. идоущемь же имь коупити. 154. идосте вьзвѣстити. 178. и пр.

Есть случаи употребленія 3-го лица наст. вр. безъ *ть*; какъ напр. что ѥ тебе. 186.

— Прошедшее простое въ 3 лицѣ оканчивается часто на ть: хоулашеть. 139. выпрашахоуть. 111. 117. цѣловахоуть. 115. похоулѣхоуть. 119. прѣицахоуть. 119. прѣтѣхоуть. 120. искахоуть. 122. глаголахоуть. 129. 182. ходѣхоуть. слоужахоуть. 192. билхоуть. 136. молѣхоуть. 142. стрѣжахоуть. 172.

— Прошедшее простое длительное удерживаетъ иногда удвоенную гласную: бѣахоу. 20. спаахоу. 74. протрьзаахѧ. 74.

— Иногда употребляется сослагательное съ *бымь*: аще дѣлъ не бимь створиль вь нихь. 165.

— Иногда употребляется сокращенное прошедшее простое, въ которомъ гласная съ согласной замѣнены однимъ *ѣ*: рѣхь, рѣше (=рекохь, рекошѧ), вѣсе (=ведошѧ) 21, прївѣсте (=приведосте). 28. и пр.

— Довольно часто употреблено особенное прошедшее на ъ; вѣмь ѿкоу҃ придь и камо гредоу. ви же не вѣсте ѿкоудоу придь. 4. азь бо ѿ ба҃ изидь и прїдь. 10. не о себѣ бо придь. ѡбрѣтомь месию. 4. прїдоу кь Иѡваноу и рѣше кмоу. 6. сьнидоу ѹченици его на море. 10. вьнидоу. 10. придоу корабли. 10. вьлѣзѹ сами вь корабль. 10. се роби его сьрѣтоу я. 11. обидю же Июден. 20. придю же оубо слюги. 28. идоу ктери. 185.

Нельзя сказать, что всѣ эти особенности звучности и грамматическихъ формъ суть особенности исключительно одного оттѣнка языка. Нельзя однако и не признать, что нѣкоторыя изъ нихъ суть признаки того нарѣчія, которое извѣстно подъ именемъ Сербскаго. Такъ между прочимъ исключительное употребленіе *ь* и вмѣсто *ъ* есть рѣзкая особенность рукописей Сербскихъ. Смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ согласныхъ въ звукъ средній и въ слѣдствіе этого ненадобность ы, замѣненіе ѧ посредствомъ е, *ы* посредствомъ *и*, *ъ* посредствомъ *оу* суть признаки и современ-

наго Сербскаго нарѣчія. Справедливо будетъ заключить, что древній Старославянскій текстъ евангельскихъ чтеній въ этой рукописи подчиненъ переписчиками вліянію Сербскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо допустить, что въ Сербскомъ нарѣчіи того времени, когда переписывалась эта рукопись, уже было многое изъ того, что есть въ немъ теперь, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже не было нѣкоторыхъ древнихъ формъ, каково на пр. неопредѣленное достигательное.

Съ другой стороны нельзя считать признакомъ Сербскаго нарѣчія употребленія ѫ, ѧ, ѭ, ѩ: эти буквы для Серба XII вѣка не имѣли никакого особеннаго значенія и остались случайно по вліянію подлинника, съ котораго Сербъ списывалъ книгу. Особенно важно смѣшеніе и смѣшеніе вовсе не случайное ѧ и ѫ, смѣшеніе, относимое обыкновенно къ числу признаковъ Болгарскаго правописанія XIV вѣка. Волканово евангеліе, вмѣстѣ съ немногими другими памятниками доказываетъ, что оно было и въ XII вѣкѣ.

Есть нѣкоторыя любопытныя особенности и въ текстѣ Евангельскихъ чтеній этого памятника. Свѣдѣнія о нихъ надѣюсь сообщить въ другомъ мѣстѣ.

Ограничусь сообщеніемъ одного чтенія для нагляднаго показанія правописанія рукописи:

вь соу҃б: сыр҄ноу҃: еуг҃: ѡть ма҃:

Ре҃ гь вынмасте м҃лостынѧ вашѧ не творите прѣдь ч҃лвѣкы: да видими боудете ими: аще ли ни мьзды не имате: ѿ ѿ҃ца вашего иже ѥсть на н҃бсѣхь: ѥгда бо творини м҃лостыноу: не вьстроуби прѣдь собою: ꙗко и лицемѣри творєть вь соньмищихь и вь стьгнахь: да прославетьсе ѿ ч҃ловѣкь: и право г҃лю вамь вьсприм҃ мьздѫ свою: тебѣ же м҃лостиноу творещоу: да не чоуѥть лѣвица твоꙗ да боудеть м҃лостїна твоꙗ вь таинѣ: и ѡ҃ць твои виде те вь таинѣ: вьздасть тебѣ ꙗвѣ: и ѥгда м°лиши се не боуди ꙗко лицемѣри: ꙗко любеть на соньмищихь и на стьгнахь на распоутиїхь стоёще молетьсе: да ꙗветьсе ч҃ловкомь: аминь г҃лю вамь ꙗко вьспримоуть мьздоу свою: ты же ѥгда м҃лишисе вьниди вь клѣть свою и затвори дври твоё и м҃лисе ѿ҃цоу твоемоу: вь таинѣ: и ѡ҃ць твои виде те вь таинѣ: вьздасть тебѣ ꙗвѣ: молеще же се не лихо г҃лите: ꙗко же и ѥзычьници: мнеть бо се

ꙗко вь мнозѣ глаголи своими оуслышани боудете: не подобите се имь: вѣсть бо оць вашь ихь же трѣбоуете: прѣжде прошениꙗ вашего: тако оубо молитесе выи: Оче нашь иже еси на небесѣхь: да ститься име твое: да приде црьствиѥ твоѥ. да боудеть волѣ твоꙗ. ꙗко на небеси и на земи: хлѣбь нашь придоущии: даждь намь днесь: и отпоусти намь дльгы наше: ꙗко и мы отпоущаемь: дльжникомь нашимь: и не вьведи насъ вь напасть: но избави нась оть неприꙗзни. ꙗко твоѥ ѥсть црьство и сила: и слава вь вѣкы амин ⁘

XIII.

Остатки Зарубскаго монастыря.

Вниманію читателя было прежде представлено мною остававшееся доселѣ неизвѣстнымъ «отъ грѣшного Георгия черноризца Зарубьскыя пещеры повчѣние къ дховному чадоу» (Свѣдѣнія и замѣтки. VII.), и при этомъ сообщены соображенія о Зарубскомъ монастырѣ, также остававшемся доселѣ незамѣченнымъ. Зарубомъ называлось почему-то мѣсто на правомъ берегу Днѣпра противъ устья Трубежа (см. Пов. вр. лѣтъ подъ 6604, 6613, Кіев. лѣт. подъ 6654, 6655, 6659, Троиц. лѣт. подъ 6731 и проч.). Доселѣ сохранилось тамъ село Зарубинцы, а между этимъ селомъ и селомъ Терехтемировымъ деревня, своимъ названіемъ напоминающая о монастырѣ. Стараясь лучше опредѣлить мѣстность монастыря, я просилъ между прочимъ кандидата А. И. Никитскаго, съ любовію начавшаго заниматься Русскою исторіей, собрать на мѣстѣ данныя о мѣстности, гдѣ, какъ мнѣ казалось, долженъ былъ быть монастырь Зарубскій, и получилъ отъ него любопытную записку. Вотъ она:

«Хуторъ Монастырокъ есть собственно ни что иное, какъ приселокъ села Трахтемирова, на что указываетъ частію то, что оба селенія составляютъ одно владѣніе помѣщика Гудима, а частію и ихъ взаимная близость. Монастырокъ расположенъ на правомъ берегу Днѣпра, отъ Трахтемирова по берегу верстахъ въ 2-хъ, лѣсомъ же верстахъ въ 3—4-хъ, не много выше мѣста, у котораго, на противоположномъ берегу, пристаютъ нынѣ Днѣпровскіе пароходы, т. е. не много выше деревни Андрушей. На первый взглядъ хуторъ не представляетъ никакихъ археологиче-

скихъ остатковъ; но съ помощію указаній они ясно представляются даже и невооруженному глазу. Несомнѣнно, что въ немъ находятся значительныя пещеры: на это указываютъ слѣдующія явленія. По берегу Днѣпра часто образуются провалы, и такихъ проваловъ въ разсматриваемомъ хуторѣ есть нѣсколько. Въ одномъ изъ нихъ можно замѣтить углубленіе; разсмотрѣвъ его ближе, мы можемъ убѣдиться, что оно не естественное, а искуственное, ибо внутри оно выстлано кирпичемъ. Въ вышину это углубленіе будетъ въ ростъ человѣка, который можетъ въ немъ вращаться довольно свободно. Подвигаясь въ углубленіе впередъ, мы можемъ сдѣлать приблизительно шаговъ тридцать, но только не въ прямомъ направленіи, а подъ угломъ, такъ что получится ломанная линія, фигура которой будетъ слѣдующая:

Берегъ Днѣпра.

Далѣе идти нельзя, потому что слѣдуетъ завалъ, разрыть который еще не приходило никому въ голову.

Въ другомъ провалѣ, находящемся отъ перваго въ значительномъ разстояніи, можно опять замѣтить углубленіе, имѣющее видъ незначительной комнаты, также искуственное. Оно находится не въ томъ боку провала, который ближе къ первымъ указаннымъ остаткамъ пещеръ, а въ дальнѣйшемъ, слѣд. указываетъ не на обратное протяженіе пещеръ, а на прямое, т. е. дальнѣйшее. Такимъ образомъ пещеры не ограничиваются пространствомъ между этими двумя провалами, а выходятъ за второй изъ нихъ. На счетъ того, есть ли въ этихъ пещерахъ какіе-либо остатки древности, нужно сказать, что въ открытыхъ въ настоящее время частяхъ не замѣчено никакихъ. Впрочемъ въ первомъ провалѣ, образующемъ входъ въ пещеры, было найдено, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Бѣлявскимъ, арендаторомъ этихъ селеній, нѣсколько монетъ. Двѣ изъ нихъ — крупныя, одна Прусская, другая же Польская, времени Сигизмунда перваго: этихъ монетъ у владѣльца въ настоящее время уже нѣтъ; остальныя мелкія сохраняются у него и до сихъ поръ.

О томъ, какими судьбами попали деньги въ этотъ провалъ, г. Бѣлявскій думаетъ такъ: такъ какъ съ деньгами вмѣстѣ онъ нашелъ и пулю, всю какъ-бы истыканную гвоздемъ, и такъ какъ притомъ мѣсто, на которомъ лежали эти монеты, нѣсколько отличалось отъ остальнаго песчанаго грунта и имѣло форму мѣшечка, то онъ предполагаетъ, что тутъ былъ убитъ какой-либо человѣкъ, останки котораго вмѣстѣ съ кошелькомъ и подѣйствовали на грунтъ.

На счетъ древности пещеръ ничего неизвѣстно, но есть возможность узнать, къ какому времени ихъ слѣдуетъ отнести, именно по кирпичу, которымъ онѣ выложены: образцы этихъ кирпичей будутъ скоро доставлены въ Петербургъ.

Если подняться отъ пещеръ на гору, то глазамъ представятся груды кирпича, которыя принадлежатъ, какъ свидѣтельствуетъ тамошнее преданіе, бывшему въ хуторѣ монастырю. Самого же монастыря преданіе не помнитъ, а помнитъ только существованіе деревянной церкви. Одинъ старикъ разсказываетъ, что маленькимъ онъ ходилъ съ матерью въ эту деревянную церковь. Разрушеніе ея относится къ 1796—8 годамъ.

Далѣе за этимъ слѣдуетъ валъ, который начинается у берега Днѣпра, немного выше Монастырка, поднимается на гору, тянется по ней до того мѣста, гдѣ на противоположномъ берегу находятся Андрущи, затѣмъ спускается снова къ берегу и такимъ образомъ охватываетъ не только Монастырокъ, но еще и другое сосѣднее селеніе, лежащее ниже. Въ настоящее время этотъ валъ заросъ лѣсомъ, такъ что мало замѣтенъ. По преданію, онъ сдѣланъ Татарами, которые поселились здѣсь въ числѣ 1000 семей и производили отсюда нападенія на сосѣднія земли по правому берегу Днѣпра. Мѣсто, если вѣрить преданію, было выбрано хорошее: нагорная площадь довольно значительна; по срединѣ ея находится озерко, постоянно сохраняющее воду. Уничтоженіе Татарскаго населенія въ этихъ мѣстахъ преданіе приписываетъ дѣйствію чумы. Вообще преданіе отводитъ этому пункту мѣсто въ ряду остановокъ, которыми шли Татарскія нападенія. Здѣсь они переправлялись съ лѣваго берега на правый.

Въ настоящее же время обычная переправа совершается весною въ Монастыркѣ, а лѣтомъ въ Трахтемировѣ. Это явленіе

происходитъ отъ того, что весною подъ Трахтемировымъ, гдѣ теперь слѣдуетъ военная дорога, бываетъ большой разливъ Днѣпра, чрезвычайно затрудняющій переправу; потому она и переносится въ Монастырокъ, гдѣ Днѣпръ разливается не такъ широко. Преданіе не помнитъ начала ни той, ни другой переправы».

Кирпичь, о которомъ упомянуто выше, еще не полученъ. Не думаю, впрочемъ, что онъ окончательно можетъ рѣшить древность пещеръ и монастыря. Онъ могъ быть положенъ и гораздо позже первой выкопки пещеръ, даже и тогда, когда монастыря тамъ уже не было.

XIV.

Древнее изображеніе кн. Всеволода-Гавріила.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ рукописей Чудова монастыря есть Иполита *) епископа съказаніе о Христосѣ и о антихристѣ, Русская рукопись XII-го, много что XIII-го вѣка, написанная въ малый листъ красивымъ крупнымъ уставомъ въ 2 столбца на 127 лл. хорошаго пергамина. Это древнѣйшій изъ списковъ Славянскаго перевода произведенія, пользовавшагося и въ подлинникѣ извѣстностью и уваженіемъ, полюбившагося и у насъ. Какъ видно изъ множества списковъ его — особенно въ сборникахъ XV—XVII вв., — памятникъ достойный особеннаго вниманія, достойный быть изданнымъ съ вниманіемъ къ нуждамъ Славянскихъ филологовъ. Обрадовавшись встрѣчѣ съ этою драгоцѣнною рукописью, я не менѣе обрадовался нашедши на ея первомъ листѣ изображеніе Русскаго князя, съ сіяніемъ вокругъ головы, не только богато, но и хорошо исполненное, къ сожалѣнію, впрочемъ, по давней небрежности обращенія съ рукописью, очень попорченное: (отъ лица на пр. видна только часть лѣвой стороны, отъ рукъ только слѣды, отъ рисунка тканей одежды кое что). Это изображеніе, изъ числа доселѣ мнѣ извѣстныхъ изображеній Русскихъ князей, по древности, должно занять мѣсто или непосредственно послѣ изображенія Святослава съ семействомъ при Сборникѣ 1073 г.,

---

*) Въ подлинникѣ ошибкою написано и вмѣсто т: Иполипа.

или рядомъ съ изображеніемъ кн. Ярослава Владиміровича Новгородскаго въ Перединскомъ храмѣ, а по достоинству рисовки — мѣсто первое.

И вотъ что оно представляетъ:

Князь молодой и красивый, кажется, безъ бороды, въ клобукѣ (шапкѣ), изъ подъ котораго по обѣ стороны лица, закрывая уши, падаютъ густыя, но не длинныя пряди волосъ, отчесанныхъ назадъ, въ богатомъ мятлѣ (плащѣ) и богатой свитѣ, правую руку поднялъ къ груди, а въ лѣвой, нѣсколько протянутой въ сторону, держитъ церковь. Клобукъ съ небольшимъ зеленоватаго цвѣта окольшемъ и съ невысокимъ округловатымъ верхомъ краснаго цвѣта. Шея голая. Мятль изъ пестрой ткани, съ краснымъ подбоемъ, обложенъ весь кругомъ золотымъ кружевомъ; онъ застегнутъ красивою застежкою въ родѣ звѣзды или цвѣтка, ближе къ серединѣ груди, чѣмъ къ правому плечу; правая пола его закинута за руку такъ, что покрываетъ почти только плечо, а лѣвая почти по серединѣ приподнята рукою. Узоръ ткани на свитѣ состоитъ изъ большихъ квадратовъ зеленаго цвѣта, въ которыхъ всю середину занимаютъ золотыя колеса, а по угламъ красные кружечки; рукава свиты широкіе, но оканчиваются узкими золотыми наручниками; по подолу свиты широкая накладка изъ золотаго кружева. На ногахъ красные сапоги.

Чье это изображеніе?

Передовыя данныя для рѣшенія этого вопроса суть:

— съ одной стороны, князь былъ строитель церкви или церквей, что доказываетъ церковь, которую онъ держитъ въ рукѣ, — былъ причисленъ къ лику святыхъ, какъ показываетъ сіяніе вокругъ головы, — скончался въ молодости, иначе бы не молодымъ нарисованъ онъ былъ на изображеніи, — скончался не монахомъ, иначе бы и изображенъ былъ не въ княжеской одеждѣ;

— съ другой стороны, онъ жилъ и прославленъ не позже какъ въ XII вѣкѣ, потому что его изображеніе написано, какъ свидѣтельствуетъ почеркъ рукописи, гдѣ оно помѣщено, въ XII или много что въ началѣ XIII вѣка.

Имѣя въ виду эти передовыя данныя, вспомнимъ о древнихъ Русскихъ князьяхъ, причисленныхъ къ лику святыхъ.

Изъ князей XI вѣка, кромѣ Владимира равноапостольнаго, скончавшагося въ старости, и дѣтей его Бориса и Глѣба, неизвѣстныхъ по строенію церквей и изображаемыхъ не такъ, какъ изображенъ князь на разбираемомъ рисункѣ, можно вспомнить только о Владимирѣ Ярославичѣ Новгородскомъ. Онъ умеръ молодымъ (на 32 году: род. въ 1020, ум. въ 1052) и не въ монашествѣ; онъ основалъ Софійскій храмъ въ Новгородѣ. Не онъ однако изображенъ на разсматриваемомъ рисункѣ: только въ XV вѣкѣ является онъ въ числѣ чествуемыхъ святыхъ. Въ 1439 = 6947 году архіепископъ Евфимій «позлати гробъ князя Владимира, внука великаго Володимера и подписа, тако же и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое лѣто октября въ 4-е».

Изъ князей XII вѣка надобно вспомнить о Мстиславѣ Володимеровичѣ Новгородскомъ († 1132 г.), объ Игорѣ Ольговичѣ († 1147 г.), о Николаѣ Святославѣ Давидовичѣ († около 1150 г.), объ Андреѣ Юрьевичѣ Боголюбскомъ († 1174 г.), о Мстиславѣ Ростиславичѣ Новгородскомъ († 1180 г.). Ни одинъ изъ нихъ однако не удовлетворяетъ ожиданіямъ: — Мстиславъ Володимеровичь Новгородскій, съ 1125 г. в. князь Кіевскій умеръ не молодымъ, слишкомъ 55-ти лѣтъ, и причисленъ къ лику святыхъ едва ли не гораздо позже XII вѣка (проложныя житія его встрѣчаются въ спискахъ XIV вѣка и не вполнѣ достовѣрны). Князь Игорь Ольговичь, убитый Кіевлянами, хотя можетъ быть и причисленъ былъ къ лику святыхъ тотчасъ по перенесеніи мощей его изъ Кіева въ Черниговъ (въ 1150 г.), неизвѣстенъ какъ строитель церквей и притомъ пострадалъ уже въ схимѣ. Князь Николай-Святославъ Давидовичь еще въ молодости вступилъ въ монашество, и умеръ старикомъ. Князь Андрей Юрьевичь Боголюбскій скончался не въ молодыхъ лѣтахъ, уже по смерти двухъ взрослыхъ сыновей, и причисленъ къ лику святыхъ позже XII в. Князь Мстиславъ Ростиславичь Новгородскій скончался, кажется, также не въ молодыхъ лѣтахъ и притомъ неизвѣстенъ какъ строитель церквей. О князьяхъ Муромскихъ Константинѣ и Петрѣ упоминать не къ чему, потому что они причислены къ лику святыхъ въ 1547 г.

Остается, сколько мнѣ извѣстно, еще одинъ князь, о которомъ здѣсь слѣдуетъ вспомнить,—и къ нему подходятъ всѣ выше озна-

ченныя передовыя данныя. Это — Всеволодъ-Гавріилъ, князь Новгородскій, сынъ Мстислава Володимеровича, внукъ Мономаха, скончавшійся въ 1137 г.

Князь Всеволодъ-Гавріилъ Мстиславичь становится извѣстнымъ съ 1117 года, съ того времени, какъ отецъ его Мстиславъ вызванъ былъ своимъ отцомъ Володимиромъ Мономахомъ въ Кіевъ, и оставилъ его въ Новгородѣ своимъ намѣстникомъ. Тогда былъ онъ еще очень молодъ: онъ женился только шесть лѣтъ спустя, въ 1123 г. Каково было его положеніе среди Новгородцевъ, видно хоть отчасти изъ того, что на другой годъ послѣ отъѣзда отца его изъ Новгорода, вызваны были въ Кіевъ Новгородскіе бояре для присяги и нѣкоторые или оставлены въ Кіевѣ или сосланы въ заточеніе. Въ 1125 году Владимиръ Мономахъ умеръ; мѣсто его заступилъ Мстиславъ, а Всеволода посадили на столѣ Новгородскомъ. Съ тѣхъ поръ лѣтописи упоминаютъ о немъ довольно часто, какъ о вождѣ военномъ, не всегда, впрочемъ, счастливомъ. И это, и то, что хоть онъ прежде (вѣроятно въ 1125) и цѣловалъ крестъ къ Новгородцамъ, «яко хоцю ꙋ васъ ꙋмерети», но искалъ случая перейдти на югъ, въ Переяславль, поддерживало въ Новгородцахъ нерасположеніе къ нему, или по крайней мѣрѣ раздѣлило ихъ на два стана: одни были за него, другіе противъ него. Въ 1132 году это выказалось въ первый разъ ясно. Отецъ его Мстиславъ умеръ, отдавъ мѣсто свое на Кіевскомъ престолѣ вмѣстѣ съ опекою надъ дѣтьми брату своему Ярополку. Вѣроятно по желанію племянника, Ярополкъ вызвалъ его изъ Новгорода на княженіе Переяславское; но Всеволоду не удалось тамъ остаться: другой дядя его, Юрій Владиміровичь, изъ опасенія, что Ярополкъ его прочитъ на Кіевскій столъ, возсталъ противъ него и выгналъ изъ Переяславля. Всеволодъ воротился было въ Новгородъ, но и оттуда былъ изгнанъ. На этотъ разъ впрочемъ сторона его противниковъ не одолѣла: его воротили и приняли княземъ. Прошло четыре года; обстоятельства очень измѣнились, особенно съ тѣхъ поръ, какъ разгорѣлась усобица между Кіевомъ и Черниговомъ, между Мономаховичами и Ольговичами, въ которой приняли участіе и Новгородцы, и Всеволодъ. Весною 1136 года, скоро послѣ того, какъ Новгородскій архіепископъ Нифонтъ воротился изъ Руси,

куда ѣздилъ мирить враждующихъ. Новгородцы возстали противъ своего князя, призвали и Псковичей и Ладожанъ на общее рѣшеніе дѣла, и рѣшили изгнать Всеволода, а до выбора и пріѣзда другаго князя продержать ихъ въ неволѣ. Всеволода съ женою, дѣтьми и тещею посадили въ дворъ архіепископа, какъ въ тюрьму, подъ вооруженную стражу изъ 30 человѣкъ, мѣнявшихся ежедневно и не отходившихъ отъ своихъ мѣстъ ни днемъ, ни ночью. Такъ продержали они своихъ плѣнниковъ съ 28 мая до 15 іюля, не додержавши только 4 дней до пріѣзда новаго князя Святослава Ольговича, брата князя Владиміра Черниговскаго. Выборъ этотъ открылъ, что по крайней мѣрѣ изгнаніе Всеволода было частію слѣдствіемъ замысловъ тѣхъ, которые стояли за одно съ Ольговичами противъ Мономаховичей. Обвиняли Всеволода, что онъ не берегъ войска (смердъ), что ворочался съ войны прежде всѣхъ, что хотѣлъ быть княземъ въ Переяславлѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что прежде приказывалъ приступить къ Всеволоду Ольговичу, а потомъ отступиться отъ него. Что обвиняли и тогда Всеволода не все, это оказалось по отъѣздѣ его: за нимъ бѣжалъ и посадникъ Константинъ Микульчичь и «иныхъ добрыхъ мужь нѣколико»; остались его сторонники и въ Новгородѣ и еще болѣе во Псковѣ. Его звали воротиться назадъ, и онъ рѣшился. Князь Полотскій Василько встрѣтилъ его передъ Полотскомъ и съ покорностью проводилъ его до Пскова. Псковитяне приняли его дружелюбно, и стали за него противъ Новгорода, какъ за своего князя.

Это не могло не возмутить Новгородцевъ и ихъ князя. Кто былъ между ними за Всеволода, принужденъ былъ или бѣжать или притаиться. Домы бѣжавшихъ отданы на разграбленіе, а притаившихся отыскивали и собирали съ нихъ деньги для ополченія купцовъ. Князь Святославъ Ольговичь собралъ войско со всей земли Новгородской, и призвалъ на помощь себѣ своего брата Глѣба съ Курянами и Половцами. Это не ослабило рвенія Псковитянъ: они по прежнему стояли за Всеволода, вооруживъ укрѣпленія. Войска Новгородскія двинулись, дошли до Добровны и поворотили назадъ — отъ того ли что встрѣтили сильный отпоръ, отъ того ли что провѣдали о болѣзни Всеволода, неизвѣстно; лѣтописецъ говоритъ только, что «съдȢмавше князь и людье на пȢти въспятишася и еще рекъше: не проливаимъ кръви съ своею

братьею, и если Богъ управитъ своимъ промысломъ». А 11 февраля, въ четвергъ на масляной недѣлѣ (1137 г.) Всеволодъ умеръ. Его мѣсто во Псковѣ занялъ пріѣхавшій съ нимъ братъ его, Святополкъ. Псковитяне не помирились съ Новгородцами до тѣхъ поръ, пока княземъ въ Новгородѣ оставался Святославъ Ольговичъ. Не показываетъ ли это, что одна изъ главныхъ причинъ непріязненныхъ отношеній Новгородцевъ къ Всеволоду были ковы защитниковъ Ольговичей.

Возвратимся къ вышеозначеннымъ передовымъ даннымъ, извлеченнымъ изъ изображенія князя при книгѣ епископа Ипполита объ антихристѣ.

Тамъ изображенъ князь молодой. Всеволодъ скончался въ молодыхъ лѣтахъ: отъ перваго появленія его намѣстникомъ отца въ Новгородѣ до кончины прошло только 20 лѣтъ; а женатъ былъ онъ только 14 лѣтъ.

Тамъ изображенъ князь, поминаемый какъ строитель церкви или церквей. Этимъ былъ памятенъ Всеволодъ и въ Новгородѣ и во Псковѣ. Въ Новгородѣ онъ заложилъ вмѣстѣ съ игумномъ Киріякомъ каменную церковь въ Юрьевѣ монастырѣ, въ 1119 г. и потомъ, какъ видно изъ сохранившихся грамотъ, жаловалъ монастырю этому земли и дорогія вещи. Позже, въ 1127 году, онъ заложилъ въ Новгородѣ каменную церковь св. Іоанна на Петрятинѣ дворѣ, иначе на Опокахъ, отстроилъ ее и грамотою опредѣлилъ права и обязанности ея причта и купечества, къ ней приписаннаго. Въ 1135 году онъ заложилъ въ Новгородѣ еще одну каменную церковь на Торговищѣ (въ теремѣ). Во Псковѣ основалъ онъ храмъ св. Троицы, сдѣлавшійся главнымъ соборнымъ храмомъ Псковскимъ.

На изображеніи представленъ князь въ сіяніи вокругъ головы. Князь Всеволодъ, по Житію, причисленъ былъ къ лику святыхъ еще въ XII вѣкѣ: нетлѣнныя мощи его найдены въ 1192 г. при Новгородскомъ князѣ Ярославѣ Володимировичѣ, его племянникѣ, и при архіепископѣ Гавріилѣ, и торжественно перенесены изъ Дмитровской церкви, гдѣ онъ былъ погребенъ, въ Троицкій соборъ 27 ноября (Степ. книга I. 262). Память этого перенесенія мощей Всеволода, равно какъ и память дня его кончины, празднуется доселѣ въ дни, указанные житіемъ и лѣтописью

(27 ноября и 11 февраля). По сказанію о князѣ Тимоѳеѣ-Довмонтѣ, этотъ князь въ тяжелую годину (въ 1166 г.) призывалъ себѣ на помощь, вмѣстѣ съ св. Троицею, воеводу Леонтія и благовѣрнаго князя великаго Всеволода (П. собр. л. IV: 180, V: 193 и пр.). Упоминанія Псковскихъ лѣтописей о томъ, что Псковъ искалъ себѣ помощи въ молитвѣ князей Всеволода и Тимоѳея, въ XIV вѣкѣ не рѣдки (см. на пр. подъ гг. 1323 = 6831, 1341 = 6849, 1407 = 6915).

Такимъ образомъ ничто не мѣшаетъ признать, что въ книгѣ Ипполита XII или начала XIII-го в. изображеніе св. князя есть изображеніе князя Всеволода-Гавріила, князя Новгородскаго и Псковскаго. Оно могло быть написано въ то самое время, когда были открыты мощи его, и списано съ другаго изображенія, находившагося при книгѣ, для него самого писанной, только съ придачею сіянія вокругъ головы. Что при книгахъ писались изображенія князей, которымъ онѣ принадлежали, на это есть свидѣтельство Сборника 1073 года. Что князья строители церкви еще при жизни писали съ церковью въ рукѣ, этому примѣръ видимъ въ изображеніи Новгородскаго князя Ярослава Володимировича въ Нередицкой церкви. Что перерисовывая изображеніе могли прибавлять сіянія, этому доказательствомъ служитъ изображеніе Бориса при книгѣ воскресныхъ поученій, написанной первоначально Константиномъ Болгарскимъ при Болгарскомъ князѣ Борисѣ-Михаилѣ, а потомъ въ XII вѣкѣ переписанной на Руси съ изображеніемъ Бориса, но уже въ сіяніи, съ написью «сты Борисъ»: Русскій живописецъ, не зная другаго Бориса, кромѣ святаго Русскаго князя, придалъ ему сіяніе Имѣя въ виду это послѣднее обстоятельство, можно было бы предположить, что и на подлинникѣ разсматриваемаго изображенія, если онъ былъ, написанъ былъ не Всеволодъ, а другой князь; но къ чему привело бы это? Къ тому, что все таки сохранившееся изображеніе должно считать изображеніемъ Всеволода-Гавріила, на сколько по крайней мѣрѣ есть свѣдѣнія о князьяхъ Русскихъ, признанныхъ святыми до начала XIII вѣка.

«А гдѣ же мечь, когда всегда рисуется на его изображеніяхъ, прилагаемыхъ къ такъ называемымъ подлинникамъ на иконахъ»? Вопросъ естественный, тѣмъ болѣе, что при гробѣ св.

Всеволода хранится мечь *). Но можно ли забыть, что наши подлинники произведенія позднѣйшаго времени, и что они и въ этомъ случаѣ также отличаются отъ древнихъ подлинниковъ, какъ и во многихъ другихъ. Такъ св. великомученица Екатерина рисуется въ нихъ въ княжеской одеждѣ и коронѣ, даже съ подписью княгиня, а между тѣмъ въ древнихъ подлинникахъ она рисуется со щитомъ въ лѣвой рукѣ. Такъ и св. Владиміръ равноапостольный изображается на образахъ позднѣйшаго извода съ мечемъ въ лѣвой рукѣ; а на болѣе древнихъ — со свернутымъ свиткомъ или безъ ничего.

---

*) На рукояткѣ этого меча готическими буквами начертанъ девизъ «honorem meum nemini dabo» и два льва подъ коронами.

О томъ, какими судьбами попали деньги въ этотъ провалъ, г. Бѣлявскій думаетъ такъ: такъ какъ съ деньгами вмѣстѣ онъ нашелъ и пулю, всю какъ-бы истыканную гвоздемъ, и такъ какъ притомъ мѣсто, на которомъ лежали эти монеты, нѣсколько отличалось отъ остальнаго песчанаго грунта и имѣло форму мѣшечка, то онъ предполагаетъ, что тутъ былъ убитъ какой-либо человѣкъ, останки котораго вмѣстѣ съ кошелькомъ и подѣйствовали на грунтъ.

На счетъ древности пещеръ ничего неизвѣстно, но есть возможность узнать, къ какому времени ихъ слѣдуетъ отнести, именно по кирпичу, которымъ онѣ выложены: образцы этихъ кирпичей будутъ скоро доставлены въ Петербургъ.

Если подняться отъ пещеръ на гору, то глазамъ представятся груды кирпича, которыя принадлежатъ, какъ свидѣтельствуетъ тамошнее преданіе, бывшему въ хуторѣ монастырю. Самого же монастыря преданіе не помнитъ, а помнитъ только существованіе деревянной церкви. Одинъ старикъ разсказываетъ, что маленькимъ онъ ходилъ съ матерью въ эту деревянную церковь. Разрушеніе ея относится къ 1796—8 годамъ.

Далѣе за этимъ слѣдуетъ валъ, который начинается у берега Днѣпра, немного выше Монастырка, поднимается на гору, тянется по ней до того мѣста, гдѣ на противоположномъ берегу находятся Андруши, затѣмъ спускается снова къ берегу и такимъ образомъ охватываетъ не только Монастырокъ, но еще и другое сосѣднее селеніе, лежащее ниже. Въ настоящее время этотъ валъ заросъ лѣсомъ, такъ что мало замѣтенъ. По преданію, онъ сдѣланъ Татарами, которые поселились здѣсь въ числѣ 1000 семей и производили отсюда нападенія на сосѣднія земли по правому берегу Днѣпра. Мѣсто, если вѣрить преданію, было выбрано хорошее: нагорная площадь довольно значительна; но срединѣ ея находится озерко, постоянно сохраняющее воду. Уничтоженіе Татарскаго населенія въ этихъ мѣстахъ преданіе приписываетъ дѣйствію чумы. Вообще преданіе отводитъ этому пункту мѣсто въ ряду остановокъ, которыми шли Татарскія нападенія. Здѣсь они переправлялись съ лѣваго берега на правый.

Въ настоящее же время обычная переправа совершается весною въ Монастыркѣ, а лѣтомъ въ Трахтемировѣ. Это явленіе

происходитъ отъ того, что весною подъ Трахтемировымъ, гдѣ теперь слѣдуетъ военная дорога, бываетъ большой разливъ Днѣпра, чрезвычайно затрудняющій переправу; потому она и переносится въ Монастырокъ, гдѣ Днѣпръ разливается не такъ широко. Преданіе не помнитъ начала ни той, ни другой переправы».

Кирпичь, о которомъ упомянуто выше, еще не полученъ. Не думаю, впрочемъ, что онъ окончательно можетъ рѣшить древность пещеръ и монастыря. Онъ могъ быть положенъ и гораздо позже первой выкопки пещеръ, даже и тогда, когда монастыря тамъ уже не было.

XIV.

Древнее изображение кн. Всеволода-Гавріила.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ рукописей Чудова монастыря есть Иполита *) епископа съказаніе о Христосѣ и о антихристѣ, Русская рукопись XII-го, много что XIII-го вѣка, написанная въ малый листъ красивымъ крупнымъ уставомъ въ 2 столбца на 127 лл. хорошаго пергамина. Это древнѣйшій изъ списковъ Славянскаго перевода произведенія, пользовавшагося и въ подлинникѣ извѣстностью и уваженіемъ, полюбившагося и у насъ. Какъ видно изъ множества списковъ его — особенно въ сборникахъ XV—XVII вв., — памятникъ достойный особеннаго вниманія, достойный быть изданнымъ съ вниманіемъ къ нуждамъ Славянскихъ филологовъ. Обрадовавшись встрѣчѣ съ этою драгоцѣнною рукописью, я не менѣе обрадовался нашедши на ея первомъ листѣ изображеніе Русскаго князя, съ сіяніемъ вокругъ головы, не только богато, но и хорошо исполненное, къ сожалѣнію, впрочемъ, по давней небрежности обращенія съ рукописью, очень попорченное: (отъ лица на пр. видна только часть лѣвой стороны, отъ рукъ только слѣды, отъ рисунка тканей одежды кое что). Это изображеніе, изъ числа доселѣ мнѣ извѣстныхъ изображеній Русскихъ князей, по древности, должно занять мѣсто или непосредственно послѣ изображенія Святослава съ семействомъ при Сборникѣ 1073 г.,

*) Въ подлинникѣ ошибкою написано и вмѣсто т: Ипполита.

или рядомъ съ изображеніемъ кн. Ярослава Владиміровича Новгородскаго въ Перединскомъ храмѣ, а по достоинству рисовки — мѣсто первое.

И вотъ что оно представляетъ:

Князь молодой и красивый, кажется, безъ бороды, въ клобукѣ (шапкѣ), изъ подъ котораго по обѣ стороны лица, закрывая уши, падаютъ густыя, но не длинныя пряди волосъ, отчесанныхъ назадъ, въ богатомъ мятлѣ (плащѣ) и богатой свитѣ, правую руку поднялъ къ груди, а въ лѣвой, нѣсколько протянутой въ сторону, держитъ церковь. Клобукъ съ небольшимъ зеленоватаго цвѣта околышемъ и съ невысокимъ округловатымъ верхомъ краснаго цвѣта. Шея голая. Мятль изъ пестрой ткани, съ краснымъ подбоемъ, обложенъ весь кругомъ золотымъ кружевомъ; онъ застегнутъ красивою застежкою въ родѣ звѣзды или цвѣтка, ближе къ срединѣ груди, чѣмъ къ правому плечу; правая пола его закинута за руку такъ, что покрываетъ почти только плечо, а лѣвая почти по срединѣ приподнята рукою. Узоръ ткани на свитѣ состоитъ изъ большихъ квадратовъ зеленаго цвѣта, въ которыхъ всю середину занимаютъ золотыя колеса, а по угламъ красные кружечки; рукава свиты широкіе, но оканчиваются узкими золотыми наручниками; по подолу свиты широкая накладка изъ золотаго кружева. На ногахъ красные сапоги.

Чье это изображеніе?

Передовыя данныя для рѣшенія этого вопроса суть:

— съ одной стороны, князь былъ строитель церкви или церквей, что доказываетъ церковь, которую онъ держитъ въ рукѣ, — былъ причисленъ къ лику святыхъ, какъ показываетъ сіяніе вокругъ головы, — скончался въ молодости, иначе бы не молодымъ нарисованъ онъ былъ на изображеніи, — скончался не монахомъ, иначе бы и изображенъ былъ не въ княжеской одеждѣ;

— съ другой стороны, онъ жилъ и прославленъ не позже какъ въ XII вѣкѣ, потому что его изображеніе написано, какъ свидѣтельствуетъ почеркъ рукописи, гдѣ оно помѣщено, въ XII или много что въ началѣ XIII вѣка.

Имѣя въ виду эти передовыя данныя, вспомнимъ о древнихъ Русскихъ князьяхъ, причисленныхъ къ лику святыхъ.

24 — .п҃г. стра҇ ст҃ыѩ прьвом҃цѫ и ап҃лы Оеклъи [1]) (втор. вел. нед.).

25 — .п҃д. ст҃го м҃ка Рома҇ и ста҇ м҃ка и чрьнца Пафнота и пр҃пьнѩ Ефросинъи нареченъиѩ име҇мь мѫжскомъ Змараздь [2]) (Лук. VIII: 22—25).

26 — (к҃ѕ) прѣставление ст҃аго Иоана б҃гословца ев҃глиста (сѫб. доухов.).

30 — .ѣ. ст҃аго сщ҃ном҃ка Григориа архиеп҃па великъиѩ Армениѩ (втор. св. нед.).

мѣ҇ окто҇.

1 — а. ст҃а҇ ап҃ла Ананиѩ сп҃на Дамаскова и м҃ка Аретъи [3]) и дроужинъи его. и м҃ка Домьника. и памѧт пр҃наго Романа. сътворшаго пѣс҇ вс҃чнаа [4]) (сред. св. нед.).

2 — .б. ст҃а҇ м҃ка сщ҃на Куприѣна и Устинъи дѣвы (септ. п҃.).

3 — .в. ст҃а҇ оц҃а на҇го м҃ка Дионисiа. ареопаѣита (Мао. XIII: 45—54).

6 — .е҃. м҃пие ст҃а҇ ап҃ла Ѳомы (нед. антипас.).

7 — .ж҃. ст҃оую м҃коу Серѣѣ и Вакха.

11 — .а҃i. стхъ оць на҇ архп҃пъ Црѣграда. Нектариа. Арсака. Адика. и Сеина [5]) и ст҃хъ оць на҇ тмж .ж҃. го же сп҃ма бывшаго въ Никеи вторицеѫ (септ. д҃i.).

13 — .в҃i. ст҃х мк҃: Папоула. Распа [6]) Анавла и дроужинъи их҇ (Лук. VII: 12—21).

---

[1]) Слово апо҇лы должно значить апостолы: св. Ѳекла считается равноапостольною.

[2]) Змараздь = Смарагдъ, Измарагдъ, какъ означено въ древн. Русс. памятникахъ. Буква з вмѣсто і, кажется, по неразумѣнію писца, принявшаго ⱃ (г) написаннаго съ двойною чертою, за ⰸ.

[3]) Въ *Остр. Ев. 1857* неправильно Арепѫ: такъ же и въ Прол. до 1250 г.

[4]) Св. Романъ въ древн. Русс. памятникахъ названъ пѣвцомъ (*Уст. цер. XII в. Минея XII в.* и пр.) или творцемъ кондакарю (Сбор. до 1200 г.).

[5]) Такъ и въ *Остр. Ев. 1057 г.* и въ *Прол. до 1250 г.*, только вмѣсто Адика — Атика, а вмѣсто Сеина — Сисина.

[6]) Карпа, а не Распа, какъ и стоитъ во всѣхъ календаряхъ, начиная съ древнѣйшихъ.

18 — .ѕі. ста̃аго апла евг҇листа Лоукы (дек. бг҇.).

21 — .ка. стых мкъ Дасиѣ, Гасіѣ [1]) и Зотика и пр҇наго о. н. Иларнона (Лук. VI: 17—23).

23 — .кв. ста̃аг апла Иѣкова брата гнѣ (Мао. X: 24—32).

25 — .кд. стоую м҇коу Маркиана и Мартоурна и Павла исповѣдника [2]) и ста̃аг м҇ка Нестора въ Солоунѣ [3]) и м҇ка Оуара. и бывших .з҇. сь ним стхъ [4]) (а҇. на мжкж).

26 — .ке. ста̃аг м҇ка Дімитріа иже въ Солоунѣ (Лук. XII: 2—12).

30 — .л. стхъ м҇къ Зінова и Зиновиѩ сестры его. и па̃ Курнака патриарха [5]) и пр҇наа̃г оца Павла велика̃ постьника [6]) (септ. б.).

м҇ца ноѩ҇.

1 — .а. стоую чюдотворцю безмездьникоу Козмы и Даміана.

2 — .б. ста̃го Акундина и дроужины его (а҇. на мжк.).

6 — .ѕ. стааго Павла исповѣдника (септ. б.).

7 — .з. стых мкъ Антона и родителю его [7]) и стыхъ мкъ іже въ Мелітини .лв. (окт. кд).

8 — .ѕ҇. сьнемъ арханг҇ла Михаила. и пр҇нѣи Матронѣ [8]) (Мао. XIII: 20—40, 36—43).

11 — .аі. с. м. Миньи и Виктора и Вікента (а҇. на мжк.).

13 — .ві. покои с. о. н. Иоана Златоустааго (септ. б.).

---

[1]) Въ *Нові. прологахъ до 1250 і. и до 1350 і.* Газиѩ. Въ древ. Греч. календаряхъ, какъ и въ нов. Русскихъ, поминается здѣсь Гай, а не Газій или Гасій.

[2]) Павелъ исповѣдникъ помянутъ подъ этимъ днемъ въ *Четвероевангеліи Серб. XIV в.*

[3]) Несторъ Солунскій помянутъ подъ 25 окт. въ *Ев. до 1250, Ев. 1317* и др.

[4]) Страсть м. Оуара и иже съ нимъ ст҇хъ. *Прол. Нові. до 1250*, какъ и въ древ. Греч.

[5]) Патр. Курникъ помянутъ во многихъ древ. Рус. памятникахъ, начиная съ *Остр. Ев. 1057.*

[6]) Память Паула великаго первопостьника означена въ *Минеи 1096 і.*, въ *Минеѣ XII в.*, въ *Пант. Ев. до 1250.*

[7]) Въ *Нові. прол. до 1250 і.:* стра̃ с. м. Антоньѩ и родителю юго Меласиппа и Касины. Такъ и въ древ. Греч.

[8]) Преп. Матрона помянута подъ 9 ноября въ Мст. Ев. до 1117, въ Прол. до 1250, въ Обиходѣ до 1300 и пр.

14 — .гі. с. апла Филіпа (срѣд. св. нед.).

15 — .ді. стаго Иѣкова апла брата стаго Иоана свѣста [1]) и стыих исповѣдниъ Гоурнїа Самонъи и Авива (а. на мжк.).

16 — .єі. стго апла свѣста Маоеа (сжб. д. по доусѣ).

17 — .жі. стаго Глигорна чюдотворца Неоксаринѧ.

18 — .ѕі. с. м. Платона (сжб. в. ю пас.).

20 — .и. сс. оо. ни. архіпъ бывъшихъ въ Цриградѣ. Максимина. Прокла. Анатолиѣ [2]) и Ѳенада и с. Глигора новаго чютворца (септ. ді.).

21 — .па. вънесение въ црквъ стыи бци (септ. ѕ.).

25 — .пи. стаго Климента папежа Римска (а. на мжк.).

26 — .пє. стыѧ мцѧ Екатерины [3]) и свщные стаго Ѳеорѳиа [4]) (сжб. в. по пас.).

27 — .пж. страс стыи мкъ Козмы и Дамиана о Аравиѧ [5]). и стго мка Иѣкова Персѣнина (сжб. в. по пас.).

30 — .ѳ. стаго апла Андреѧ (срѣд. свѣт. нед.).

(мѣсяца) декѧ[6].

1 — .а. с. прка Наоума (втор. є нед. по пас.).

4 — .г. стыѧ мцѧ Варваръи (Мар. V: 24—34).

5 — .є. с. о. н. прпаго поустыни наставника бопосца Савъи (Мао. XI: 27—30).

---

1) Тоже въ Новг. прологахъ до 1250 и до 1350, въ Обиходѣ до 1300 г. Ср въ *Греч. прол. Вас. Макед.* и въ Серб. календаряхъ XIV в.

2) Анатолиѣ, а не Анатопіѣ какъ напечатано. Память Анатолія и Прокла въ этомъ мѣстѣ не отмѣчена въ древн. Рус. памятникахъ, а только въ древн Греческихъ.

3) Память м. Екатерины или Катерины чтилась въ древности 25 ноября, а позже 24 ноября: подъ 25 нояб. см. въ *Минеѣ 1097* г., въ Мст. Ев. до 1117, въ Ев. 1144, въ Ев. 1164 г., въ Цер. Уст. до 1200, въ Новг. прол. до 1250, въ Обиходѣ до 1300 г. и пр. Подъ 26 ноября имя Екатерины встрѣтилось въ Типограф. Ев. XII в.

4) Въ древн. Рус. памятникахъ обыкновенно отмѣчено просто: с. м. Георгию: см. Мин. 1097, Юрьев. Ев. послѣ 1119, Ев. 1164, Тип. Ев. до 1200, Новг Еванг. до 1250, Обиходъ до 1300 и пр. Въ лѣтописяхъ день этотъ названъ Гюргевымъ днемъ осеннимъ. Въ Ипатьев. лѣтописи впрочемъ день этотъ помянутъ освященіемъ церкви мученика Георгія. Объясненіе этому находится въ прологахъ и лѣтописяхъ, по которымъ в. к. Ярославъ создалъ монастырь св. Георгія въ 1037 году (см. Лавр. лѣт. стр. 65 и др.).

5) Въ Остр. Ев. 1057: стра стоую мчкоу Козмы и Дамиюна сѫщема отъ Аравиѩ. Въ другихъ древ. памятникахъ и въ новыхъ записахъ этого нѣтъ.

6 — .є҃. стаго о. н. чюдотворца Николъи (окт. па.).

9 — .з҃. Зачатие стъиѧ. Аннъи бцѧ. (септ. ѕ҃.).

12 — .бі҃. стаго о. н. Спиридона єп҃а. и прпаго о. Данила стлъпника [1]) (Лук. X: 16—24).

13 — .ві. с. м. Евстратіа. Евсесита [2]). Евђена. Мърдара. и Ореста (септ. іг҃.).

14 — .гі. стаа Турса [3]). Левка. Калиника. и стоую мкоу Филимона и Аполона (септ. ід.).

17 — .жі. стъихъ тріи отрокъ. Ананиѧ. Азариѧ. Мисаила и Данила црка (суб ж. Мо. по л҃-т.).

Сж[6] прѣ[ж] родства Хва (Мао. XII: 15—21).

Нс прѣжде рожства Хова. въ нж же бываетъ па стъимъ оцмъ Авраамоу и Исаакоу Иаковоу (Мао. I: 1—25).

20 — .к҃. стаго боносьца Игьнатіа (Мар. IX: 33—41).

22 — .кб. стъиѧ мцѧ Анастасиѧ (септ. еі.).

23 — .кв. стъихъ мкъ .г҃. іже в Критѣ и прпго стлѣ Нифонта [4]) (июнѣ кз.).

24 — .кг. навечерие родства Хва (Лук. II: 1—20).

25 — .кд. Родство га на[ш] Ис Ха (Мао. II: 1—12).

26 — .ке. сънемъ стъиѧ бцѧ [5]) (Мао. II: 13—23).

27 — .кж. стаго пръвомка архидиѣкона Стефа[н] (нед. ві. Мо. по л҃-т.).

28 — .кѕ. стаго о. н. Оеодора архиепа Цриградѣ [6]) (септ. б.).

---

[1]) Память с. Даніила столпника чтится 11 декабря; такъ было и въ древности: см. *Мст. Ев. до 1117*, *Ев. 1144*, *Уст. до 1200*, *Минеи до 1200*, *Кондакарь 1207*, *Новг. прол. до 1250*, Обиходъ до 1300, Ипат. лѣт. подъ 6796 г. и пр.

[2]) Евсесита вм. Еуксента = Евксента = Евксентиѧ = Еуксентию, какъ означено въ Древ. Рус. памятникахъ: т. п. Αὐξεντίου. Написаніе сес вм. ксе явилось, кажется, при переписи съ кирилловской рукописи: ζ = ξ принято за се, а с за с.

[3]) Турса, т. е. Оирса.

[4]) Въ древ. Рус. памятникахъ, мнѣ извѣстныхъ, подъ 23 дек. память Нифонта не обозначена, а только въ новыхъ: разумѣется тутъ епископъ Кипрскій.

[5]) Въ древ. Русскихъ памятникахъ вмѣсто сънемъ (= съньмъ), впрочемъ очень обычнаго, употреблено съборъ.

[6]) Память Оеодора архіепископа означена подъ 28 дек. въ *Остр. Ев. 1057*, въ *Стихирарѣ Акад.* XII в., въ *Типогр. Ев.* XII в. и нѣк. др. Русс. памятникахъ, равно и въ *Греч. прол. Вас. Макед.* и др. Греческихъ.

29 — .кз. стыи^х^ младьнец избиеныихъ Ха ради въ Вилеемѣ Иродомъ (дек. ке.).

(мѣсаца) еноуар.

1 — .а. Обрѣзание осмодьневное Га и. Ис Ха и с о. н. стла велика^г^ Василиа Кесари (Лук. II: 20—21, 40—52).

2 — .б. стаа^г^ Селивестра папежа Римьска (септ. ді.).

Сеже вѣдѣти. аще бѫдеть .а. со^б^ и не междоу родствомъ и просвѣщениемъ. речетсѧ си.

Сѫ^б^ прѣжде просвѣщениѣ Еваѳ ѿ Ма^о^ гла^г^ ж (Мао. III: 1—11).

Аще бѫдеть и дроугаа не между родствомъ и просвѣщениемъ речетьсѧ си не. зачало евиѳлиѣ Ис Хва. (Мар. I: 1—8).

5 — .д. наве^ч^рие стаа^г^ боавлениѣ (Лук. III. 1—18).

6 — .е. стое боавление Га и. Ис Ха (Мао. III: 13—17).

7 — .ж. сьнемь стаго Иоана Кретлѣ [1]) (Io. I: 29—34).

Сѫ^б^ по просвѣщени^х^ (Мао. IV: 1—11).

Не по просвѣ^щ^нии (Мао. IV: 12—18).

8 — .ѕ. стра^с^ стбую мкоу Теофила диакона и Елда [2]) (септ. а.).

11 — аі. стаа Оеодосиа (въ тор. г. нед. по пасцѣ).

14 — .гі. стыхъ оо. ни. мкъ избиеньи^х^ на Синаистѣи горѣ (септ. а.).

16 — .еі. цѣлование и поклан҄ѣние врига^м^ стаго апла Петра [3]) (сѫб. л. нынѣ).

17 — .жі. стаго о. н. прнааго Антониѣ наставьника поустынико^м^ (окт. па.).

18 — .ѕі. стоую оцю н. Аоанасиѣ и Курила архіпа Александриѩ (септ. ді.).

20. — .н. прнаго. о. н. Еутумиа [4]) (дек. д.)

21 — .па. стаго мѫа Неофита (июнѣ кз.).

---

[1]) И здѣсь, какъ подъ 26 дек. въ древ. Русс. памятникахъ, употреблено слово съборъ вмѣсто сънемъ.

[2]) Вмѣсто Елда чит. Еладиѩ (= Иладиѩ), какъ и стоитъ въ *Нов. прологахъ* до 1250, и до 1350, въ Обиходѣ до 1300 и пр. я въ древн. Греч. календаряхъ.

[3]) Такъ и въ Остр. Еванг. 1057 г.: «цѣлованіе и покланѩние веригамъ ст҄аего ап҄ла Петра». Въ друг. памятникахъ только поклоненіе, или съпадениѥ (Стихирари XII в.).

[4]) Т. е. Еуоимиѩ = Еуфумиѩ. *Остр. Ев. 1057* и др.

22 — .кб. ста҄ апла Тимоѳеа (нед. а҃. Мо. по л҃.).

23 — .кв. стаго мка Климента еппа Анкурска (сѫб. в҃. поста).

25 — .кд. с. о. н. Глигора бгословца. еппа бывша Нанзианзии (дек. е҃.).

27 — .кж. сс. мкъ Ананиѩ прозвутера и Петра ключарѣ. и инѣх .ѕ. воин[1]). и възвращение мощем с. Иоана Златоуста (септ. б.).

28 — .кѕ. с. о. н. Ефрема Сурѣнина[2]) (дек. д҃.).

29 — .кз. на взвращенiѣ мощемъ свщномка боно[3]) Игьнатиа (сѫб. в҃. по пас.).

30 — .л. обрѣтение чстны мощии стаа Климента папежа Римска[4]) (сѫб. д҃. поста).

31 — .ла҃. стбую чюдотворцю Кура Иоана (ноѧб. а҃.).

(мѣсаца) ферва.

1 — .а҃. стра стаго мка Трифона (сѫб. г҃. Лоукы).

2 — .б. Сърѣтение Га и. Ис Ха (Лук. II: 22—40).

3 — .в҃. Сумеона богприемца (февр. б.).

11. — аi. с. свщномка Власиа (септ. б.).

14 — .гi. о. н. Курила философа[5]) (дек. е҃).

16 — .еi. сс. мкъ Памфила. Оуалента. Павла. Перфила[6]) Селевка. Иоулана и инѣхъ (септ. и҃.)

17 — .жi. с. м. Ѳеодора (сѫб. а҃. поста).

23 — .кв. с. свщномка Полукарпа еппа Змърнъска (втор. е҃.) нед. по пастѣ).

24 — .кг. обрѣтение гла. Иоана прча (Маѳ. XI: 2—15).

---

[1]) Такъ и въ *Прологахъ* до 1250 и до 1350 и въ Обиходѣ до 1300: Ананию (=Ананьи) презвютера, Петра ключехранителѧ и инѣхъ з҃ воинъ.

[3]) Сурѣнина вм. болѣе обычнаго Сурина встрѣчается также и въ древн. Рус. памятникахъ, на пр. въ Сборн. до 1200 и др.

[6]) Вм. богоносца напечатано невѣрно богословца.

[4]) Въ Остр. Ев. 1057 г. также: обрѣтение мощи чьстьнъıхъ ст҃аага Климента. папежа Римьска . д҃. по ап҃лѣ Петрѣ. Такъ и въ Прол. до 1350.

[5]) Память Константина философа «въ чьрнечьство наречена именьмъ Курила», какъ означено въ Остр. Ев. 1057 г., показана подъ 14 февр. очень во многихъ памятникахъ Русскихъ и Западно-Славянскихъ.

[6]) Т. е. Порфурию. Въ древн. Рус. памятникахъ обыкновенно означенъ одинъ Памфилъ, а другiе подъ общимъ названiемъ дружины.

МѢСАЦА) МАР҃.

9 — .з҃. стыхъ. к҃. мкъ (Мѳ. XX: 1—16).
22 — .пб. стаго оца и. Томъи архєпна Црѣграда (септ. в҃.).
24 — .пг. Навечер благовѣщенїѣ (Лук. I: 49—49, 56).
25 — .пд. Благовѣщеиие стѣи бці Марии (Лук. I: 24—38).

(МѢСАЦА) АПРИ҃.

6 — .с҃. сс. мм. .ри. иже въ Персѣхъ. и па с. о. и. Евтуха архїпа Цригра и па оусьпенїѣ прнааго о. и. Меѳодїа архїпа вышнѧѩ Моравъи бра прго Курила философа [1]) (септ. б.).
11 — .аі. ста҃ Антима [2]) (септ. б.).
22 — .пб. праго Ѳеодора Сикиота (пол. пв.).
23 — .пв. сттаго великаго мка Ꙉеорꙉиа (сѫб. в҃. по пастѣ).
25 — .пд. с. апла евꙉлиста Марка (дек. гб.).
26 — .пс. свщномка Василїа епна Амасиска (апр. пв.).
30 — .ꙉ҃. апла Иакова (дек. гб.).

(МѢСАЦА) МАИ҃.

1 — .а҃. стаго прка Иеремиѩ (июнѣ. пз.).
2 — .б҃. с. Аѳанасиа епна (окт. а҃.).
8 — .ѕ҃. с. апла бословца евꙉлиста Иоана (Іо. XIX: 25—27, XXI: 24—25).
9 — .з҃. стаго прка Исаиѩ и мка Хрстофора (авг. а҃.).
11 — .аі. с. мка Мокиа (а҃. на мѫкѫ).
12 — .бг҃. с. о. и. Епифаниа [3]) (септ. б.).
14 — .гі. с. Пахомиа [4]). И Сидора (сѫб. в҃. поста).
15 — .ді. с. о. и. стлѣ Ахилїа (септ. б.).

---

[1]) Въ Типограф. четвероеванг. XII в. означено такъ: памѧт оца Меѳодїа архїеп҃па Морав'ска. Въ Минеяхъ XII в. оба брата означены вмѣстѣ: стма оучителема Словѣньскоу ѩзыкоу Курила философа и блаженаго Меѳодиѩ.

[2]) Читай Антипа. Въ древ. Рус. памятникахъ постоянно Антипы, равно и въ Греческихъ.

[3]) Въ древ. Рус. памятникахъ чаще названъ Епифаномъ.

[4]) Подъ 14 мая память св. Пахомія означена только въ *Остр. Ев.* 1057 г. (стмоу Пахомоу); въ другихъ подъ 15 мая, какъ и въ Лавр. лѣтописи подъ 6719 г.

21 —.ка. на стоуму и вели^кмоу благовѣрно^м Константиноу ц^рю и мтре его Еленъи (пат. ѕ҃. нед. по пастѣ).

23 —.кв. с. Сумеона бывшаго на Дивнѣи горѣ[1]) (септ. дї.).

м^сца ию^н.

2 —.б. с. Никифора патриарха Црѣ(гра)да. и с. Еразма єппа (септ. б.).

4 — с. о. н. Митрофана архпа Црѣграда (апр. є҃.).

8 —.ѕ҃. с. м. Никандра. Маркіана[2]) и с. м. Өеодора воина на встоцѣ (сл҃б. в҃ по пастѣ).

11 —.аі. стоую аплоу Вароoломеа и Варнавъи и стаго о. н. поустынника Онофрия[3]) (дек. б.).

14 —.гі. пррка Елисеа. (Лук. IV: 22—32).

15 —.дї. сс. мм. Вита и Модеста нѣстоуна его[4]) и Крстаница бабъи его[5]) (слб. в҃. по пас.).

19 —.зі. с. апла Тадѣа[6]) (окт. ѕі.).

24 —.кг. Рождьство с. Иоа^н прча крс^ти (Лук. I: 1—25, 57—68, 76, 80).

27 —.кж. с. о. н. Курила архпа Александрьска[7]) (слб. аї. нов. лѣта. Лоук.).

28 —.кѕ. обрѣтение мощии Кура Иоана (нолб. а҃).

29 —.кз. стоую връховноую аплоу Петра и Павла (Маө. XVI: 13—19).

---

[1]) Св. Симеонъ столпникъ Дивногорскій означенъ здѣсь подъ 23, а не подъ 24 мая, можетъ быть, по простой опискѣ писца, дѣлавшаго выписки изъ болѣе подробнаго синаксаря.

[2]) Память мм. Никандра и Маркіана означена въ древ. Рус. памятникахъ и чтится доселѣ 5 іюня. Не по ошибкѣ ли и здѣсь соединены подъ 8 іюня Никандръ и Маркіанъ вмѣстѣ съ Өеодоромъ Стратилатомъ.

[3]) Св. Онуфрій великій поминается, не 11 мая, а 12 мая; писецъ, вѣроятно, смѣшалъ и эти два дня, сокращая синаксарь, съ котораго списывалъ.

[4]) Такъ и въ *Остр. Ев.* 1057.

[5]) «Крьстаница» помянута въ Минеяхъ XI и XII в.: это — св. Крискентія (Crescentia).

[6]) Въ древе. Русс. памятникахъ апостолъ Өаддей или Леввей постоянно означенъ именемъ Іюды, какъ и въ Греческихъ.

[7]) Тоже въ *Типограф. Четвероеваніеліи* XII в., въ Обиходѣ XIII в. Въ другихъ древ. памятникахъ, какъ и теперь, подъ 9 іюня.

(мѣсаца) июлѣ.

1 — .а҃. стоую безмездьникоу Козмы и Дамиана (ноѧб. а҃).

2 — .б҃. положение честьныѩ и стыѩ ризы стыѩ бцѧ. (мар. нг҃.).

7 — .ж҃. сс. мм. Еустата. Полукарпа [1]) и Еоуваѳѣ [2]) и инѣхъ (февр. кв.).

8 — .ѕ҃. с. м. Прокопиа (Лук. VI: 17—19).

11 — .и҃. с. мка Маркиана [3]) и стыѩ Ефимиѩ (септ. еі.).

15 — .ді. с. . . . Курика и Оулитъи. мтре его (авг. а҃).

16 — .еі. сьньмъ стымъ оць іже въ Халкидонѣ. хѳ. (септ. ді.).

20 — .к҃. с. прка Илиѩ. (авг. е҃.).

25 — .кд. Оуспение стыѩ Аннъи мтре брцины и стыѩ Евпраксиѩ и прпбныѩ Олумпиадъи. (сѫб. е҃. нов. лѣт. отъ лѫкы).

27 — .кж. стаго Пантелеимона мка. и стаго стлѣ о. н. Климента епскпа Величскаго [4]). (сѫб. в҃. по пас. и септ. б.).

31 — .ѳа. свщние црквe стыѩ бцѧ ѣже въ Влахерна [5]). и поклонение чстноумоу и животворѧщоумоу крстоу Хвоу [6]) (пѧт. д҃. нед. по пас.).

(мѣсаца) авгоус.

1 — .а҃. стых Макавеи (Мао. X: 16—22).

5 — .д҃. с. м. Еоусігниа (нед. д҃. отъ Лукы).

6 — .е҃. стое прѣображение Га н. Иу Ха (Мао. XVII: 1—9).

---

[1]) *Остр. Ев. 1057:* памѧть стгоу Еустаоию. Поликарпоу. Такъ же и въ *Минеѣ XIV в.*, равно и въ нѣкоторыхъ древ. Греч. календаряхъ.

[2]) Читай Евангела: см. пр. Вершинскаго Мѣсяцословъ, стр. 104, и пат. Мартынова Annus eccles. стр. 171.

[3]) Мч. Маркіанъ отмѣченъ въ нѣк. *Прологахъ XIV в.*, а равно и въ *Греч. Прол. Вас. Мак.*

[4]) Ни въ одномъ изъ мнѣ извѣстныхъ памятниковъ нѣтъ памяти св. Климента подъ этимъ числомъ.

[5]) Тоже поминается въ нѣкоторыхъ позднихъ Греч. минеяхъ; изъ древн. Рус. памятниковъ въ *Остр. Ев. 1057* означено: «сщние цркви стыѩ бцѧ».

[6]) Тоже въ *Остр. Ев. 1057:* поклонение чьстноум(оу) дрѣв(оу). Теперь это празднуется на другой день, 1 августа.

14 — .ті. с. спщ̃омч̃ка Маркела епп̃а. и навечерие оусьпению ст̃ыѩ бц̃ꙙ (мар. н̃г.).

15 — .д̃і. Оусьпение прст̃ыѩ вл̃дцꙙ нашеѩ бц̃ꙙ (септ. ѕ̃).

18 — .ѕ̃і. ст̃ѹю мч̃коу Флора и Лавра (окт. к̃д.).

20 — .п̃. с. ап̃ла Тадеа [1]) и пр̃ка Самоилѣ (септ. д̃.).

22 — .к̃б. ст̃ Агатоника (слѹб. в̃. по пас.).

24 — .к̃г. с. о. н. Калиника [2]) (септ. в̃).

25 — .к̃д. с. ап̃ла Тіта епа оучени велика ап̃ла Павла и ст̃ѹю оцю нашею архієпоу Ц̃риграда Епифана и Минъи [3]). (септ. д̃і.).

26 — .к̃е. ст̃а мч̃ка Адриана и иже сь нимь к̃в. и женъи его Наталиѩ (слѹб. в̃. по пас.).

29 — .к̃з. Оусѣкновение ст̃ааго Иоана прдч̃ꙙ и крст̃лѣ. Въ т жде де̃ па ст̃мъ іже на Строумици. Тимотеоу. Теодороу Евсевию и дроужинѣ их и ст̃ѣ Өеодорѣ Солоуньнѣиньни [4]) (Марк. VI: 11—30).

30 — .л̃. с. св̃щ̃омч̃ка Филонда [5]) (септ. б.).

31 — .л̃а. Вьложение поѣса ч̃стнааго прст̃ыѩ бц̃ꙙ. лежащааго въ ст̃ѣ крабии въ Халкопратіихъ (нед. д̃і. нов. лѣт. отъ Лук.).

Разсмотрѣвъ внимательно календарь Ватиканскаго глаголич. евангелія, нельзя, кажется не придти къ заключенію:

1) что въ немъ не мало ошибокъ, изъ которыхъ между прочимъ нѣкоторыя явились въ слѣдствіе сокращенія болѣе подробнаго календаря; а другія въ слѣдствіе неправильнаго чтенія Ки-

[1]) Такъ и въ *Остр. Ев. 1857*, *Мст. Ев.* до 1117, Ев. 1144, Минеѣ XII в., Обиходѣ XIII в. и пр. Теперь память ап. Өаддея чтится на другой день, 21-го августа.

[2]) Такъ и въ *Остр. Ев. 1857*; въ другихъ древнихъ и новыхъ — днемъ раньше, 23 августа.

[3]) Такъ и въ *Греч. Прол. Вас. Макед.* и друг. Въ Рус. памятникахъ поминается только св. Мина.

[4]) Ни въ одномъ изъ мнѣ извѣстныхъ Слав. памятниковъ этой памяти нѣтъ. Въ Москопольскомъ изданіи 1741 г. есть служба с. мученикамъ пострадавшимъ въ Тиверіополѣ, на Струмницѣ.

[5]) Читай Филонида: св. Филонидъ былъ епископомъ въ Кипрѣ: см. пат. Мартынова Annus eccles. 218.

рилловскаго или Греческаго подлинника: таково на пр. слово «Распа» вм. «Карпа»;

2) что въ немъ есть и дополненія, сравнительно новыя, между прочимъ и Славянскія, но сдѣланныя случайно;

3) что въ числѣ источниковъ, бывшихъ подъ рукою составителя былъ и Русскій, изъ котораго взято, если не что другое, то по крайней мѣрѣ память объ освященіи церкви св. Георгія въ Кіевѣ, 26 ноября.

Вышеозначенное пропущенное въ печатномъ изданіи мѣсто сообщается по подлиннику строка въ строку и буква въ букву:

126 об. Мца ноѧ.[б] а̄ стоую чюдотвор
цю безмездникоу Козмы
и Дамиана ·:· ал[ѣ]е: се колѣ до[б]: и колѣ красно: —
Еваћ ѿ ма[ѳ] гла[в] нӡ
[1]) Въ оно[в] Призъвавъ Исъ оба
на десѧте оученика своѣ
Дастъ имъ власть на
дсѣхъ нечистыихъ да и
згонѧтъ ѭ, И цѣлѧтъ вьсѣ
кь недѫгъ. и вьсѣкѫ ѭзѫ въ
людехъ. Сіѣ оба на десѧте по
сълалъ заповѣдавъ имъ
глѧ. На пѫть ѩзкъ не идѣте. И
въ градъ Самарѣнъ не вънидѣ
те. Идѣте же паче кь овцамъ по
гыбъшимъ домоу Изява. Хо
дѧште же Проповѣдаите глюще.
Ѣко приближисѧ црство нбсное.
Болѧщаѩ цѣлите. Мрътвыѩ
въскрѣшаите. Прокаженыѩ о
чиштаите. Бѣсы изгони

---

[1]) Въ боковыхъ кружкахъ буквы Ꙋ нарисованы два лика, а при нихъ уставомъ: КОСМАС КЕ ДАМІА[н].

те. Тоуне пришсте тоуне
дадите ⁘

М҃ца нояб б. сҭаго Акундина и дроу
жины его. еваl ѿ иоаⁿ ⁘ Си заповѣ
даж ⁘ коⁿ приноси боу҃. ищи. а҃ еже на мжᵏ Ха ⁘

127 М҃ца нояб е҃. сҭаага Павла исповѣдника ⁘
еваl ѿ Иоⁿ глаᵛ б҃з. Реч т҃ь азъ есмъ двер ⁘
коⁿ. и єдинъ пастьир ⁘ ищи септ б б҃ ⁘

XVI.

Календарныя приписки кириллицей въ глаголическихъ рукописяхъ.

Въ Ватиканскомъ евангеліи къ календарнымъ показаніямъ «мѣсяцесловесника» приписаны въ разныхъ мѣстахъ на поляхъ нѣсколько дополнительныхъ показаній кириллицей: почеркъ всѣхъ этихъ приписокъ одинъ и тотъ же и, какъ кажется, долженъ быть отнесенъ къ XIII вѣку. Представляю здѣсь эти приписки съ нѣкоторыми объяснительными замѣчаніями — между прочимъ и потому что въ печатномъ изданіи Ватиканскаго евангелія приписки эти сообщены не всѣ и нѣкоторыя важныя оставлены безъ объясненій. Просматривая эти приписки, читатель замѣтитъ, что первые семь мѣсяцевъ, съ сентября до марта, означены Славянскими именами, а остальные, съ мая до августа, Греко-Латинскими: въ другихъ древнихъ памятникахъ обыкновенно стоятъ Греко-Латинскія и Славянскія названія мѣсяцевъ вмѣстѣ, Славянское въ слѣдъ за Греко-Латинскимъ. Изъ приведенныхъ Славянскихъ названій мѣсяцевъ болѣе другихъ отличается отъ обыкновенныхъ названіе октября: «листогонъ» вмѣсто обыкновеннаго «листопадъ». При названіяхъ мѣсяцевъ показано число дней каждаго и количество часовъ дня и ночи въ каждомъ — такъ же какъ и въ другихъ памятникахъ. Означены кромѣ того *злые дни* въ каждомъ мѣсяцѣ — такъ же какъ

и въ приложенія къ Колядинку, Громнику и другимъ, подобнымъ книгамъ, именно:

сентябрь	2, 21.
октябрь	8, 20.
ноябрь	8, 21.
декабрь	2, 21.
январь	2, 26.
февраль	6, 24.
мартъ	(3, 26).
апрѣль	(3, 20).
май	7, 21.
іюнь	7, 20.
іюль	5, 20.
августъ.	5, 28.

Вмѣстѣ съ приписками, находящимися въ Ватиканскомъ евангеліи сообщаю выписку и изъ Кирилловскаго добавленія къ Зографскому глаголическому четвероевангелію, въ которомъ помѣщенъ календарь, къ сожалѣнію не вполнѣ сохранившійся. Это добавленіе не многимъ новѣе приписокъ Ватиканскаго евангелія, и столько же любопытно. Къ нѣкоторымъ показаніямъ и здѣсь я прибавляю свои замѣтки.

1.

Изъ Ватиканскаго евангелія.

Сент. 1. л. 112. об. на полѣ съ лѣва.

Рѹенъ: им|атъ: ї҃: дн|еи: де҃н:| има҃: годин[ъ]|: ві҃: а но[щ]: ві҃| ден[ъ]: ег[о]: з[о]лъ: г҃| инъ: ка҃.

— *6.* л. 115. между столбцами:

арханг[ла] | Михаила *).

*) Разумѣется праздникъ чуда архистратига Михаила въ Хонѣхъ, обозначенный на 6-е сент. и въ древнѣйшихъ календаряхъ Греческихъ и Славянскихъ, и пропущенный въ глагол. текстѣ, можетъ быть, въ слѣдствіе смѣшенія 6-е сент. съ 7 сент. судя по сближенію памяти св. Евдокія и св. Харитины (Харитоны), означенной подъ 7-е сент. въ Остромир. Евангеліи, и передѣланной тутъ въ св. Харитона, если только св. Харитина явилась не опиской вмѣсто св. Христины.

Окт. 1. л. 121. об. подъ страницею:
Листого: има дне: л: а: де: има: годи: аі: а но: гі: де: | золъ: и: инъ: к:
Нояб. 1. л. 126. подъ страницею:
Грѹде: има: дне: л: де: има: годи: г: а но: ді: д: з°л х [1]): инъ: ка.
— л. 126. об. надъ глагол. буквою ♈: козмас ке дамиа.
— *9.* л. 127. об. въ низу страницы:
мца ноѧ[6]: днь: стѫ | Параскевгиѫ. Паткѫ [2]).
Дек. 1. л. 128. об.
Стоуде: имат: л: а: де: има: годи: ѳ: а но: еі: де: з°лъ: в: инъ: | к: а:
Янв. 1. л. 137. подъ страницей:
Просинецъ: има: дне: ла: има: годи: г: а но: ді: де: з.лъ: | в: инъ: к: ѕ.
Февр. 1. л. 142. об. подъ страницею:
Сѣченъ имать днеи: кн: днъ имать го|динъ аі: а ноць: гі: днь золь: ѕ: и(нъ) (к)д:
Март. 1. л. 144. об. на полѣ съ лѣва:
Сѹхъ: има дне: ла: де | има: час: ві: а нощ: ві [3]).
Апр. 1. [4]).
Май 1. л. 147. подъ страницею:
Ма [5]): има: дне: л: а: де: сг° золъ: з: инъ: ка.
— *13.* л. 147. об. надъ страницей:
мца маѣ: гі: стаго Алексдра.

---

[1]) х = т. е. 8.

[2]) Почему именно отнесено здѣсь празднованіе памяти св. Параскевіи къ 9 ноября не знаю; о Паткѣ см. ниже подъ 25 іюля.

[3]) Слѣдовало бы быть еще: — день: золь: г: инъ кѕ:

[4]) Относительно этого мѣсяца нѣтъ ни частныхъ отмѣтокъ ни даже общей съ означеніемъ Славянскаго названія, часовъ дня и ночи и дней несчастныхъ. Слѣдовало быть:

Брѣзокъ = Брѣзозолъ имать дне л: днъ имать годинъ гі: а нощь аі: день золь: г: инъ: к.

[5]) При мѣсяцахъ маѣ, іюнѣ, іюлѣ, августѣ нѣтъ Слав. названій, а есть только Грекоримскія.

*

Май 20. л. 147. об. на полѣ съ лѣва:
мца: маѣ: к: стго Миколѫ [1]):
Іюн. 1. л. 147. подъ страницею:
іюн. (и)ма: дне: л: де: има: ча: еі: а но: ѳ: де:
сг° золъ: з: инъ: к.
— *1.* л. 147. на полѣ съ лѣва:
мца | іюнѣ | а: днѣ | стго | оц | Разъма [2]).
— *17.* л. 148 об. надъ страницей:
мцъ іюн. ꙁі: . . Исавра [3]).
Іюл. 1. л. 151: подъ страницей:
іюі: има: дне: л: а: де: има: ча: ді: а но: г:
де: его золъ; е: инъ: к.
— *7.* л. 151. об: на полѣ съ лѣва:
мцѣ: іюі: | ꙁ: де: стѫ нєлѧ [4]):
— *17.* л. 151. об: на полѣ съ лѣва:
мцѣ: іюі | зі: мѫчцѧ: | Маре х [5]).
— *20.* л. 151. об. подъ страницей:
мцѣ: іюі: к: е: па: сѫ: мѫчц Пѧткѫ [6]).
Авг. 1. л. 152. на полѣ съ лѣва:
авгꙋ: има | ла: де: има | час: гі: а но | аі: де:
зо|лъ: е: инъ: к: н:

---

[1]) Въ Париж. рукоп. Еванг. чтеній, Серб. письма XIII в. найдена замѣтка о праздновапіи памяти св. Николая въ этотъ день, и тамъ этотъ день названъ днемъ рожденія святителя.

[2]) Вѣроятно: Еразма, память котораго праздновалась прежде 2 мая, какъ видно изъ Миней XII в.

[3]) Св. Исавръ помянутъ въ Рим. мартирологіи подъ 17 іюня вмѣстѣ съ Иннокентіемъ, Филиксомъ, Ермісмъ, Василіемъ и Перегриномъ, которые всѣ потерпѣли мученическую смерть въ Аполлоніадѣ Македонской въ царствованіе Нумеріана. Въ Минологіи Василія Макед. и въ нашихъ мѣсяцесловахъ память ихъ отнесена къ 6 іюля (а не іюня, какъ означено въ мѣсяцесловѣ прот. Д. Вершинскаго).

[4]) Имя Недѣли получила здѣсь св. Киріакія, которой память издревле празднуется 7-го іюля. Такъ и тѣхъ, которые носятъ имя Киріака, Сербы и Болгары называютъ Недѣлко.

[5]) т. е. св. Марины.

[6]) Имя Паткы, т. е. Пятницы дано св. Параскевіи поминаемой, въ этотъ день, 25 іюля, какъ это и до сихъ поръ въ обычаѣ у Сербовъ и Болгаръ.

мѣсаца) мар҃.

9 — .з҃. стыхъ. к҃. мкъ (Мав. XX: 1—16).
22 — .пб҃. стаго оца и. Томъи архєпа Црѣграда (септ. в҃.).
24 — .пг҃. Навечеᴦ благовѣщениѣ (Лук. I: 49—49, 56).
25 — .пд҃. Благовѣщение стѣи бці Марии (Лук. I: 24—38).

(мѣсаца) апри҃.

6 — .с҃. сс. мм. .рп҃. иже въ Персѣхъ. и па҃ с. о. н. Евтуха архєпа Цригра҃ и па҃ оусьпениѣ прнаго о. н. Меѳодіа архєпа вышнѧѧ Моравъи бра҃ прго Курила философа [1]) (септ. б.).
11 — .аі҃. стаᴦ Антима [2]) (септ. б.).
22 — .пб҃. праго Ѳеодора Сикиота (пол. пв҃.).
23 — .пв҃. стаго великаго мка Ђеорђиа (сѫб. в҃. по пастѣ).
25 — .пд҃. с. апла евђлиста Марка (дек. гб҃.).
26 — .пе҃. свщпомка Василіа єпа Амасиска (апр. пв҃.).
30 — .ђ҃. апла Иакова (дек. гб҃.).

(мѣсаца) маи҃.

1 — .а҃. стаго прка Иеремиѧ (июнѣ. из҃.).
2 — .б҃. с. Аѳанасиа єпа (окт. а҃.).
8 — .ѕ҃. с. апла бословца евђлиста Иоана (Іо. XIX: 25—27, XXI: 24—25).
9 — .з҃. стаго прка Исаиѧ и мка Хрстофора (авг. а҃.).
11 — .аі҃. с. мка Мокиа (а҃. па мѫжѫ).
12 — .бі҃. с. о. н. Епифаниа [3]) (септ. б.).
14 — .гі҃. с. Пахомиа [4]). И Сидора (сѫб. в҃. поста).
15 — .дї. с. о. н. стлѣ Ахиліа (септ. б.).

---

[1]) Въ Типограф. четвероеванг. XII в. означено такъ: памѧт оц҃а Меѳодїа а҆рхїеп҃па Морав҆ска. Въ Минеяхъ XII в. оба брата означены вмѣстѣ: ст҃ма оучителема Словѣньскоу ѩзыкоу Курила философа и блаженаго Меѳодиѭ.

[2]) Читай Антипа. Въ древ. Рус. памятникахъ постоянно Антипы, равно и въ Греческихъ.

[3]) Въ древ. Рус. памятникахъ чаще названъ Епифаномъ.

[4]) Подъ 14 мая память св. Пахомія означена только въ *Остр. Ев.* 1057 г. (ст҃моу Пахомоу); въ другихъ подъ 15 мая, какъ и въ Лавр. лѣтописи подъ 6719 г.

21 — .ка. ст҃ꙋмоу и вели҃моу благовѣрно҃ Константиноу ц҃рю и мтре его Еленъи (пѧт. ѕ҃. нед. по пасцѣ).

23 — .кв. с. Сумеона бъившаго на Дивнѣи горѣ [1]) (сент. д҃і.).

м҃ца ию҃.

2 — .б. с. Никифора патриарха Ц҃рѣ(гра)да. и с. Еразма е҃па (сент. б.).

4 — с. о. н. Митрофана архп҃а Црѣграда (апр. е҃.).

8 — .ѕ҃. с. м. Никандра. Маркиана [2]) и с. м. Ѳеодора воина на встоцѣ (сѫб. в҃. по пасцѣ).

11 — .а҃і. стоую ап҃лоу Вароѳоломеа и Варнавъи и ст҃аго о. н. поустъинника Оноѳрна [3]) (дек. б.).

14 — .г҃і. пр҃рка Елисеа. (Лук. IV: 22—32).

15 — .д҃і. сс. мм. Вита и Модеста нѣстоуна его [4]) и Кр҃станица бабъи его [5]) (сѫб. в҃. по пас.).

19 — .з҃і. с. ап҃ла Тадѣа [6]) (окт. ѕ҃і.).

24 — .к҃г. Рождьство с. Иоа҃ пр҃чѧ крс҃ (Лук. I: 1—25, 57—68, 76, 80).

27 — .к҃ж. с. о. н. Курила архп҃а Александрьска [7]) (сѫб. а҃і. нов. лѣта. Лоук.).

28 — .к҃ѕ. обрѣтение мощии Кура Иоана (полб. а҃).

29 — .к҃з. ст҃ую връховноую ап҃лоу Петра и Павла (Маѳ. XVI: 13—19).

---

[1]) Св. Симеонъ столпникъ Дивногорскій означенъ здѣсь подъ 23, а не подъ 24 мая, можетъ быть, по простой опискѣ писца, дѣлавшаго выписки изъ болѣе подробнаго синаксаря.

[2]) Память мм. Никандра и Маркіана означена въ древ. Рус. памятникахъ и чтится доселѣ 5 іюня. Не по ошибкѣ ли и здѣсь соединены подъ 8 іюня Никандръ и Маркіанъ вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ Стратилатомъ.

[3]) Св. Онуфрій великій поминается, не 11 мая, а 12 мая; писецъ, вѣроятно, смѣшалъ и эти два дня, сокращая синаксарь, съ котораго списывалъ.

[4]) Такъ и въ *Остр. Ев.* 1057.

[5]) «Крьстѧница» помянута въ Минеяхъ XI и XII в.: это — св. Крискентія (Crescentia).

[6]) Въ древе. Русс. памятникахъ апостолъ Ѳаддей или Леввей постоянно означенъ именемъ Іюды, какъ и въ Греческихъ.

[7]) Тоже въ *Типограф. Четвероевангеліи* XII в., въ Обиходѣ XIII в. Въ другихъ древ. памятникахъ, какъ и теперь, подъ 9 іюня.

пё прѣ̑ въ звиженпемъ ѿ Iѡ. гл. к҃д.
рс̑ гь никтоже възл: коц иж спсж миръ.
14. д҃і въздвїженїе чт̑иго и животворащаго крта.. .
(пропускаю 13 строкъ).
15. е҃і с҃то мчи҃ка. Никӱты,
16. г҃і с҃тыя мчи҃цѧ. Ефїмиѧ.
17. з҃і с҃тхъ мчи҃цъ Вѣры и Надеждж ї Любве. мрс їхъ. Софїѧ.
18. и҃і свщ҃ном'и҃ка. Еуменїи.
19. ѳ҃і с҃то м҃ика Трофїма. ї дроужины е҃г.
20. к҃ с҃то м҃ика Евстафиѫ. иже с нимъ.
21. к҃а с҃то ап҃ла Кондрата... с҃таго пр҃рка Иѡны [1]).
22. к҃в с҃то свщ҃ном҃ика Фокы.
23. к҃г за҃тие Iѡ. кр҃тителѣ.
24. к҃д с҃тыѧ првомУчицѧ Ѳеклы.
25. к҃е прѣпо̑обнаѧ Ефросиниѧ.
26. к҃г прѣставлеине с҃то Iѡ. бо҃словъца.
27. к҃в с҃то м҃ика Калистрата иже с нїмъ.
28. к҃и прѣпо̑бнаго ѡ Кӱриѧка [2]).
30. л҃ свщ҃но Гл̈їгоріа Ирменс҃го.

Октябрь. м҃цъ ѡхтѧбрѣ рек҃мы л҃и

стопадъ. има д҃пе. л҃а. д҃нь їма
ча аі. а нощ. г҃і.
1. а҃ с҃то Ананиӥ ап҃ла....
в҃ свщ҃номч҃па. Кӱприана. ї Оустины.
4. д҃ с҃то Ероѳеа....
5. е҃ с҃тыѧ. м҃ницѧ Харитины.
6. ѕ҃ с҃то ап҃ла Ѳомы.
7. з҃ с҃тхъ м҃къ Сергӱа и Ваха [3]).

---

[1]) Память прор. Іоны празднуется теперь 22 сент.: такъ означено въ Минологіи Василія Макед. и въ нашихъ древ. памятникахъ. Есть впрочемъ памятники, гдѣ она отнесена и къ 21 сент. Annus Graeco-Slavicus. 220.

[2]) Вѣроятно, по ошибкѣ вмѣсто 29-го сент. Память 28 дня пропущена 29-й день названъ 28.

[3]) т. е. Вакха.

8. и҃ стыѧ Пелагүя.
9. ѳ҃ стго Йакова Алоеѡ҃ва.
10. і҃ стх мк. Евлампиѩ (недописано).
11. аі стго апла Філипа діакона единогᵒ ѿ. з҃ . . .
12. ві стх мчк Прова Тарха Андроника . . .
13. гі стх мчкъ. Карпа и Папила . . .
14. ді стх мчк. Назариѩ. Гервасиѩ. Протасиꙑ. и Келсиа . . .
15. еі стго мчка Лоукүана презвитера.
16. ѕі . . . . . . стго мчка Лѹгүна [1]) сотниᵏ.
17. зі пе҃ всѣˣ стх. стго пррка Ѡсиїа.
18. иі стго апла и҃ еѵ҃улїста Лоуᵏ. . .
19. ѳі стго пррка Іѡилѣ. Въ тъᵏ дн прѣпобнаго ѡца нашго. Іѡ҃ Рылскаᵍᵒ [2]).
20. к҃ . . . . великаго мчка Артемиѩ.
21. ка прѣподобнаго ѡца наше Іларіѡна.
22. кв стго Аверкиꙑ епиа Іерапольска.
23. кг. стго апла Иꙗкова брата гнѣ.
24. кд стго м Ареоѳы и дроужины егᵒ.
25. ке стхъ нотаръ Маркиана и Мартириа.
26. кѕ Великаго трж. Въ тъ же днъ славнго веˡкаго м Димідриꙗ.
27. кз стго м. еѡстора [3]).
28. кп стго м Терентиꙗ Неѡнілы. і чаˢ еж.
29. кѳ . . . . прѣпобнаго ѡца Аврамїа. и мчцѧ. Анастасиѧ Римлѣниня.
30. л҃ стх мч Зіновїꙑ и Зиновиѧ.
31. ла стго мка Ипимаха [4]) и стхъ Стахиа ⁘ Амниа [5]) Ѹрбана и дрѹжины иˣ.

---

[1]) т. е. Лонгина: въ Остр. Ев. написано Лѧгина.

[2]) Память Іоанна Рыльскаго, кромѣ другихъ болѣе позднихъ памятниковъ, означена подъ 19 ноября въ Болгар. Евангеліи 1272 г. Annus ecclesiasticus Graecoslavicus, стр. 250—251.

[3]) Чит. Нестора: память его назначена въ древ. памятникахъ 27 окт. какъ празднуется и теперь, хотя въ другихъ, между прочимъ и въ Минологіи Василія Македонскаго стоитъ подъ 26 окт., а въ нѣкоторыхъ даже и подъ 25-мъ.

[4]) т. е. Епимаха, котораго память праздновалась и 30 окт., какъ видно изъ Минологія Василія Макед. и 31 окт. какъ видно изъ Прологовъ.

[5]) т. е. Амплія.

Ноябрь. ⁜ мць ноѧбръ р҃ком грѹде҃.
їма҃ днеї л. дн҃ь има҃ ча҃ г. а нощь. д҃і.

1. а҃ ст҃ою безмездникѹ Козмъ и Дамиана. Осѡдотїиноу сп҃оу . . .
2. в҃ сты҃. м҃к. Акѵндїна. ї Пигасиа. і Анебодиста [1]) ї Єлипидифора и Аффониѧ.
3. г҃ ст҃ъ. м҃к. Акенсима. Иѡсїфа. и Аноа҃ [2]).
4. д҃ . . . . приюдобнаго ѡт҃ца Иѡ(а)никиѧ . . .
5. е҃ ст҃х м҃нкъ. Галактиѡна. ї Епистимїѧ [3]).
6. ѕ҃ . . . . ст҃го Паула исповѣдн҃.
7. з҃ сты҃ м҃к Їрона [4]) и сже с нимь . . .
8. и҃ съборъ архистратига Михаила.
9. о ст҃х. Иѡнисифора [5]) и Порфирия ⁘
10. ї прп҃бнаго Нила, и м҃ Ѡреста [6]).
11. аї ст҃ы҃. м҃к. Минъ. Виктора ї Викенти
12. вї . . . . ст҃го ѡт҃ца нашего
Іѡ м҃лтиваго . . .
13. гї ст҃го Іѡ Златооустаго . . .
14. дї . . . . ст҃го ап҃ла Фїлипа.
15. еї. . . . ст҃х исповѣдникъ Гоурия Самона и Авива...
16. гї ст҃го ап҃ла и еван҃листа Матоеа.
17. зї ст҃го Глигориа. чю҃творца.
18. иї ст҃го Платона и Романа . . .
19. оі ст҃го пр҃рка Авдиива [7]).
20. к҃ ст҃го Глигориа Декаполита.
21. ка҃ въхо҃ въ ч҃ркв· бп҃ м҃ре сѫщи. г҃. ле҃ ѿ рождьства ея҃ [8]).

---

[1]) т. е. Анемподиста.

[2]) т. е. Аноалы діакона.

[3]) т. е. Епистимы.

[4]) т. е. Іерона.

[5]) т. е. Онисифора.

[6]) Память Нила = О. Нила означена подъ 10 окт. въ нѣсколькихъ древ. памятникахъ, между прочимъ въ Ев. 1144 годъ и 1272. Подъ 10-мъ же окт. поставлена была прежде, какъ указываютъ многіе памятники, и память св. Ореста, празднуемая теперь 11-го октября.

[7]) т. е. Авдіа.

[8]) Въ нѣкоторыхъ древн. памятникахъ стоитъ не въходъ, а вънесеніе или въведеніе; впрочемъ въ иныхъ есть и въходъ, напр. въ Еванг. по 1119, Ев. 1164, въ Обиходѣ до 1300 г. и др.

22. к҃в ст҃ыѧ м҃цѧ. Кикилїѧ.
23. к҃г. ст҃го ѡ҃ца Емфилогна [1]) и Сисиина.
24. к҃д ст҃го Григорїа Граганитъскаго [2]).
25. к҃е ст҃го Климента папы Римскаго и Петра. Алексѧдръскаго.
26. к҃г прѣподобнаго ѡ҃ца наше҃г҃о (О)лїпиꙗ [3]).
27. к҃з ст҃го Ӥѡкова Персѣнина.
28. к҃и ст҃го м҃ника Стефана новаго.
29. к҃ѳ ст҃го м҃ Парам҃о҃на. и їже с нимъ.
30. л҃ ст҃го ап҃ла Андреа.

Декабрь. ※ м҃ц д҃е҃кѧбрь рек҃о҃мы ст҃ꙋ҃де ⁘

※ д҃ни. л҃а. д҃и има҃ ча҃ о и нощ. е҃ı ∵

1. а҃ ст҃го пр҃рка Наꙋма.
2. в҃ ст҃го пр҃орка Амбакꙋма [4]).
3. г҃ ст҃го пр҃рка. Софониꙗ.
4. д҃ ст҃я м҃ниц҃ѧ Варьвары.
5. е҃ . . . . прѣподобнаго ѡ҃ца наше҃г҃ѡ Савы
6. ѕ҃ прѣподобнаго и великаго. ст҃лѣ и чю҃д҃твор҃и Николы.
7. з҃ прѣпо҃д҃бнаго ѡ҃ца. Абросиꙗ [5])
8. и҃ преподобнаго ѡ҃ца Патапиа.
9. ѳ҃ Зачѧтие Анны....
10. г҃ ст҃го м҃к. Минъı Ермогена и Евграфа.
11. а҃ı прѣпо҃д҃бнаго Данила с . . . ника.
12. в҃ı прѣпо҃д҃бнаго ѡ Спиридона [6]).

---

[1]) т. е. Амфилохія.

[2]) т. е. Григорія Акрагантинскаго (Агригентскаго), или, какъ въ нашихъ древн. памятникахъ, Акрагантскаго, память котораго празднуется теперь не 24-го ноября, какъ было прежде, а 23.

[3]) т. е. Алипія (по нашимъ древ. памятникахъ Алоупию, Алоумпию, Алумпию, Алимпию).

[4]) т. е. Аввакума, называемаго въ древн. памятникамъ постоянно Амбакумомъ или Абакумомъ.

[5]) т. е. Амвросія (въ древн. памятникахъ: Амбросию, Амъбросию, Амъвросию и т. п.

[6]) т. е. Спиридона: ѡ вм. ὁ ἅγιος.

13. г҃і ст҃го м Ев҃ратиѧ[1]) і Аѵк҃стиа Ѥвгениіиѧ Мардаріа и Ореста.
14. д҃і ст҃х м҃ Фирса. Левкиа. Ап҃лона. чьтцѧ Филимона свирѣлника. Іже с нимъ.
15. е҃і ст҃го свщ҃ном҃ Елевтериѧ[2]).
16. г҃і ст҃го прр҃ка. Еггеа[3]).
17. з҃і ст҃х. г҃. и отр҃къ. і Даніла прр҃ка.
18. п҃с ст҃х. м҃к. Севастиана и дрꙋжины его.
19. ѳ҃і ст҃го м҃ка Вонифантіѧ.
20. к҃ свщ҃ном҃ка Игнаніѧ. бгоносца.
21. к҃а ст҃ыѧ м҃нцѧ Ꙋлиѧніѧ[4]).
22. к҃в ст҃ыѧ м҃нцѧ Анастасіѧ.
23. к҃г ст҃х. м҃. і҃. Іже въ Крітѣ.
24. к҃д ст҃ыя м҃нц҃ѧ. Евгениѧ.
25. к҃е ро҃ство. г҃а нашего Іс Ха.
26. к҃г съборъ. ст҃ыѧ Бц҃ѧ.
27. к҃з ст҃го пр҃вом҃ка Стефана.
28. к҃и ст҃х. мч҃нкь двою тьмꙋ
29. к҃ѳ ст҃хь млађнецъ. избиеныі за Ха[5]). ѿ Иро҃ их же число д҃і тысѧщь.
30. л҃ . . . . ст҃ы м҃цѧ Аниснѧ.
31. л҃а . . . . прѣп҃добныѧ М҃лания.

Януарь. мц҃ г҃нар҃ рек҃мы пр҃сиц ∵

им҃а днеи л҃а днь им҃а ч҃а г҃ а нощь д҃і.

1. а обрѣзаніе г҃а наш҃г҃ Іс Х҃а. и ст҃го оц҃а Вас и(лиѣ) въ тъже днь ст҃го Сплівестра. папы Римскаго[6]). Лоу҃.
3. г҃ сѫ҃. г҃. прѣдъ праздником. просвѣщениа. ѿ Лоу҃. д҃. пе҃. въ ть же днь м҃ка Гордиѧ.

---

1) т. е. мч. Евстратія.

2) т. е. Елевѳерія.

3) т. е. Аггеа.

4) т. е. Іуліаніи, по древн. памятникамъ нашимъ: Иоулиѧны, Оулиѧнии, Оульѧньѧ.

5) За Ха = Христа ради. Ев. послѣ 1119, 1144 и др.

6) И въ Греч. и въ Слав. памятникахъ память Сильвестра означена подъ 2 дек. Тутъ случился, вѣроятно, пропускъ по опискѣ писца, списывавшаго съ такого мѣсячника, въ которомъ память св. Василія означена была два раза подъ 1-мъ и подъ 2-мъ янв.

4. д̃ сж̃б г̃ по па̃ пре̃ праздн^с тво просвѣще^н ѿ свѣ̃. пис̃. въ тъ^ж дн̃ь. пр̃рка Малахи^я.
5. е̃ стх̃ м̃ник. Θеѡпента [1]). ї Θеѡ̃пы. прѣп^о добнаго и̂ началнаго поустынны̂ Павла Θиве́искаго.
6. ѕ̃ Бо̃явленіе велика^г Ба̃ сп̃а нашего Іс Ха.
7. з̃ съборь ст̃го Іѡ̃. кр̃і. Иѡ^н гл^н. во^н. ви̃ в Іѡ^н. ко^н. ьако съ естъ сп̃ь бп̃. сж^б по просвѣщеніі Мо. г^нл ен во^н вз□день бы̂ Г̃с ко^н слбжахж не̂ по просвѣщенії М^с. гла^н пі̃. во^н слышав. ко^н. цр̃ство нбс̃ное.
8. по празницѣ просвѣщ^е.

На этомъ рукопись оканчивается.

---

[1]) т. е. Θеопемпта.

XVII.

Остальныя приписки кириллицей въ Ватиканскомъ евангеліи.

Только на нѣкоторыя изъ нихъ обращено было вниманіе Копитаромъ (Hesychii glos. discipulus: стр. 43 — 44) и Рачкимъ ([illegible]: VIII—IX, CVI—CVIII); а потому и не мѣшаетъ привести ихъ здѣсь всѣ.

л. 1. въ низу 2-го столбца:

† р искони бе сл҃во
и сл҃во бе ѿ б҃а

л. 3. въ текстѣ евангелія по подчищенному:

и сътѧзаѫщема
сѧ іма и се сам:
Хсъ приближисѧ
идеаше с нимъ
очи же оу дръж
астесѧ да и не
познаете. Рече
же къ німа. что
сѫтъ словеса си
о нихъ же сътѧза
стасѧ кь себѣ и
дѫша.
Она же рѣсте
емоу. ѣже о Іс҃ѣ
Назарен. иже бы

мѫжь прр҃о сле
нъ дѣломъ и сло-
вомъ. предъ Бм҃ъ
и всѣми лоудьми
и како предаша
архиереи и кнѧзи
нашии на осѫжде
ние сьмрьти
распѧша и.

л. 18 об. надъ рисованною буквою ѵ, при чтеніи: «Вънидe Ис҃ъ въ градъ Самаренскь нарицаемыи Соухарь»:

с҃а маріа

л. 25. надъ рисованною буквою ѵ, при чтеніи: «Воⁿ прѣходѧ Ис҃ъ видѣ чк҃а слѣпа:

і҃с х҃с — слепец

л. 35. и слѣд. при чтеніяхъ недѣли а҃ и слѣдующихъ по пятидесятницѣ на поляхъ въ верху и вънизу страницъ:

— на всѧ стѫ: не: а: свѣ: а: а гла: и҃:
— не: в: свѣ҃: в: а гл҃а. а҃.
— не: г҃: с҃вѣ: г: а глаᶜ: в҃:
— не: д҃: свѣ҃: д: а гл҃а: г҃.
— не: є: свѣ҃: є: а глаᶜ. д҃.
— не: ѕ: свѣ҃: ѕ҃: а глаᶜ: є.
— не: ꙁ: свѣ҃: ꙁ: а глаᶜ: ѕ.
— не: и: свѣ҃: и҃: а глаᶜ. ꙁ.
— не: о: свѣ҃: о: а глаᶜ: и҃:
— не: ı: свѣ҃: ı: а глаᶜ. а҃: в рѧдь
— не: аı: свѣ҃: а҃ı: а глаᶜ. в҃:
— не: вı: свѣ҃: (а҃) в: рѧдь сь вⷭ҇ьмь: а глас.
— не: д: і҃: свѣ҃: г: а глаᶜ: є҃: с.
— не: є҃ı. свѣ҃. д. а глаᶜ: ѕ: с
— не: ѕ҃: і҃: свѣ҃ є҃: а глаᶜ. ꙁ:
— не: ꙁ҃ı: свѣ҃: ѕ: а глаᶜ: и:
— не: и҃ı: свѣ: ꙁ҃: г: рѧ҃: глᶜсᵒмь: а глаᶜ: а:
— не: ѳ҃ı: свѣ҃: и: а глаᶜ: в.

— не̑: к҃ свѣ҃: ѳ҃: а гла҃: г҃:
— не̑: к҃а: свѣ҃: і҃: а гла҃: д҃:
— не̑: к҃в: свѣ҃: а҃і: агла҃: є҃:
— не̑: к҃г: свѣ҃: а҃: а гла҃: ѕ҃: свѣмь: г҃. р҃а.
— не̑: к҃д: свѣ҃: в҃: а гла҃: з҃.
— не̑: к҃е: свѣ҃: г҃: а гла҃: и҃:
— не̑: к҃ѕ: свѣ҃: д҃: а гла҃: а҃: д҃: р҃а: гла҃мь:
— не̑: к҃з: свѣ҃: е҃: а гла҃: в
— не̑: к҃и: свѣ҃ . . . . огла҃: г: с
— не̑: к҃ѳ: свѣ҃: з҃: а гла҃: а
— не̑: л҃: свѣ҃: и҃: а гла҃: с.
— не̑: л҃а: свѣ҃: ѳ҃. а гла҃: ѕ҃:
— не̑: л҃: в҃: свѣ҃: і҃: а гла҃: з҃:
— не̑: л҃г: свѣ҃: а҃і: а гла҃: и
— не̑: л҃д: свѣ҃а҃: а гла҃: а҃: зде начинаетсѧ: свѣмь: д҃: р҃а... гласовомъ начинаетсѧ: е҃: р҃а:
— не̑: л҃е: свѣ҃: в҃: а гла҃: в҃: с.
— не̑: л҃ѕ: свѣ҃: г҃: гла҃: г҃:
— не̑. л҃з: свѣ҃: д҃: гла҃: д: до зде кончаваѫтсѧ: апостоли: а по҃тни прѣемать:

л. 39. на полѣ въ верху, надъ чтеніемъ въ субботу 5 недѣли отъ МѲ. гла҃ к҃а: «Въ о҃ прѣходѧ Іс҃ видѣ ч҃ка. сѣдащь на мытьници»:

еѵа҃лие: на евта пападо: е.

л. 39. об. на полѣ съ боку въ доль страницы:

зѣло криви книги из нихже ес.

т. ѱ҃а спи҃ кнїгы ⁘ м. ка. ше ⁘

л. 43 на полѣ съ боку при евангеліи недѣли 10-й отъ Мѳ. гл҃ рне: «Въ оно҃ ч҃къ етеръ приступли къ Исоу. клапѣнасѧ емоу»:

ев҃але на е҃ван҃па до: з҃:

л. 46 об. между столбцами въ доль:

о папасъ Ивани кравоноси писа еванѳгеліе сие.

л. 57. въ низу страницы при чтеніи нед. 7-й Луки: гл, од. «Въ оно҃ ч҃къ етеръ приде къ Ис҃ви именемъ Аиръ:

ева҃л҃е: на еота п҃пад.

л. 75 об. въ низу страницы при чтеніи недѣли 2-й вел. поста:

на в. ай ⁘ до: еа̑ае: д̄:

л. 76 об. на полѣ съ боку при чтеніи 3-й недѣли вел. поста:
нс̑. на срѣдок̑рестие:
азъ п̑пъ Станъ писахъ:—подъ страницею: и крестт...
Средопостие.

л. 79 надъ рисованною буквою ч при чтеніи въ Лазареву субботу:

Гс̄: Х с Лазар.

л. 91 въ низу страницы, при чтеніи 3-го страстнаго евангел.
евангелие г вон.

л. 92 на полѣ при словахъ: чи̑ ношти стаго пьѧтка:
бла̑

л. 93 на полѣ съ боку въ доль страницы:
Ги іу̑ хе спс бжиг помагаи рабоу своѥмоу ⁘

л. 94 между столбцами въ доль:
† вори благослови бъ̄ и сиѧ книгы аминъ †

л. 107 надъ страницей, при чтеніи «въ пѧ̑ вели̑ съвѣтъ сътворишѧ въси архіереи»:

евангели а++ е

л. 108 об. при чтеніи: «И пришедъше на мѣсто нарицаемое голгооа» между столбцами:

За̑л̑.

надъ строкою:

воини,

въ низу страницы:

ева̑гелие з̄

л. 111 надъ страницею при чтеніи въ сѫб. вел. на оутро: «Въ оутрѣ иже есть по параскевѣг̑»:

евагелие ів

л. 119 на полѣ съ боку при чтеніи: «Рече г̄ъ своимъ оученикомъ. Вы есте свѣтъ»:

г̄летъ. ли едина їта. їта бо їматъ единѫ.

л. 126 об. при рисованной буквѣ ч:

козмас ке дами̑

л. 158 въ низу страницы:

азъ попъ Станъ пишѫ

. . . болѣ рѣкѫм. да есѫ прости ѡба
. . . : апостоль ѿ д.
ѿ мене грѣшника.

Кромѣ того въ нѣсколькихъ мѣстахъ при концѣ чтеній написано: коц (= коньць).

Однѣ изъ этихъ приписокъ указываютъ на лицо писавшаго ихъ: азъ попь Стань писахь (76), азь попь Стань пишѫ (158). При второй изъ этихъ приписокъ есть и еще нѣсколько словъ, которыя сами по себѣ не даютъ порядочнаго смысла, и потому г. Рачскій позволилъ себѣ осмыслить ихъ до нѣкоторой степени догадкою, въ которой даетъ мѣсто напоминанію о монастырѣ Дѣвольскомъ:

азъ попь стань пишѫ *монастироу въ*
*де*волѣ рькѫ*моу*. да есѫ ѡба
. . . . . . апостолъ ѿ *девольст* . . . . .
ѿ мене грѣшника

Подобная запись относится къ другому лицу (46): о папасъ (попъ) *Ивани Кравоноси* писа сва*т*гелие се.

Еще болѣе, можетъ быть, была бы любопытна запись отъ имени кажется, Макарія (л. 39), если бы могла быть прочитана вѣрно. Позволяю себѣ предложить догадку для поправки по подлиннику:

Зѣло кривы книгы изъ них же кѫть ѱаны сиѩ книгы. Макарик.

Другія приписки касаются отношенія евангельскихъ чтеній къ службѣ церковной.

Изъ нихъ четыре (л. 39, 43, 57, 75) суть указанія на чтенія при елеосвященіи, совершаемомъ семью священниками (ἑπτα-πάπαδον).

Наконецъ есть нѣсколько подчистокъ въ самомъ текстѣ, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ написано вновь кириллицей. Эти вновь написанныя мѣста свидѣтельствуютъ всего яснѣе, что книга изъ рукъ глаголитовъ перешла въ руки кирилловца и была имъ употребляема.

XVIII.

Сборникъ 1414 года.

Въ приложеніяхъ къ «Письму къ графу А. И. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутараканскомъ (Спб. 1806) находятся: 1) выписка (т. е. снимокъ) изъ рукописной книги, извѣстной «вамъ» (т. е. графу А. И. Мусину-Пушкину) подъ именемъ: Похвала в. к. Владиміру» (IX: 5) 2) «азбука къ ней принадлежащая» (IX: 6) и слѣдующее примѣчаніе (стр. 39—41):

«Сія книга писана черными чернилами на пергаминѣ въ осьмушку полууставомъ разными почерками, одни заглавія и нѣкоторыя начальныя буквы отличены киноварью. Она въ себѣ содержитъ:

1. Похвалу в. к. Владиміру.
2. Тоже в. к. Ольгѣ.
3. Молитву князя Владиміра.
4. Слово о второмъ законѣ Моисеевомъ.
5. Пророчество.
6. Два стиха гласъ 8.
7. Тропари.
8. Канонъ с. Кирику и Улитѣ.
9. Житіе блаженаго Володимера.
10. Мученіе с. Кирика и Улиты.

На послѣднемъ листѣ означенной книги на оборотѣ написано слѣдующее:

. . . . . , Влѣ. г҃ц҃ кв. написана бы | книга си. къ с҃тѣи володимирѣ црк҃ви блѣнисмъ клцѣ ӑтона повелѣние | ць сидора кюприанова — матфѣа кусова . . . .

Въ сихъ словахъ у второй числительной буквы, долженствующей представлять литеру ѱ или 700, но которая имѣетъ совершенное сходство съ буквою ц, нѣсколько по чищенному писано; а именно первый изъ трехъ ея зубцовъ съ правой стороны. Титло же, означающее ее какъ числительную букву, поставлено надъ первыми двумя зубцами къ лѣвой стороны, слѣдственно если приписанный зубецъ отнять, то выдетъ буква ц или 900. Каковыхъ такимъ почеркомъ писанныхъ литеръ много въ той рукописи находится; и такъ вмѣсто 6722 (1214) выдетъ 6922 (1414), сверхъ того слова *Володимеру*, *Антона*, по чищенному писаны; также послѣ имяни *Кюприянова*, конецъ строки и начало другой до *Матфѣя* совсѣмъ выскоблены. Въ началѣ книги живописью изображенъ св. в. к. Володимеръ съ дѣтьми его, Борисомъ и Глѣбомъ. Сей образъ писанъ на пергаминѣ водяными красками».

Эта рукопись извѣстна была Карамзину. Онъ сослался на нее, говоря о словѣ каганъ: «Если бы Миллеръ видѣлъ *Житіе Владимира*, харатейную рукопись XIII или XV вѣка, хранимую въ библіотекѣ графа А. И. Мусина-Пушкина, то могъ бы доказать, что самые Русскіе или Кіевскіе государи именовались каганами: ибо такъ называется Владимиръ въ *Житіи* его (И. Г. Р. I. пр. 110).

Отмѣтилъ ее и Кеппенъ въ своемъ «Спискѣ Русскимъ памятникамъ» (М. 1822: стр. 79), впрочемъ по извѣстію вышеозначеннаго «Письма» А. Н. Оленина, прибавивъ отъ себя только эту строку: «книга сія въ 1812 г., вѣроятно, сгорѣла».

То же повторилъ о судьбѣ этой рукописи и А. Н. Оленинъ въ «Объясненіи фигуръ къ письму: о Словянахъ отъ временъ Траяна и Русскихъ до нашествія Татаръ», представивъ въ этомъ сборникѣ что-то въ родѣ снимка съ изображенія св. Владимира, Бориса и Глѣба, приложеннаго къ рукописи (Спб. 1833: стр. 4: IV: А).

*

Вотъ все, что мнѣ было извѣстно о Пушкинскомъ сборникѣ съ житіемъ и похвалою в. к. Владимира до осени прошедшаго года, когда мнѣ удалось пріобрѣсти, въ числѣ другихъ рукописей, тетрадь, начинающуюся словами: «мцА июля въ е҃і днь памѧ҃ и похвала кнѧзю Русскому Володимиру» и оканчивающуюся тою же записью, которая приведена была выше, тетрадь написанную прекраснымъ почеркомъ, въ родѣ того, какимъ писалъ Ермолаевъ, явно списокъ съ древней рукописи и именно съ той, о которой писалъ Оленинъ въ своемъ письмѣ, страница въ страницу, строка въ строку, съ нѣкоторыми подстрочными примѣчаніями, касающимися разныхъ подробностей написанія подлинника. Вся тетрадь писана на хорошей бумагѣ, на которой, отливнымъ знакомъ на каждомъ листѣ, означено: А. О, а подъ этими буквами: 1816.

Цифра 1816 указываетъ явно на годъ отливки бумаги; а годъ отливки бумаги, опредѣляя, что бумага 1816 не могла быть употреблена въ дѣло ранѣе 1816 года, доказываетъ, что и самая рукопись, на ней списанная, не погибла въ 1812 году, а развѣ позже, или же, можетъ быть, цѣла и теперь, сберегаясь въ одномъ изъ тѣхъ складовъ, какихъ у насъ еще не мало, складовъ недоступныхъ для изслѣдователей по невнимательности, невѣжеству или скряжничеству ихъ владѣльцевъ.

Не оцѣненную въ прежнее время, эту рукопись сумѣли бы, конечно, оцѣнить по достоинству въ наше время, хотя не многіе, и за невозможностью пользоваться подлинникомъ ея они, безъ сомнѣнія, не безъ любопытства прочтутъ строки, которыя пишу о ней по списку, съ нея сдѣланному съ полною внимательностью.

Рукопись написана на пергаминѣ въ 8-ю долю на 54-хъ листахъ по 20 строкъ на страницѣ уставомъ XIV вѣка, первые 23 листка однимъ почеркомъ, послѣдніе 24 — 54 другимъ. По мѣстамъ есть поправки и небольшія приписки болѣе поздняго времени.

Содержаніе:

л. 1—12, Мцѧ июлѧ въ е҃і днь памѧ҃ и похвала кнзю Рускому Володимиру. како кр҃тися Володимеръ и дѣти своѣ кр҃ти и всю землю Рускую. Ѿ конца и до конца и како кр҃тися баба

Володимерова Ольга. преже Володимира. списано Иаковомъ минхомъ.

Нач: Паоулъ стыи аплъ црквный и оучтль и свѣтило всего мира и пр. Конецъ: оусие с миромъ мца іюля въ ѕі днь. в лѣ ,ѕ.ф.к.г. ō Хѣ Ісѣ.

Это то самое произведеніе мниха Іакова, которое напечатано было по позднему списку въ Христіанскомъ чтеніи. 1849. II, стр. 317—329.

Двѣ небольшія части этого сочиненія обозначены особеннымъ киноварнымъ заглавіемъ: л. 5: Похвала кнгнѣ Олгѣ. како кртнсл и добрѣ поживе. по заповѣди гни ⁖ л. 11: Млтва кнза Володимира.

л. 12—39. Сло ō вторемъ законѣ Моисѣомъ данѣмъ и о блготи и истинѣ Ісъ Хмъ бывшимъ. и како законъ ωиде блгть же и истина всю землю исполни. и вѣра въ вса языки простреса и до нашего языка Рускаго. и похвала кагану нашему Володимиру. Стсславлицю внуку Игореву. ω него же крщени быхомъ ⁖

Нач: Блгвенъ гъ Изрлвъ бъ кртьанескъ. ако посити и створи избавление люмъ своимъ и пр. Кон: недокончанаа твоа доконцаваа аки Соломонъ Двда иже домъ бжи великии стыа его прмдрти създа. на стость и на ōсщнье граду твоему. юже всакою красотою оукраси ō Хѣ Ісѣ Гѣ нашемъ ему же слава чть и поклоненіе съ оцмъ и стмъ дхомъ и нынѣ и при въ вѣкы вѣкомъ аминь.

Это слово есть произведеніе митр. Иларіона, изданное въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ, II: 223—252, только съ особымъ окончаніемъ (см. тамъ же стр. 246), подобнымъ тому, съ какимъ находится оно въ сборникѣ Царскаго, изданномъ въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей (годъ III: № 7 стр. ма).

Одна изъ частей этого слова обозначена особеннымъ киноварнымъ заглавіемъ: л. 22: Пррчство.

л. 39—40. Стихиры и тропари въ славу св. Владимира: — Стиr. два глā. ıг: Придете стечемса вси къ чтѣи памати оцл Рускаго ... Аплмъ ревнителя Володимира преблжнаго.—Трь глā д: Оуподобивыися купчю ищюцю добраго бисера ... Глā и.

Новый Костлнтинъ ты бы̑ Ха̑ въ срц̑и прпімъ.... Правовѣрью наставнице....

л. 40—44. Ка̑ стго Кюрика и ѹлиты мтре его. гла̑ г҃. съ пѣснопѣніями обращенными къ св. Владиміру.

л. 44—49. Житіе блжнаго Володимера.

Нач: Сице оубо бы̑ маломъ преже сихъ лѣ҃ сущю самодержьцю всеѧ Рускыѧ землѧ Володимеру.... Конецъ: Вы же стаѧ молѧще̑ о̂ на̑ о̂ людеˣ своиˣ примите млтву къ бу҃. стую ваю спу Бориса и Глѣба. да вси в купѣ възожете Га̑ оумолити. с помощью силы крта̑ чтнаго и с млтвами прчтыѧ. гжа нашеѧ і съ всѣ̑ стыми.

Это Житіе издано такъ же по позднему списку въ Христіянскомъ чтеніи. 1849 г. II: стр. 329—336.

л. 49—54. Мученіе стго. Курика і мтри его. Оулиты. гн̑ блгви оц҃:

Нач: Повелѣвшю твоёму прпбьству чтными твоими книгами нашему о̂каньству възискати словущаго мчніѧ... Конецъ: да не почитають первоспѣсеныихъ. блядии и кощюнъ. но истиньноѥ да почитають о̂ Хѣ̑ гдѣ нашемь....... оцю съ стмь дхмь слава чть и держава в вѣкы аминь ⁘

На оборотѣ послѣдняго 54-го листка, начиная съ 3-й строчки запись.

В лѣ҃ ,ѕ҃.ц҃.кс. написана бы̑
книга си къ стму Володимиру црквп
блгшемъ вліцѣ (Аⁿтона) повелѣніе̑
мь Сидора Кюприянова.,,,,,,
,,,, (ᵀ) Матфѣѧ Кусова. а хто сю книгу
оукрадеть да будеть проклѧ̑ ⁘
Сеи зимы мцѧ ноѧбрѧ въ ві. постри
жесѧ вліка (Аⁿтон) въ скиму. и масло
мъ мазасѧ в манастыри на Деревѧници. по сеⁿ днии. а посадникъ
Кирило Дмитрѣевиˣ престави̑.

Къ этой записи, именно къ буквѣ ц҃, въ знакѣ года: ,ѕ҃.ц҃.к҃.в҃., сдѣлано переписчикомъ такое подстрочное примѣчаніе: «Поправ-

лено Щ., но сія буква въ церковномъ древнемъ и нынѣшнемъ счисленіи не употреблялась и не употребляется; видно, что поправляющій хотѣлъ сдѣлать рукопись древнѣе, нежели она въ самомъ дѣлѣ есть; но по незнанію, или не хотя скоблить, чтобъ не подать сумнѣнія, поправилъ, и вмѣсто ѱ сдѣлалъ Щ не зная, что сіи буквы никогда одинаково не писались».

И дѣйствительно, въ подлинной записи, до поправки, должно было стоять ц҃ въ значеніи 900, т. е. что запись писана въ ,ѕ҃.ц҃.к҃.в҃. = 6922-мъ = 1414-мъ году: это доказывается другими данными, въ записи означенными.

Упоминаемый въ записи Матфѣй Кусовъ извѣстенъ и по другой записи, по Каноннику Новгородской Софійской библіотеки (въ 4-у, 95 л.): «В лѣ҃ 6919 написана бы҃ книга сия. ст҃ѣи Софии повелѣньемъ владыцѣ Іωана и изисканьемъ Матфѣя Кусова . . . . А сe҃ лѣ҃ ходи҃ Новгородци к Выбору».

Еще яснѣе послѣднее показаніе: «Сеи зимы . . . . посадникъ Кирило Дмитрѣеви҃ престави҃». Новгородскій посадникъ Кирилъ Дмитріевичь дѣйствительно умеръ въ 6922 году (Новг. 1 лѣт. стр. 105), зимою, скоро послѣ принятія схимы владыкою Іωанномъ, что случилось, какъ сказано въ записи, 17 ноября (по лѣтописямъ 15 ноября). Не менѣе станетъ ясно и то, что сказано въ записи о владыкѣ, если только возстановить его настоящее имя «Иванъ», вмѣсто котораго по подчищенному написано (два раза) «А҃тонъ». Новгородскій владыка Іоаннъ «тое же осени (6922 года) пострижеся въ схиму», и потомъ «тои же зимы мѣсяца геньваря въ 20, сънде съ владычьства» (Новг. I. 105). Къ этому извѣстію лѣтописи надо прибавить то, что записано въ Росписи Новгородскихъ владыкъ: «Владыка Иванъ былъ въ монастырѣ 3 года и преставися на рожьство Іоанна Предтечи (24 іюня) у Воскресенья въ манастырѣ на Деревяніцци». Это случилось въ 1415 году, какъ видно изъ повѣствованій о послѣдовавшихъ событіяхъ. Въ Новгородской лѣтописи подъ 6923 г. послѣ замѣтокъ о событіяхъ, бывшихъ весною, отмѣчено затмѣніе солнца 7-го іюня, бывшее въ этотъ день въ 1415 году, а за тѣмъ о выборѣ жребіемъ новаго владыки Самсона на мѣсто Іоанна и о возведеніи его въ домъ св. Софіи на сѣни августа 11 въ недѣлю (т. е. въ воскресенье), что также

должно было быть въ 1415 году. Нельзя думать, что слишкомъ черезъ годъ по кончинѣ прежняго владыки собрались Новгородцы на выборъ его преемника. Если же Самсонъ выбранъ былъ не черезъ годъ слишкомъ, а скоро послѣ кончины Іоанна, то кончина Іоанна была въ 1415 году: 20 января 1415 г. онъ отказался отъ владычества, а 24 іюня скончался.

Упоминанія въ записи о кончинѣ посадника Кирилла Дмитріевича и о принятіи схимы архіепископомъ Іоанномъ, безъ упоминанія о его кончинѣ, ясно опредѣляютъ, что книга писана въ концѣ 1414 года или же въ началѣ 1415 года, до марта, когда начался, по тогдашнему счету, новый 6923 годъ.

Важность разсматриваемой рукописи въ отношеніи къ содержанію ясно опредѣляется тѣмъ, что главныя части ея (Память и похвала Владимиру мниха Іакова, Житіе Владимира и Слова митрополита Иларіона) доселѣ извѣстны только по спискамъ болѣе позднимъ.

Незначительная величина рукописи не мѣшаетъ мнѣ надѣяться напечатать ее всю.

XIX.

Приписка къ глаголическому служебнику.

Сообщивъ въ IV томѣ Записокъ Академіи вновь открытые отрывки изъ глаголическаго служебника и разборъ ихъ (стр. 20—44), я далъ тамъ мѣсто и глаголической припискѣ, находящейся на третьемъ листкѣ служебника (стр. 42), написанной другою рукою и неотносящейся къ содержанію текста службы [1]). Теперь, разобравъ эту приписку, могу прибавить, что она есть таблица границъ пасхи, обозначающая дни весенняго полнолунія въ каждый изъ годовъ луннаго круга, только на выворотъ, т. е. что 19-й годъ поставленъ на первомъ мѣстѣ, а 1-й на девятнадцатомъ. Въ древнихъ и старинныхъ календаряхъ при церковныхъ книгахъ эта таблица помѣщалась нерѣдко. Для примѣра и сравненія выписываю ее изъ Сербскаго четвероевангелія XIII—XIV вѣка, и при этомъ повторяю глаголическую приписку въ обратномъ порядкѣ съ обозначеніемъ подлиннаго порядка Римскими цифрами.

---

[1]) Для нечитавшихъ этихъ отрывковъ глаголическаго служебника прибавляю, что на одномъ изъ трехъ листковъ помѣщено начало литургіи, на другомъ часть литургіи вѣрныхъ, а на третьемъ окончательная молитва и еще молитва изъ литургіи вѣрныхъ. Всѣ три отрывка свидѣтельствуютъ, что у глаголитовъ древняго времени была въ употребленіи литургія Василія Великаго и Іоанна Златоустаго въ томъ самомъ переводѣ, какъ и у насъ, только съ нѣкоторыми поправками противъ первоначальнаго чтенія. Отрывки уцѣлѣли по тому, что были употреблены дла переплета другой книги. Приписки, между прочимъ, кажется, и та, на которой останавливаюсь здѣсь, сдѣланы уже тогда, когда листки служебника были въ этомъ послѣднемъ положеніи.

Изъ Серб. четвероеванг.	Изъ Глаголич. служебника.			
кр҃ꙋ	ѳа҃			
г҃ь лоѹ̈	кmasвре			
ниы"	ѡмъ			
	зако			
	наа			
а	а҃пр'и	е҃	(апр. 5) [1]	XIX
в	мр҃ь.	кв	(мр. 22).	XVIII
г	а҃пр҃ь	і҃	(апр. 10).	XVII
д	мр	л҃	(мр. 30).	XVI
е	апрль	и҃і	(апр. 18).	XV
ѕ	апрла	з҃	(апр. 7).	XIV
з	мр҃а	к҃з	(мр. 27).	XIII
и	апр'а	е҃і	(апр. 15).	XII
о	апрл҃ь	д҃	(апр. 4)	XI
і	мр	к҃д	мрт". 24)	X
аі	а҃при'	в҃і	апрл". 12.	IX
ві	апр'и	а҃	апри: 1.	VIII
гі	мр	к҃а	мрт": 21.	VII
ді	а҃пр'и	о	апрл: 9.	VI
еі	мр	ко	мрт": 29.	V
ѕі	апр҃и	з҃і	апри: 17.	IV
зі	а҃пр҃ь	е҃	апрл: 5.	III
ші	мр	к҃е	мрта: 25.	II
оі	апр'и	г҃і	апри: 13.	I.

[1]) Въ скобкахъ поставлено то, чего въ подлинникѣ прочесть нельзя.

XX.

Запись при книгѣ Евангельскихъ чтеній XIV вѣка.

Съ замѣткою о цѣнѣ книги.

Въ Александроневской лаврѣ хранится напрестольное Евангеліе, писанное около половины XIV вѣка, на довольно дурномъ пергаминѣ, въ небольшой листъ по 29 строкъ на страницѣ въ 2 столбца, разборчиво, но на скорую, не красиво и безъ всякихъ украшеній. Рукопись не сохранилась вполнѣ: нѣсколько листковъ утрачено, и дописано вновь на бумагѣ въ XVII вѣкѣ; нѣсколько другихъ утраченныхъ остались не переписанными. Всего должно быть 160 листовъ или около этого.

На послѣднемъ столбцѣ послѣдней тетради есть слѣдующая запись, писанная другою рукою, чѣмъ вся книга, почеркомъ болѣе красивымъ, впрочемъ того же времени.

Поклонъ ѿ Фрола гн҃у игу
мену Микитѣ. гн҃е игу
менъ. доправи ми гн҃е
бл҃а дѣла книгы си на Дви
ну. къ ст҃му Михаилу.
книгы же си дадать
Григорию Сѣрину.
а ты гн҃е Григории въ
зми собѣ оу игумена Акакіа
в҃ сорочекъ. а҃ суа҃ше

дан ему. а мнѣ дали
Степанъ да Василии два
сорока. а ты гн҃е Григори
и возми. ҃е сороко҃. и всего
(б)удеть .з҃. сороко҃. а ра҃
мои ѿ писмени взати
г҃ сороковъ да телати
ны ми было взати. за
телятины же сорочекъ
а г҃ ѿ писмени. а се҃ вамъ
книгы. а҃ язъ вамъ бию
челомь своимъ старѣиши҃
Степану и Василию. Григору.

Изъ этой записи видно, что игуменъ Двинскаго Михайло-Архангельскаго монастыря Акакій поручалъ монастырскому старостѣ Степану и Василію заказать списокъ напрестольнаго Евангелія. Дѣло это принялъ на себя какой-то Фролъ за шесть сороковъ бѣлъ, и въ задатокъ получилъ два сорока. Онъ не писалъ однако книгъ самъ, а поручилъ другому лицу, оставшемуся неизвѣстнымъ, хотя бы самъ и могъ исполнить это дѣло искуснѣе. Когда книга была переписана, онъ отправилъ ее къ игумену Никитѣ съ тѣмъ, чтобы тотъ переслалъ ее въ Архангельскъ къ его знакомому Григорію Сѣрину; а этого просилъ передать книгу игумену Архангельскаго монастыря Акакію, заказавшему книгу, и взять съ него пять сороковъ, четыре сорока за писанье въ добавокъ къ прежде полученнымъ двумъ, а еще сорочекъ за телятину, т. е. за пергаменъ.

Очень любопытна форма этой записи: первыя семь строкъ заключаютъ въ себѣ записку къ одному лицу; слѣдующія тринадцать къ другому, а остальныя три къ тремъ. Вмѣстѣ съ тѣхъ любопытна эта запись, какъ одно изъ очень немногихъ показаній о цѣнности книгъ на Руси въ древности.

Какъ бы то ни было, за написанье 160 двустолбцевыхъ листковъ, т. е. нынѣшнихъ 150 листковъ убористаго письма Фроломъ получено 6 сороковъ бѣлъ, т. е. по 1$^{3}/_{5}$ бѣлы за листокъ.

Что и дань собираема была во многихъ мѣстахъ въ древней Руси бѣлами, что ими платили и за разные продаваемые предметы, это извѣстно изъ многихъ памятниковъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: въ одной изъ купчихъ конь воронъ оцѣненъ въ пять сороковъ, въ другой за телицу назначено полътретьядцать бѣлъ (= 25); изъ другихъ купчихъ узнаемъ, что перевѣсище и пожения проданы за 30 бѣлъ, полъ половины тони за полъ четверта сорока (= $3^1/_2$), лоскутъ земли за 100 бѣлъ, другой лоскутъ за 50 бѣлъ, и пр.; въ одной духовной назначенъ сорочекъ за сорокоустъ и 30 бѣлъ на темьянъ. Въ уставной грамотѣ Двинской 1397 года, даже плата за преступленія назначена большею частію бѣлами: «Оже учинится вира, гдѣ кого утепутъ инѣ душегубца изищуть, а не найдутъ душегубца инѣ дадутъ намѣстникомъ десять рублевъ. а за кровавую рану 30 бѣлъ. а за синюю рану пятнадцать бѣлъ. а вина противъ того. а учинится бои на пиру, . . . а вышедъ изъ пиру возмутъ прощеніе, инѣ намѣстникомъ дадутъ по куницѣ шерстью. а другъ у друга межу переоретъ или перекоситъ на одиномъ полѣ, вины баранъ. а межи селъ межа 30 бѣлъ. а княжа межа три сороки бѣлъ». Въ этой же уставной грамотѣ и плата за хоженое по дѣлу опредѣлена бѣлами, смотря по разстоянію, отъ 1 до 30 бѣлъ, а дьякомъ отъ письма отъ судные грамоты двѣ бѣлки. Нельзя при этомъ не вспомнить, что та вира, за которую въ этой грамотѣ назначено 10 рублей, въ болѣе древнихъ памятникахъ (въ Новг. грам. 1199 г., въ Смоленской 1229 г., въ проектѣ Нѣмецкомъ 1270 г.) оцѣнена въ 10 грив. серебра; а та продажа, за которую назначено здѣсь 30 бѣлъ, въ тѣхъ же памятникахъ оцѣнена въ $1^1/_2$ гривны серебромъ. Можно заключить, что какъ 10 рублей поставлены въ ней вмѣсто 10 гривенъ серебромъ, такъ и 30 бѣлъ считано за $1^1/_2$ рубля вмѣсто $1^1/_2$ гривны серебромъ, т. е. что 20 бѣлъ оцѣнены въ рубль; но едва ли такое заключеніе будетъ правильнымъ. Иначе думать заставляютъ показанія другихъ памятниковъ.

Въ нѣсколькихъ памятникахъ находится сравненіе цѣнности бѣлъ съ деньгами. Въ кабальной записи 1389 года оцѣнены бѣлки добрыя тысяча по 5 рублевъ; если тутъ взять въ расчетъ рубли двухъ сотъ денежныя, то 1 бѣлка оцѣнена въ день-

гу, а если стоденежныя, то въ 2 деньги. Въ одной изъ купчихъ Архангельскаго монастыря конца XIV вѣка считано по сту бѣлокъ за рубль: если здѣсь разумѣется рубль стоденежный, то бѣлка оцѣнена въ деньгу. Въ духовной 1430 года за три рубли безъ двою гривнѣ считано семь сороковъ бѣлъ, слѣдовательно за одну бѣлку 1 денга сто денежнаго рубля. Въ записи о Ржевской дани 1479 года отмѣчено, что Новгородскимъ боярамъ нѣ съ которыхъ жеребьевъ шло по три бѣлки, а не будетъ бѣлокъ ино по три деньги: ясно, что бѣлка оцѣнена въ деньгу. Въ соразмѣрности этого отношенія цѣны бѣлки и денегъ были въ XIV—XV вѣк. и другіе предметы, на пр.

Цѣлный хлѣбъ = коврига хлѣба стоила	1 деньгу (1455, 1488).
Цѣлный сыръ	1 деньгу (1488), 2 деньги (1497).
Часть мяса	2 деньги (1488).
Порося	2 деньги (1497).
Зобня овса	2 деньги (1488).
Гусь, утка, заяцъ ..	1 алтынъ (1497).
Мѣхъ овса	1 алтынъ (6 денегъ = 3 полн.) (1455).
Возъ сѣна	1 алтынъ.
Баранъ	1 алтынъ, 8 денегъ и 10 денегъ (1455, 1488, 1497).
Полоть мяса	10 денегъ или 2 алтына (1455, 1488).
Бочка овса	10 денегъ (1488).
Конь	1 рубль (1444), 1½ рубля (1391), 2½ рубля (1479).
Кунья шуба.......	4 рубля (1479).

Деньга, серебряная монетная единица наша съ XIV вѣка, представляется въ XIV—XV вѣкѣ въ двухъ главныхъ видахъ: полная вѣсомъ отъ 18 до 25 долей, а половинная въ половину

противъ этого и даже менѣе. Въ нынѣшнемъ фунтѣ находится 9216 долей, слѣдовательно полныхъ денегъ отъ 384 до 512, а половинныхъ до 1000 и болѣе.

Уравнивая цѣну бѣлки съ полною деньгой и принимая среднимъ числомъ около 480 денегъ въ нынѣшнемъ фунтѣ серебра, должно принять, что фунтъ серебра, заключающій нынѣшнею монетой около 22 руб. 75 коп. уравновѣшивался цѣною съ 12 сороками бѣлъ. По этому разсчету 1 сорочекъ бѣлъ равенъ былъ цѣною съ 768-ю долей серебра, стоющими по вѣсу нынѣшней нашей монетой 1 руб. 89$^{7}/_{12}$ коп., а одна бѣла 4$^{3}/_{4}$ коп. безъ малаго. Этимъ еще впрочемъ не опредѣлится цѣнность бѣлы на наши деньги. Въ средніе вѣка серебро сравнительно съ его нынѣшнею цѣнностью было дороже по крайней мѣрѣ разъ въ 7 и 8, иногда и дороже. По расчету цѣнности фунта серебра въ 160 рублей, 1 сорочекъ бѣлки стоилъ въ XIV вѣкѣ не 1 р. 89$^{7}/_{12}$ коп., а слишкомъ 13 руб. и одна бѣлка не 4$^{3}/_{4}$ коп. а 33 к. слишкомъ.

Флоръ, получивши за написаніе Евангелія 6 сороковъ бѣлъ, получилъ цѣнность равную тогдашней цѣнности $^{1}/_{2}$ фунта серебра, стоившему тогда то же, что нынѣ стоятъ 80 р. т. е. около 50 к. нынѣшнихъ за листокъ.

Кромѣ 6 сороковъ бѣлъ за письмо, Фролъ получилъ 1 сорочекъ за телятину, т. е. за кожу, на которой записана книга.

Выше представленныя цѣны разныхъ предметовъ даютъ возможность отвѣчать на вопросъ: могла ли стоить вся кожа, употребленная на написаніе книги 1 сорочекъ, т. е. 8 золотниковъ серебра, по нынѣшней цѣнѣ его 13 руб. слишкомъ. Если употреблено было всего на все 20 кожь, то каждая кожа оцѣнена по 2 бѣлы = деньги или по 66 коп. на наши деньги. Цѣна телячьей кожи въ 2 деньги была, кажется, возможна въ то время, когда овца или коза цѣнилась по 15 денегъ, баранъ или козелъ по 10 денегъ, а лонщина телица въ 25 денегъ. Возможна, кажется, такая цѣна кожь, по крайней мѣрѣ такихъ, какія употреблены на разсматриваемое Евангеліе, дурно выдѣланныхъ и не одинаково подобранныхъ.

Скажу общимъ замѣчаніемъ, что вся книга напрестольнаго Евангелія безъ переплета стоила 56 золотниковъ серебра, т. е. по нынѣшней цѣнности приблизительно около 92 р. 60 к. Съ переплетомъ цѣнность ея доходила вѣроятно до 100 руб. на наши деньги по ихъ нынѣшней цѣнности.

WIDENER
SEP 11 1995
BOOK DUE